

МУЗЕЙ АЛТАЙСКОГО МАРЛА

Н. А. Фролов

**Мараловодство Алтая:
вчера и сегодня**

Бийск – 2022

УДК 636.294
ББК 5.03(2Рос-Алт)52
Ф 912

Фролов, Н. А.

Ф 912 Мараловодство Алтай: вчера и сегодня: [Текст] / Н. А. Фролов ;
Музей алтайского марала. — Бийск, 2022. — 336 с. : ил.

Данная работа является продолжением изучения автором истории развития пантового оленеводства на Алтае. Содержатся материалы до-революционного и советского периодов, а также современного состояния отрасли.

Историко-экономический анализ событий в своей основе опирается на архивные данные, но содержит и обработку большого архива литературных источников.

Материалы этой книги могут быть полезны специалистам по истории хозяйственной деятельности в области пантового оленеводства, краеведам и конкретным мараловедам, которые найдут здесь свои фамилии.

УДК 636.294
ББК 5.03(2Рос-Алт)52

От автора

Большинство моих работ издатель относит к научным публикациям, хотя я сам считаю их больше краеведческими и не претендую на серьезную научную проработку.

Особый интерес и даже азарт у меня вызывают сбор материалов по интересующей теме и дальнейшее раскладывание условного историко-экономического «пасьянса» из собранных фактов.

Текст работы постепенно складывается в голове и сразу (вдруг) ложится на бумагу без каких-либо дальнейших переделок. Подготовка материала к изданию становится неинтересной и всегда делается с некоторой неохотой и даже напряжением.

Над этой книгой пришлось работать почти пять лет. При этом отдельные материалы откладывались «на полку» по нескольку раз на неопределенное время и заканчивались с заметными усилиями.

Выпускать по одной теме одну-две книжки в год трудно, и энтузиазм постепенно заканчивается.

Внешние события 2022 года также больше не позволяют мне спокойно заниматься исследовательской работой. Нужен перерыв...

Принято считать, что «комом» является первый блин, а я опасаясь, как бы таким блином-комом не оказалась эта моя книга, и все-таки выношу ее на суд моих немногочисленных читателей.

Я уже принял решение сменить тему моих дальнейших исследований и активно собираю материалы для будущей встречи, но уже с другим читателем.

Пантовое оленеводство остается моей первой исследовательской любовью к удивительным людям, которые работали и продолжают трудиться в этой уникальной отрасли. Связь с ними постараюсь сохранить навсегда.

А. С. Смирнов. Мараловоды. 1976.

1. _____

**Мараловодство Алтая:
вчера и сегодня**

1. 1 УЙМОНСКИЕ МАРАЛОВОДЫ

Судьба связала меня с Верх-Уймоном с декабря 1991 года, когда я случайно познакомился с Сергеем Ильичом Огнёвым, директором «Совхоза имени 60-летия СССР». С той поры вот уже 30 лет эти места для моей семьи стали родными и по работе, и по мироощущению.

Здесь Сергей Ильич в 1992 году на собрании верх-уймонцев назвал меня «ученым из Бийска» и, возможно, «запрограммировал» на многолетние исследования истории пантового оленеводства Алтая. Здесь в одном из колхозов сразу после войны начинала работать зоотехником моя мама, тогда еще совсем молодая. Здесь при поддержке С. И. Огнёва я вставал на ноги как предприниматель и начинал участвовать в создании отечественного рынка продукции из пантового сырья. Это наша общая с верх-уймонцами 30-летняя история.

В 2022 году исполняется 165 лет с момента появления мараловодства в деревне Верхний Уймон.

Кроме этих событий, накопилось много всякого рода легенд-небылиц о дореволюционных верх-уймонцах, размерах их хозяйств и т.д. Осенью 2018 года я неожиданно для себя поднял все архивные материалы и литературные источники и в «два присеста» написал этот материал, не претендуя, конечно, на полноту изложения. Возможно, некоторые читатели найдут здесь фамилии своих прадедов, дедов и даже родителей и других родственников.

Появление мараловодства в деревне Верх-Уймонская

Сегодня село Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай слывет одним из самых знаменитых в Сибири. Связано это, в первую очередь, с историей освоения Уймонской долины старообрядцами. Затем — с посещением села в 1926 году экспедицией Николая Рериха, выдающегося русского художника, философа и писателя. Все это делает горное село привлекательным для того, чтобы совершить достаточно длинное путешествие в Уймонскую долину.

В интернете временем образования села почему-то часто называют 1786 год, хотя историки не подтверждают эту дату. По литературным и архивным материалам известно, что после церковной реформы 1750–1760 годов произошел раскол среди верующих и началась беспощадная борьба государственной и церковной властей с раскольниками, то есть с теми, кто не принял церковных нововведений. Спасаясь от репрессий, староверы бежали на самые окраины огромной России, в том числе за каменные хребты Бухтармы и Верхней Катунь. В горах искали пристанище не только староверы, но и представители многих слоев российского народа, по разным причинам попавшие в немилость власти. Религиозный и социальный мотивы побегов были тесно связаны.

Какие испытания пришлось пройти старообрядцам в процессе освоения ими горных территорий Алтая, я описал в своей работе «Социально-экономический портрет мараловодов дореволюционного Алтая» [26].

Профессиональные историки утверждают, что основателем села Верхний Уймон стала семья старообрядца Гавриила Бочкарева из устья реки Аргут. По требованию властей он с тремя сыновьями и дядей спустился в Уймонскую долину и поселился на правом берегу Катунь, ниже слияния ее с рекой Кокса. Л. Н. Мукаева отмечает, что основание Верх-Уймонской деревни произошло между 1796 и 1798 годами, а Бочкаревы стали первыми верх-уймонцами [18].

В числе первых путешественников, посетивших в 1826 году Верх-Уймонскую деревню, были ученые А. А. Бунге и К. Ф. Ледебур. А. А. Бунге провел в этой деревне несколько дней, много общался с ее жителями и записал: «Деревня Уймон обязана своим основанием нескольким беглецам, которые около 35 лет скрывались в одной местности по Аргуту, впадающему в Катунь выше Чуи. Они были переловлены, но по милостивому манифесту Императрицы Екатерины получили дозволение поселиться здесь и жить на тех условиях, как и калмыки, т.е. платить вместо всех податей один яsak. Тогда они находились еще в ведении калмыцкого зайсана, но это

скоро изменилось. Положение деревни совершенно закрытое. Для местных жителей оно благоприятно тем, что дает им возможность вести выгодную торговлю с калмыками и китайцами» [21, с. 64].

А. А. Бунге отмечал, что в год его посещения у верх-уймонцев было развито скотоводство. «Пчеловодством уймонские крестьяне занимаются мало и неудачно, — писал Бунге, — главнейшее занятие жителей деревни Уймонской, особенно зимою, состоит в зверопромышленности... Олень — самец в особенности — преследуется жестоко из-за своих рогов. Когда они молоды, мягки и покрыты волосками, их осторожно засушивают и потом поштучно продают монголам (китайцам в Монголии — *Н. Ф.*), которые дорого за них платят и вывозят в Китай, где они очень ценятся, как медицинское средство (как *Stimulans*)» [21, с. 66].

Буквально в это же время в Уймонской деревне побывал и К. Ф. Ледебур, который затем рассказал следующее: «Деревня Уймон, основанная 25 лет тому назад, насчитывает 14 крестьянских изб и находится в долине, окруженной полукругом гор около трех верст в диаметре. Южнее этих гор, на заднем плане, видны белки. Пшеницу здесь уже не сеют, да и рожь не каждый год дает хорошие урожаи. Год тому назад (в 1825 году) она пострадала от заморозков. Не занимаются здесь больше и пчеловодством. Однако, несмотря на это, крестьяне живут в очень большом достатке, держат помногу скота, да и охота приносит им богатую добычу, особенно дичи для пропитания и пушного зверя для мехов. Но главный доход дает им охота на маралов, которая происходит ранней весной, пока рога у маралов еще одеты мочкой и имеют мягкие верхушки. На воздухе рога затвердевают, и охотникам платят большие деньги — от 50 до 100 руб. за целые рога» [21, с. 89]. Таким образом, К. Ф. Ледебур подтверждал появление деревни Верхний Уймон в самом конце XVIII века и отмечал вместе с А. А. Бунге, что уже в 1826 году верх-уймонцы знали ценность пантов марала, успешно охотились на этого «зверя», владели приемами консервации пантов и торговали пантами. Все это являлось серьезной предпосылкой для появления мараловодства в этой деревне.

Зарождение мараловодства в Верхнем Уймоне я описал в книге «У истоков пантового оленеводства России» [27]. Первым рассказал о мараловодстве в деревне Верхний Уймон исследователь Сибири Н. М. Ядринцев: «Домашнее мараловодство на Алтае началось с тридцатых годов нынешнего столетия... Первые начали разводить маралов по указаниям бийских жителей русские крестьяне Уймонской инородной управы. В деревне Верхне-Уймонской находится ныне до 80 домашних маралов... В Уймоне есть маральник на 100 маралов». Н. М. Ядринцев показывает точные данные: в деревне Верхне-Уймонской содержится 30 рогачей, 20 самок, 18 подростков и 12 голов приплода 1878 года [28].

Из слов Н.М. Ядринцева следует, что верх-уймонцы были первыми мараловодами Уймонской управы. В дальнейшем это не подтвердится. Примерно в это же время окружной доктор из г. Бийска Михайловский представил известному исследователю Алтая Г. Н. Потанину справку о мараловодстве, которая была составлена на основании рассказов уймонских крестьян. Г. Н. Потанин записал тогда следующее: «В Уймоне прежде других... завели маралов лет сорок назад Ошлыковы, затем братья Черновы Родион и Афанасий; последние сначала вместе куплей и собственным промыслом заводили стадо, а потом разделились» [20, с. 84].

Г. Н. Потанин отметил, что, «по указаниям уймонских мараловодов», всех маралов считается:

В деревне Верх-Уймонской:	Всего	Самцов	Самок	Телят
у Родиона Чернова	35	10	25	5
у Афанасия Чернова	28	15	13	3
у Михаила Нагибина	4	2	1	1
у Осипа Нагибина	3	1	1	1
у Ермила Нагибина	2	2	-	-
у Ивойлы Бочкарева	3	3	-	-
В деревне Нижне-Уймонской:				
у Ошлыкова	8	3	3	-

Данные этой таблицы Г. Н. Потанина убеждают в том, что у Ошлыковых маралы появились позже, чем у Черновых. Г. Н. Потанин информирует нас, что на зиму 1877–1878 гг. Родион Чернов заготовил на 35 маралов 300 копен сена, а Афанасий Чернов на 28 маралов — 200 копен. Родион Чернов в зиму расходовал на своих оленей, помимо сена, до 50 пудов овса и 2 пуда соли. У этого мараловода маральник был размером «около двух верст кругом». У Афанасия маральник был размером 100 × 250 саженей.

Вот что еще сообщает об этих мараловодах Г. Н. Потанин: «По заверению зверопромышленников, ни одно дикое животное так скоро не ручнеет, как марал. Он привыкает к хозяину, бежит к нему с мычанием, как бы прося хлеба, ласкается к нему, позволяет чесать себя и гладить, но только боится чужих людей. Когда Чернов входит в свой маральник и крикнет: "Маралки, маралки мои", звери со всех сторон бегут к нему, ласкаются и ищут около него хлеба. Некоторые животные, впрочем, остаются ди-

кими на всю жизнь. Вот дословный рассказ Родиона Чернова: "Родится теленок, почти три дня лежит на одном месте; когда мать придет и станет над ним так, что он очутится у ней под брюхом, и потычет его рылом, он встанет, пососет и опять ложится; если к нему подойдешь, он прижмется к траве, как мышь, но не двинется, бери его и неси, куда хочешь. На четвертый день он уже на ногах и ни за что не даст к себе подойти: таким одичалым он остается до зимы. Зимой, если мать ручная, и он тогда приучается к хлебу и потому совершенно ручнеет"» [20, с. 87].

Г. Н. Потанин отмечает, что из-за монополии торговли пантами Гелевыми и Ошлыкковыми цена на них в последнее время значительно упала: «Родион Чернов в 1877 году за 90 руб. продал три пары таких рогов, которые несколько лет назад были бы проданы по 60 руб. за пару. Другие 9 пар, по прежним ценам стоившие 250 руб., были проданы ныне за 150 руб. Эту выручку следует еще уменьшить, потому что купцы расплачиваются не деньгами, а товаром: дабой, ситцами, чаем и пр., причем так расценивают свой товар, что 90 руб. нужно считать за 40, а 150 за 80 руб. Сами владельцы маралов не возят свой товар прямо в Улясутай, боясь лишних расходов. Впрочем, три года назад Шарапов повез 60 пар рогов в Улясутай, но на дороге, уже в пределах Монголии был ограблен неизвестными людьми» [20, с. 88].

Уймонцы, по словам Г. Н. Потанина, лучшим мараловодом считали Родиона Чернова: «Этот крестьянин занимается мараловодством не столько из корысти, сколько по страсти, как любитель. Он все время проводит в маральнике, так что односельчане, имея нужду в нем, идут к нему не в избу, а в маральник; он лучший знаток своего дела и с охотой рассказывает о нем, тогда как другие с недоверчивостью относятся к расспросам, боятся особых налогов и говорят: "Видно, уже не придется держать маралов всякому, а только богатым". Не говоря о том, что Родион Чернов не жалеет денег на животных, он ухаживает за ними и телят выкармливают на своей постели. Несколько лет назад была им куплена пойманная двух- или трехнедельная самка; он кормил ее сначала молоком, потом крошками; маралушка, как от матери, не отставала от него и спала с ним в избе на кровати; когда ей было около полугоду, самому Чернову пришлось уехать на несколько дней из дома, а на его постели стал спать старший сын его; маралушка улеглась было на постель возле него, но ночью сын Чернова побил ее и прогнал с постели. Два дня маралушка не заходила в избу, потом стала заходить только вечерами, но понюхав спящего на кровати, тотчас же уходила. В день приезда самого Чернова по обыкновению вечером она заходит в избу, нюхает, узнает, вскакивает на постель и начинает ласкаться. Держали ее в избе до 8 месяцев, а потом пустили в общий маральник, потому что она стала обижать ребят, бить их копытами» [20, с. 88–89].

После Г. Н. Потанина в 1882 году о верх-уймонских мараловодах написал русский зоолог А. М. Никольский: «Я видел маралов в Верхнем Уймоне у оседлого инородца Чернова, получившего медаль от помянутого общества (Вольное экономическое общество — *Н. Ф.*) за разведение этих оленей. Лет 20 тому назад он поймал молодого марала. К этому самцу он привел самку из д. Фыкалки от Шарыповых, у которых еще раньше были маралы в домашнем состоянии» [19].

Между тем деревня Верхний Уймон уверенно развивалась и, по переписи 1893 года, здесь в 90 дворах проживали 670 человек.

В 1897 году на Алтае все лето работал зоолог А. А. Силантьев, который детально обследовал развитие мараловодства в Горном Алтае, включая район реки Бухтармы. Материалы об этом удивительном человеке, сделавшем очень много для развития мараловодства на Алтае, можно более детально изучить в моих работах «У истоков пантового оленеводства России» (2014) и «Социально-экономический портрет мараловодов дореволюционного Алтая» (2015). С 10 по 20 июля 1897 года А. А. Силантьев жил в Верхнем Уймоне. Анатолий Алексеевич из 201 имевшегося на Алтае маральника осмотрел 116 и опросил 174 хозяина маральников. По итогам командировки он установил вполне определенно, что первым мараловодом был крестьянин Савелий Игнатьевич Ушаков из деревни Фыкалка (Бухтарма), и точкой отсчета развития отрасли можно считать примерно 1835 год.

В Уймонской долине первый маральник появился, вероятно, в 1857 году. Был это маральник братьев Черновых из Верхнего Уймона или Ошлыкова из Нижнего Уймона — однозначно установить не удалось. Точно известно от А. А. Силантьева, что в Верхнем Уймоне первый маральник организовали братья Родион и Афанасий Черновы в конце 50-х годов. В 1897 году он встретился уже с их сыновьями Леоном Родионовичем и Иваном Афанасьевичем Черновыми и затем записал: «Мараловодам Черновым обязаны своим происхождением большинство маральников центрального и даже северо-западного районов, так как их маральники играют роль как бы торговых питомников, где большинство начинающих заниматься мараловодством приобретают бычков или маток за деньги или, что нередко бывает, в приданое...» [22].

А. А. Силантьев не оставил нам пофамильный список мараловодов Верхнего Уймона в 1897 году. Известно только: в «Уймонском районе Алтая» в этом году было 46 маральников (741 марал) и 65 владельцев этих маральников, то есть примерно 20 маральников уже тогда были, скорее всего, семейно-коллективными [27, с. 88].

В Верхнем Уймоне, по материалам переписи, в 1897 году насчитывалось уже 90 хозяйств. Население составляло 589 человек, в том числе

38 грамотных жителей. Жители этого богатого села имели в собственности 3375 лошадей, 833 быка, 697 коров, более 870 телят и нетелей, 2860 овец и 358 коз. Верх-уймонцы держали 83 марала, хотя мне эти цифры кажутся заниженными, так как старообрядцы крайне не любили всякого рода учеты и переписи. В деревне насчитали 38 пасек с количеством колодок (ульев) более 800.

Более быстрому хозяйственному развитию деревни заметно мешал земельный вопрос. Выяснение отношений с властью по этой проблеме продолжалось все первое десятилетие XX века. Данные о развитии населения Верхнего Уймона мне попались противоречивые (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о деревне Верхний Уймон в 1910 году

Источники	Штейнфельд В.П. «Бийский уезд» 1910 г.	«Списки населенных мест Томской губернии 1911 года» (на 1.01.1911)
1. Количество дворов	174	112
2. Количество жителей всего:	824	664
– мужского пола	408	331
– женского пола	416	333

Несмотря на трудности с землей, мараловодство в селе неуклонно развивалось. Расширялись существующие маральники. Родион Блинов, инородец Верхнего Уймона, например, просил власть в 1911 году об аренде дополнительных 100 десятин земли под маральник на правой стороне Катуня, близ деревни Кайтанак [4]. Степан Шабураков, крестьянин, верх-уймонец, просил у власти в аренду под маральник 100 десятин земли в вершине реки Черной [4]. Инородец этой деревни Кузьма Иванович Бочкарев в августе 1911 года просил у начальника Алтайского округа: «В текущем году я арендовал местность, лежащую по р. Малому Шугашу, в количестве 100 десятин, из которых 20 десятин под мараловодство, а остальные 80 десятин под сенокосение...» Далее он с обоснованием просил увеличить срок аренды до 12 лет и снизить стоимость аренды [5].

Появлялись новые маральники, и Верхний Уймон оставался центром развития мараловодства в этом районе Горного Алтая.

Деревня Верхний Уймон и состояние мараловодства здесь в 1917 году

В Государственном архиве Алтайского края хранятся материалы сельскохозяйственной переписи населения 1917 года, которые позволяют вполне достоверно проанализировать и описать социально-экономический портрет деревни Верхний Уймон непосредственно перед революцией [3].

В этом году здесь числилось 130 домохозяйств и 2 человека без хозяйств. Всего в деревне проживало 814 человек. Больше всего в Верхнем Уймоне проживало Бочкаревых. Кажется, что логичнее было бы называть в то время деревню Бочкарево или Бочкаревка (табл. 2).

Таблица 2

Состав деревни Верхний Уймон по основным фамилиям, 1917 г.

№ п/п	Фамилия	Количество семей	%
1.	Бочкаревы	45	34,6
2.	Огнёвы	14	10,7
3.	Черновы	13	10,1
4.	Атамановы	9	6,9
5.	Черепановы	8	6,2
6.	Агаповы	8	6,2
7.	Блиновы	6	4,6
8.	Макаровы	5	3,8
9.	Остальные	22	16,9

В конце очерка любопытный читатель может познакомиться со всеми семьями Верхнего Уймона. Абсолютное большинство верх-уймонцев являлись коренными жителями и в целом успешно занимались сельским хозяйством. Преобладало разведение скота, что совершенно естественно для горной территории с трудным климатом и общим недостатком земли для устойчивого земледелия. Для крестьян того времени огромное значение в хозяйстве имела лошадь: и как тягловая сила на сельхозработах, и как транспортное средство для перевозки грузов и людей, и как товар для продажи. Все вместе верх-уймонцы держали в деревне 2152 лошади, включая жеребят. На одного жителя приходилось 2,6 лошади. Это очень высокий показатель. Вообще лошадей не имели только в трех семьях: у 65-летнего слесаря И. М. Малашина, 60-летней крестьянки

А. С. Огнёвой и 31-летнего поденщика Е. В. Кудрявцева. Хуже приходилось только У. И. Бочкареву и Г. И. Огнёву, которые вообще ничего не имели: ни семьи, ни скота. Распределение домохозяйств в Верхнем Уймоне по количеству лошадей выглядит вполне логично (табл. 3).

Таблица 3

Распределение хозяйств в деревне Верхний Уймон
по количеству лошадей в 1917 году

№ п/п	Количество лошадей	Количество хозяйств	% хозяйств
1.	От 1 до 5 лошадей	34	26,2
2.	От 6 до 10 лошадей	24	18,5
3.	От 11 до 15 лошадей	22	16,9
4.	От 16 до 25 лошадей	26	20
5.	Более 25 лошадей	21	16,2

В числе 34 хозяйств, имевших от одной до пяти лошадей, в основном числились молодые семьи. Совсем немного таких, которые по разным причинам не могли или не хотели иметь их больше. Самыми большими владельцами лошадей были следующие семьи:

1. Чернов Федот Леонович — 115 лошадей.
2. Бочкарев Иван Вавилович — 96 лошадей.
3. Атаманов Филипп Осипович — 89 лошадей.
4. Бочкарев Наум Иванович — 65 лошадей.
5. Бочкарев Максим Вавилович — 64 лошади.

Основной доход верх-уймонцы получали от содержания крупного рогатого скота. Молоко и продукты его переработки, мясо, продажа живого скота и шкур — все это было серьезным источником дохода крестьян Уймонской долины. Все вместе жители этой деревни держали 2722 головы крупного рогатого скота. Шесть семей имели в хозяйстве по 110 и более голов крупного рогатого скота:

1. Чернов Федот Леонович — 150 голов.
2. Иванов Ерофей Иванович — 150 голов.
3. Бочкарев Наум Иванович — 130 голов.
4. Огнёв Игнат Иванович — 123 головы.
5. Бочкарев Анисим Михайлович — 110 голов.
6. Иванова Александра Ларионовна — 110 голов.

Распределение хозяйств по количеству крупного рогатого скота в них говорит о высокой обеспеченности верх-уймонцев этим видом сельскохозяйственных (табл. 4).

Таблица 4

Распределение хозяйств в деревне Верхний Уймон по количеству крупного рогатого скота в 1917 году

Количество голов КРС	Количество хозяйств	% хозяйств
1 – 10	36	27,8
11 – 25	64	49,2
26 – 50	20	15,4
Более 50	8	6,2

Вообще не было крупного рогатого скота в хозяйствах С.Л. Караваева (25 лет), И. М. Малашина (65 лет), Т. А. Огнёва (43 года). Скорее всего, не из-за бедности, а по каким-то другим причинам.

В составе крупного рогатого скота все вместе верх-уймонцы держали 1294 дойные коровы. В среднем на одно хозяйство приходилось по 10 коров, но в девяти семьях было по одной корове, в восьми семьях — по две, в шести семьях — по три коровы. С другой стороны, в тринадцати семьях содержали более 20 коров в каждой:

Агаманов Филипп Осипович — 28 коров;
Бочкарев Иван Вавилович — 27 коров;
Огнёв Филимон Дмитриевич — 27 коров;
Черепанов Ивойла Федорович — 26 коров;
Бочкарев Максим Вавилович — 25 коров;
Блинов Осип Парфенович — 24 коровы;
Бочкарев Влас Вавилович — 24 коровы.

Видим, что три родных брата Бочкаревы вместе со своими семьями держали 76 голов (6% всего стада).

Из 130 семей деревни Верхний Уймон 104 семьи держали овец. Общее поголовье составляло 3265 животных. Шерсть овец свободно продавалась на рынке, баранина являлась отличным продуктом в семье и на рынке. Ценились также и шкуры овец. В основном семьи держали от 10 до 30 овец, но были и заметные исключения:

Иванов Ерофей Иванович — 150 овец;
Чернов Федот Леонович — 150 овец;

Атаманов Вахромей Семенович — 137 овец;
Бочкарев Анисим Михайлович — 110 овец;
Иванова Александра Ларионовна — 110 овец;
Атаманов Семен Конович — 108 овец.

Менее пяти овец в хозяйстве держали только пять семей, а 20% семей не держали их вообще. Еще меньше у верх-уймонцев было коз: только 22 семьи вместе держали 242 козы, при этом у Федота Леоновича Чернова было 30 коз и у Вахромея Семеновича Атаманова — 20 коз. Меньше всего в деревне Верхний Уймон держали свиней. Всего 33 семьи вместе выращивали 185 свиней. Пятнадцать семей (45%) держали по одной-две свиньи, но были и другие примеры:

Огнёв Филимон Дмитриевич — 25 свиней;
Макаров Викул Киприянович — 15 свиней;
Агапов Василий Афанасьевич — 14 свиней;
Бочкарев Панаин Васильевич — 12 свиней;
Караваев Семен Лаврентьевич — 12 свиней.

В семье Семена Лаврентьевича Караваева (25 лет), например, в составе сельскохозяйственных было только четыре лошади и 12 свиней. Он записан в переписной анкете как «сборщик молока», но при этом два его брата Лука (28 лет) и Петр (17 лет) значатся «работниками», а брат Ульянов (23 года) «членом семьи». Видимо, вместе с женой Семена Прасковьей (22 года) эта семья занималась переработкой молока в составе соответствующей артели. Отходы от переработки молока использовались при откорме свиней.

Семья Василия Тимофеевича Печенина (34 года) также имела «маслозавод» и нанимала двух рабочих, так как четыре дочери в возрасте от четырех до девяти лет не являлись помощниками в основном деле. Семья на отходах производства держала девять свиней. Не исключено, что эти две семьи были связаны в одном технологическом процессе сбора и переработки молока. Возможно, эти семьи специализировались на переработке молока, поэтому остальные верх-уймонцы почти не имели своих сепараторов.

В деревне Верхний Уймон среди 130 хозяйств выделялись и семей-рекордсмены по размеру хозяйства. Самым крупным было то, во главе которого стоял 28-летний Федот Леонович Чернов. В этой семье вместе с ним жили 64-летние родители Чернова, его 26-летняя жена Екатерина, 27-летняя сестра и 19-летний брат. В хозяйстве содержали 376 сельскохозяйственных: 115 лошадей, 33 головы крупного рогатого скота, 150 овец, 30 коз и 48 маралов. Помимо членов семьи, за животными ухаживали три наемных работника. Ф. Л. Чернов по всем признакам был сельским пред-

принимателем, а вот его родной брат, 42-летний Иван Леонович Чернов, работал писарем и ямщиком, держал пять лошадей и 22 головы крупного рогатого скота и с хозяйством справлялся сам вместе с женой и двумя дочками.

Наум Иванович Бочкарев (38 лет) с женой и двумя сыновьями (семь лет и три года) держал 257 голов сельхозживотных, в том числе 25 маралов. Он тоже как предприниматель использовал труд двух постоянных работников.

Иван Вавилович Бочкарев в свои 48 лет был нетрудоспособным, но с женой и 16-летним сыном держал 249 голов, в том числе 96 лошадей. В его хозяйстве работали по найму «батрак и три пастуха».

Гурьян Ерофеевич Иванов (37 лет) с женой Анной (36 лет) и девятилетней дочерью имели в хозяйстве 220 голов скота, в том числе 95 овец. В семье жил 13-летний работник Азарий.

У 68-летнего Ерофея Ивановича Иванова и его 48-летней жены Аксиньи в семье проживали 18-летний сын Никита с женой и еще четверо детей от одного года до 14 лет. Все вместе они содержали 219 голов скота. Использовали наемный труд годовых, месячных и поденных работников. Наемный труд в этих и других семьях использовали, как правило, в случаях, когда не хватало рабочих рук в семье.

Очень известный верх-уймоонец Вахромей Семенович Атаманов (48 лет) с женой Екатериной (45 лет) жили большой семьей с пятью сыновьями, двумя дочерьми, снохой и внучкой. В семье жил также 60-летний работник. Вместе они ухаживали за 241 головой скота.

Герасим Ермилович Ермолаев (66 лет) с женой и двумя взрослыми сыновьями (один из которых, Осип, был еще и кузнецом), снохой и семью внуками от года до 14 лет вместе держали 181 голову скота. На них работал 30-летний пастух и поденные работники.

Филипп Иванович Бочкарев (47 лет) с женой Татьяной (46 лет) и сыновьями Ермилой (15 лет), Трофимом (девять лет) и дочерью Феклой (семь лет) самостоятельно обслуживали 123 головы скота, в том числе семь маралов.

Александра Ларионовна Иванова (44 года) с пятью сыновьями от трех до 17 лет и шестилетней дочерью имели в хозяйстве 168 голов скота, в том числе 32 лошади и 110 овец. Она нанимала месячных и поденных работников и прибегала к «помочи» селян.

Ефимия Бочкарева в 74 года с сестрой Ириной (55 лет) вдвоем держали 18 лошадей и 10 коров. Конечно, они не могли обходиться без «сроковых» и поденных работников.

Заметную роль в сельском хозяйстве Верхнего Уймона играли женщины (табл. 5).

Анализ домохозяйств, где хозяйном являлась женщина

№ п/п	ФИО	Возраст, лет	Количество членов семьи, чел.			Поголовье скота, голов
			Всего	Мужчин	Женщин	
1.	Атаманова Ефросинья Павловна	30	2	0	2	6
2.	Атаманова Агафья Семеновна	53	1	0	1	5
3.	Блинова Евгения Панфиловна	56	2	1	1	14
4.	Блинова Ефимия Антропьевна	36	4	1	3	15
5.	Бочкарева Александра Ерофеевна	47	7	2	5	25
6.	Бочкарева Ефимия Леонтьевна	74	2	-	2	28
7.	Бочкарева Мария Васильевна	56	1	-	1	23
8.	Иванова Александра Ларионовна	44	7	5	2	168
9.	Огнёва Акси́нья Семеновна	60	3	1	2	2
10.	Огнёва Татьяна Фокеевна	70	2	-	2	14
11.	Огнёва Ульяна Григорьевна	37	8	4	4	50
12.	Огнёва Февронья Елифановна	46	4	1	3	3
13.	Чернова Мавра Афанасьевна	45	5	3	2	10
14.	Чернова Шавра Афанасьевна	45	5	3	2	10

Большинство из них возглавили хозяйство после потери мужа, в том числе на полях Первой мировой войны. Как правило, в семьях вместе жили и работали родственники в двух и трех поколениях.

У главы хозяйства 28-летнего Филимона Дмитриевича Бочкарева вместе с женой Марфой (27 лет) жили 70-летний отец Дмитрий Кирьянович, 100-летний дед Кирьян, 50-летняя мать Екатерина, три родных сестры (11, 12 и 15 лет) и четверо детей от года до шести лет. Вместе они содержали 177 голов скота, в том числе 25 свиней. Использовали труд поденных и прибегали к «помочи».

У Федора Анисимовича Чернова в семье жили его 80-летние родители. Вместе с женой и шестью детьми от двух до 14 лет они ухаживали своими силами за 149 головами скота.

Яков Матвеевич Огнёв (28 лет) с женой, 80-летними родителями и двумя малолетними дочерьми держал 84 головы скота. Нанимал поденных работников.

Влас Вавилович Бочкарев жил вдвоем с 13-летним сыном, содержал 172 головы скота и пасеку. Держал работника-киргиза. Кстати, пасеки в деревне были всего у нескольких человек.

Кроме этого, верх-уймонцы в 1917 году продолжали заниматься традиционным охотничьим промыслом, хотя с годами количество охотников заметно сократилось (табл. 6).

Таблица 6

Список охотников в деревне Верхний Уймон
по данным сельскохозяйственной переписи 1917 года

№ п/п	Фамилия	Возраст, лет	Количество скота в хозяйстве, гол.
1.	Агапов Калистрат Афанасьевич	47	29
2.	Атаманов Артамон Филиппович	60	66
3.	Бочкарев Платон Александрович	25	30
4.	Бочкарев Лев Мартимьянович	34	52
5.	Бочкарев Паплин Васильевич	48	51
6.	Бочкарев Александр Мелентьевич	55	51
7.	Бочкарев Артемий Васильевич	38	50
8.	Бочкарев Даниил Васильевич	33	28
9.	Кудрявцев Василий Иванович	66	2
10.	Макаров Фока Киприянович	31	32
11.	Огнёв Тимофей Аверьянович	28	14

Два верх-уймонца Трефилий Александрович Бочкарев и Ананий Панфилович Макаров указывали, что они занимаются рыбацким промыслом. У Анания, кроме жены, был только 14-летний сын. Для ведения хозяйства, в котором только лошадей была 21 голова, ему приходилось нанимать поденных работников.

В 1917 году деревня Верхний Уймон продолжала оставаться центром развития мараловодства в Уймонской долине (табл. 7).

Таблица 7

Список крестьян-мараловодов деревни Верхний Уймон в 1917 году

№ п/п	ФИО	Количество голов с/х животных в хозяйстве				
		Лошадей	КРС	Овец	Коз и свиней	Маралов
1.	Чернов Федот Леонович	115	33	150	48	48
2.	Бочкарев Киприян Ивойлович	18	21	50	-	30
3.	Бочкарев Наум Иванович	65	37	130	-	25

№ п/п	ФИО	Количество голов с/х животных в хозяйстве				
		Лошадей	КРС	Овец	Коз и свиней	Маралов
4.	Чернов Платон Егорович	28	32	60	12	15
5.	Атаманов Филипп Осипович	89	61	85	1	14
6.	Бочкарев Венедикт Иванович	13	20	45	-	12
7.	Бочкарев Андрей Иванович	36	25	94	2	10
8.	Чернов Федор Васильевич	28	24	15	4	10
9.	Черепанов Карп Федорович	30	23	74	6	9
10.	Мамонтов Савелий Антонович	27	31	30	1	3
11.	Черепанов Ивойла Федорович	35	51	40	-	2

В книге «У истоков пантового оленеводства России» я указал 14 мараловодов-верх-уймонцев, так как не заметил, что несколько переписных листов были контрольными, то есть заполненными до переписи, и они продублировали несколько фамилий, в том числе фамилии мараловодов. Настоящий список является уточненным, но не окончательным, так как некоторые могли и не показать своих маралов или занижить их численность.

Из таблицы видно, что все семьи, имевшие маралов, обладали очень крепким хозяйством, но особенно выделялось своими размерами и многопрофильностью хозяйство Федота Леоновича Чернова (28 лет), в семье которого жил еще 64-летний Леон Родионович Чернов. Его отец Родион вместе с братом Афанасием и завели первых маралов в деревне Верхний Уймон.

Второй по количеству маралов идет семья Киприяна Ивойловича Бочкарева, где еще жил 67-летний Ивойла Бочкарев, который уже в 1878 году имел трех маралов. В 1917 году у Киприяна было пять сыновей: Петру — 13 лет, Кресану — 11 лет, Парфену — девять лет, Ефиму — семь лет, Иосифу — шесть лет. Возможно, наследники семьи одного из первых уймонцев-мараловодов и сейчас живут в этом селе.

Количество маралов в хозяйствах деревни Верхний Уймон возросло с 83 в 1897 году до 154 в 1917 году. Это небольшой рост за 20 лет. Не появилось и ни одного очень крупного маральника. Видимо, стесненность условий для больших маральников, ухудшение условий жизни в годы Первой мировой войны сдерживали развитие этой подотрасли у верх-уймонцев.

Мараловодство Верх-Уймона в советский период. Сергей Ильич Огнёв

Жители Горного Алтая узнали об отречении Николая II только в марте 1917 года. Повсеместно стали создаваться исполнительные комитеты для руководства административно-общественной жизнью в деревнях. Поддержав новую власть, крестьяне, тем не менее, стали требовать увеличения наделов за счет кабинетских земель, бесплатного орехового и охотничьего промыслов, разрешения рубки кабинетных лесов. Нарушения в этих сферах сельской жизни становились массовыми ввиду слабости и неопределенности власти. Захват земель, отказ от арендной платы, самовольство в лесах — все это стало обычным явлением, в том числе и для жителей Верхнего Уймона.

В ноябре 1917 года власть в стране захватили большевики. В Горном Алтае к июню 1918 года Советы как органы управления были созданы только в 10% селений огромной территории. В этих условиях в середине 1918 года началась кровопролитная Гражданская война. Белое движение на Алтае олицетворял адмирал Колчак, которому противостояло партизанское сопротивление крестьян.

И. Я. Третьяк пишет в своей книге «Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 году»: «В штаб партизанских отрядов осенью 1919 года из Уймона прибыл один из командиров уймонских отрядов — тов. Красков... Красков заявил, что уймонские повстанческие отряды потеряли связь со всем остальным повстанческим движением Горного Алтая. Прапорщик Кайгородов неистовствует и теснит уймонские повстанческие отряды — если им не придут на помощь, то в ближайшие дни они уже не в силах будут отражать наступление Кайгородова» [23, с. 70].

Партизанские полки встретились с уймонскими повстанцами 4 октября 1919 года в районе села Сугаш. И. Я. Третьяк понимал, что по своим природным условиям уймонский край являлся неприступным в военном отношении, и борьба за умы крестьян здесь велась очень взвешенно. Дивизия Третьяка, созданная на основе партизанских отрядов Черного Ануя, Чарыша и Уймона, к концу 1919 года достигла больших успехов в разгроме частей колчаковцев, часть из которых ушла в Монголию. Советская власть с начала 1920 года по сентябрь 1921 года держала в Горном Алтае значительные военные силы, а взаимоотношения с крестьянством реализовывала через политику военного коммунизма.

Уже в первую волну боевых действий 1918–1919 гг. часть верх-уймонцев поддержала белое движение, но основная масса крестьян заняла выжидательную позицию. Однако разверстки на молоко, сено, скот вызвали у крестьян общее недовольство, и в конце осени 1920 года жители Верхнего Уймона под

руководством красноармейца Орлова и местных Бочкаревых восстали против такой экономической политики. Недовольство с помощью военных быстро подавили, но спокойствие среди крестьян не наступило.

Хозяйственная деятельность крестьян Горного Алтая повсеместно приходила в упадок. Не стали исключением и мараловодческие хозяйства. П. М. Залесский писал об этом времени следующее: «Тяжелый удар промыслу нанесли колчаковщина и партизанская борьба. Алтай обезлюдел: молодежь и взрослое население ушли в партизанские отряды, другая часть осталась в стане белых. О маральниках некогда было думать. В этот период уход за животными почти прекратился; изгороди пришли в ветхость и в довершение всего перед мараловодами встал грозный призрак бескормицы, заставивший многих хозяев зарезать часть стада на мясо. Немало вреда мараловодству причинили волки, которые в 1919 — 1920 годах размножились до чрезвычайности и резали крестьянский скот на глазах у людей» [12].

По сведениям о мараловодах по волостям Горно-Алтайского уезда в 1920 году список мараловодов Верхнего Уймона выглядел следующим образом (табл. 8).

Таблица 8

Данные о мараловодах Верхнего Уймона в 1920 году [29]

№ п/п	Фамилия	Количество маралов
1.	Чернов Платин (Платон)	11
2.	Чернов Леонтий	26
3.	Чернов Федор	7
4.	Бочкарев Киприан	28
5.	Кудрявцев Виктор	7
6.	Черепанов Родион	7
7.	Атаманов Денис	11
8.	Бочкарев Кузьма	30
9.	Бочкарев Кузьма	25
10.	Бочкарев Кузьма	16
11.	Бочкарев Андрей	9
12.	Бочкарев Максим	7
13.	Мамонтов Савелий	4
14.	Бочкарев Василий	9
15.	Акашев	17
16.	Клепиков Фадей	5

Список мараловодов Верхнего Уймона в 1920 году, найденный в архиве, мне до конца не понятен. Почему, например, Бочкарев Кузьма упоминается три раза с разным количеством маралов? Возможно, это три разных человека с одинаковыми именами.

В перечне мараловодов 1920 года мы уже не видим крупнейшего мараловода 1917 года Федота Чернова, но появились новые фамилии: Акашев, Атаманов, Кудрявцев.

Мараловодство в Верхнем Уймоне в силу отдаленности расположения за рекой Катунь и настороженно нейтрального участия крестьян-старообрядцев в событиях 1918–1920 гг. пострадало мало. Учет маралов в Горном Алтае был проведен по приказу земельного отдела Алтайского губернского революционного комитета от 20.02.1920 года №23, который требовал от волостных ревкомов «тотчас же взять на учет все без исключения имеющиеся в волости маральники и загнать в маральники маралов, выпущенных из таковых». Волостным ревкомам дали указание контролировать сохранность маральников, а бесхозные маральники взять на свое содержание [6]. Более того, в апреле-мае 1920 года в Уймонской волости было проведено подробное обследование состояния маральников с выявлением их потребностей с целью дальнейшего развития [9].

1 сентября 1920 года коллегия земельного отдела рассмотрела вопрос «О постановке мараловодства в Горном Алтае» и решила для поддержания мараловодства начать поиск специалистов в этой области для их участия в развитии отрасли [7].

В марте 1921 года Горно-Алтайский областной земельный отдел составил «Смету снабжения мараловодов уезда солью для подкормки маралов», в которой вновь перечислил верх-уймонских мараловодов (табл. 9).

Таблица 9

Список мараловодов Верхнего Уймона в марте 1921 года [8]

№ п/п	Фамилия	Всего маралов	В том числе		
			самцов	самок	«молоди»
1.	Черепанов Карп	2	4	3	-
2.	Бочкарев Карп	28	12	10	6
3.	Чернов Федор	7	5	2	-
4.	Чернов Леонтий	26 (?)	17	2	-
5.	Атаманов А.	11	3	6	2
6.	Бочкарев К.	30	13	13	4
7.	Бочкарев К.	25 (?)	9	6	6
8.	Бочкарев Кон.	16 (?)	16	1	-

№ п/п	Фамилия	Всего маралов	В том числе		
			самцов	самок	«молоди»
9.	Бочкарев Анд.	9	3	6	-
10.	Бочкарев М.	7(?)	2	4	-
11.	Мамонтов С.	4	2	2	-
12.	Бочкарев Вас.	9	2	3	4

Данные таблицы архивные и невозможно установить, где составители допустили неточности.

Александр Кайгородов, уроженец села Абай, в ходе Гражданской войны увел остатки своих частей в Монголию и в начале 1921 года даже захватил у китайцев г. Кобдо. В феврале-марте 1922 года он вновь провалился на Алтай, в Уймонскую долину и только в апреле 1922 года был убит в бою командиром отряда ЧОН Иваном Долгих. Больше года верх-уймонцы жили под властью Кайгородова и в большинстве своем не хотели возвращения политики военного коммунизма. Весь 1923 год крестьянство Горного Алтая восстанавливало разрушенное войной сельское хозяйство. В определенной степени этому процессу способствовала новая экономическая политика государства, которое вынуждено было вместо продразверстки ввести продналог, допустило аренду земли и использование в ограниченных размерах наемного труда, свободу внутренней торговли и развитие кооперации. Все это дало, в том числе и уймонским крестьянам, определенную надежду на будущее.

Государство создало сеть учреждений «Сибгосторга», через которые стали активно скупать панты у мараловодов Алтая на коммерческих условиях. К работе в «Сибгосторге» на местах были привлечены известные алтайские мараловоды А. С. Попов, М. П. Ошлыков, Г. А. Варвинский и другие. Часть мараловодов во время Гражданской войны и после нее продавали панты контрабандой. Не были исключением и верх-уймонцы. В докладной записке 1930 года Ойротской областной РКИ «О состоянии мараловодства в Ойротии» отмечалось: «Часть пантов, несомненно, ушла контрабандой в Монголию. В Уймонском аймаке зарегистрирован случай провоза 50 пудов маральего рога контрабандой кулаком Черновым (впоследствии расстрелян)» [10]. Кто из мараловодов Черновых был расстрелян за контрабанду, установить не удалось. Возможно, это был Федот Леонович Чернов, который в списках мараловодов 1920–1921 годов уже не значился.

В середине 1920-х годов стало заметно проявляться резко отрицательное отношение новой власти к зажиточным крестьянам, в число которых попадали и верх-уймонские мараловоды. Они первыми лишались изби-

рательных прав, их ограничивали в земельных участках, им увеличили во много раз налоги на хозяйство и т.д. Мараловоды становились политическими и экономическими изгоями на селе. Отношения с властью обострились в целом у большинства состоятельных верх-уймонцев.

Вернемся, например, к семье В. С. Атаманова. В 1926 году Н. К. Рерих предпринял экспедицию на Алтай. По дороге он останавливался на ночлег: в Абае у известного мараловода П. Р. Романова, затем в Усть-Коксе в конторе «Сибгосторга» и, наконец, на две недели поселился в Верхнем Уймоне у Вахромея Семеновича Атаманова, которому было 57 лет. О хозяйстве Вахромея Семеновича мы уже знаем. В 1917 году он стоял во главе большой крепкой семьи, но к 1926 году его дети повзрослели (Прокопию — 35 лет, Кириллу — 27 лет, Василию — 26 лет, Трифону — 20 лет, Агафье — 24 года, Вассе — 22 года) и жили своими семьями, только 16-летний Симон оставался в доме отца.

Н. К. Рерих был очарован врачом-травником В. С. Атамановым и сделал его в своих книгах знаменитым на весь мир вместе с деревней Верхний Уймон. И этого тогда уже очень известного человека в 1929 году в возрасте 60 лет вместе с большой семьей раскулачили и сослали в Нарым, на север Томской области. Известно, что Вахромея Семенович умер в ссылке, скорее всего — от потрясений и переживаний. Младший сын Симон в 1935 году сбежал из Нарыма в родную деревню и там был расстрелян в 1937 году [15, с. 154].

О трагической судьбе третьего сына Вахромея Семеновича — Василия — известно больше. О нем писал в свое время директор Бийского краеведческого музея Б. Х. Кадиков в очерке «Семья Атамановых». Я хорошо знаком с Т. Г. Мальцевой, внучкой Василия Вахромеевича, которая, будучи профессиональным архивистом с огромным стажем, много расспрашивала свою маму об ее отце Василии, третьем сыне Атамановых.

Василий родился в 1900 году и к 1917 году вырос в активного парня с сильным характером и хорошей трудовой закалкой. Когда в разгар колчаковщины в Горном Алтае и в Уймонской долине стали появляться партизанские отряды (скорее всего, отряды самообороны), Василий оказался в одном из них. Однако после репрессий отряда П. Сухова в Катанде и введения продразверстки настроение населения изменилось — сельчане стали противниками новой власти. Василий вместе с братьями поддержал открытые выступления уймонцев против советской власти. После разгрома Кайгородова в 1922 году Василий Атаманов со своим отрядом еще какое-то время скрывался в горах, но затем осознал тупиковость ситуации и вместе с большей частью своих людей сдался советской власти, которая их помиловала. Думаю, что такое стало возможным только потому, что на их руках не было крови, то есть убийств и зверств против мирного населения.

Василий с семьей поселился в местечке Окол, между деревней Мульты и деревней Тихоньяка. Внучка его, Татьяна Геннадьевна, рассказывала мне со слов матери, что они успешно занимались животноводством, имели маслобойку и масло сдавали в Усть-Коксу, где была лавка кооперации. Василий мечтал создать свой маральник, огородил территорию под него и, может быть, даже успел приобрести несколько маралов, но раскулачивание 1929 года обрушило все планы этой трудолюбивой семьи.

В «Книге памяти жертв политических репрессий», изданной в Горно-Алтайске, он значится как арестованный в 1930 году крестьянин-единоличник, высланный за пределы Ойротии [15, с. 153]. Однако, по всем другим источникам, Василий сбежал во время раскулачивания, и в Нарым отправили «только» всю его семью. Он же вместе с несколькими земляками через Кош-Агач и Монголию сумел уйти в Маньчжурский Китай, где в то время уже были японские оккупационные войска. Там Василий вновь создал хозяйство. У него появилась новая семья, четверо детей. После разгрома японцев он получил 15 лет лагерей в Иркутской области на лесоповале. Там его в начале 60-х годов еще девочкой навещала Татьяна Геннадьевна Мальцева вместе со своей мамой. Б. Х. Кадиков пишет, что первую попытку вернуться в Верхний Уймон Василий Вахромеевич Атаманов предпринял уже больным в 1959 году, но его враждебно приняли земляки. К этому времени он три года как был амнистирован (в 1956 году). Примерно десять лет он продолжал жить на станции Вихоревка в Иркутской области, но в 1967 году после инсульта, частично парализованный вернулся на родину и скончался в Усть-Коксе в 1973 году.

Со слов родственников известно, что старший брат Василия Проконий Вахромеевич был расстрелян в 1930-х годах, а братья Кирилл, Трифон и Симон расстреляны в 1937 году, хотя таких архивных данных мне пока найти не удалось. Так в 1930-е годы советская власть обошлась с большой семьей Вахромея Семеновича Атаманова. Так и не сбылась мечта Василия создать в Околе свой маральник.

В 1926–1928 годах в рамках развития коллективизации мараловоды попытались искусственно раздробить свои хозяйства по семейно-религиозному принципу на коллективные, но это им не помогло. В 1928 году в Горном Алтае началась массовая и фактически принудительная коллективизация сельского хозяйства. Одновременно с конца этого года организация «Сибкрайгосторг» начала массовую скупку маралов у частных. Также активно начали скупать маралов по 90–150 руб. за голову «Охотсоюз», «Сибживотноводсоюз», кредитные товарищества. Их представители предупреждали мараловодов, что если они не продадут своих оленей, то власть заберет их силой. Так это и произошло. Основная часть верх-уймонцев продала своих маралов в 1929 году, остальных оленей

в рамках коллективизации отобрали в 1930 году, а мараловодов — репрессировали.

Так, например, Ивойла Федорович Черепанов, бывший мараловод деревни Верхний Уймон, был расстрелян 22 ноября 1937 году в возрасте 66 лет. Наум Романович Бочкарев, бывший мараловод-верх-уймонец, 8 ноября 1932 года получил пять лет лагерей, а в 1937 году был расстрелян [15, с. 166].

Филипп Осипович Атаманов в свои 80 лет в 1917 году имел 14 маралов. Его сын Денис Филиппович в 1920 году имел 20 маралов, а внук Тимофей Денисович Атаманов в феврале 1930 года получил 10 лет лагерей.

Верх-уймонец Савелий Мамонтов в 1921 году имел четырех маралов, а в 1930 году он со всей своей семьей, отцом Артемием Савельевичем 1858 года рождения и сыном Савелием Савельевичем 1922 года рождения, был раскулачен и выслан за пределы Ойротии [15, с. 168–169].

Их маралов частично скупил «Сибкрайгосторг», частично «национализировали» местные колхозы. Процесс коллективизации в Уймонском аймаке, по литературным данным, показателен на примере создания в 1930 году сельхозартели «Огни» в Огнёвском сельском совете. На первом заседании 30 марта 1930 года каждому домохозяйину артели оставили по 1,4 десятины земли личного огорода, по одной корове и одной овце на 6 человек. Одновременно решили: «Пчел до 5 колодок на семью не обобществлять, маралов обобществить всех» [24].

С появлением в Усть-Коксинском аймаке Нижне-Уймонского, Кайтанакского, Верх-Катунского и Абайского маралосовхозов в 1931 году начался новый этап развития мараловодства, но уже без участия жителей Верхнего Уймона.

По итогам коллективизации 1929–1930 годов в деревне Верхний Уймон был создан колхоз имени Кирова, который просуществовал до 1956 года. В колхозе занимались выращиванием скота: разведением лошадей, овец, КРС. В 1957 году в ходе реформы по укрупнению совхозов колхоз им. Кирова преобразовали в ферму Кайтанакского маралосовхоза, но уже в январе 1958 года передали в совхоз «Коксинский» с центральной усадьбой в селе Усть-Кокса.

Далее, в мае 1966 года на правой стороне Катуня был создан новый совхоз «Мультинский», в который вошли от других совхозов Гагарская, Верх-Уймонская, Тихоньская фермы и Мультинская ферма вместе с маральником. Центральная усадьба совхоза разместилась в селе Верхний Уймон. Кстати, мне не попались пока еще документы, на основании которых деревня Верхний Уймон стала называться селом Верх-Уймон.

Возглавил новый совхоз Дмитрий Ефимович Плетенецкий (1937–2017), который из рядового скотника вырос в сильного руководителя и управлял

хозяйством до 1971 года. В дальнейшем, по решению обкома КПСС, он «поднимал на ноги» другие хозяйства. С 1971 по 1974 год директором совхоза был Василий Тастаевич Майманов, его убрали за финансовые нарушения. С 1974 по 1986 год директорскую позицию занимал Юрий Иванович Золотарев (1939–1996), который затем перешел в совхоз «Карымский».

В 1987 году впервые директором совхоза стал не приезжий руководитель, а коренной верх-уймонец Сергей Ильич Огнёв.

Сергей Ильич родом из старинной верх-уймонской старообрядческой семьи. Его прадеду Сосипатру Фокиевичу Огнёву в 1917 году было 50 лет, а прабабушке Екатерине — 45 лет. Одной семьей вместе с ними жили сын Лука (20 лет) с женой Акулиной (20 лет), сыновья Михаил (15 лет), Трофим (11 лет), Ксифон (7 лет), Филипп (4 года), дочери Матрена (23 года) и Капитолина (4 года). Хозяйство семья держала достаточно большое: 16 лошадей (13 рабочих), 27 голов крупного рогатого скота (15 коров), 30 овец и 10 свиней. На 8,6 десятинах пашни сеяли яровую пшеницу, яровую рожь, ячмень, овес и немного льна. Обрабатывали 6,5 десятин покоса и ставили 192 копны сена [29]. Для работы на земле имели плуг, пять железных борон, косилку, сноповязку, веялку и телегу на железном ходу. Работали много, дружно и жили в достатке. Маралов в хозяйстве не было. По словам одного из внуков, Сосипатр Фокиевич «гонял ямщину до Бийска, в том числе возил почту». Судьба старших детей мне не известна, но младший сын Филипп (1913–1942) занимался с отцом сельским хозяйством. В начале 1930 года женился на Хевронье Ивановне Ивановой (1912–1985), работал в Верхнем Уймоне на сырзаводе, в селе Усть-Кокса на стройке, возил грузы на лошадях в Бийск. В 1935 и 1941 годах в семье родились сыновья Илья и Андрей. В августе 1941 года Ф. С. Огнёва забрали на фронт, где 19 декабря 1942 года в бою около деревни Погореловки под Ржевом он погиб, защищая свою большую и малую Родину. Старший сын Илья закончил среднюю школу, отслужил три года на дальневосточном острове Аскольд, затем в 1958 году женился на Марии Пименовне Атамановой. Илья Филиппович трудился разнорабочим, кладовщиком в совхозе «Жоксинский», чабаном и мечтал об учебе. Институт закончил заочно (1966–1971) и стал дипломированным зоотехником-селекционером. В 1959 и 1961 годах в семье родились сын Сергей и дочь Антонина (1961–2016). Далее Илья Филиппович работал зоотехником, зоотехником-селекционером, главным зоотехником совхоза и на пенсию ушел с должности экономиста. Мария Пименовна после окончания Бийского педучилища все время проработала воспитателем в детском саду и сейчас уже на пенсии.

Сын Сергей рос энергичным ребенком, заводилой, но активно помогал родителям в домашнем хозяйстве. Косить, например, он начал

с 12 лет. После окончания средней школы Сергей самостоятельно выбрал профессию ветеринарного врача и закончил АСХИ в Барнауле. После четвертого курса летом работал в «Скотоимпорте» в Бийске, перегонял скот из Монголии на Алтай.

В 1981 году Сергей Ильич Огнёв стал работать старшим ветврачом совхоза «Мультинский». Через год он уже исполнял обязанности главного зоотехника совхоза. С апреля 1985 по январь 1987 года он главный ветеринарный врач управления сельского хозяйства в Усть-Коксинском районе, а с 12 января 1987 года — директор «Совхоза имени 60-летия СССР» в своем родном селе.

Совхоз продолжал заниматься традиционными видами деятельности. Но в 1989 году директору стало ясно, что традиционное животноводство в результате перестроечных преобразований в стране не удержать на плаву, а спрос и цены на панты с открытием внешней торговли для хозяйств, наоборот, создают хорошую перспективу для развития мараловодства. Сергей Ильич предпринял большие усилия для реорганизации хозяйства. Первый маральник в Верх-Уймоне был построен в 1992 году, а в 1996 году открылись маральники в Гагарке и Тихонькой. В настоящее время в четырех маральниках на правом берегу Катуня содержится 2995 оленей, в том числе в «Верх-Уймонском» — 1277, «Мультинском» — 593, «Тихоньском» — 583, «Гагарском» — 542. За успехи в работе С. И. Огнёв получил в 1996 году звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации». В 2006 году Сергей Ильич был назначен министром сельского хозяйства Республики Алтай, затем в качестве заместителя председателя Правительства Тувы он восстановил мараловодство в этой республике и в 2015–2020 гг. возглавлял крупнейшее мараловодческое хозяйство Алтайского края в селе Сентелек Чарышского района. С 2021 года С. И. Огнёв является председателем некоммерческой организации «Союз мараловодов Сибири».

Дело отца по развитию мараловодства в Уймонской долине теперь продолжает вместе со своими коллегами Алексей Сергеевич Огнёв, младший сын С. И. Огнёва. Кстати, маральник «Тихоньский» расположен в той же местности, где его стремился создать Василий Вахромеевич Атаманов. Наверно, есть в этом историческая справедливость.

Уймонский мараловод Александр Егорович Ничков

Стремясь полноценно раскрыть личность любого мараловода Алтая, я стараюсь вначале проникнуть к его корням. Мне особенно волнительно разыскивать у современных мараловодов их дореволюционные корни. Это не всегда, но получается.

Предки Александра Егоровича Ничкова проживали в старинном селе Горного Алтая Нижнем Уймоне, основанном, по архивным данным, в 1826 году крестьянами Каинского округа Томской губернии. Краевед Т. Г. Мальцева сообщает, что первоначальными основателями села стали восемь семей Ошлыковых, Коноваловых, Змановских. В работе «Горный Алтай и его население», опубликованной С. П. Швецовым в 1900 году, уточняется, что это были Яков, Тимофей, Сергей, Александр и Никифор Ошлыковы [11].

В середине XIX века жители Верхнего Уймона Черновы и Нижнего Уймона Ошлыковы переняли у старообрядцев Бухтармы новый вид деятельности — разведение маралов. Позднее они оспаривали первенство в разведении маралов между собой. В 1917 году в Нижнем Уймоне было шесть мараловодов, из которых четверо — Ошлыковы. Вместе с ними маралов имели Петр Логинович Ленский (восемь оленей) и Егор Афанасьевич Ничков (семь оленей) [27]. Трагическую судьбу М. П. Ошлыкова я описал в книге «Пантовое оленеводство Алтая после 1917 года». Здесь же отмечено, что в 1937 году расстрелян и мараловод П. Л. Ленский [25, с. 109]. Судьба мараловода Егора Афанасьевича Ничкова мне пока не известна.

В 1917 году в Нижнем Уймоне жила еще одна семья Ничковых: 37-летний Николай Вахромеевич и 31-летняя Маланья Леонтьевна Ничкова с восьмилетним сыном Максимом. Николай Вахромеевич в переписи значился старожилом, выделился в отдельную семью в 1902 году. Семья имела два душевых надела земли: 3,5 десятины посевов (овес, яровая пшеница и яровая рожь), 5 десятин залежной и 5,5 десятин естественных покосов. В хозяйстве держали шесть рабочих лошадей, 13 голов крупного рогатого скота, в том числе шесть коров, но маралов не было. Николай Вахромеевич с 1915 года состоял в Катандинском кредитном товариществе, нанимал поденных и сдельных работников, а из сельхозинвентаря имел плуг, борону, веялку и телегу на деревянном ходу [2]. По меркам Уймонской долины, в 1917 году эта относительно молодая семья владела хозяйством среднего уровня.

Николай Вахромеевич удался ростом — 190 см, этот рыжий крупный мужчина обладал огромной силой — мог поднять лошадь. Вместе с женой они воспитали восемь детей. Старшие сыновья Максим Николаевич и Иван Николаевич погибли в 1941 и 1943 годах на фронтах Великой Отечествен-

ной войны. В 1943 году в 57-летнем возрасте умерла Маланья Леонтьевна, а в 1957 году скончался 77-летний Николай Вахромеевич. Вот так завершился жизненный путь старших Ничковых, но род не прервался.

Еще в 1934 году у Ничковых родился в селе Мульта последний сын, «заскребыш» Егор Николаевич. Всю жизнь он проработал трактористом, животноводом, конюхом в «Нижне-Уймонском» и «Мультинском» совхозах. В 1950 году женился на Татьяне Амосовне Ленской, которая трудилась телятницей и затем 20 лет была пекарем в совхозе. Вместе вырастили они трех сыновей и дочь.

Старший сын Александр Ничков родился в Мульте 29 октября 1957 года. Рос он заводным, но работающим мальчишкой: с первого класса уже «копновозил» и много помогал по хозяйству. С восьмого класса Александр, наряду со взрослыми, участвовал в покосе и скашивал до одного гектара за смену.

Рано увидел мультинских парковых маралов и восхитился красотой и силой этих особей. Интересы к технике у него с детства не наблюдались, а вот животных Александр любит, сколько себя помнит.

Шурке Ничкову (так зовет его мама до сих пор) было девять лет, когда в мае 1966 года был организован новый мясомолочный совхоз «Мультинский» на базе Гагарской фермы маралосовхоза «Кайтанакский», Тихоньской и Верх-Уймонской ферм совхоза «Коксинский» и Мультинской фермы маралосовхоза «Нижне-Уймонский».

Вместе с Мультинской фермой совхозу достался и один из старейших в районе маральников, созданный в свой время Пелеем Ошлыковым.

Отец Александра Ничкова ничем особенно, кроме работы и домашнего хозяйства, не увлекался, и Шурка многому учился у родного дядьки. Например, уже после четвертого класса он все лето помогал ему на пасеке и знакомился с азами пчеловодства. Этот же дядька с 10 лет начал приобщать Сашу и к охоте: брал в загон на косулю, в 13 лет ему доверили ружье, а уже в 10-м классе мама купила ему двустволку. Александр Егорович вспоминает теперь, что в 1970-е годы «косули и маралья было — страсть божья». Первого медведя он убил, соскочив с молодого коня. Первой пулей угодил медведице в грудь, и она со страшным ревом бросилась на них. Он едва вскочил на коня и в последний момент, за секунды до того, как медведица налетела на лошадь, убил зверя вторым выстрелом.

Александр Егорович на всю жизнь остался заядлым охотником. Медведей, говорит он, удалось взять 15 или 16, волка одного, а рыси, например, ни одной. Соболей добывал по 10 за сезон, а белку, лисицу, барсука или копытных никогда не считал. В 1998 году в азарте «полез на лесину за двумя застрявшими белками, да упал так, что потроха отшиб». От удара отнялись ноги и пропал голос. Выручили мужики, которые слышали выстрел. Лопнувшие поясничные мышцы срастались месяц. И все-таки

охота и рыбалка остаются страстью свободного времени Александра Егоровича, которого у него всегда было мало.

По окончании школы в 1974 году он поехал поступать в Павловский ветеринарный техникум, что недалеко от Барнаула, но там ему сказали: «У вас есть свой техникум». В него он уже не успел.

Первый год его трудовой деятельности в 1974 году начался по комсомольской путевке на Мультинской ферме. Затем были три года службы во Владивостоке на корабле разведки. После службы во флоте он еще три года отработал охотником и в 1979 году поступил в Горно-Алтайский зооветтехникум, который с отличием закончил в 1981 году. Во время учебы много и успешно занимался лыжами и биатлоном. В родной совхоз вернулся уже женатым человеком. Молодого веттехника директор совхоза Юрий Иванович Золотарев направил исполнять обязанности одновременно веттехника и ветсанитара в Уймонской ферме совхоза. В «ветеринарное ведение» Александра Егоровича попал дойный гурт из 60 коров, три гурта молодняка по 180 голов, три отары овец по 650 голов и более 300 лошадей. Через два года А. Е. Ничков стал старшим ветврачом, а с 1986 по 1991 год работал главным ветврачом совхоза.

Директор совхоза Юрий Иванович Золотарев (1939–1996) сам начинал трудовую деятельность рядовым водителем, заочно закончил АСХИ по специальности «бухгалтерский учет», с 1974 по 1986 год руководил этим хозяйством, был человеком требовательным, обладал глубоким умом, людей уважал и хорошо разбирался в них. Он и разглядел в А. Е. Ничкове человека с большим потенциалом для совхоза.

На этом месте можно, наконец, еще раз вернуться к историческим корням Александра Егоровича. В начале августа 2018 года я приехал в Мульту, чтобы познакомиться с его мамой — Татьяной Амосовной Ничковой. Она оказалась доброй и открытой к разговору, обладающей хорошей памятью. В девичестве Татьяна Амосовна носила фамилию Ленская. Отец ее, Амос Петрович Ленский 1897 года рождения, был третьим сыном Петра Логиновича Ленского, который в 1917 году в возрасте 52 лет стоял во главе семейства из 16 человек. Семья имела 74 лошади, 61 голову крупного рогатого скота, 48 овец, 6 свиной и 8 маралов. Во владении у семьи было пять душевых наделов земли: 42,5 десятины пашни, 15 десятин естественных сенокосов. Еще 25 десятин пашни арендовали у частных лиц. В работе использовали плуг, семь железных борон, косилку, конные грабли, жнейку-самосброску, веялку, три телеги. Еще был сепаратор для переработки молока. Трудовую основу семьи составлял Петр Логинович с женой, шестью сыновьями и двумя снохами [1].

В конце июля 1937 года Усть-Коксинским райотделом НКВД была «вскрыта контрреволюционная организация» в селе Нижний Уймон и арестованы шесть жителей села — все старообрядцы, бывшие кулаки, лишен-

ные избирательных прав в начале 1930-х годов. Главным организатором группировки якобы стал 74-летний Петр Логинович Ленский, ранее судимый за контрреволюционную деятельность и после отбывтия срока наказания в Сиблаге вернувшийся в село Нижний Уймон. Членами этой контрреволюционной организации также были: братья Михаил Иванович и Василий Иванович Железновы, оба бывшие кержацкие священники, Иван Андреевич Утятников, Федор Иванович Ошлыков, Алексей Ефимович Санаров и Алексей Федотович Бурматов. Согласно обвинительному заключению, члены организации «в целях восстановления населения против существующего строя и развала колхозов систематически проводили контрреволюционную агитацию, распространяли клевету на вождей партии и правительства и высказывали террористические взгляды», уговаривали единоличников «не сдавать хлеб государству» и т.д. Все шестеро 8 сентября 1937 года были приговорены тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю к высшей мере наказания и 21 сентября расстреляны [24, с. 66–68].

Таким образом, по линии матери Александр Егорович имеет отношение к известной на Алтае в 1917 году семье мараловода П. Л. Ленского, своего прадеда. Думаю, что это станет приятным открытием не только для меня, но и для большой семьи Ничковых, которые далеко не все знали о своих предках.

За годы работы главным ветеринарным врачом «Совхоза имени 60-летия СССР» Александр Егорович, конечно, уже неплохо знал маралов: он изучал работу мультинской бригады мараловодов, участвовал лично в прививках, помогал молодому ученому В. Г. Луницыну в исследованиях проблемы туберкулеза в маральниках. Однажды во время прививочной кампании на Мультинском маральнике маралуха передними копытами свернула А. Е. Ничкову нос. От удара копытом он потерял сознание и, если бы не шапка, по которой пришлось удар, то еще неизвестно, чем бы дело кончилось.

«Совхоз имени 60-летия СССР» с начала 1987 года возглавлял Сергей Ильич Огнёв. К началу 1990-х годов он твердо решил, что изменившиеся условия жизни обязывают его как можно быстрее перестать заниматься убыточным молочным животноводством и приступить к созданию на каждой ферме маральников. Строить сразу три маральника в условиях безденежья — затея авантюрная, но Сергей Ильич в этой ситуации нашел выход: он привлек партнеров, у которых были деньги. Так появилось малое предприятие «Орфей», созданное для строительства маральника около села Верх-Уймон. С. И. Огнёв рассказывал мне, что Александр Егорович Ничков сам предложил ему свою кандидатуру на место бригадира мараловодов. Он мечтал работать с маралами. С 29 января 1992 года началась и вот уже 30 лет продолжается трудовая жизнь бригадира мараловодов А. Е. Ничкова в ООО «Верхний Уймон».

В 35 лет Александру Егоровичу вновь пришлось учиться. Опыт работы он перенимал у знаменитого бригадира из Карагая, Героя Социалисти-

ческого Труда Петра Фатеевича Попова. Помогал Александру Егоровичу и известный бригадир из Талдинского маральника Николай Гаврилович Асасыров. Зная А. Е. Ничкова уже 27 лет, я должен отметить его способность и стремление к самообразованию. На рабочем месте в маральнике у него развешана специальная литература. Маральник часто посещают известные гости, здесь иногда проводятся семинары.

Теперь это племенной маральник, качество продукции которого давно знают в Южной Корее, но начиналось все в 1992 году с 80 голов молодняка из Мультинского маральника. Несколько лет животных приобретали в разных маральниках и лучших животных, конечно, никто не отдавал. Развитие маральника проходило быстрыми темпами, и к 2010 году он стал одним из лучших в Республике Алтай (табл. 10).

Таблица 10

Показатели развития маральника ООО «Верхний Уймон» в 1992–2010 гг.

Год	Всего маралов	Рогачи	Перворожки	Нарезано сырых пантов, кг	На рогача, кг	На перворожка, кг	Всего маралух	Получено маралят	% на 100 маралух	Продано маралов в другие хозяйства
1992	81	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1993	106	-	30	77,4	-	2,5	-	-	-	-
1994	145	48	12	275,0	5,0	2,7	38	24	62	-
1995	236	58	1	333,7	5,5	1,9	73	49	67	-
1996	399	65	41	517,1	5,8	2,7	147	103	70	-
1997	560	117	58	773,6	4,8	2,5	174	79	45	-
1998	647	158	85	906,4	4,5	1,6	259	159	62	7
1999	745	223	33	1172,4	5,0	1,8	289	174	60	74
2000	788	221	59	1395,0	5,7	1,8	295	220	75	131
2001	825	244	52	1556,9	6,0	1,9	331	200	60	75
2002	888	283	81	1918,4	6,2	1,9	342	257	75	87
2003	956	326	70	2291,0	6,5	2,3	336	243	72	108
2004	1023	368	88	2573,8	6,5	2,2	339	214	63	52
2005	1097	428	80	2945,3	6,5	2,2	343	251	73	79
2006	1154	457	83	3219,8	6,7	2,2	346	260	75	121
2007	1219	493	75	3614,2	7,0	2,1	365	238	65	63
2008	1274	534	106	4145,1	7,4	1,9	385	302	78	205
2009	1285	560	79	4127,8	7,1	2,0	382	214	55	84
2010	1337	566	84	4194,6	7,1	2,3	393	284	72	100

Показатели в таблице убедительно говорят о постоянной и напряженной работе бригады в маральнике. Рядом с Александром Егоровичем Ничковым в разные годы активно трудились Андрей Федорович Бочкарев, Савелий Прокопьевич Ленский, Николай Прокопьевич Ленский, Иван Васильевич Макаров. Понятно, что такая большая работа требует коллективных усилий, но роль бригадира в ежедневном управлении процессом производства является ключевой.

А. П. Попов, руководитель маралохозяйства ЗАО «Фирма Курдюм», в свое время в разговоре со мной назвал А.Е. Ничкова одним из лучших бригадиров в отрасли, так как хорошо знает, что маральник существует не в самых лучших геоклиматических условиях и создавался поневоле на слабых маралах. Бригаде А. Е. Ничкова, тем не менее, удалось создать стадо рогачей, отвечающее современным требованиям (табл. 11).

Таблица 11

Классность маралов-рогачей в маральнике ООО «Верхний Уймон»
по итогам срезки и бонитировки в 1995–2008 гг.

Год рождения	Элита	I класс	II класс	III класс	Итого
1995	7	3	4		14
1996	3	7	5		15
1997	3	4	3		10
1998	6	7	4		17
1999	8	11	4		23
2000	11	20	9	1	41
2001	29	12	5	1	46
2002	32	20	11	1	63
2003	29	20	9		59
2004	23	38	5		67
2005	25	29	4		58
2006	15	37	29	3	84
2007	14	21	33	1	69
2008	23	38	21	2	84
Итого	228	270	143	9	650
%	35,1	41,5	22	1,4	

За этими цифрами стоит многолетний активный труд всех мараловодов и механизаторов хозяйства. Многие годы, например, первым по-

мощником в бригаде у А. Е. Ничкова был Андрей Федорович Бочкарев, который отработал в маральнике с момента его создания 20 лет. Он рассказывал мне, что самыми трудными были 1997–1999 годы. Зарплату выдавали нерегулярно. Трудились на одном энтузиазме и понимании, что делают важное дело. Трудности и рискованность работы не пугали мараловодов. У А. Ф. Бочкарева, например, четыре раза за годы работы были сломаны ребра, один раз ломал ногу и даже кость таза, но он ни о чем не жалеет. У Андрея Федоровича всегда на первом месте была работа, а на остальное времени не оставалось. «Маралы снимают стресс, — говорил он, — легче становится от общения с животными». Был случай, когда Андрей Федорович забрал к себе домой на выхаживание «поздыша» (августовского) мараленка Гошу. Поил молоком, подкармливал поджаренным овсом, держал всю зиму в тепле. Этот Гоша, который вначале мог есть, только стоя на подтяжках, к весне превратился в боевого марала, лихо скачущего через заборы. Весной его вернули в маральник.

Неуместно как-то даже было задавать вопрос А. Ф. Бочкареву: любил ли он маралов, когда работал с ними. Он говорит, что 7–10 маралов знал «в лицо», а А. Е. Ничков знает «в лицо» большинство рогачей в стаде, то есть сотни быков. А. Ф. Бочкарев называет А. Е. Ничкова отличным мужиком, работать с которым было нетрудно. По словам Андрея Федоровича, А. Е. Ничков вместе с другими делал всю работу в бригаде: участвовал в гоне и разбивке маралов, в консервации пантов и кормлении животных. Помимо этого, он лично проводил все прививочные кампании, вел подробный учет животных и анализ их продуктивности. Тщательно следил за качеством консервации и готовностью пантов.

В 2008 году журналист газеты «Звезда Алтая» Ж. И. Иродова так описывала работу бригады А. Е. Ничкова: «Жаром и запахом сырой крови обдало из открывшейся двери. Из нее в фойе вышел бригадир. Повозмущавшись, по добром, с улыбкой, что в очередной раз ему предстоит рассказывать «одно и то же», направился в другую дверь. В середине комнаты — печка, натружено перерабатывающая древесное топливо. На градуснике — 65 градусов. Обстоятельно осмотрев небольшие первой срезки рога, висящие здесь на просушке, обошел еще три таких жаровых. Температура в них была чуть повыше — 75–80 градусов по Цельсию. Соответственно, рога здесь были «поболе» и висели они уже не макушкой, а комлями вверх, чтобы не сгорели.

— Шесть часов на просушке, затем парочку-другую деньков на проветривании, потом опять сюда и так до тех пор, пока остаток влаги не составит 37,8 %.

— А как вы их определяете, проценты?

И тут Александр Егорович «прощупал» корень рога губами, как мать проверяет лоб ребенка, когда тот затемпературил, затем понюхал.

— Все наши люди умеют, думаю, — и градусы определять, и проценты. Губы у них чувствительные, а уж про них говорить нечего: снабжен процентным барометром. Пойдемте, покажу, какие шоколадки должны получиться. Наш народ еще и с богатым воображением. Шоколадки — это поперечные срезы высушенного панта. На что похоже?

Тут уж я свою фантазию включаю: на спил дерева, только вместо коры — мех, а цвет и запах ... ну, вяленого мяса. Основная-то часть пористая, здесь нервных окончаний нет, а вот когда шкурку режут — маралу больно. К боли приучают «сызмальства», со второго года жизни. Бывает, что 3–4 кг весит пант первой срезки, а в среднем — 1,5–2 кг, если ниже, то не суждено ему стать взрослым — идет на мясо. На пятый-шестой год племенной бык дает уже свыше 10 кг пантов, а дальше — больше. Так до 15 лет. Рекордом для бригады Ничкова считается пант весом 17 кг 200 г. Маралух держат до 17 лет, тельиться они начинают с четырех. Сейчас в ООО «Верхний Уймон» поголовье составляет 1270 животных. Из них 647 рогачей, самок — 400. Остальное — малыши. Когда им исполнится год, их осмотрит бригадир, замерит рожию шпильку, в среде мараловодов больше известную как «тычка». Если ее высота ниже 21 см, бычка относят к третьему классу и выбраковывают, если до 30 см — это второй класс, до 50 — уже первый. Элитным считается тот молодняк, у которого шпилька 51 см и выше. Бывает, что с годами бычки первого класса и даже второго становятся элитными, а бывает и наоборот. Так или иначе, а по результатам прошлого года вышло, что от общего числа поголовья маральника элитное стадо составило 39,9%, 36,6% и 22,6% соответственно первый и второй классы. Получается, что на выбраковку даже и двух процентов нет. Это очень хорошие показатели» [13].

Был год, когда часть уймонских пантов продавали через Карагайский маральник корейцам, и панты у А. Е. Ничкова и А. Ф. Бочкарева принимал сам Герой Социалистического Труда, бригадир мараловодов П. Ф. Попов. Говорят, что он с удивлением обнаружил отличное качество уймонских пантов, приглашал А. Е. Ничкова на беседу и расспрашивал о тонкостях консервации. П. Ф. Попов считал, что директору С. И. Огнёву повезло с бригадиром мараловодов А. Е. Ничковым. Я тоже считаю, что А. Е. Ничкову и С. И. Огнёву повезло друг с другом: они очень хорошо взаимодействовали и взаимодополняли друг друга много лет.

Когда мы в 1996–1997 годах при поддержке директора С. И. Огнёва внедряли технологию забора донорской крови сначала у самцов, а затем у самок маралов, то осторожный А. Е. Ничков согласился на этот эксперимент именно ради поддержки Сергея Ильича, которому не мог отказать. Он добросовестно взялся за новое дело, и благодаря этим людям в России появился новый способ переработки пантового сырья.

В июле 2009 года газета «Звезда Алтая» писала о А. Е. Ничкове: «Знающие люди отзываются о нем как об очень грамотном, опытном руководителе, владеющем передовым опытом и современными технологиями консервации пантов. Даже корейские партнеры отмечают высокое качество продукции. Огромная в этом заслуга А. Е. Ничкова. Коллеги, узнав о том, что имя Александра Егоровича занесено на республиканскую Доску почета, не удивились. Кому, как ни ему, занять там место? Активный, ответственный. Про таких говорят — «горит на работе». В коллективе Ничков уделяет большое значение повышению уровня профессионального мастерства молодых мараловодов, организует шефство опытных работников над новичками. Являясь ветеринарным врачом маральника, он сам проводит все санитарно-ветеринарные мероприятия. Надо ли говорить о том, как это сложно, ответственно работать с такими благородными животными, как маралы? Немало баек сложено об их своенравии. С одной стороны, они пугливы, с другой — вспыльчивы и агрессивны. Людям, работающим с ними в тесном контакте, приходится учиться чувствовать этих животных. Содержатся маралы в условиях, приближенных к естественным, на больших огороженных территориях. Это в каком-то смысле усложняет работу ветеринара. Но знания и многолетний опыт служат для Александра Егоровича добрую службу. Совместно с директором Всероссийского научно-исследовательского института пантового оленеводства Василием Герасимовичем Луницыным А. Е. Ничков принимал активное участие в разработке мер борьбы с туберкулезом маралов. Практический опыт его работы в этой области обобщен и опубликован в книге «Справочник для мараловодов и оленеводов» [13].

Спустя 20 лет после образования маральник в ООО «Верхний Уймон» стал основным производством этого предприятия. Главный актив — земля — насчитывал уже почти 4,7 тыс. га, в том числе сельхозугодий — 1,263 тыс. га; пашни — 528 га; сенокосов — 150 га; пастбищ — 580 га; лесных массивов — 2799 га; древесно-кустарниковых растений — 533 га; других — 80 га. Среднегодовая численность сотрудников предприятия в 2012 году составляла 66 человек. В сельхозпроизводстве были заняты 57 человек, в том числе 11 мараловодов. Производственный процесс обеспечивали 13 служащих. В хозяйстве на балансе находилось 2065 сельскохозяйственных животных, в том числе 478 овец, 169 лошадей (44 рабочих), 60 голов крупного рогатого скота и 1358 маралов. Наблюдалось снижение поголовья овец (на 41 голову), лошадей (на 40 голов). Появилось новое направление: крупный рогатый скот мясного направления. Стабильно росло поголовье маралов (рост на 25 голов).

Структура стада маральника выглядела так: рогачи — 581, маралухи — 400, перворожки — 101, маралушки — 103, телята — 173. Рогачи составляли

около 43 % всего стада маралов. На доходах от продажи пантов развивалось ООО «Верхний Уймон», в том числе покрывались убытки от овцеводства, коневодства, пчеловодства, пекарни и магазина. Александр Егорович еще раньше говорил журналистам: «Большинство было против создания маральника, так как не верили в успех, а мы поддержали предложение С. И. Огнёва. Идут годы, и они показали, что решение это было правильным. Маральник создали, он развивается. Именно он уберег село от развала. Школа, детский сад действуют. Тракторной бригаде работу обеспечили, возобновили овцеводство, коневодство, сейчас вот племенной крупнорогатый скот мясного направления прикупили. Живет село. На ногах хозяйство. А начиналось все с колышка да с 80 мультинских маралят. С мизера начали и племенную работу. С большой благодарностью вспоминаю талдинских и карагайских мараловодов, что поделились племенными бычками, чья кровь теперь в выведенной в районе породе — коксинской. Эти же хозяйства дали племя и Онгудайскому району. Теперь уже и Верх-Уймонский маральник является племенным хозяйством республики. А еще он и мини-завод по консервации пантов. С пяти маральников сюда поступает нарезь: своего, Гагарского, Тихонького, Мультинского и Катандинского».

А. Е. Ничков являлся одним из учредителей ООО «Верхний Уймон» с небольшой долей вклада, но трудовой его вклад был гораздо весомее (табл. 12).

Таблица 12

Поощрения А. Е. Ничкова за успехи в работе

№ п/п	Вид поощрения	Год
1.	Почетная грамота Министерства сельского хозяйства Республики Алтай	2000
2.	Диплом «Лучший по профессии»	2000
3.	Почетная грамота Министерства сельского хозяйства Российской Федерации	2005
4.	Почетная грамота Государственного собрания — Эл Курултай Республики Алтай	2007
5.	Благодарность и знак «За заслуги перед Республикой Алтай», занесение на Доску Почета Республики Алтай	2009
6.	Орден Дружбы	2012

Всего в трудовую книжку Александра Егоровича записано 22 вида поощрений и наград, но награждение его Орденом Дружбы является событием особой важности. А. Е. Ничков стал мараловодом в начале 1990-х,

когда пантовое оленеводство активно возвращалось в частную собственность. С этого времени мараловодов перестали награждать высокими наградами Российской Федерации. Нарушил эту «традицию» С. И. Огнёв, который к этому времени уже семь лет работал министром сельского хозяйства Республики Алтай. Он-то и взял на себя инициативу награждения уже известного на Алтае бригадира-мараловода. Основанием для награждения таким орденом являются, в том числе заслуги популяризации культурно-исторического наследия России в мире. Я, безусловно, согласен с тем, что развитие пантового оленеводства на Алтае в условиях естественной среды обитания — это сохранение и развитие культурно-исторического наследия народного хозяйства России. Все, кто знает А. Е. Ничкова по работе, считают его награждение абсолютно заслуженным.

Награждение проходило 26 декабря 2012 года в Кремле. Александр Егорович сохранил в памяти великолепия кремлевских залов, торжественность церемонии. В ответном слове он поблагодарил Президента России В. В. Путина и пригласил его к себе в гости в маральник. Когда я просил Александра Егоровича рассказать о том, что он испытывал во время вручения награды, то слышал в ответ, что это заслуга С. И. Огнёва. Он охотно рассказывал о членах бригады, их «многофункциональности», профессионализме и отличном отношении к работе. Особенно отмечал заслуги своего товарища и надежного помощника А. Ф. Бочкарева, с которым вместе создавали маральник с первого дня.

Андрей Федорович, в прошлом классный механизатор, мастер на все руки, и все годы оставался незаменимым, например, в вопросах механизации производства. Совершенно заслуженно, по словам бригадира, А. Ф. Бочкарев награжден золотой медалью Минсельхоза России за вклад в развитие агропромышленного комплекса страны.

Разговаривая с Александром Егоровичем Ничковым и Андреем Федоровичем Бочкаревым, обращаешь внимание на то, как они гордятся друг другом. С большим удовольствием Александр Егорович рассказывает о своих коллегах, мараловодах Ленских, которых было в разное время в бригаде четверо: Савелий, Николай, Валерий и Григорий. Валерий Финогенович, кроме ухода за маралами, еще успешно занимался плотницкими делами. Бригадир говорит, что Валерий и сварщик Юрий Огнёв были главными при строительстве новой трехэтажной сушилки.

В сентябре 2018 года я долго «разговаривал» о работе в бригаде немногословного Григория Степановича Ленского, которого в мараловоды «составал» в 1996 году А. Ф. Бочкарев. Сейчас Григорий Степанович — мараловод с 22-летним стажем, а начинать, по его словам, было трудно — все делали вручную. Панты варить его учил Александр Егорович. Г. С. Ленский говорит, что им повезло с бригадиром: ко всем он относится одинаково,

нет у него превосходства над людьми. В бригаде девять человек, но Александр Егорович самую ответственную работу успевает делать сам. Этим летом конь сломал бригадиру ногу, так он норовил в гипсе появляться на работе, пока самочувствие не стало хуже. Очень важно, что бригада без своего вожака не растерялась, не расслабилась и как всегда организованно провела срезку и консервацию пантов.

Кстати, А. Е. Ничков, как и многие мараловоды, постоянно испытывает на себе всю рискованность избранной профессии. Крепко пострадал он в 2007 году. Проверенный конь неожиданно понес так, что Александр Егорович вылетел из седла, но нога осталась в стремени. Волочился за конем, получил копытом удар в голову, потерял сознание, оказался в больнице в очень тяжелом состоянии. Я тогда очень переживал за него и просто по-человечески, и потому, что наше производство без него могло застопориться. Подарил им с женой путевки в санаторий — говорят, это им обоим очень помогло.

В 2014 году в ООО «Верхний Уймон» постоянно трудились 66 человек, в том числе 57 в сельском хозяйстве: 20 трактористов, 11 мараловодов, один пчеловод, три чабана, два скотника, три табунщика. Выручка по предприятию за год возросла на 69% и достигла 24 065 тыс. руб. От продажи товаров и услуг получено 20 228 тыс. руб. За продажу пантов из маральника выручено 14 846 тыс. руб. (73% от общей выручки). При этом все остальные подотрасли на предприятии оказались убыточными: овцы (убыток 683 тыс. руб.), мельница (убыток 260 тыс. руб.), пекарня (убыток 112 тыс. руб.), магазин (убыток 101 тыс. руб.), турбаза (убыток 92 тыс. руб.), пчелы (убыток 45 тыс. руб.). Убыточными пока оставались разведение крупного рогатого скота (убыток 476 тыс. руб.) и коневодство. Помимо этого, за счет доходов Верх-Уймонского маральника держались на плаву Мультинский и Тихоньский маральники. На собрании учредителей после долгих споров было решено отказываться от убыточных видов деятельности. Рост показателей в маральнике приостановился (табл. 13).

Таблица 13

Показатели в мараловодстве ООО «Верхний Уймон» в 2014 году

Показатель	На начало года	На конец года	Изменения
Маралов всего:	1358	1358	-
рогачи	595	572	Минус 23
маралухи	400	400	-
перворожки	63	41	Минус 22
маралушки	101	72	Минус 29
телята	199	273	Плюс 74

С марала-рогача в среднем было получено 7,25 кг сырых пантов, деловой выход маралаят составил 69%. Это были хорошие показатели, но не лучшие на Алтае. В 2015 году поголовье маралов сократилось еще на 81 голову и составило 1277 оленей, в том числе:

рогачей — 546 (убыток 26);
 маралух — 350 (убыток 50);
 перворожек — 84 (прирост 43);
 телят — 163 (убыток 110).

Продуктивность рогачей сохранилась (7,27 кг), но выход маралаят упал до 62%. Вместо 1571 кг консервированных пантов, реализованных в 2014 году, в 2015 году продали 1555 кг. Выручка за год возросла за счет лучшей цены в мараловодстве с 18 млн. руб. до 27,9 млн. руб., но и затраты при этом увеличились на 3 млн. руб. (23%). Вывод один — в мараловодстве не хватает инвестиций для расширенного воспроизводства стада и повышения его продуктивности.

В апреле 2018 года я вновь участвовал в отчетно-выборном собрании ООО «Верхний Уймон» и обратил внимание, что А. Е. Ничков не присутствовал, как обычно, на годовом отчете — оказалось, что он вышел из состава учредителей.

ООО «Верхний Уймон» оставалось племенным заводом по разведению маралов алтае-саянской породы с основным видом деятельности — это разведение маралов, производство пантов и реализация их на международном рынке. При этом предприятие продолжало заниматься разведением крупного рогатого скота и лошадей (табл. 14).

Таблица 14

Поголовье сельскохозяйственных животных в ООО «Верхний Уймон»
на 1 января 2018 года

№ п/п	Наименование животных	Поголовье на 1 января 2017	Поголовье на 1 января 2018	Прибыль/убыток (голов)
1.	Лошади всего:	175	161	убыток 14
	рабочие лошади	36	38	прирост 2
	жеребцы	4	4	-
	конематки	70	69	убыток 1
	молодняк	65	50	убыток 15
2.	КРС всего:	155	183	прирост 28
	быки	2	2	-

Окончание таблицы 14

№ п/п	Наименование животных	Поголовье на 1 января 2017	Поголовье на 1 января 2018	Прибыль/убыток (голов)
	коровы	93	96	прирост 3
	нетели	18	-	убыток 18
	молодняк	42	85	прирост 43
3.	Маралы всего:	1277	1277	-
	рогачи	554	556	прирост 2
	маралухи	353	359	прирост 6
	перворожки	117	48	убыток 69
	маралушки	125	110	убыток 15
	телята	128	204	прирост 76

В 2017 году было нарезано 3699 кг сырых пантов и получено 1422 кг консервированных пантов. Продуктивность на одного рогача составила 6,8–8 кг сырых пантов. Деловой выход телят опустился до 52 %. Выгодность подотрасли сельхозпроизводства по-прежнему оставалась очень разной (табл. 15).

Таблица 15

Прибыльность различных подотраслей в ООО «Верхний Уймон» по итогам работы в 2017 году (тыс. руб.)

№ п/п	Вид подотрасли	Затраты (тыс.руб.)	Выручка (тыс.руб.)	Прибыль / убыток (тыс.руб.)
1.	Мараловодство:	20 296	20 598	прибыль 302
	продажа пантов	13 967	20 598	прибыль 6 631
	продажа маралов и мяса маралов	1 596	1 443	убыток 149
2.	Коневодство	2 076	1 048	убыток 1 517
3.	Скотоводство (КРС)	3 642	1 265	убыток 1 980

Еще 144 тыс. руб. убытков за год принесло пчеловодство. Почти 2,5 млн руб. по итогам года «Верхнему Уймону» оставались должны дружественные предприятия, в том числе ООО «Тихонькое» — 622 тыс. руб., ООО «Гагарка» — 540 тыс. руб., ООО «Объединение «Инициатива» — 1254 тыс. руб. Не только коневодство и разведение крупного рогатого скота в самом хозяйстве, но и три других хозяйства фактически существовали за счет Верх-Уймонского маральника.

Министерству сельского хозяйства дирекция ООО «Верхний Уймон» пояснила, что в 2017 году произошло снижение выручки и увеличение

стоимости продаж: «Основным фактором уменьшения выручки по продукции мараловодства (панты марала) является снижение количества проданных пантов в количественном выражении вследствие снижения продуктивности маралов и снижения средней цены реализации пантов».

Это все правда. Но правда состоит и в том, что маральник нуждается в опережающих инвестициях, без которых он из «дойной коровы» (давайте называть вещи своими именами) превратится в низкорентабельное производство.

У таких мараловодов, как Александр Егорович Ничков, узнаешь интереснейшие подробности из жизни животных, которые не прочитаешь ни в одной книжке. От него я услышал впервые выражение «тайга колетса» — в период гона от крика самцов. Как-то рассказал Александру Егоровичу, что в 1897 году А. А. Силантьев, изучая мараловодство на Алтае, описал случай, когда панты у марала выросли в январе. Он в ответ сообщил, что в 1990-е годы на Мультинском маральнике у одного рогача панты начали расти в декабре и в конце января окончательно сформировались. В Уймонском маральнике пятилетний элитный бык давал отличные панты, затем прекратил — даже коронки не сбросил. В гон ревел, как все маралы. Через два года его пришлось забить.

В разговоре с А. Ф. Бочкаревым, я сказал, что не перестаю удивляться наблюдательности бригадира, а тот еще раз напомнил мне, что «он их почти всех знает в рожу». Оказывается, маралы отличаются не только по масти, но и по повадкам, что отражается в их кличках: Тихоня, Кеша, Коля. Еще есть клички Шебалин (значит из Шебалино), был бык Кайтанакский, который вечно подлазил под ворота и ломал их. Получают клички и некоторые самки. В музее алтайского марала в Бийске есть фото белой маралухи из Талдинского маральника Усть-Коксинского района, но была белая маралуха и в Мультинском маральнике. В Нижнеймонском маральнике, рассказывал А. Е. Ничков, была маралуха с одним рогом. В гоне как самка она не участвовала. В музее есть фото этой маралухи. Вообще известно, что самки значительно осторожнее («дичее», говорят мараловоды) рогачей, пугливее их, но при этом бывают очень агрессивными. Именно самка в Мультинском маральнике чуть не убила передними копытами А. Е. Ничкова. Александр Егорович вспомнил, что в 2004 году он объезжал парки, и его собака нашла недавно появившегося на свет мараленка, который в испуге закричал. «Прилетела» разъяренная самка, набросилась на собаку, загнала ее под корягу в ручей и не выпускала два дня. Собака все-таки пришла, но от переохлаждения вскоре пропала.

Во взаимоотношениях мараловода и оленя много удивительного. Я недавно рассказал Александру Егоровичу о своей встрече с братьями, бригадирами-мараловодами Василием Марковеевичем и Николаем Марковичем Головиными из СПК «Теньгинский». Младший Василий, пока мы ждали Николая,

говорил, что если в его бригаде сгонять маралов для разбивки и других работ — занятие тяжелое, то у Николая «маралы ходят по струнке». Они подчиняются даже голосу бригадира, и объяснить это просто невозможно. Александр Егорович в ответ рассказал не менее интересное: они с А. Ф. Бочкаревым были ошеломлены, когда увидели, как заходил к маралухам бригадир П. Ф. Попов, трогал их за морды и ни одна маралуха даже не огрызнулась. Как будто животные были загипнотизированы человеком.

В Верх-Уймонском маральнике в 1995 году захотели воспитать ручного марала Матвея для управления стадом, но в 1998 году его задрал медведь. В Огнёвском маральнике, говорит Александр Егорович, ручной марал вставал в ворота и сознательно не пропускал остальных. Ничков очень переживает, что в последние три года в маральнике стало много оленей-прыгунов. В Покровском маральнике их называют «брумелями». Рогачи наваливаются грудью на сетку, мнут ее и легко перепрыгивают. Самки же ложатся на бок и передними ногами делают под сеткой подкоп, чтобы выбраться за парковую изгородь. Никто из мараловодов не смог объяснить мне причину столь осознанного действия. Александр Егорович считает, что явление стало слишком массовым, чтобы можно было справиться с ним традиционной выбраковкой таких маралов. За последние 100 лет высоту изгородей в маральниках Алтая уже нарастили с двух до двух с половиной метров. Видимо, это еще не предел, а значит, понадобятся дополнительные расходы на укрепление парковых изгородей.

Мне запали в память слова известного в прошлом бригадира мараловодов Чепрасова из Абайского маралосовхоза, что «марала надо делать». Так гениально просто он выражал самую суть селекционной работы, которая ведется, например, в Уймонском маральнике. В 2017 году я для лучшего понимания технологии этой работы просмотрел журналы учета срезки пантов и составил таблицу соотношения продуктивности рогачей с числом самцов, дающих более 11 кг сырых пантов (табл. 16).

Таблица 16

Таблица продуктивности рогачей в Верх-Уймонском маральнике в 2010–2016 гг.

Показатели Год	Продуктивность стада, кг	Количество рогачей с продуктивностью более 11 кг	Лучший результат, кг, и номер животного
2010	6,0	16	15,3 (№ 4325)
2011	7,1	28	15,2 (№ 4161)
2012	7,3	27	15,9 (№ 1062)

Показатели Год	Продуктивность стада, кг	Количество рогачей с продуктивностью более 11 кг	Лучший результат, кг и номер животного
2013	6,6	10	14,2 (№ 4109)
2014	7,3	34	18,3 (№ 31624)
2015	7,3	36	15,8 (№ 31624)
2016	7,2	27	14,9 (н/д)

Казалось бы, в маральнике достаточно высокопродуктивных быков для достижения продуктивности стада в 8,0 кг сырых пантов на рогача, но не все так просто в реальной работе.

Во-первых, из разговора с А. Е. Ничковым следует, что далеко не каждый высокопродуктивный марал является хорошим племенным быком. Он привел мне пример, когда отличный марал-пантач, дававший 16 кг срезных пантов, не мог в период гона удержать больше трех самок, а менее выдающиеся пантачи удерживают около себя до 40 маралух. Еще один пример. Обезжая во время гона парк, Александр Егорович обратил внимание, что один из крупных племенных быков лежит в низинке, ревет («базлыжит») и даже не встает в поисках самки. Этого быка бригадир больше не пустил в гон.

Во-вторых, племенные быки требуют к себе особого отношения, их надо беречь, так как срок их жизни заметно короче, чем у остальных рогачей. Как-то в конце гона у маралов я приехал и вечером пошел посмотреть на спустившихся вниз быков. Сразу бросился в глаза крупный пантач, который передвигался так, как будто учился ходить: сделает пару шагов и стоит, пошатывается. Рядом спокойно паслись еще два самца. Видно было, что первый бык едва держался после изнурительного гона. Таких быков, по словам Александра Егоровича, приходится аккуратно сгонять вниз и ставить на усиленную кормежку, иначе некоторые из них зиму не переживут.

Однажды после гона я зашел с Александром Егоровичем к быкам-маралам поснимать технологию их кормления. Старался подойти к маралам с фотоаппаратом поближе, но бригадир посоветовал мне быть поосторожнее — некоторые маралы даже после гона сохраняют агрессивность и могут напасть на человека. Я обратил внимание, что большой бык держался как-то в стороне от остальных и не лез к кормушке. Александр Егорович пояснил, что этого быка придется забить, так как другой бык своими рогами — отавой (тычком) — выбил ему глаз. У не-

которых маралов панты срезают на стадии пяти концов, но они бы выросли до 7–8 концов. У таких быков после срезки пантов рога (отава) продолжают расти. Их приходится вновь срезать, иначе они ранят многих маралов в стаде.

Наблюдая, как старательно бригадир со старшим сыном Иваном раскладывали сено по кормушкам, чтобы доступ был у всех маралов, я думал, какая все-таки нелегкая работа у мараловодов и как зависит ее результат от многих факторов, но особенно от возможности хорошего кормления оленей. В Уймонской долине в 2018 году природа опять не позволила получить хорошие корма: там, где не дошла засуха, травостой почти уничтожила саранча. Новая техника помогла верх-уймонцам меньше зависеть от капризов природы и собрать весь урожай трав, но недостаток кормов все равно ощущается. Маралам особенно не хватает сбалансированного корма.

На последнем собрании я предложил подумать о преобразовании имеющегося убыточного мукомольного комплекса в комбикормовый заводик.

Особенно напряженной в мараловодстве является кампания по срезке пантов. А. Е. Ничков нередко отправляет рогача «на дорост», срезав у него только один пант. Это дополнительная работа для бригады, тем более что марал второй раз идет в станок особенно трудно. Однако это получение, как правило, дополнительных 400 граммов пантов с рогача, и бригадир идет на эти затраты. Он идет и на дополнительные затраты, когда не соглашается с механизацией процесса консервации пантов, и доверяет только рукам и глазам мараловодов. Его оправданием служит тот факт, что к качеству верх-уймонских пантов уже много лет нет претензий. Более того, на корейском (основном) рынке пантов верх-уймонские пользуются очень хорошей репутацией.

За 28 лет нашего знакомства я не меньше сотни раз бывал в маральнике и ни разу не застал А. Е. Ничкова без дела. С утра и до вечера у него дела «оленоводческие». Вечером — пчелы, с которыми он не расстается всю жизнь. Если не пчелы, то сенокос, домашнее хозяйство, стройка и т.д. Однако иногда Александр Егорович вырывается на охоту или на рыбалку. По Катуну поднимается верхом на «базу» (место ночлега) и в течение 7–10 дней от базы заходит пешком на несколько километров вверх по реке. Перекусывает — с собой хлеб, сало, вода. Затем спускается вниз с «корабликом» или спиннингом. Как правило, приносит 80–100 хариусов, чистит их вечером и засаливает в «суму». Ест только уху. И так, если позволяет время, целую неделю. Ничего себе отдых, думал я, когда писал эти строки. Каждый день 10 км по берегу Катуну...

В сентябре 2018 года мы вновь разговаривали с А.Е. Ничковым и я спрашивал его, что же главное в работе бригадира-мараловода. Он отвечал

не сразу, но уверенно — любовь к профессии, уважение к людям и определенная «жестковатость» в бригаде. Оказывается, он думает о преемнике и прямо говорит, что очень хочет, чтобы дело, которому он посвятил жизнь, попало в надежные руки. Александр Егорович считает, что ему надо подготовить маральник к будущей передаче: пару лет необходимо потратить на ремонт ветшающей парковой изгороди, укрепить бригаду. Молодые мараловоды лишний раз не расстараятся, за собой не уберут, к работе относятся хуже, чем старшее поколение, и за профессию уже не так держатся. Отсюда у него и слово «жестковатость», а не жестокость. А. Е. Ничкову не стыдно за сделанное, но есть чем быть недовольным. Сердится на себя за то, что болячки не позволяют уже выполнять самому, как раньше, например, прививочную кампанию. Расстраивается из-за частых проникновений в маральник зверя, особенно донимают медведи. Переживает, что не может найти эффективное средство борьбы с «прыгунами» и т.д.

Так и живет один из лучших бригадиров-мараловодов Алтая в ежедневных заботах и думах о деле, которому посвятил себя, и ни разу об этом не пожалел. Остается только надеяться, что у этой истории обязательно будет хорошее продолжение.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.233. Оп.1а. Д.162. л.л. 201, 201об.
2. ГААК. Ф.233. Оп.1а. Д.163.
3. ГААК. Ф.233. Оп.1а. Д.656.
4. ГААК. Ф.4. Оп.1. Д.3152. л.л. 1 об–5.
5. ГААК. Ф.4. Оп.1. Д.3241. л.л. 11–11об.
6. ГААК. Ф.Р-9. Оп.1. Д.169. л. 166.
7. ГААК. Ф.Р-9. Оп.1. Д.185. л.л. 297–298.
8. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). Ф.345. Оп.1. Д.44. л.л. 31–33.
9. ГАСПД РА. Ф.345. Оп.1. Д.51.
10. ГАСПД РА. Ф.Р-315. Оп.1. Д.125. л. 2.
11. Горный Алтай и его население. — Том I. Кочевники Бийского уезда. Выпуск I. Составил С. П. Швецов. — Барнаул, 1900. — С. 181.
12. Залесский П.М. Мараловодство в Северо-Западном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. — Новосибирск, 1930.
13. Звезда Алтая. — 2009. — 3 июля.
14. Кадиков Б. Х. Семья Атамановых // Хочу рассказать. — Бийск, 2012. — С. 139–148.
15. Книга памяти жертв политических репрессий. — Горно-Алтайск. 1996.
16. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. — Новосибирск, 1993.
17. Мальцева Т. Г. Усть-Коксинские архивные чтения. — Вып.1. — Усть-Кокса, 2007. — С. 67–68.
18. Мукаева Л. Н. Из опыта взаимодействия уймонских староверов с государственной властью: от противостояния к согласию // Усть-Коксинские историко-архивные чтения: материалы третьих, четвертых, пятых, шестых, ист.-арх. чтений. — Барнаул, 2014.
19. Никольский А.М. Путешествие в Алтайские горы летом 1882 года — Т. XIV. — Санкт-Петербург, 1882.
20. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1878 гг. по поручению ИРГО. — Вып. I. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии Северо-Западной Монголии. — Санкт-Петербург, 1881. — С. 83–89.
21. Путешествие доктора Бунге по восточной части Алтая в 1826 г. — Томск.
22. Силантьев А. А. Исследование мараловодства на Алтае. — Санкт-Петербург, 1900.
23. Третьяк И. Я. Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 г. — Новосибирск, 1933.

24. Усть-Коксинские архивные чтения, 2007.
25. Фролов Н. А. Пантовое оленеводство Алтая после 1917 года. — Бийск: Музей алтайского марала, 2018. — С. 50–52, 109.
26. Фролов Н. А. Социально-экономический портрет мараловодов дореволюционного Алтая: Сборник работ о пантовом оленеводстве конца XIX в. — Бийск: Музей алтайского марала, 2015. — 212 с.
27. Фролов Н. А. У истоков пантового оленеводства России. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. — 328 с.
28. Ядринцев Н. М. Сведения о мараловодстве на Алтае // Записки Зап.-Сиб. отделения ИРГО. — Омск, 1879.
29. ГАСПДРА. Ф.345. Оп.1. Д.48. л.л. 1, 2.

Список крестьянских хозяйств деревни Верхний Уймон (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1917 года)

№ п/п	ФИО главы хозяйства и его возраст (лет)	Кол-во членов семьи	Кол-во с/х животных в хозяйстве						Землевание в хозяйстве (десят.)			Участие в кооперации
			Лошади	КРС	Овцы	Прочие	Маралы	Пашня	Покос	Другие		
1.	Агапов Василий Афанасьевич, 37	6	18	24	12	14	-	4,5	3	-	-	-
2.	Агапов Евсей Никифорович, 32	6	16	12	24	-	-	5,1	3	-	-	-
3.	Агапов Емельян Афанасьевич, 34	5	13	15	10	-	-	5,6	2,5	-	-	-
4.	Агапов Калистрат Афанасьевич, 47	5	8	16	5	-	-	4,1	-	-	-	-
5.	Агапов Михаил Калистратович, 20	3	6	10	15	-	-	-	2	-	-	-
6.	Агапов Павел Афанасьевич, 41	2	10	22	9	-	-	4,1	6	-	-	-
7.	Агапов Трофим Афанасьевич, 29	5	10	13	8	-	-	5,1	2	-	-	ЧПО
8.	Атаманов Вахромей Семенович, 48	12	41	40	90	19	-	14,4	10	-	-	ЧМА
9.	Атаманов Семен Кононович, 65	14	38	57	108	-	-	12,2	8	-	-	ЧПО
10.	Атаманов Артамон Фриллипович, 60	7	17	18	28	3	-	8,2	5	-	-	ЧПО

11.	Атаманов Гавриил Филиппович, 39	10	16	31	25	-	-	-	5,1	2,5	-	ЧПО
12.	Атаманов Никифор Артамонович, 37	6	15	101	35	-	-	-	13,2	4,5	-	
13.	Атаманова Агафья Семенова, 53	1	1	4	-	-	-	-	-	2	-	
14.	Атаманова Ефросинья Павловна, 30	2	2	4	-	-	-	-	-	1	-	ЧПО
15.	Атаманов Филипп Осипович, 80	9	89	61	85	1	14	13,1	5	2,5	-	ЧПО
16.	Атаманов Гаврила Филиппович, 39	10	16	31	25	-	-	-	5	2,5	-	ЧПО
17.	Алексеевский Александр Александрович, 56 (писарь из Архангельской губернии, дворянин)	6	4	11	5	-	-	-	-	-	-	ЧПО
18.	Баукин Емельян Власьевич, 35	1	14	10	24	-	-	-	1	3	-	
19.	Блинова Евгения Панфиловна, 56	2	5	9	-	-	-	-	-	-	-	
20.	Блинов Ефим Минеевич, 48	7	18	20	22	7	-	-	6,7	6	-	ЧКТ ЧПО
21.	Блинова Ефимия Антроповна, 36	4	7	8	-	-	-	-	1,6	3	-	ЧПО
22.	Блинов Иван Минеевич, 43	7	3	9	6	-	-	-	2,4	3	-	ЧКТ

23.	Блинов Спиридон Наумович, 55	5	19	11	-	4	-	2	-	-	ЧАЛ
24.	Блинов Осип Парфенович, 80	9	21	39	40	-	-	8,2	3	-	ЧПО
25.	Блинов Пимен Минаевич, 32	3	3	7	8	1	-	0,7	3	-	
26.	Бочкарев Игнатий Киприянович, 22	2	3	4	4	1	-	5,3	3	-	ЧАЛ
27.	Бочкарев Иосиф Александрович, 46	9	21	32	32	1	-	11,2	7	-	ЧПО
28.	Бочкарев Калинин Александрович, 24	3	5	4	10	-	-	1,6	2,5	-	
29.	Бочкарев Карп Мелентьевич, 43	8	14	17	13	-	-	5,6	6,5	-	ЧПО
30.	Бочкарев Киприян Ивойлович, 46	8	18	21	50	-	30	7	5	-	ВП
31.	Бочкарев Киприян Несторович, 26	5	13	15	12	-	-	4,1	4	-	ЧПО
32.	Бочкарев Клементий Сильвесторович, 43	5	22	39	29	9	-	10,1	9	-	ЧПО
33.	Бочкарев Кондратий Анисимович, 45	9	19	35	66	5	-	9,6	10,5	-	ЧПО
34.	Бочкарев Кузьма Мелентьевич, 38	4	11	23	32	-	-	5,5	2,5	-	
35.	Бочкарев Лев Мартемьянович, 34	8	10	17	22	3	-	6,5	3	-	ЧПО

36.	Бочкарев Максим Вавилович, 56	19	64	43	80	50	-	18,9	8	-	
37.	Бочкарев Мартемьян Иванович, 60	10	17	18	37	19	-	9,2	5	-	ЧПО
38.	Бочкарев Мирон Васильевич, 44	4	9	113	19	-	-	4,6	3	-	
39.	Бочкарев Наум Иванович, 38	7	65	14	130	-	25	5,6	-	-	
40.	Бочкарев Неофит Фадеевич, 31	6	9	11	12	10	-	3,8	3	-	
41.	Бочкарев Панерил Александрович, 24	5	18	24	14	-	-	5,4	5	-	
42.	Бочкарев Паплин Васильевич, 48	7	13	11	15	12	-	4,1	3	-	ЧКТ
43.	Бочкарев Платон Александрович, 25	5	5	8	17	-	-	3,2	3	-	ЧПО
44.	Бочкарев Анисим Михайлович, 79	11	45	24	110	3	-	14,2	6	-	
45.	Бочкарева Александра Ерофеевна, 47	7	10	9	6	-	-	3,3	2	-	ЧАЛ
46.	Бочкарев Александр Мелентьевич, 55	8	8	11	30	2	-	4,3	3	-	ЧАЛ
47.	Бочкарев Андрей Иванович, 45	3	36	25	94	2	10	11,2	4	-	
48.	Бочкарев Артемий Васильевич, 38	4	11	16	23	-	-	5,3	7,5	-	ЧПО

49.	Бочкарев Венедикт Иванович, 50	8	13	20	45	-	12	5,3	2	-	ЧПО
50.	Бочкарев Влас Вавилович, 64	4	44	60	45	23	-	10,2	3	-	
51.	Бочкарев Давид Александрович, 59	3	8	17	6	9	-	6,8	3,5	-	ЧАЛ
52.	Бочкарев Даниил Васильевич, 33	5	11	11	5	1	-	3,7	4	-	ЧПО
53.	Бочкарев Елифан Анисимович	7	10	17	30	6	-	6,1	3	-	ЧПО
54.	Бочкарева Ефимия Леонтьевна	2	18	10	-	-	-	-	3	-	
55.	Бочкарев Евгихий Григорьевич, 25	4	4	5	7	-	-	3,3	2,5	-	ЧПО
56.	Бочкарев Иван Александрович, 50	8	13	13	14	-	-	6,4	5	-	ЧПО
57.	Бочкарев Иван Вавилович, 48 (нетрудоспособный)	5	96	58	68	27	-	15,1	3	-	
58.	Бочкарев Иван Васильевич, 41	7	18	17	41	7	-	4,3	3	-	
59.	Бочкарев Яким Александрович, 50	10	15	21	20	3	-	5,2	9	-	ЧПО
60.	Бочкарев Иван Фотеевич, 27	3	6	13	14	-	-	3,7	2	-	
61.	Бочкарева Мария Васильевна, 56	1	5	10	8	-	-	-	-	-	

62.	Бочкарев Клириян Нестерович, 26	5	13	15	12	-	-	4,1	4	-	ЧПО
63.	Бочкарев Клириян Ивойлович, 46	13	18	21	50	-	30	6,9	5	-	ЧПО
64.	Бочкарев Даниил Васильевич, 33	5	11	11	5	1	-	3,6	4	-	ЧПО
65.	Бочкарев Савелий Захарович, 39	9	23	25	-	4	-	10,3	5	-	ЧПО
66.	Бочкарев Степан Миликеевич, 40	7	12	16	8	3	-	2,8	2,5	-	ЧПО
67.	Бочкарев Тrefилий Александрович, 35	9	5	11	15	3	-	5,1	2,5	-	ЧПО
68.	Бочкарев Федор Александрович, 43	8	19	99	31	10	-	6,1	3	-	ЧПО
69.	Бочкарев Филипп Иванович, 47	5	20	31	65	-	-	8,1	3	-	
70.	Бочкарев Фотей Федорович, 60	4	10	12	20	-	-	6,2	6	-	ВП
71.	Бочкарев Уосей Иванович	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
72.	Ермолаев Герасим Ермилович, 66	13	27	42	90	22	-	15,1	6	-	ЧПО
73.	Ермолаев Мирон Герасимович, 40	7	12	11	20	7	-	9,7	2	-	ЧПО
74.	Железнов Родион Финногенович, 41	3	3	11	3	5	-	2,1	3	-	ЧПО

75.	Зайцев Михаил Максимович, 43	10	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
76.	Иванова Александра Ларионовна, 44	7	32	25	110	1	-	-	13,5	3	-	-	-	ЧПО
77.	Иванов Гурьян Ерофеевич, 37	3	20	105	95	-	-	-	12,2	3	-	-	-	ЧПО
78.	Иванов Ерофей Иванович, 68	9	40	29	150	-	-	-	12,5	5	-	-	-	ЧПО
79.	Кудрявцев Василий Иванович, 66 (калмык)	2	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
80.	Кудрявцев Ферапонт Васильевич, 28	4	2	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
81.	Кудрявцева Ефимия Васильевна, 31	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
82.	Клепиков Еврасий Степанович, 24	8	6	13	-	-	-	-	5,1	4	-	-	-	ЧПО
83.	Клепиков Трофим Ипатович, 70	4	10	17	11	9	-	-	6	4	-	-	-	ЧПО
84.	Коробейников Семен Филиппович, 46	4	10	35	15	8	-	-	3,6	11	-	-	-	ЧПО
85.	Караев Семен Лаврентьевич, 25 (сборщик молока)	7	4	-	-	12	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
86.	Кононов Семен Григорьевич, 29	6	7	6	2	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
87.	Казанцев Яков Трофимович, 35	3	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ВК

88.	Макаров Ананий Панфилович, 36	3	23	21	18	3	-	4,7	4	-	ЧПО
89.	Макаров Вакул Киприянович, 38	7	11	17	13	15	-	5,7	4,5	-	
90.	Макаров Иван Панфилович, 33	7	8	17	7	4	-	2,3	3	-	ЧКТ
91.	Макаров Фока Киприянович, 31	6	7	21	4	-	-	4,6	3	-	
92.	Мамонтов Иуда Савельевич, 27	5	11	13	10	-	-	7,6	3	-	ЧПО
93.	Мамонтов Савелий Антонович, 57	9	27	31	30	1	3	6,7	3	-	
94.	Малашин Иван Михайлович, 65 (слесарь)	2	-	-	-	-	-	-	-	-	
95.	Макаров Иван Парфенович, 39	7	8	16	-	3	-	7,6	4	-	ЧМТ ЧКТ
96.	Нагибин Ким Варфоломеевич, 37	4	4	8	-	-	-	5	4	-	
97.	Огнёва Аксинья Семеновна, 60	3	-	2	-	-	-	0,1	1	-	ЧАЛ
98.	Огнёва Татьяна Фокеевна	2	3	4	-	7	-	-	-	-	
99.	Огнёв Андрей Ларионович, 43	3	1	1	-	-	-	2,5	-	-	
100.	Огнёв Гордей Матвеевич	-	-	-	-	-	-	3	3	-	

101.	Огнѣв Игнаг Иванович, 39	8	28	123	20	-	-	-	6,7	2,5	-	
102.	Огнѣв Сергей Луппович, 17 (пильщик)	3	5	9	-	-	-	-	3	3	-	ЧПО
103.	Огнѣв Сосипар Фокиевич, 50	10	16	27	30	10	-	-	8,6	6,5	-	ЧПО
104.	Огнѣв Симон Матвеевич, 34	3	6	17	8	6	-	-	4,5	2,5	-	ЧПО
105.	Огнѣв Тимофей Аверьянович, 28	5	5	9	-	-	-	-	4,1	3	-	
106.	Огнѣва Февронья Елифановна, 46	4	1	2	-	-	-	-	0,6	0,5	-	ЧПО
107.	Огнѣв Филимон Дмитриевич, 28	12	32	40	80	25	-	-	12,2	2,5	-	
108.	Огнѣва Ульяна Егоровна, 37	8	13	15	21	1	-	-	7	2,5	-	
109.	Огнѣв Яков Матвеевич, 28	6	27	24	33	-	-	-	10,6	4	-	
110.	Огнѣв Тимофей Афанасьевич, 43	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
111.	Печенин Василий Тимофеевич, 34	6	2	3	-	9	-	-	-	-	-	ЧКТ
112.	Рейман Петр Адольфович, 33 (эстонец)	4	3	2	-	3	-	-	-	-	-	ЧКТ
113.	Черепанов Савелий Васильевич, 75	12	14	19	15	6	-	-	8	6	-	ЧКТ

114.	Черепанов Андриан Васильевич, 60	10	19	40	35	11	-	11,5	9	-	
115.	Черепанов Галафтифон Леонович, 20	4	5	10	8	1	-	5,3	3	-	
116.	Черепанов Егор Федорович, 38	10	9	15	15	-	-	2	4	-	
117.	Черепанов Ивойла Федорович, 36	11	35	51	40	-	2	14,2	6	-	
118.	Черепанов Карп Федорович, 47	11	30	23	74	6	9	13,2	6	-	ЧПО
119.	Черепанов Семен Матвеевич, 60	11	9	13	23	1	-	4,4	6	-	ЧПО ЧКТ
120.	Черепанов Феоктист Филиппович, 35	6	5	14	-	-	-	4,1	4	-	
121.	Чернов Федот Леонович, 26	7	115	33	150	30	48	18,2	7,5	-	
122.	Чернов Иван Леонович, 42 (писарь)	4	5	22	-	-	-	4	25	-	ЧПО ЧКТ
123.	Чернов Федор Анисимович, 44	9	25	33	89	2	-	14,2	3	-	ЧПО ЧКТ
124.	Чернов Федор Васильевич, 58	9	28	24	15	4	10	19,1	3	-	
125.	Чернов Платон Егорович, 50	12	28	32	60	12	15	10	9	-	ЧПО
126.	Чернов Петр Дмитриевич, 40	6	12	42	15	-	-	4,1	4	-	

127.	Чернов Михаил Ипагович, 27	4	11	8	7	-	-	2,1	4	-	
128.	Чернов Максим Анисимович, 42	5	13	18	18	-	-	5,7	3,5	-	ЧПО
129.	Чернов Магвей Селиверстович, 38	5	5	7	-	-	-	1,7	2	-	ЧПО
130.	Чернова Мавра Афанасьевна, 45	5	2	8	-	-	-	-	-	-	
131.	Чернов Ипагий Васильевич, 47	9	24	25	28	1	-	6,7	5	-	ЧКТ
132.	Чернов Ефим Денисович, 36	5	4	6	-	-	-	4,6	5	-	
133.	Чернов Денис Захарович, 58	2	5	1	-	-	-	-	-	-	

Примечание:

ЧПО — член потребительского общества;

ЧМА — член молочной артели;

ЧКТ — член кредитного товарищества;

ЧАЛ — член артельной лавки;

ВП — владелец пасеки;

ВК — владелец кузницы;

ЧМТ — член молочного товарищества.

1.2 ИСТОРИЯ МАРАЛОВОДСТВА ТЕНЬГИ

С Владимиром Георгиевичем Шадриным мы знакомы более 20 лет: здороваемся на совещаниях, разговариваем «на ходу», но чаще всего я консультируюсь у него по телефону и делюсь новостями по Теньге, когда нахожу что-то новое в архивах. Достаточно давно он спросил меня о том, почему я не хочу написать о мараловодстве в СПК Племзавод «Теньгинский», но мне в голову все как-то не приходила сюжетная линия, да и самого материала не хватало для начала работы. Однако в ходе создания очерка о мараловодах Головиных у меня, наконец, пришло понимание, как может выглядеть будущий материал, и, созвонившись, я рано утром 2 августа 2018 года поехал на встречу с В. Г. Шадриным в село Теньга. По дороге вспоминал, что мне известно об этих местах в Горном Алтае.

Появление мараловодства в Теньге

По материалам переписи 1928 года в Сибирском крае считается, что поселение Теньга (Кеньга) возникло в Горном Алтае в 1856 году, однако это очень спорно. Слово «теньга» по-алтайски означает «широкий», «просторный». Естественно, что в этой очень удобной для скотоводства местности издавна кочевали коренные алтайские народы, но именно кочевали... В XIX веке коренное население Горного Алтая было разбито на дючины (волости), и в районе Теньги находились зайсаны сразу трех дючин: 5, 6 и 7-й. Видимо, места хватало всем.

К середине XIX века Горный Алтай «правдами и неправдами», но достаточно активно заселялся русскими переселенцами. К 1865 году в Алтайском округе, куда входила территория Горного Алтая, скопилось 4 368 самовольно заселившихся крестьян, которые уже по нескольку лет проживали в селениях, но были «непричисленными» и поэтому не платили никаких податей. С 1865 по 1876 год в Алтайском округе постепенно сформировалась «переселенческая политика», вполне открытая для дальнейшего освоения Алтая земледельцами России. Большинство незаконных переселенцев к 1877 году приписали к селениям, в которых они проживали, и наделили землей.

Растущий поток переселенцев на Алтай заставил руководство Томской губернии подготовить проект по заселению калмыцких (алтайских) стойбищ. Генерал-губернатор Н. Г. Казнаков писал в Министерство внутренних дел: «Переселенцы, живущие заимками на калмыцких землях Бийского округа, и крестьяне степной части Бийского округа, стесненные малоземельем, просят его разрешения на поселение на калмыцких землях. По ст. 851 т. IX, заселять земли эти нельзя, а можно только брать в оброк у инородцев. Между тем, инородцев всего около 15 000 д.м.п. проживает на 109 000 кв. верст, ведут скотоводство, ненадежное, ввиду нежелания заготавливать сено, не развиты, питаются падалью и, если оставить их без приселения русскими, то они никогда не перейдут к более культурной жизни. Доход правительству от них выражается всего только в 8 000 рублей в год. 100 лет назад река Бия считалась границей, переход за которую наказывался. Но граница эта давно забыта. В 1824 году образована за Бией Алтайская волость и после — Ануйская. Высочайшим Указом 22 июля 1822 года разрешено распространять горный промысел до китайской границы, без стеснения ясачных инородцев» [41].

Министерство Императорского Двора согласилось с этими доводами. Томским Губернатором и Начальником Алтайского округа были определены 26 мест для заселения русскими, в том числе Теньга. С 1865 по 1884 год в 26 новых сельских обществах Бийского уезда заселилось 6 343 «души». Заселение Горного Алтая русскими переселенцами почти всегда сопровождалось притеснениями коренного народа.

Исследователь Алтая С. П. Швецов в 1900 году писал, что переселенческий поселок на реке Кеньге (Теньге) «не образовывался до сих пор (22 года. — *Н. Ф.*) исключительно благодаря сопротивлению, которое встретили здесь переселенцы». Переселенческий поселок в Теньгинском родовом управлении трех алтайских дючин крестьяне почему-то через два года бросали и уезжали в другие места. Крестьяне из поселка Туекта, по словам С. П. Швецова, утверждали, что их выживали калмыки, затаптывая табунами посевы [38, с. 190]. Правда, В. И. Верещагин в 1907 году отмечал: «В Теньге хлебопашество невозможно. Родятся только картофель, редька и редиска» [4, с. 18]. Однако, по моему мнению, более точными в причинах были теньгинцы.

Тот же В. И. Верещагин сообщал, что Теньга расположена на берегу реки Урсулы, близ устья реки Теньги, и состоит из дома писаря, избы ямщика и хорошего дома местного богача инородца Аргымая Кульджина, которому принадлежат громадные стада скота и целые табуны лошадей. Имея прекрасный дом, Аргымай Кульджин живет в обыкновенной юрте, стоящей рядом с домом [4, с. 17]. Около Теньги, по словам В. И. Верещагина, кочевал и старший брат Аргымая — Манжи (Манди) Кульджин.

С. П. Швецов написал в 1900 году: «У этих Кульджинных 3 табунщика, пасущие всех лошадей вместе, 9 пастухов для быков — в каждом стаде до 100 голов, каждое стадо пасется отдельно; кроме того, часть скота пасется еще под наблюдением самих хозяев» [4, с. 349]. Такая концентрация в Теньге богатых алтайцев, объединенных семейными узами, наделенных властью и капиталом умных людей, позволяла долго и успешно бороться с русскими поселенцами.

Бийский исправник В. Штейнфельд в своем обзоре уезда в 1910 году отмечал: «Долина Теньги и ее продолжение — долина Урсула носит уже совершенно степной характер и принадлежит к категории горных степей, столь характерных для Алтая. Здесь находится Управление 5, 6 и 7-й алтайских дючин. Теньга представляет из себя центр калмыцких стойбищ и потому здесь бывают народные съезды, на которые собираются алтайцы со всех окрестных местностей. Инородцы этих дючин ведут кочевой образ жизни и не живут селениями или группами айлов (юрт), а отдельными семьями рассеяны по Алтаю; площадь, занимаемая дючинами, не определена, но число причисленных к этим дючинам инородцев достигает 6 561, которые имеют 1 498 айлов. Селение Теньга состоит из дома ямщика, здания родового Управления и хорошего дома местного богача инородца Аргамая Кульджина, которому принадлежат громадные стада скота и табуны лошадей» [42, с. 107].

В «Списке населенных мест Томской губернии» на 1 января 1911 года в «станции Теньга» было всего четыре двора (молитвенный дом, миссио-

нерская школа, резиденция Управления родовых старост 5, 6 и 7-й алтайских дючин) и 16 человек жителей.

Из этого описания даже в 1910 году Теньгу очень трудно назвать поселением, скорее это была своеобразная резиденция Кульджиных. Не зря православные миссионеры отмечали в своем ежегодном отчете Алтайской духовной миссии за 1909 год: «И не найдете вы на Алтае ни одного богатого калмыка, живущего совместно с кем-либо. Всегда он один занимает огромную площадь земли и, если около его юрты ютятся еще чьи-либо жилища, то это жилища пастухов, безответных рабов богатея» [26].

В 2012–2014 годах, работая над книгой «У истоков пантового оленеводства России», я долго искал в Государственном архиве Алтайского края фамилии мараловодов-крестьян в материалах сельскохозяйственной переписи 1917 года и наткнулся на переписной лист Аргымая Кульджина из урочища Теньга. У него было огромное хозяйство, однако не было в переписном листе маралов. Тем не менее я почему-то записал тогда его в мараловоды. Теперь, в 2018 году, я убедился, что интуиция меня не подвела.

Известный исследователь мараловодства на Алтае А. А. Силантьев по итогам командировки летом 1897 года записал, что после Шебалино и Онгудая по пути на Катанду из-за высокой воды экспедиции пришлось продвигаться на Усть-Теньгу, а оттуда на реку Каерлык, приток реки Урсулы, место жительства известного зайсана Манжи Кульджина, владельца расположенного там большого маральника: «Мы так и сделали. Прибыв к Манжи Кульджину 4-го июля вечером, утром следующего дня мы занимались съемкой рог и фотографированием в маральнике...» [36, с. 91].

В 1900 году, по данным С. П. Швецова, в Горном Алтае содержалось «зарегистрированных маралов 784, в том числе 141 теленок и 643 взрослых-рогачей и маток» (табл. 1).

Таблица 1

Содержание маралов в Горном Алтае в 1900 году,
по С. П. Швецову [38, с. 335]

№ п/п	Категория населения	Поголовье оленей	
		количество взрослых маралов	количество молодых маралов (телят)
1.	Оседлые инородцы	381	72
2.	Крестьяне, мещане и прочие сословия	213	51
3.	Алтайцы «калмыки»	49	18

Из 784 маралов только 8,5 % находилось в собственности у коренных алтайцев. Кто же были эти мараловоды-алтайцы? С. П. Швецов пишет, что один маральник на реке Каерлык принадлежал братьям Аргымаю и Манжи Кульджиным, у которых на то время было 27 взрослых и 7 молодых маралов. Еще 14 взрослых и 4 молодых оленя находились в маральнике на реке Тундур у Чегурака. У Семена Юлукова в Б. Улагане было 15 маралов, в том числе восемь взрослых, и один марал был у Тюхтеня [38, с. 335].

Следовательно, в 1900 году у Кульджиных в собственности находилось 52 % стада пантовых оленей, принадлежащих мараловедам-алтайцам. Это обязывает меня рассказать несколько подробнее об этих личностях.

Манжи и Аргымай Кульджины

О братьях Кульджиных (Кульджиновых) упоминается в литературе довольно часто. У известного писателя и проектировщика Чуйского тракта В. Я. Шишкова в «Чуйских былях» (1914) Аргымай Кульджин описывается умным и деятельным алтайцем, стремящимся к расширению своего хозяйства [40]. У И. И. Белекова уже в наши дни Аргымай Кульджин является «великим подвижником алтайского народа», «самым успешным из алтайских предпринимателей в начале XX века», который первым из «больших людей» Алтая стремился объединить разрозненные сеоки [2]. Об Аргымае и его старшем брате Манжи (Манджи), тем не менее, известно немного, и вопросы начинаются уже с даты рождения Аргымая.

В переписи 1917 года Аргымай записан 46-летним «инородцем-калмыком» из урочища Теньга [6, лл. 73–73об]. Значит, он должен был родиться примерно в 1871 году.

М. Ф. Швецова прожила с мужем в 1897 году полторы недели в Теньге и знала Аргымая как 26-летнего богача, т. е. он должен быть 1871 года рождения. Когда в январе 1930 года на него завели уголовное дело, он сказал, что ему 58 лет, т. е. получается, что он 1871 года рождения. Однако в дальнейших материалах уголовного дела он говорит о том, что ему 65 лет, т. е. родился в 1865 году. Возможно, он решил добавить себе возраст для более мягкого отношения к нему судебных органов. Манжи, по непроверенным данным, родился в 1859 году.

Летом 1927 года ленинградский этнограф Л. Э. Каруновская записала со слов самого Аргымая Кульджина, что его ветвь идет от Алаша, сына Чингиз-Хана. Она составила перечисление родословной Аргымая: «Кенди — Турен — Тюдай — Алтын Чулун — Эргенди — Пудатъок — Тыылбыды — Тыыртак — Кульдя — Аргымай — Карман, Кару, Токна, Эркемен, Владимир». Аргымай Кульджин знал своих предков до 15-го колена [19].

Братья Кульджины были из рода майман (найман). С. П. Токарев писал в 1932 году, что это остаток сильного народа найманов, оттесненных на запад после их разгрома Чингиз-Ханом в районе реки Маймы [34, с. 91]. Он же уточнял: «В 7-й алтайской дючине, образовавшейся лишь в 40-х годах XIX века, зайсанами были почти исключительно потомки Побока из рода Кара-Майман. Побок был зайсаном до самой смерти, после него зайсанил его старший сын Татарак, а потом другой сын — Кулдыя. Все они правили пожизненно. Следующий же зайсан, Чинат, в старости сам отказался от зайсанства в связи с конфликтом с Манджой Кульджиным, заступившим на его место. Манджа и его брат Аргамай зайсанили

недолго и опять уступили место старому зайсанскому роду. Последними зайсанами были Оиска и Мышлак» [34, с. 51].

Кульджины были зайсанами «по праву рождения». После 1880 года зайсанство по наследованию было заменено на выборное. С. П. Токарев отмечал даже, что Аргымай Кульджин «зайсаном стал случайно и ненадолго» [34, с. 91].

На чем строилось богатство всех алтайских зайсанов, старост, баев, убедительно рассказывает в своих работах известный исследователь Ойротии второй половины XIX — начала XX века Л. П. Потапов.

Фамилия Кульджиных начинает встречаться у Л. П. Потапова, когда автор рассматривает вопрос о том, как управляли зайсаны, власть которых на подведомственной им территории была «почти не ограниченной» и до конца XIX века оставалась «мало ограниченной».

Л. П. Потапов пишет: «Стада зайсанов Манжи и Аргымая Кульджиных исчислялись десятками тысяч голов. Из зайсанов южного Алтая особенно выделялся богатством Аргымай, поставщик лошадей императору, побывавший с целью изучения коннозаводства в Англии и неоднократно ездивший в Петербург. Аргымай владел громадными пастбищами, зимними и летними, покосами и занимался торговлей в Монголии, где держал часть своих стад» [30, с. 34].

В. И. Верещагин в 1908 году, говоря о Кульджиных, записал, что часть их скота пасется под наблюдением самих хозяев, но это явно было преувеличением. Скорее всего, Кульджины были очень хорошими администраторами и организаторами своего огромного хозяйства, но сами они, скорее всего, никогда скот не пасли. Как собственники земли (покосов, пастбищ, пашни) и скота, они активно и умело использовали труд своих соплеменников в различных формах. Распространенной формой отработки для бедных алтайцев был «пальш»: зайсан раздавал свой скот нуждающимся «в аренду» за обязательство пасти скот, кормить его круглый год, помогать по хозяйству (покос, заготовка дров и т. д.). Бай Кыйтык, например, живший в Усть-Канском районе, сдавал в «пальш» для доения до 600 коров ежегодно [30, с. 34]. Приплод при этом принадлежал хозяину скота. На условиях «тен улешь» (равная доля) богатые алтайцы давали выкашивать свои покосы, сдавали в аренду косы-литовки, лошадей, оружие и т. д.

Сдача в аренду скота оговаривалась так, чтобы пастух не мог зарабатывать для самостоятельного ведения хозяйства. От И. С. Алагызова Л. П. Потапов узнал, что «известный бай Аргымай Кульджин имел специальный штат воров, в задачу которых входило воровство и убой скота у алтайцев, экономически недостаточно зависимых от Аргымая».

По указанию Аргымая, они путем разбоя ослабляли алтайцев, и тогда было легче «закабалить намеченную жертву» [30, с. 38].

«Тен-улешь», «ортокто» были откровенно кабальной испольщиной для алтайцев. Кроме этого, были еще отработки «айбы-кун» (день долга), «одош-кун» (заимообразно). Еще больше возможностей наращивать богатство и влиять на свой народ зайсанам давал почти неограниченный административный зайсанский ресурс. Официально зайсан получал жалование из своей волости — 25 рублей, но возможности от права сбора «ясака» с учетом своих интересов, податей, собираемых так, что большая часть оставалась у зайсана, доход в виде взяток («карын») и подарков («сын») — все это вместе делало власть зайсанов очень выгодной экономически.

Кроме этого, дючина выделяла зайсанам бесплатных работников «юрчи» для ведения домашнего хозяйства. Манжи Кульджину, например, в 1896 году как родовому старосте приговором 7-й алтайской дючины было выделено два работника [38, с. 238].

Л. П. Потапов пишет, что бай активно штрафовали алтайцев по любому поводу. Колхозник-кузнец Кайлык Клешов из села Ело рассказывал ему, как Манжи Кульджин за потраву его покоса оштрафовал отца Кайлыка и в уплату штрафа заставил выковать 200 железных пряжек к подпругам [31, с. 307].

Зайсаны и бай, по словам Л. П. Потапова, умели обеспечить себя пастбищами на лучших землях даже в условиях колониального режима, путем угнетения и стеснения своих же алтайцев.

Алтайский бай Аргымай Кульджин будучи зайсаном имел стадо в несколько тысяч голов скота. Миссионеры насчитывали у него до 30 заимок, разбросанных по Алтаю, где в зимнее время стояло на каждой заимке в среднем по 300 голов скота. Заимки Аргымая были огорожены. В городьбе он пас скот только зимой и весной, а летом его многочисленные табуны паслись на незагороженных местах, вытравляя лучшие пастбища. «Часто бывает так, — писали миссионеры, — что в пору глубокой зимы и сильных морозов Аргымай получал хорошие деньги от приезжих томских и других купцов за сытых и видных своих быков, а в это время у соседей-бедняков бывает "кодуртки" — истощение скота, когда скот не может подняться сам и его подымают, чтобы он мог есть и не сдох бы с голоду» [26].

«Захваченные и огороженные заимки Аргымая, безусловно, были неприкосновенны для других. Разумеется, Аргымай не был единственным алтайским баем, обеспечившим себя пастбищами путем захвата. Таков был и Кайтык, который имел только одних лошадей 80 табунов, ежегодно

продавал до 500 быков и до 600 коров раздавал бедноте в "доение", в "польш"» [30, с. 121].

Л. П. Потапов пришел к выводу, что алтайские баи-торговцы «обдывали дела не хуже русских коллег», при этом алтаец охотнее шел в кабалу к соплеменнику.

С. А. Токарев отмечает, что алтайские баи наряду с тяжелыми формами («польш») экономического взаимодействия с рядовыми алтайцами умело и широко практиковали гораздо более мягкие, патриархальные по существу методы: «Аргымай Кульджин был, как известно, одним из крупных баев, он умел выколачивать из зависимого населения барыш иногда сложными и хитрыми способами. И, тем не менее, даже об Аргымае мне приходилось слышать рассказы, рисующие его как человека, который умел маскировать свою деятельность патриархальными формами. По словам алтайцев, этот Аргымай давал лошадей, коров, семена исполу беднякам. Давал пасти коров, быков. Деньгами давал мало — в те времена деньги не имели большого значения. Он требовал прилежного ухода за скотом. За труды давал 5–6 коров. Так что быть пастухом у Аргымая было выгодно: за год можно было получить в собственность 5–6 коров. Кроме того, в хозяйстве Аргымая были постоянные батраки. Это были как бы члены семьи. За работу он платил, что попросят. Работавшие на Аргымая и Манджу богатели» [34, с. 94].

Суть взаимоотношений богатых и бедных алтайцев очень точно отражали русские миссионеры в отчетах Алтайской духовной миссии. В 1909 году, например, они писали: «Западный Алтай находится в вековой зависимости немногих богатых родовичей... Если тщеславен и спесив разбогатевший русский торгош, то богатый калмык, особенно родовитый, совсем невозможен в своем обращении с бедными кочевниками. Бедняк буквально ползает перед богачом, чтобы вымолить у него лоскут на одежду и горсть-другую хлеба на пропитание семьи... И не найдете вы на Алтае ни одного богатого калмыка (алтайца), живущего совместно с кем-либо. Всегда он один занимает огромную площадь земли, и если около его юрты ютятся еще чьи-либо жилища, то это жилища его пастухов, безответных рабов богатея» [34, с. 39].

Основными предметами торговли у алтайцев-баев были скот, кожа, орех, пушнина. Л. П. Потапов подчеркивает: «Известный по всему Алтаю богач Манджи Кульджинов разбогател благодаря торговле скотом. На Онгудайской ярмарке Манджи скупил весь привозимый хлеб и потом перепродавал его алтайцам, давая в долг под скот, пушнину и орех. Торговлей "красным товаром" не занимался, был известен грубостью

и скупостью. Как многие алтайские баи, Манджи раздавал бедноте в польши коров и за это пользовался оработками» [30, с. 138].

Братья Кульджины ежегодно (1897) продавали по 200 голов крупного рогатого скота, однако умение учиться, незаурядные деловые качества, наличие свободных денег позволили им создать многоотраслевые хозяйства: «Баи разводили молочный, товарный скот, занимались земледелием, разводили маралов, устраивали обширные пасеки, маслодельные и кожевенные предприятия, торговали, занимались ростовщичеством. В их хозяйствах вводилась улучшенная техника и более усовершенствованные приемы. Так, известный бай Аргымай Кульджин разводил на Алтае племенных лошадей. Он ездил с целью изучения коневодства в Англию и Германию, неоднократно ездил в Петербург. Он произвел искусственное орошение Кеньгинской долины, фактически принадлежащей ему, построил маслодельный завод» [30, с. 153].

Не отставал от брата и Манджи Кульджин, который, помимо прочего, был крупнейшим ростовщиком в Горном Алтае [30, с. 159]. Л. П. Потапов, со слов Тозыякова, сообщает нам: «Манджи Кульджин на одном из съездов зайсанов в Онгудае, как будто бы в 1908 году, просил разрешения открыть в Онгудае кредитный банк, чтобы обслуживать население ссудными операциями. Манджи предлагал установить размер ссуды от 50 до 1 000 рублей, размер процента — 10 процентов. Однако съезд по инициативе зайсана Комляжской волости Ивана Михайловича Тобокова, сына Михаила Васильевича Тобокова, тоже зайсана, известного среди алтайцев под именем "Давыд", отказал Манджи в его просьбе. Тобоков обосновал этот отказ тем, что есть государственные и купеческие банки, можно там брать деньги, зачем же открывать новый банк. Если у Манджи много денег и он не знает, куда девать их, пускай несет в банк купеческий или государственный и кладет их там» [30, с. 158].

Об Аргымае Кульджине Л. П. Потапов пишет с классовых позиций 1932 года: «Как хитрый паук, разбрасывая паутину, он становился одним из крупнейших национал-капиталистов-предпринимателей на Алтае. Все, что он делал, прикрывал показной любовью к своему народу, желанием его культурно возвысить, перевоспитать» [30, с. 163].

Кульджины не баловали своих работников хорошими заработками. С. П. Швецов отмечает: «У двух, например, братьев-алтайцев, живущих по Коерльку, — Манджи и Аргымай Кульджиновых пастухи-табунщики годовые, получающие по 4 рубля в месяц, пастухи же для рогатого скота нанимаются на полугодие — "на лето" и "на зиму", и получают за сезон по 30 копеек с головы скота. Пастухи обыкновенно получают по 20 пу-

дов ячменя и двух лошадей "под езду". Кроме того, из "торбоков" — годовалых и полутороговых бычков — составляют особое стадо, за пастбу которого платят по 1 рублю с головы, но пастух обязан уже сам озаботиться и заготовить достаточное количество сена для подкармливания торбоков в последние 2–2,5 зимних месяца». У Кульджиновых, как пишет Швецов, пастухов было 12 человек [38, с. 349].

Однако это не значит, что они совсем не знали чувства меры во взаимоотношениях со своими соплеменниками. Это были думающие люди, хорошо понимающие время и тонко реагирующие на меняющуюся социально-политическую обстановку в Горном Алтае. По словам В. В. Сапожникова, Аргымай Кульджин в начале XX века построил на свои деньги в Теньге просторную земскую квартиру-дом [33, с. 63]. Имея прекрасный дом, Аргымай жил в стоящей рядом обыкновенной юрте, тем самым он старался не раздражать роскошью своих соплеменников и одновременно предоставлял хорошие условия проживания для русских чиновников, путешественников, купцов, что позволяло ему быть постоянно в курсе происходящих событий.

Очень интересные впечатления от личного знакомства с А. Кульджиным оставила нам М. Ф. Швецова, которая в 1897 году жила с мужем 1,5 недели в селе Теньга. Она, кстати, в записках называет Кульджина Аргамаем. Информация настолько интересна, что процитируем ее полностью: «Плохо говоря по-русски, он внимательно вслушивался в вопросы, переспрашивал иногда еще раз и затем, подумав немного, начинал объяснять их калмыкам гораздо лучше переводчика. Быстро схватывал он самую суть вопроса, развивал и дополнял его и, несколько освоившись с делом, совершенно заменил переводчика. Этот Аргамай представляет вообще крайне любопытный тип. Молодой человек 26 лет, богач, владеющий вместе с братом несколькими тысячами голов скота и имеющий 60 тыс. капитала, живет в бедной калмыцкой обстановке, ни в одежде, ни в образе жизни ничем не выделяясь из остальных калмыков. Занимаясь торговлей, он часто ездит по русским селениям, много раз бывал в Бийске и вообще имел возможность приглядеться к русской культуре, что заставило его задуматься над положением своего народа, и он пришел к заключению, что оттого его народ и живет плохо, что невежественен, — значит, ему нужно дать образование! Проникшись этой мыслью, Аргамай убедил калмыков дать ему письменное обязательство отдавать своих детей в школу при Усть-Кангинском управлении, которую он выстроил на свой счет и обещал содержать три года. Теперь он мечтает устроить школы и в других пунктах и настойчиво добивается осуществления своей

Уймонские мараловоды

Жители старообрядческих поселений Уймонской долины
занимались охотничьим промыслом.
Из фондов Национального музея РА им. А. В. Анохина

Горный Алтай. А. А. Силантьев
с мараловодами во время срезки пантов. 1897 г.

Мараловоды Алтая

Семья В. С. Атаманова. 1926 г. Верхний Уймон

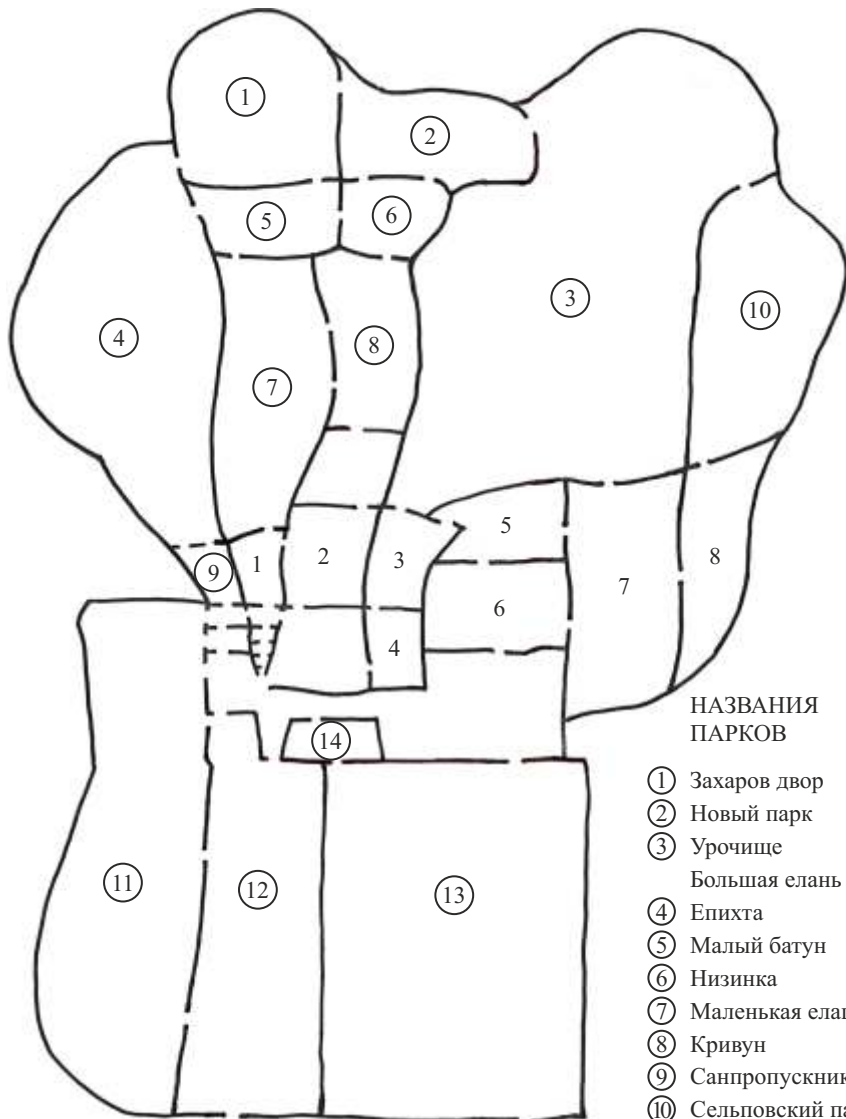

Мараловодческий комплекс ООО «Верхний Уймон». 2010 г.
Фото Н. Фролова

Забор донорской крови у марала

Маральник ООО «Верхний Уймон», основанный 12 февраля 1992 г.

ЗИМНИКИ

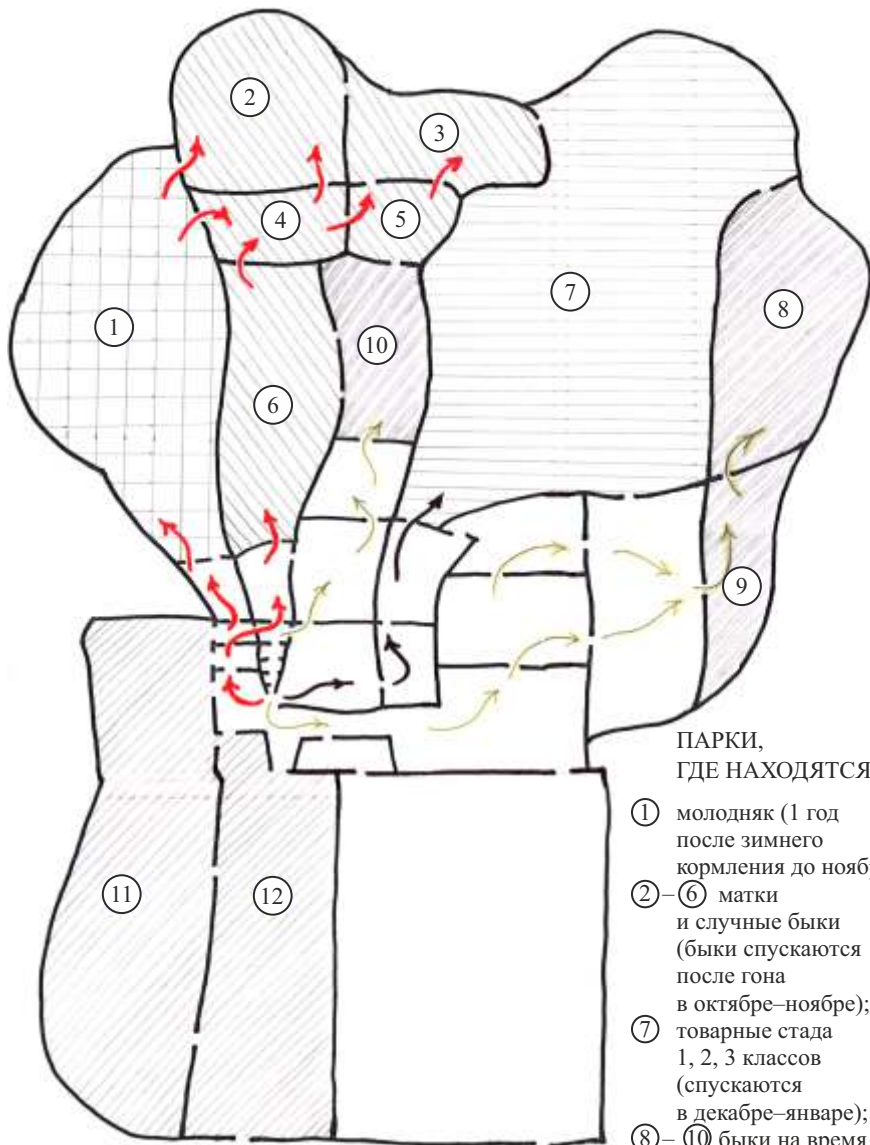
- 1 Молодые самки, 1 год (саохи)
- 2 Маралухи
- 3 Маралята, 0,5 года
- 4 Молодые самцы, 1 год (сайки)
- 5-8 Быки

НАЗВАНИЯ
ПАРКОВ

- ① Захаров двор
- ② Новый парк
- ③ Урочище
Большая елань
- ④ Епихта
- ⑤ Малый батун
- ⑥ Низинка
- ⑦ Маленькая елашка
- ⑧ Кривун
- ⑨ Санпропускник
- ⑩ Сельповский парк
- ⑪ Березов мыс
- ⑫ Поле
- ⑬ Фазенда
- ⑭ ООО «Пантопроект»

Схему подготовили
О. И. Пуш и А. Е. Ничков

План миграции рогачей в маральнике ООО «Верхний Уймон»

ПАРКИ,
ГДЕ НАХОДЯТСЯ:

- ① молодняк (1 год после зимнего кормления до ноября);
- ②–⑥ матки и случные быки (быки спускаются после гона в октябре–ноябре);
- ⑦ товарные стада 1, 2, 3 классов (спускаются в декабре–январе);
- ⑧–⑩ быки на время срезки для дороста пантов;
- ⑪, ⑫ быки после гона до декабря.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Быки после срезки на случку
- Быки на дорост пантов
- Быки после срезки (товарное стадо)

Схему подготовили
О. И. Пуш и А. Е. Ничков

Бригадир мараловодов А. Е. Ничков проверяет готовность пантов. Июнь 2006 г.
Фото Н. Фролова

Бригада мараловодов ООО «Верхний Уймон», 2009 г.

С. И. Огнев, главный инициатор и организатор создания
Верхнеуймонского, Тихоньского и Гагарского маральников.
Фото Н. Фролова

Бригада мараловодов ООО «Верхний Уймон». 2009 г.

Бригадир мараловодов А. Е. Ничков
получил орден из рук В. В. Путина, Президента России

История мараловодства Теньги

Аргымай Кульджин

Сушка пантов в юрте Кульджиных, 1928 г.

-58-

ПРАВЛЕНИЕ СИВТОРГА
Пуно-Сырской Отдел
 копия Управляющему маральниками Сивторга

Гражданка с. Онгудая Манна Калиха предлагает нам и Кредитному Т-ву продажу своего маральника, из которого находятся принадлежащие ей:

Маралов рогачей	19 шт.	
с а м о к	30 шт.	
принадлежащ. нам		
маралов-самцов	9 "	
с а м о к	14 "	72 шт.

Маральник огорожен 500 звеньями; за изгородь она просит по 8 руб. за звено. Что же касается цены маралов, то она согласна отдать по нормированным ценам Облторг-отдела. Маральник находится в 50 верстах от Онгудая по направлению к Усть-Кану. Под маральником место хорошее - вода достаточно.

Сообщая об этом, просим, если Вы находите возможным покупку маралов - сообщите срочно.

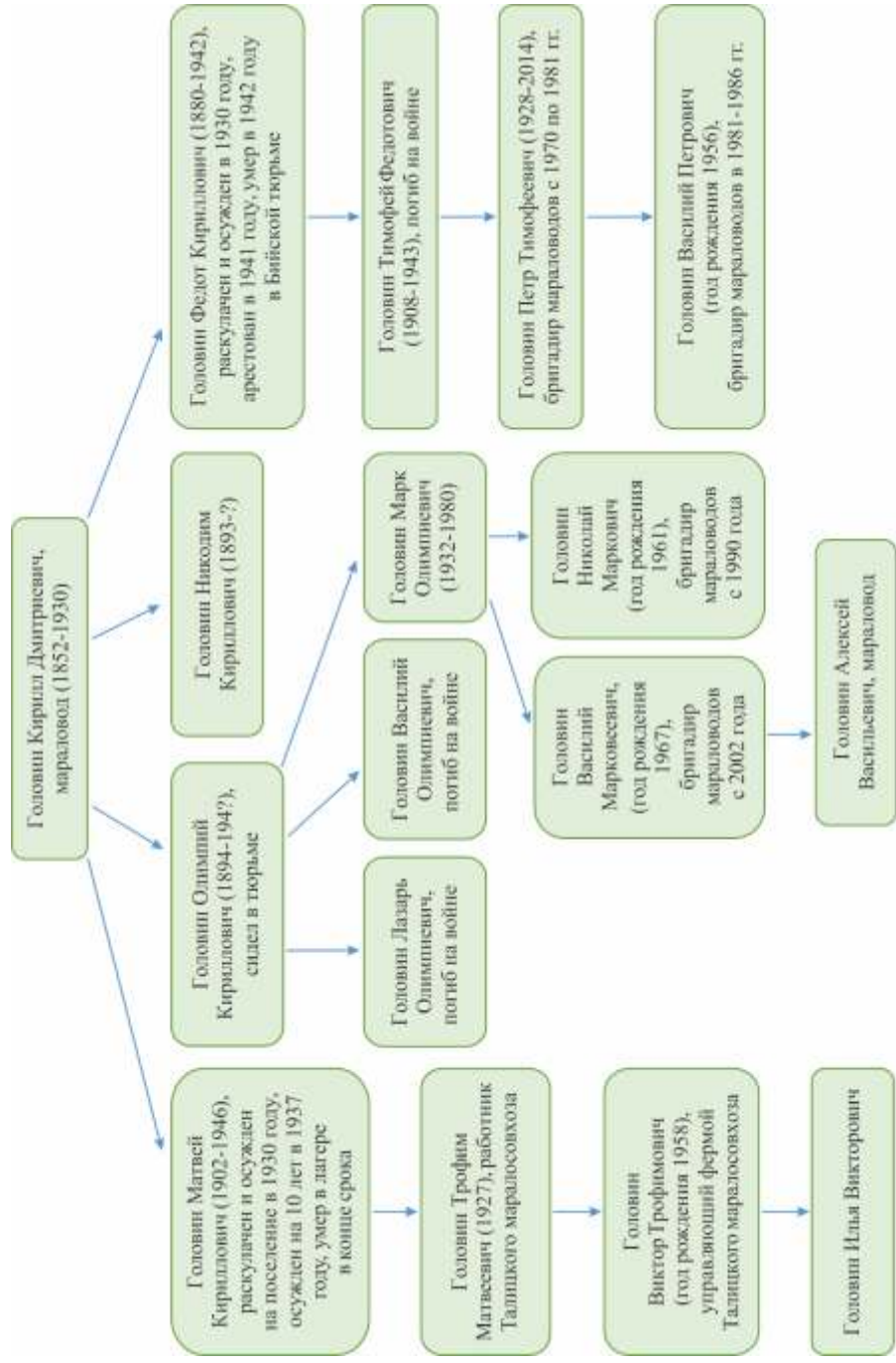
Спрашивается: С/хоз. кооперация интересуется маральником и поручила Кредитному Т-ву вести переговоры о покупке.

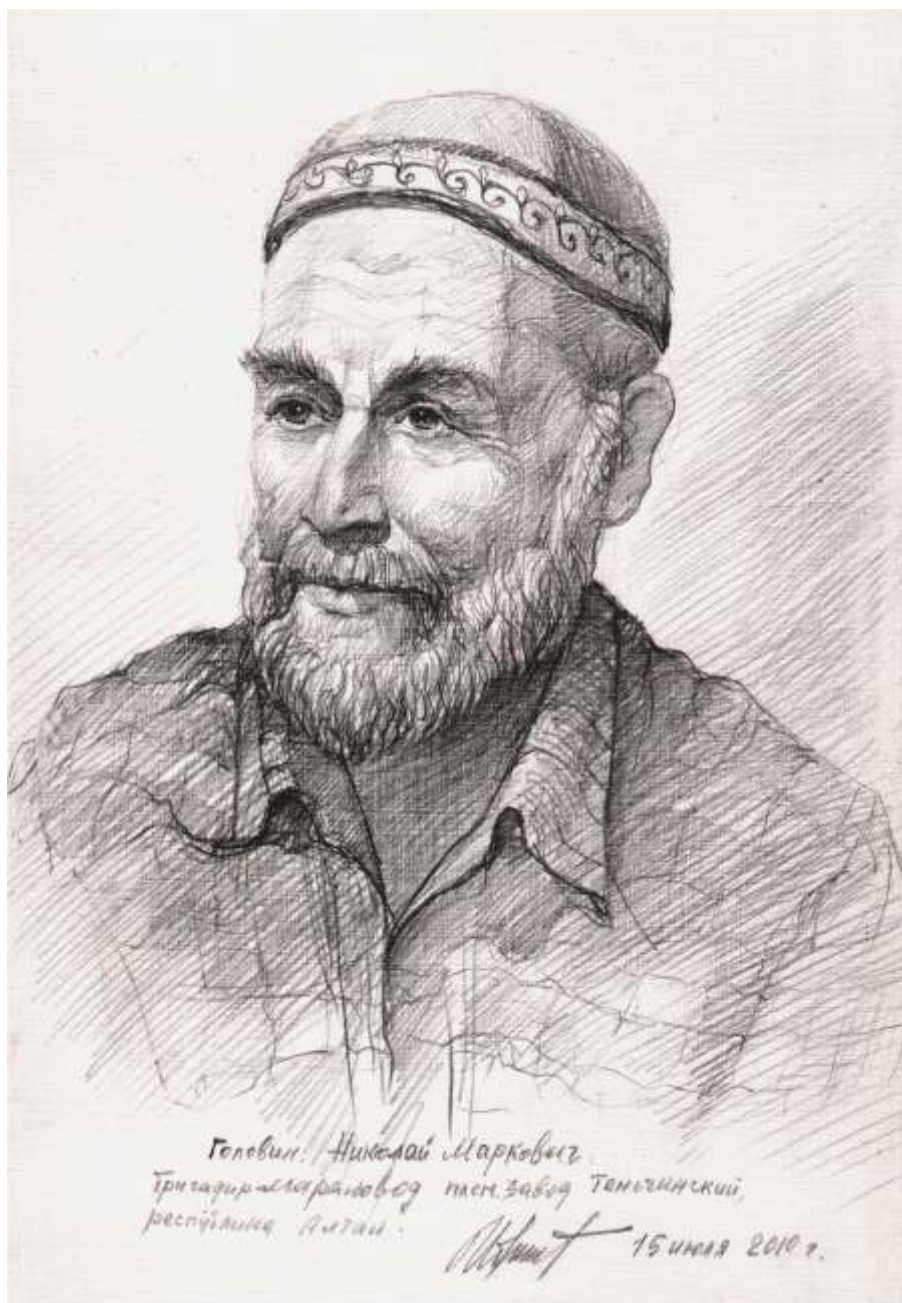
Управляющий конторой (Хмеловец)
 Секретарь *М. Смирнов* (Жваник)

Архивный документ. 1929 г.

Председатель правления СПК Племзавод «Теньгинский» с 1983 по 2020 гг. В. Г. Шадрин. Его попытку как директора племенного овцесовхоза «Теньгинский» создать маральник в 1988 году не поддержало руководство Республики Алтай. 2018 г. *Фото Н. Фролова*

Головин: Николай Маркович
бригадир слесарного цеха завода Тонгинский,
республика Алтай. *Ибрагимов* 15 июля 2010 г.

Н. М. Головин. 2010 г. Художник З. М. Ибрагимов

Теньгинский марал. *Фото А. Тырышкина*

Председатель правления СПК Племсовхоз «Теньгинский»
В. Г. Шадрин (слева) и бригадир мараловодов Н. М. Головин
с пантами марала-рекордиста. *Фото А. Тырышкина*

Школа в с. Теньга. *Фото Н. Фролова*

Отчетно-выборное собрание в СПК Племзавод «Теньгинский», 2019 г.
Фото Н. Фролова

Акт

Республика Алтай,
Онгудайский район,
с.Теньга

29 мая 2016 года

Мы, нижеподписавшиеся: председатель СПК Племенной завод «Теньгинский» Шадрин Владимир Георгиевич, главный зоотехник-селекционер Коннова Галина Филипповна, бригадир мараловодческой фермы Головин Николай Маркович в присутствии заместителя Главы Онгудайского района по сельскому хозяйству Е.Д.Мартынюка, составили настоящий акт в том, что 29 мая 2016 года во время панторезной компании у марала-рогача, принадлежащего сельскохозяйственному производственному кооперативу Племенной завод «Теньгинский», с инвентарным номером 23500 (2006 года рождения, полных 10 лет) срезали панты общей массой 23 кг 800 грамм, что является селекционным достижением для маралов Алтае-Саянской породы.

По бонитировочной шкале панты получили оценку, соответствующую классу «элита». Ниже следует описание селекционного достижения.

Левый пант: масса 13,0кг, длина ствола -91см, обхват ствола-30 см, длина 1-го отростка – 41 см, 2-го отростка – 36 см, 3-го отростка – 41 см, 4-го отростка- 40 см, дополнительный отросток 17 см; форма кроны представлена бокалом, состоящим из 4-х отростков размерами 21,17,20,15 см.

Правый пант: масса – 10.8 кг, длина ствола – 82см, обхват ствола – 26 см, длина 1-го отростка – 30 см, 2-го отростка - 44 см, 3-го отростка – 41 см, 4-го отростка 21 см; форма кроны представлена крупным бокалом, состоящим из трех отростков с размерами – 12, 10, 12 см.

Вышеописанное подтверждаем своими подписями:

Председатель СПК
Племзавод «Теньгинский»

В.Г. Шадрин

Главный зоотехник-селекционер

Г.Ф. Коннова

Бригадир мараловодства

Н.М. Головин

Заместитель Главы Онгудайского района
по сельскому хозяйству.

Е.Д. Мартынюк

мечты, несмотря на противодействие родных, опасаящихся, что он растрастит все свои деньги на школы, и недоверчивое отношение калмыков к русским школам: "Будут наши дети учиться в русских школах, так, пожалуй, и в русскую веру перейдут". На прощание Аргамай нам заявил: "Уж там они как хотят, а я заведу школы, и будет наш народ ученый, как и русские". На том мы с ним и расстались» [39, с. 31–32].

В 1896 году А. Кульджин профинансировал строительство школы в Теньге для алтайских детей. В 1901 году алтайские православные миссионеры писали: «Недавние упорные враги христианства, богатые главаря язычества Манджи и Аргымай Кульджины заявляют о своем желании построить в центре калмыцких стойбищ молитвенный дом» [24].

В то же время, когда стало понятно, что земельная политика царской власти начинает урезать его в земельных владениях, Аргымай активно поддержал появление «бурханизма» на Алтае.

Мои предположения подтверждаются в рассказе «У последней воды» писателя В. М. Бахметьева, который некоторое время (1912–1914) жил в Горном Алтае: «В Теньгу, что на речке Урсул, довелось мне заглянуть проездом, и немало там наслушался я о туземном богаче Кульджинове: один такой богатство свое сохранил в осаде русских наезжих купцов... И удивительно! — стоит у Кульджинова в Теньге большой домина, но живет он с семьей обаял, в обыкновенной юрте, носит стародавнюю одежку; сотни целкашей на тамошнюю церковь жертвует, а сам еще с революции пятого года к белой вере Бурхана прилежен заодно с многими новокрещенными алтай-кижи, людьми Алтая» [1, с. 186].

Православные миссионеры Алтайской духовной миссии на протяжении многих лет отмечали особенно непримиримую роль в борьбе с ними Манджи Кульджина. Томский комитет Православного Миссионерского общества в своем отчете за 1899 год писал следующее: «Комитет в лице своего Преосвященного Председателя неоднократно входил в сношение с гражданской властью, с просьбою оградить новокрещенных от насилий и обид. Входил также с ходатайством перед гражданской властью Комитет и о том, чтобы всем известный на Алтае своим могуществом и богатством, но в то же время нестерпимую враждою к православию, язычник Манджа Кульджин, избранный языческой партией на должность родового старосты, не был утвержден в этой должности. Манджа Кульджин — давнишний недоброжелатель миссии. Влияние его, всегда значительное, особенно поднялось с того времени, когда он ездил в качестве депутата от инородцев на торжество коронации Императора Николая II (1896 год. — *Н. Ф.*) Возвратившись отсюда, он всем без стеснения рассказывал, что сам Царь имел с ним

разговор, не велел инородцам креститься, обещал отдать землю только им, крещенных русских с Алтая удалить. В доказательство своих слов он показывал простодушным и доверчивым калмыкам особую царскую грамоту, оказавшуюся на самом деле меню "обеда", которым угощали на коронации старшин» [27].

В начале XX века экономические возможности алтайских баев стали резко сокращаться. Как ни тормозили они развитие земельной реформы, но в 1906 году Кабинет передал под распределение крестьянам и оседлым алтайцам еще 6 млн десятин земель Горного Алтая. В мае 1907 года, например, 512 алтайцев вновь обратились к русским властям с просьбой «не стеснять их в новой вере», но, по словам алтайских миссионеров, «братья Кульджины оказались весьма умными и хитрыми, потому что не подписали сего прошения» [25]. Они тайно, но активно вели политику среди соплеменников, противодействуя реформам в Горном Алтае. Бийский епископ Иннокентий, Начальник Алтайской духовной миссии в 1909 году сопровождал в поездке по Горному Алтаю Томского губернатора и Начальника Алтайского округа и записал их встречу с населением в Онгудае: «Начальник губернии изволил беседовать с народом, выслушивая разные просьбы, жалобы и прочее. Новокрещенные жаловались, что обделены землею, захваченною русскими. Г-н губернатор успокоил их обещанием хлопотать об отводе им земли в будущем году. При этом поднят был вопрос о том, почему они отказались от нарезки земли в то время, когда происходило отмежевание ее в пользу крестьян? Оказалось, что виною всему — Аргымай Кульджин, у которого на Алтае 26 заимок с 300 голов на каждой. Ему, конечно, крайне невыгодно было получить земельный надел в какие-нибудь 15 десятин, поэтому он и настроил народ, всегда ему как богачу послушный, от нарезки земли отказаться. Когда все это выяснилось, г-н начальник губернии стоявшему тут же Аргымаю заметил, что поступать так, преследуя личные интересы, в ущерб народным, крайне нечестно. Но дело уже непоправимо, надо полагать. Правда, новокрещенные получают земельный надел, но уже далеко не тот, что достался навеки крестьянам» [29].

Аргымай Кульджин всегда вел свою линию более гибко, чем его брат. Он, очевидно, больше тяготел к предпринимательской деятельности. Алтайские православные миссионеры, например, писали в 1900 году: «Упомянутый ранее язычник Аргымай ныне устроил на своей земле маслодельный завод, выписал мастера немца, который и вводит немецкие порядки чистоплотности у грязных инородцев; дойницами служат инородки язычницы, которые и в баню ходят, и руки мылом моют, и чистые

передники носят; даже курить возбраняется им в то время, когда доят и управляют с молоком» [22].

Умный политик, он выстраивал хорошие отношения с царской властью не только стройками, но и личными отношениями с Томским губернатором. Это позволило ему попасть в составе делегации на встречу с Николаем II. В начале августа 1908 года «имела счастье представляться Его Величеству Государю Императору депутация доверенных от 13-ти кочевых волостей калмыков, Томской губернии, Бийского уезда, жителей Горного Алтая. Депутацию сопровождал Томский губернатор барон Нолькен». Николай II встретился с депутацией, в составе которой был и Аргымай Кульджин. Всем членам депутации подарили золотые часы с царским гербом [5]. На этой встрече, скорее всего, была сделана последняя попытка богатых алтайцев остановить земельную реформу в Горном Алтае. Николай II, видимо, пообещал рассмотреть их просьбу, но мнение губернских властей — не останавливать процесс переселения русских в Горный Алтай — оказалось более веским.

Уже к 1913 году земли были окончательно перераспределены. Манжи Кульджин, по словам С. П. Токарева, был к этому времени «за злоупотребления смещен и присужден к тюрьме» [34, с. 145].

В 1913 году с А. Кульджиным встречался В. Я. Шишков: «За чашкой калмыцкого чая, сваренного с молоком, солью и талканом, веду беседу с Аргамаем Кульджичем. Он человек начитанный, богатый, предприимчивый. Не раз бывал в Питере. Он владеет огромными табунами лошадей. Он желал бы поставлять для сибирских частей русской армии особой породы лошадь, выносливую в горных переездах, приспособленную к суровым зимам. Для этого ему нужны хорошие производители из главного коннозаводства и 20 000 десятин земли. Производителей ему дали, в земле же он получил полный отказ.

— Поеду в Питер хлопотать, — говорит он, посматривая на меня умными, с огоньком глазами. — Ежели откажут на Алтае дать, по Иртышу просить буду. Ежели и там не дадут, весь скот за границу угоню, в Монголии жить буду, либо все брошу, закончу, стану без дела жить.

Но разве такая натура, как Аргамай, может бездельничать. Он и скотоводством занимается, и землю пашет, и торговлю ведет. Рахманинские горячие ключи хотел ведь под свою руку взять, курорт там устроить. Конечно, следовало бы поощрить такого предприимчивого калмыка. Тем более, что дело улучшения породы алтайских лошадей — дело значительной государственной важности» [40, с. 159].

В литературе пишут, что Аргымай Кульджин как коннозаводчик был поставщиком Императорского двора. Это не так, но в годы Пер-

вой мировой войны он «подарил царю 100 ремонтных лошадей» на нужды армии [14].

По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года в семье Аргымая Кульджина жила его 30-летняя жена Магарчи, сыновья Кару и Токна семи и трех лет, 12-летняя дочь Тана и 17-летняя работница Аграфена. Старший сын Карман 1886 года рождения жил своей семьей. В литературе упоминается еще дочь Тарынчан, жена Тодота — сына бая Кыйтыка.

Земельные бескрайние владения Аргымая резко сократились: он владел двумя душевыми наделами земли и 69 десятин арендовал. Под пашней было 5,5 десятин и под покосами — 35 десятин земли. В собственности семьи было 1 636 голов скота (табл. 2).

Таблица 2

Количество сельхозживотных у Аргымая Кульджина,
по данным сельхозпереписи в 1917 году

№ п/п	Категории сельхозживотных	Количество голов
1.	Лошадей, в том числе:	650
	– жеребцы до года	200
	– жеребцы от года до рабочего возраста	70
	– рабочие лошади	80
	– прочие	300
2.	КРС, в том числе:	828
	– быки старше двух лет	600
	– коровы	50
	– нетели	28
	– бычки до двух лет	100
	– телята до года	50
3.	Овцы, в том числе:	140
	– ягнят	60
4.	Козы	15
Итого:		1 636

В переписи за А. Кульджиным значатся еще три государственных племенных жеребца. В собственности семьи конезавод и маслодельный завод. Сельхозинвентаря немного: плуг — 1; бороны железные — 4; косилка конная — 1; конные грабли — 4; телеги — 6. С 1916 года Аргымай был совладельцем артельной лавки в селе Онгудай и использовал в хозяйстве все виды наемного труда [6, лл. 73, 73об]. Скорее всего, количество поголовья А. Кульджин заметно снизилось, в том числе

не указал наличие маралов, но это уже совсем не то богатство, о котором рассказывает Л. П. Потапов.

Революционные события 1917 года взволновали братьев Кульджиных своей непредсказуемостью и заставили их вернуться в политику: вместе с Г. Гуркиным они представляют народы Горного Алтая на заседаниях Томского губернского собрания и добиваются разрешения провести в Бийске съезд народов Горного Алтая с целью выделения своего региона в отдельный уезд с созданием собственных органов земского самоуправления. В марте 1918 года в селе Улала (Горно-Алтайск) с активным участием Кульджиных прошел региональный съезд с целью приобретения Горным Алтаем автономии. 18 января 1919 года Временное правительство образовало Каракорумский уезд в составе Алтайской губернии. В дальнейшем на суде Аргымай пояснял, что на съезд приехал с опозданием, когда вопрос о создании Каракорумского правительства был уже решен, членом правительства он не был [11, л. 394]. В этом году Горный Алтай был сплошным военным лагерем многочисленных сражений, но в декабре 1919 года после победы партизан Третьяка многие богатые жители, в том числе и братья Кульджины, ушли в Монголию. Манжи Кульджин, по непроверенным сведениям, был убит или умер сам среди монголов-дербетов, а Аргымай вернулся в Горный Алтай в 1921 году через Семипалатинскую область. Там был арестован, но по справке из Ойротии отпущен домой.

В дальнейшем на суде он пояснял, что в Монголию ушел в 1919 году, чтобы взыскать долг в 3 000 рублей с местного торговца.

Видимо, к 1922 году, несмотря на все события, А. Кульджин сумел сохранить значительную часть семейного хозяйства. В 1922 году А. П. Кайгородов и другие сумели организовать в Горном Алтае ряд восстаний, в которых участвовало около 5 000 человек. А. П. Кайгородов постоянно инициировал вопрос о национальном самоопределении Ойротии. В Кош-Агаче 23 июля 1923 года должен был пройти объединительный съезд алтайцев, тувинцев и бурят. В составе комиссии по подготовке съезда из трех человек опять был Аргымай Кульджин, однако в этом году у Аргымая все имущество конфисковали и «возвратить обратно ничего не дали» [11, л. 394]. Однако конфисковали далеко не все, и это дальше будет видно по материалам дела.

В 1925 году Аргымая Кульджина лишили избирательных прав, а в 1929 году раскулачили за эксплуатацию наемного труда. Он всячески пытался приспособиться к новой власти, но при этом сохранить остатки своего хозяйства. На суде он рассказывал, что комитету взаимопомощи

давал 21 овцу, беднякам давал две кобылицы, бедному коллективу тоже давал скот... [11, л. 394].

О каком же суде идет речь? В январе 1930 года на Аргымая Кульджина, его сына Кармана и еще 16 человек было заведено уголовное дело по ст. 58-10 ч. I УК. За сознательное саботирование коллективизации в 1929 году и срыв мобилизационного задания по предоставлению 50 лошадей для транспортных нужд новой власти Аргымая, его сына и еще Чечкина и Фунтикова приговорили к расстрелу с конфискацией имущества. Однако 19 марта 1931 года кассационная коллегия Сибирского краевого суда приговор отменила из-за слабой доказательной базы и направила дело на новое расследование [13].

Уже 30 июня 1931 года было подготовлено новое обвинительное заключение, в котором было записано в частности следующее: «Не ограничившись одной агитацией (против коллективизации. — *Н. Ф.*), кулачество в лице Кульджина Аргома, Кульджина Кармана и Чечкина выбрасывают лозунг "продавать скот", благодаря чему началось массовое организованное уничтожение скота, начинают скот резать, продавать под закол и всячески ликвидировать. Так в течение последних декабря 1929 года и января 1930 года благодаря такой агитации ликвидировано 284 лошади, 253 коровы и 863 овцы... Кульджин Аргымай ликвидировал все стадо овец в количестве 289 голов, а из 74 голов рогатого скота оставил только 16. Кульджин Карман умышленно продал 10 коров и лошадь. Имелись случаи срыва бедняцких собраний (с. Ороктой) кулаком Аргомаем... Когда встал вопрос о переброске груза, скопившегося на перевалочном пункте села Онгудай у акционерного общества "Транспорт", следуемого в Монголию, согласно постановления Облисполкома по Онгудайскому аймаку, была проведена мобилизация лошадей в порядке трудгужповинности, на это мероприятие кулачество названного аймака отозвалось сознательным организованным срывом, так вместо того, чтобы выставить 265 лошадей, было выставлено лишь 35 лошадей, включая сюда и кулака Аргома, Кульджина, который вместо 50 лошадей, выставил только 3 лошади...» [11, л. 394].

К этому времени семья А. Кульджина была уже сослана из Горного Алтая. Суд приговорил Аргымая Кульджина «к лишению свободы сроком на десять лет в исправительно-трудовых лагерях в отдаленной местности Союза ССР» [11, л. 394]. Однако 21 августа 1931 года Коллегия Западно-Сибирского краевого суда определила: «Приговор оставить в силе, принимая во внимание, что Кульджину Аргомаю уже 66 лет, содержание его под стражей не вызывается необходимостью и нецелесообразно, что его социальная опасность определяется возможностью преступно влиять

на среду националов алтайцев лишь при проживании среди них. В порядке ст. 437 УПК Кульджину Аргомаю лишение свободы на 10 лет заменить ссылкой на этот же срок» [11, л. 394]. Вот где помог А. Кульджину его увеличенный возраст.

Только в июне 1996 года А. Кульджин был реабилитирован как жертва политических репрессий. Карману Кульджину решение суда о ссылке на 8 лет с принудительными работами в отдаленной местности Союза ССР, как и другим участникам дела, не отменили. Еще одного сына А. Кульджина — Кару Кульджина (1912 года рождения), грамотного крестьянина-единоличника также арестовали 16 мая 1931 года и лишили свободы на один год [20].

По данным спецсводки № 1 Сибирского ОГПУ от 13 февраля 1930 года, в Ойротской области ликвидация «кулачества» началась стихийно 16 января и к 5 февраля по восьми аймакам (без Кош-Агача и Улагана) было ликвидировано 581 байско-кулаческое хозяйство на сумму 279 444 руб. [9, л. 101].

Под эту кампанию раскулачивания в числе других попали отец и сын Кульджины. Все раскулаченные тогда распределялись по трем категориям:

- I категория — «контрреволюционный актив», который подлежал расстрелу или ссылке в концлагеря;
- II категория — «богатые кулаки», которые ссылались в отдаленные местности СССР;
- III категория — «остальные» — оставались после раскулачивания в пределах проживаемой территории.

С начала января до 24 февраля 1930 года из Ойротии выселили через Бийск 236 семей кулаков II категории — 1 187 человек, в том числе 544 ребенка до 18 лет. Часть ойротских «кулаков», например, попадали в распоряжение Комсеверпути и другие труднодоступные места [10, л. 119]. К 25 мая 1931 года в Бийск из Ойротии должны были отправить еще одну партию в количестве 445 раскулаченных семей [8, л. 47]. Из 25 728 хозяйств Ойротии с начала 1930 года по 20 июля 1931 года было раскулачено и выселено 503 хозяйства [15, лл. 90–129].

Куда были сосланы Кульджины и их семьи, в этом потоке из многих сотен семей установить уже вряд ли возможно. Пока остается до конца неизвестным, что стало с маральником братьев Кульджиных, который невозможно было перемещать так, как стадо овец или табуны лошадей. Маральник являлся гораздо более уязвимым объектом хозяйственной деятельности. У тех хозяев, которые ушли вместе с колчаковцами в 1919 году за границу, ревкомы национализировали дома, магазины, маральники, мельницы, заводы [31, с. 117]. У меня

есть основания утверждать, что маральник Кульджиных сохранился и существовал вплоть до 1930 года.

Во-первых, в литературе 1920-х годов упоминается и даже есть фото маральника Сапоговых-Манжиных [21]. Сапоговыми, скорее всего, называли наследников Сапога Кульджина, а Манжиными — наследников Манджи Кульджина. С. Ю. Орлов, обследовавший состояние мараловодства Горного Алтая в 1928 г., отмечал: «У Манжиных маральник существует с 1886 года и очень сильно нуждается в ремонте. Так, изгородь, какую мы здесь встретили, примитивна и непрочна. Как в прошлом году, так и в нынешнем были случаи повреждения загородки и выхода маралов. Например, в 1927 году ушло 9 штук, а в 1928 году — 2 марала. В настоящее время у Манжиных имеется всего 22 самца и 19 самок. Никаких конструктивных указаний они за все время ни разу ни от кого не получали, а потому рога сняты не вовремя и переросшими. Кроме двух маральников, принадлежащих алтайцам, имеется 4 у русских. К нашему приезду в маральнике Манжиных на 5 владельцев было: быков — 17; самок — 19; молодняка — 5; всего — 41. А у Сапоговых (хозяев двое): быков — 2; самок — 6; молодняка — 8; всего — 16. В прошлом (1927) году у 19 самок было 18 телят, а в 1928 году на это же количество самок только 8 телят, причем и родились они значительно позже.

Маральник Манжиных выстроен в прекрасном месте, просторный и с разнообразной растительностью, но внешний вид маралов далеко не из хороших. На болезни маралов нам владельцы не жаловались, но весной один бык пропал (причину установить не удалось). Еще два рогача пропали при загоне, так как были поломаны рога. Алтайцы жалуются на трудность иметь маралов, хотя и говорят, что их выгоднее держать, чем, например, лошадей или баранов. "Смотрят, — говорят они, — на нас плохо...".

Остальные маральники в Онгудайском аймаке принадлежат русским, а именно:

- Клементьевым (урочище Шебалинское) — 8;
- Опеньшеву К. М. (в селе Хабаровка) — 35;
- Щербакову П. К. (в Касыче) — 3;
- Григорьеву (урочище Кур-Куре) — 2.

Во всех этих маральниках есть станки и земельного утеснения не наблюдается. Например, у Клементьевых на 8 голов — площадь в 19 гектаров. Маральник существует с 1922 года. Наблюдение за маралами организовано из аила, который находится вне изгороди. Прирост ежегодно по одному теленку. У владельцев большое желание увеличить количество маралов, но прикупить не на что» [23].

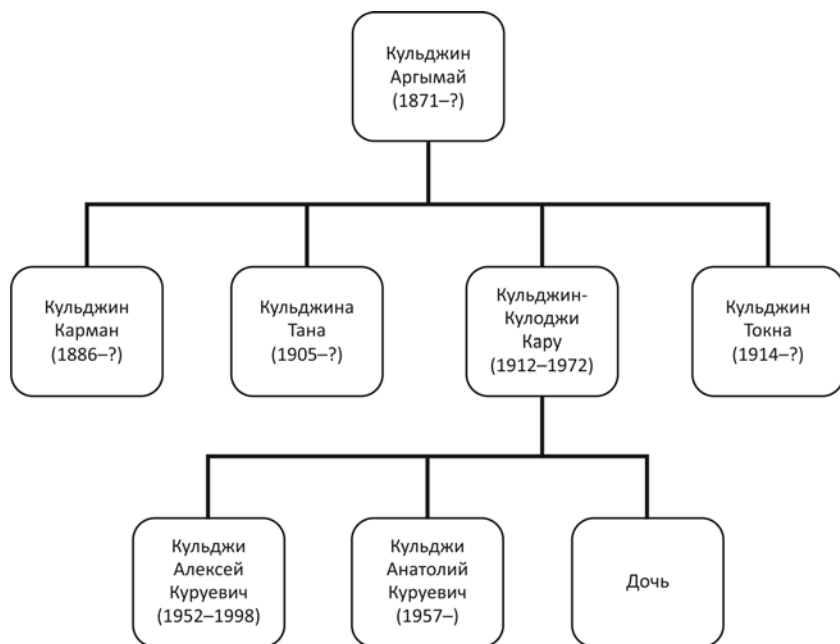
Во-вторых, есть архивное фото 1928 года с подписью «сушка рогов в юрте мараловодов Манжиных. 1928 год».

В-третьих, есть архивный документ 1929 года, в котором Манша Калиха (Манжина Калиха. — *Н. Ф.*) предлагает кредитному товариществу купить у нее маральник с 72 оленями, и по тексту видно, что это маральник Кульджиных.

Наконец, в 1928 году 37-летний Рыс Манжин давал показания, что с 1919 по 1921 год его семья была в Монголии, он был судим, но уже в 1928 году имел 110 лошадей, 65 коров, 120 овец и 18 маралов [12].

В 1930 году 14-летний сын Р. Манжина давал показания, что в 1930 году они продали 71 марала, в том числе 46 голов кредитному товариществу, «Госторгу» — двух оленей. Еще 13 маралов и панты они продали «Госторгу» в 1929 году [14].

Так или иначе, в 1930 году все мараловоды, за редчайшим исключением, лишились своих оленей, и частное мараловодство как отрасль народного хозяйства на Алтае перестало существовать. Наследники Кульджиных, скорее всего, до конца 1930 года успели продать своих маралов советским организациям.

Родословная рода Аргымай Кульджина

История создания маральника в Теньге. Владимир Георгиевич Шадрин

В селе Шебалино я обратил внимание, что еду в Теньгу с опережением на час от договоренности. Я позвонил Владимиру Георгиевичу Шадрину, председателю правления СПК Племзавод «Теньгинский», и он сказал, что ждет меня в конторе хозяйства. Я вспомнил, как уже не раз «приставал» к Владимиру Георгиевичу с вопросом о том, нет ли у него в «родове» мараловодов с дореволюционным прошлым. Ведь, например, в соседнем селе Шебалино в 1917 году было целых шесть семей мараловодов Шадриных.

Оказалось, что Шадрины, его предки по отцовской линии, приехали из Вятской губернии в 1880 году и поселились сначала в селе Куянча, но к 1917 году оказались в селе Ороктой Чемальской волости. Дед его, Порфирий Иванович, в 1929 году был сослан в Нарым, а бабка Пелагея дожила до 1978 года.

Отец Владимира Георгиевича — Георгий Порфирьевич Шадрин (1914–1983) женился на Галине Евдокимовне Ковязиной (1922–1996), также происходившей из российских крестьян-переселенцев. У них родилось четыре сына: Михаил — 1941 года рождения; Владимир — 1947 года рождения; Дмитрий — 1949 года рождения и Федор — 1951 года рождения. До войны отец с матерью Шадрины работали в селе Ороктой на мраморном карьере. В 1943 году с Георгия Порфирьевича сняли бронь и забрали на фронт, а жену Галину с двухлетним сыном Михаилом насильно переселили под Иркутск на производство асбеста. Отец воевал сначала в пехоте, затем после ранения — в артиллерии и, наконец, был связным. Второе ранение получил под Кенигсбергом. В родное село он вернулся с двумя орденами Красного Знамени и медалью «За отвагу».

После войны семья продолжила работать на мраморном карьере в селе Ороктой, но затем отец стал лесником, и уже в 1959 году они переехали в село Шиба, недалеко от Теньги. Восемилетку Владимир Георгиевич оканчивал в селе Теньга Онгудайского района, а в 1962 году поступил в Горно-Алтайский зооветтехникум. На каникулах летом работал с группой на сенокосе, помогал семье в домашних делах. Жили они небогато, но очень выручали 20 пчелосемей, за которыми ухаживал отец.

После техникума в 1966 году Владимир Георгиевич стал работать зоотехником Озерной фермы в Теньгинском овцесовхозе, но вскоре ушел на два года в армию. В 1968 году вновь стал зоотехником на этой ферме, и с 1971 года работал зоотехником-селекционером Теньгинского совхоза. С 1974 по 1981 год с перерывом на год (учеба в Высшей школе овцеводов города Ставрополя) он трудился уже главным зоотехником этого совхоза.

В 1981 году способного 34-летнего специалиста взяли инструктором сельхозотдела в Обком КПСС. Там он проработал почти два года, получил квартиру, но все оставил и попросил вернуть его «на землю». С 14 февраля 1983 года В. Г. Шадрин стал работать директором племовцесовхоза «Теньгинский».

Считается, что совхоз «Теньгинский» образован в 1931 году, хотя мне пока не попадались архивные документы с датой его основания. Впервые овцесовхоз «Теньгинский» я обнаружил в материалах 1937 года. В этом году маралосовхозы Горного Алтая передали из Народного комиссариата внешней торговли СССР в Управление оленесовхозов Народного комиссариата сельского хозяйства СССР. В составе этого Управления на Алтае создали Бийский оленетрест, в подчинении которого оказались семь маралосовхозов Алтая (Катон-Карагайский маралосовхоз до 1958 года входил в Усть-Коксинский район. — *Н. Ф.*) и Усинский маралосовхоз из Красноярского края. Еще по каким-то причинам в состав Бийского оленетреста включили Абайский, Усть-Коксинский молмясовхозы и Теньгинский овцесовхоз.

В конце 1937 года Управление оленесовхозов было преобразовано во Всероссийский трест оленесовхозов при НКСХ СССР. К началу 1941 года поголовье пантовых оленей в Бийском маралотресте значительно превысило возможности их содержания. Надо было переселять на новые места не менее 900 оленей, то есть с учетом перспективы развития предстояло создать два новых маралосовхоза [35, с. 94–95].

Летом 1941 года комиссия Ойротского облисполкома обследовала урочища Буландык, Кумулюк, Яш-Агач, Як-Саак и другие и определила, что в этих местах на базе 2 000 га пахотной земли и 5 000 га сенокосов можно создать новый оленесовхоз на 1 000 оленей «на месте 3-й фермы Теньгинского овцесовхоза с центральной усадьбой в нынешнем с. Озерки Онгудайского района» [35, с. 96]. Реализовать эти планы помешала начавшаяся Великая Отечественная война 1941–1945 гг. После войны в Бийском маралотресте были приняты и позднее реализованы решения о создании на базе Карагайской фермы Абайского маралосовхоза (1985) и Машенской фермы Талицкого маралосовхоза (1950) соответственно Карагайского и Новоталицкого маралосовхозов. Про Теньгинский овцесовхоз почему-то не вспомнили, и он так и оставался овцесовхозом в структуре маралотреста. Тогда, в 1960-е годы, в состав уже Горно-Алтайского оленетреста по каким-то причинам входило три мясомолочных и два овцесовхоза, в том числе «Теньгинский». В 1967 году директором этого совхоза стал А. Г. Черданцев, бывший директор Абайского маралосовхоза. В 1968 году он основательно проработал возможность строительства маральника в совхозе, получил поддержку в области, крае, но родное министерство в Москве идею почему-то не поддержало [35, с. 330]. В то время в структуре Министерства сельского хозяйства уже не было оленетреста, и, видимо, некому было принимать профессиональное решение. Однако А. Г. Черданцев был известным директором, и этот ответ его не устроил. Он добился встречи с I секретарем ОК КПСС Н. С. Лазебным в надежде вместе продолжить борьбу за создание маральника, но поддержки не получил.

После «мора» скота из-за бескормицы в 1976–1977 годах совхоз с трудом вставал на ноги, но уже в 1983–1989 годах хозяйство стало прибыльным. Много строили: гаражи, кошары, МТМ. Вводили по 20–25 квартир в год. Корчевали старые лесосеки и ввели дополнительно в хозяйственный оборот 1 000 га земли. Пашню увеличили с 4,5 до 5,6 тыс. га. В. Г. Шадрин был членом бюро РК КПСС Онгудайского района, и это считалось официальным признанием его статуса очень хорошего директора совхоза.

В Теньгинском овцесовхозе тогда было четыре фермы с определенной специализацией (табл. 3).

Таблица 3

Внутрихозяйственная специализация по фермам
в овцесовхозе «Теньгинский»

Ферма в селе Шиба	Ферма в селе Теньга	Ферма в селе Озерное	Ферма в селе Туекта
– овцы; – лошади; – КРС мясного и молочного направления	– овцы; – лошади	– племенные овцы; – племенной КРС; – племенные лошади	– овцы; – КРС; – лошади

На фермах активно внедрялись зимние и летние огороженные пастбища. Это позволило увеличить нагрузку на одного чабана с 250 до 1 000 овец, а настриг шерсти с головы возрос с 2,3 до 3,1 кг шерсти. Хозяйство ежегодно продавало 2 000 голов овец, 250 голов КРС, до 20 жеребцов на племя. Основной доход приносила шерсть: до 70 тонн ежегодно по 25 руб. за килограмм сдавали на Омскую и Черногорскую фабрики первичной переработки шерсти.

В 1988 году ситуация начала резко меняться, и особенно плохо стало в молочном животноводстве. В. Г. Шадрин от имени совхоза внес предложение в органы власти о закрытии молочной фермы в хозяйстве и строительстве маральника. На бюро РК КПСС приехал руководитель агрокомбината области В. И. Петров и потребовал сохранить ферму, а директора пригрозил снять с работы и исключить из членов КПСС. Владимир Иванович Петров много лет спустя не раз подтверждал мне, что именно такой была тогда партийная линия в области.

Позднее В. М. Мещеряков, нынешний руководитель АСОХРА в Республике Алтай, рассказывал, что в 1989 году он работал главным зоотехником по мараловодству в АПК «Горный Алтай» и сумел убедить руководителя АПК М. К. Митрохина принять решение о расширении количества маралохозяйств в области. Совхоз «Теньгинский» попал в их число. В. Г. Шадрин хорошо изучил опыт других хозяйств, знал, что именно маралосовхозы за счет экспорта пантов сохранили свою финансовую устойчивость, и был решительно настроен на преобразования в совхозе.

Строительство первого маральника в Теньге

Вот, наконец, я добрался до села Теньга. Многие годы по десяткам раз за лето я проезжаю через это село, давно знаком с В. Г. Шадриним, но по реальному делу сюда приехал первый раз. Владимир Георгиевич готовился к нашему разговору и сразу начал рассказывать... Сначала он подчеркнул роль В. М. Мещерякова в организации создания маральника. Затем рассказал о поездке в село Карагай и разговоре с бригадиром мараловодов П. Ф. Поповым и директором Карагайского маралосовхоза Г. А. Черданцевым, после чего пришел к окончательному убеждению о необходимости создания маральника. Все началось с приказа от 23 апреля 1990 года № 48-к по Теньгинскому племовцесовхозу: «В связи с организацией в совхозе отрасли мараловодства — бригадиром мараловодческой бригады назначить Головина Н. М. с окладом в 250 рублей. Директор совхоза В. Г. Шадрин».

Летом этого же года с участием В. М. Мещерякова и П. Ф. Попова выбрали участок под маральник, оформили землю под новую подотрасль в органах власти. Владимир Георгиевич хорошо помнит эти события 28-летней давности: «С Мещеряковым В. М. проехали верхом на лошадях все три предполагаемых участка: Кекса, Булундык, Мухорта. Кекса понравилась, но там уже было много скота. Мухорта — это крутые горы, неудобицы, и нет возможности расширяться. Выбор пал на Булундык. Петр Фатеевич, будучи нездоровым, тоже проехал на узике эти места и благословил нас на стройку».

Директор договорился о годичной стажировке Н. М. Головина в бригаде у П. Ф. Попова в Карагае. При этом Николай Маркович оставался одновременно ответственным за строительство маральника. Владимир Георгиевич вспоминает: «С весны на маральнике уже работали три бригады: бригада Г. С. Анчина строила парковую изгородь, бригада В. И. Ермолина возводила парковую изгородь навстречу первой бригаде, а Н. М. Головин со своей бригадой строил бригадный дом, баню и станок с раскольным хозяйством. Разметка расположения станка, комплекса и раскольного хозяйства осуществлялась под руководством известного мараловода Кизилова Михаила Алексеевича».

К началу зимы «зимник» для первых маралов построить не успевали, и на субботниках с привлечением специалистов, механизаторов хозяйства, то есть «всем миром», но загородили зимний парк. К этому времени бригадир Н. М. Головин, проработав в Курдюме у П. Ф. Попова более полугода, освоил азы кормления и содержания маралов, подготовку и проведение кампании по срезке пантов и их консервации, разбивку оленей

осенью по половозрастным группам. В. Г. Шадрин, будучи опытным селекционером, хорошо понимал важность комплектования будущего стада маралами из мараловодческих хозяйств, известных хорошим поголовьем. Он теперь с улыбкой рассказывает: «Я в те годы часто бывал в Карагае — ездил на поклон к Петру Фатеевичу. С ним беседовали порой очень долго. Причина поездок была одна — выпросить хотя бы чуть больше маралят. Увидев меня, Петр Фатеевич, бывало, при всей бригаде со смехом говорил: "О, опять цыган приехал". Мне приходилось, как бедному родственнику, отшучиваться. Как бы там ни было, а купили мы тогда в Курдюме 348 голов маралят — основу племенного ядра нашего стада». Таким образом, основу будущего стада составили 348 маралят из фирмы «Курдюм», 180 маралят из КСП «Абайское» и 10 маралят из совхоза «Амурский» — всего 538 голов.

В. Г. Шадрину пришлось тогда проявить чудеса предприимчивости и дипломатии. К Поповым, например, в Карагай он приезжал с запиской от самого В. И. Чаптынова, руководителя Республики Алтай, но это было только «заделом» для переговоров. Сначала было очень трудно: бригаде пришлось зимовать на пасеке. Не хватало средств не только для продолжения строительства маральника, но даже для текущей жизни совхоза. За мясо и шерсть не рассчитывались: обычной практикой были годовичные задержки или оплата натурой. Ежедневно росли цены на сырье, и рушились традиционные рынки сбыта. В. Г. Шадрину необходимо было иметь достаточно мужества и изворотливости, чтобы удерживать «на плаву» совхоз. Он с благодарностью вспоминает, как обсуждал с А. П. Поповым, директором ЗАО «Курдюм», необходимость расширения парка маральника при отсутствии средств. Александр Петрович сделал то, что другие не сделали бы никогда: он выдал совхозу «Теньгинский» беспроцентную ссуду на несколько лет «на приобретение маралят и мараловодческой сетки» под договоренность о продаже в будущем теньгинских пантов через ЗАО «Курдюм». Так и было с 1994 по 1997 год. Именно тогда В. Г. Шадрин, по его же словам, «получал азы бизнес-грамоты общения с покупателями из Южной Кореи». Требовательность корейского покупателя, доходящая до мелочной придирчивости, с самого начала приучила В. Г. Шадрину и Н. М. Головина уделять огромное внимание качеству пантов.

В. Г. Шадрин рассказывал мне, что много сил отнимало в те годы преобразование совхоза «Теньгинский» в негосударственную форму собственности. Он не был противником рыночной экономики, но не хотел и до конца противился раздроблению крупного хозяйства, пока в 1992 году не вышло обязательное к исполнению решение органов власти о реорганизации совхозов.

В конце 1992 года на базе ферм были созданы пять отдельных товариществ, которые «входили» в созданное ООО «Теньгинское». В марте 1993 года эти товарищества вновь собрали в хозяйство Племсовхоз «Теньгинский» с непонятной формой собственности, и только к 1 января 1995 года В. Г. Шадрин привел хозяйство вновь в государственную собственность под флагом Россельхозакадемии. Туектинское товарищество рассыпалось на индивидуальные хозяйства, но костяк бывшего совхоза, в том числе мараловодство, сохранился как единый хозяйственный механизм.

Итак, распоряжением Сибирского отделения Россельхозакадемии от 16 марта 1994 года № 36, приказом комитета по сельскому хозяйству и продовольствию Республики Алтай и, наверное, с согласия учредителей ООО «Теньгинское» с 1 января 1996 года вернулось на целых 10 лет в государственную гавань.

Работы по развитию мараловодства в хозяйстве тем временем не прекращались. На Центральном маральнике были построены станок для работы с оленями, раскольное хозяйство, комплекс по консервированию пантов, склад для хранения зерна и комбикормов, бетонированные траншеи для силоса, линия электропередачи с трансформаторной подстанцией, скважина водозаборная и т. п. Ежегодно строили по 7–12 км парковой изгороди (табл. 4).

Таблица 4

Развитие Центрального маральника ОПХ «Теньгинское» в 1991–2002 гг.

Год	Огорожено территории площадь, га / периметр, км	Поголовье на начало года, голов	Площадь на одну голову, га	Половозрастные группы, голов			Получено телят	
				рога- чи	перво- рожки	мара- лухи	всего, голов	на 100 маток, %
1991	150/6	100	1,5	-	-	-	-	-
1992	540/12	101	5,4	5	2,8	-	-	-
1993	870/25	91	9,5	35	28	60	42	70
1994	1 380/37	217	6,3	56	39	103	85	82
1995	1 680/42	378	4,4	42	81	126	97	77
1996	1 930/48	616	3,1	112	106	157	158	100
1997	2 300/54	704	3,3	207	55	264	195	73
1998	3 100/69	949	3,3	252	98	289	245	85
1999	3 100/69	1 127	2,75	323	76	406	396	97,5
2000	3 420/81	1 338	2,55	358	103	441	300	68
2001	4 720/94	1 413	3,3	395	86	553	274	76,4
2002	4 720/94	1 458	3,23	436	69	610	466	76,4

С 1995 по 2002 год хозяйство ежегодно вводило в структуру маральника в среднем по 84 перворожка. Это, конечно, сказывалось на продуктивности рогачей в целом (табл. 5). При этом количество рогачей возросло с 42 в 1995 году до 436 в 2002 году, то есть в 10 раз.

Таблица 5

Производство пантовой продукции в ОПХ «Теньгинское» в 1991–2002 гг.

Год	Срезано сырых пантов, кг		
	всего	на одного рогача	на одного перворожка
1991	36	-	-
1992	85	-	-
1993	208	5,3	-
1994	440	6,6	2,3
1995	660	6,6	2,3
1996	994	6,5	2,3
1997	1 245	5,4	2,3
1998	1 414	5,0	2,3
1999	2 008	5,6	2,3
2000	2 406	6,2	1,8
2001	2306	6,7	2,38
2002	2 500	6,4	2,2

В январе 2000 года директор ОПХ «Теньгинское» первый раз обратился в Министерство сельского хозяйства Республики Алтай (Карамаяев В. Б.) с просьбой внести Центральный маральник в число племенных мараловодческих ферм с возможностью получения субсидий от государства. В первое десятилетие мараловодство в хозяйстве развивалось с большим напряжением сил. Коллектив отказывал себе в самом необходимом: не покупали технику и работали на старой, овцеводство и коневодство не получали инвестиций, заморожена была заработная плата.

В то время даже от ближайших специалистов В. Г. Шадрин слышал упреки в том, что он ничего не видит, кроме мараловодства. Коллектив ОПХ «Теньгинское» жил, затянув пояса, а директор уже с 1995 года обдумывал создание второго маральника.

Дальнейшее развитие мараловодства в СПК племзавод «Теньгинский»

Опираясь на инвестиции, полученные от ЗАО «Курдюм» (А. П. Попов), Владимир Георгиевич Шадрин с коллегами приступил к закладке второго Талдинского маральника. Начал с того, что бригадиром будущего маральника назначил Александра Ильича Сюремеева, который к этому времени был очень хорошим бригадиром тракторной бригады, состоящей из 10 механизаторов. Четыре первых трудных года создания маральника А. И. Сюремеев успешно руководил бригадой, пока его не подвело здоровье.

Опыт создания маральника «с нуля» в хозяйстве уже был, и строительство второго маральника осуществлялось без каких-либо потрясений, но также с трудностями, характерными для стройки в горной местности, да еще только своими силами. В эти годы, по словам В. Г. Шадрина, большую поддержку хозяйству в развитии мараловодства оказал генеральный директор АСОХРА В. М. Мещеряков. Владимир Михайлович по несколько раз в год бывал в ОПХ «Теньгинское»: подсказывал, учил, организовывал семинары, оказывал практическую помощь ветпрепаратами и т. д. Теперь уже четверть века эти два руководителя активно сотрудничают в интересах развития своих хозяйств.

В 2001 году с 67 рогачей в Талдинском маральнике срезали первые 352 кг сырых пантов; в 2002 году с 66 рогачей срезали 380 кг; в 2003 году с 61 рогача срезали уже 458 кг пантов. А. И. Сюремеев стал сильно болеть, и в 2002 году ему на смену пришел бригадиром маральника Василий Марковеевич Головин, который до этого уже 10 лет проработал на центральном маральнике с момента его создания.

Владимир Георгиевич рассказывал мне, что с приходом В. М. Головина активно продолжалось обустройство второго маральника: пригораживались новые парки, построили новый гараж, капитально отремонтировали дом бригады, электрифицировали маральник за счет солнечных батарей и ветряка, построили склад для хранения комбикормов, построили новый станок с раскольным хозяйством, новый варочно-сушильный комплекс для консервации пантов. Пока коллектив решал вопросы текущей хозяйственной жизни, В. Г. Шадрин обдумывал будущее этого коллектива.

Переход хозяйства в собственность Россельхозакадемии позволил сохранить ОПХ «Теньгинское» как единый хозяйственный комплекс и решительно поменять структуру хозяйства в соответствии с требованиями

рынка, но государственная форма собственности по сути своей не могла достаточно мотивировать коллектив для успешной работы в будущем. Я в свое время в деликатной форме говорил об этом директору. Владимир Георгиевич, безусловно, является руководителем, имеющим свои внутренние убеждения и умения и умеющим видеть перспективу. Он без лишнего шума организовал переход хозяйства в коллективную форму собственности, и 6 февраля 2004 года СПК «Теньгинский», который стал правопреемником ОПХ «Теньгинское», был зарегистрирован. В. Г. Шадрин стал председателем этого сельскохозяйственного производственного кооператива.

Развитие маральников шло своим чередом. На Центральном маральнике, например, под руководством Н. М. Головина активно внедрялись рационализаторские предложения, облегчающие труд и улучшающие качество пантов: была механизирована раздача силоса и комбикормов, электрифицированы срезка и консервация пантов и т. д. Все это заметно повышало производительность труда на маральнике.

В. Г. Шадрин характеризует бригадира Николая Марковича Головина как человека-максималиста, для которого не существует слово «невозможно». Он знает одно — так должно быть! При такой самоотдаче и требовательности бригадира в первую очередь к себе и коллективу бригады определялись результаты работы (табл. 6).

Таблица 6

Отдельные показатели развития Центрального маральника в 2003–2006 гг.

Год	Площадь маральника, га	Площадь на одну голову, га	Поголовье на начало года				Получено телят	
			всего	рогачи	перворожки	маралухи	всего	%
2003	4 720	2,96	1 590	466	108	632	555	87,8
2004	4 720	2,67	1 765	521	178	547	492	90,0
2005	5 000	3,44	1 452	660	185	469	397	84,6
2006	5 000	3,5	1 426	801	37	453	377	83,0

В 2008 году СПК Племзавод «Теньгинский» стал племенным хозяйством не только по овцеводству, но и по мараловодству. Это явилось большим успехом коллектива, который не думал останавливаться на достигнутом (табл. 7).

Таблица 7

Показатели развития мараловодства в СПК Племзавод «Теньгинский» (2006–2018)

Год	Центральный маральник			Талдинский маральник			СПК Племзавод «Теньгинский»		
	срезано пантов, кг	продуктивность на голову, кг		срезано пантов, кг	продуктивность на голову, кг		срезано пантов, кг	продуктивность на голову, кг	
		рога-чи	перво-рожки		рога-чи	перво-рожки		ро-гачи	перво-рожки
2006	4 379	7,2	3,1	937	4,9	2,5	5 136	6,7	2,98
2007	4 406	7,56	2,42	897	5,3	2	5 303	7,06	2,31
2008	4 230	8,7	2,46	1 097	6,38	2,2	6 027	8,2	2,36
2009	4 828	8,54	2,68	1 141	6,03	2,1	5 969	7,5	2,36
2010	4 563	8,22	1,81	1 359	6,04	2,35	5 922	7,65	2,1
2011	4 979	8,65	3,02	1 543	5,9	2,3	6 522	7,8	2,55
2012	5 076	9,36	3,06	1 708	6,1	2,3	6 784	8,28	2,57
2013	4 314	8,8	2,81	1 814	6,5	2,3	6 128	8,3	2,5
2014	3 618	8,58	2,41	1 867	6,93	1,6	5 485	7,93	2,07
2015	3 646	9	2,77	2 080	7,7	2,1	5 726	8,5	2,5
2016	3 751	8,9	2,83	1 990	7,3	2,4	5 741	8,3	2,7
2017	3 445	8,2	2,85	1 868	7,1	2,8	5 313	7,8	2,8
2018	3 385	8,2	3,6	2 085	7,7	2,7	5 470	8	3,2

О хороших качествах теньгинских племенных маралов стало известно не только в хозяйствах Алтая. Маралят охотно стали приобретать хозяйства из Казахстана, Татарстана, Красноярского и Приморского краев, Калининграда, Твери и т. д. У корейских покупателей появился бренд «Теньгинские панты». СПК Племзавод «Теньгинский» уверенно встал в ряд лучших мараловодческих хозяйств России.

В. Г. Шадрин как профессиональный зоотехник-селекционер выбрал и сумел реализовать очень правильную тактику создания маральника: взял поголовье в высокопродуктивном маральнике в Карагае у П. Ф. Попова, причем взял только молодняк и правильно его вырастил. Это позволило заложить твердую основу будущего маральника с качественным поголовьем. Селекционной работе в маральниках СПК Племзавод «Теньгинский» отводится очень важное место, точно так же, как и качественному кормлению животных.

В свое время я специально приезжал к генеральному директору АСОХРА В. М. Мещерякову расспросить его о причинах успешного развития мараловодства в СПК Племзавод «Теньгинский». Он вспомнил, что предлагал В. Г. Шадрину заняться мараловодством еще в 1987 году. Тогда уже шесть хозяйств по инициативе Владимира Михайловича взялись за создание у себя маральников, но Владимир Георгиевич тогда не откликнулся на предложение. Однако в 1989 году он сказал В. М. Мещерякову, что наконец-то «созрел» для этого. Они вместе подобрали место под маральник, и началось их уже тридцатилетнее сотрудничество в этой подотрасли сельского хозяйства. В. М. Мещеряков рассказал мне, что Владимир Георгиевич вообще и особенно тогда, в период создания маральника, умел слушать советы специалистов-мараловодов и использовать их в практической работе. Он проявил свои лучшие качества организатора в период создания маральника, как в области строительства, так и в подборе кадров. Владимир Георгиевич не стал переманивать к себе подготовленного бригадира-мараловода из уже существующих мараловодческих хозяйств, как обычно делало большинство руководителей. Он предпочел обучить этой профессии человека, проверенного делом в своем коллективе. Теперь, по словам В. М. Мещерякова, бригадир мараловодов Н. М. Головин является лучшим преемником Героя Социалистического Труда П. Ф. Попова. В. М. Мещеряков отмечал, что важнейшим личным качеством Владимира Георгиевича как человека и руководителя является умение держать слово, не забывать свои обещания. Он отходчив, при необходимости может извиниться. Самой сильной чертой характера В. Г. Шадрина является его умение трудиться и организовать труд коллектива (табл. 8).

Таблица 8

Поощрения и награды В. Г. Шадрина за добросовестный труд

№ п/п	Вид награждения	Дата
1.	Почетная грамота общества «Знание» за воспитательную работу	23 ноября 1986 г.
2.	Почетная грамота ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за наивысшие результаты в работе	4 ноября 1987 г.
3.	Почетная грамота Горно-Алтайского ОК КПСС, облисполкома, облсовпрофа за организацию учебно-производственных бригад	21 декабря 1989 г.
4.	Почетная грамота Республики Алтай за многолетний, плодотворный труд	7 ноября 1996 г.

№ п/п	Вид награждения	Дата
5.	Почетная грамота СО РАСХН за многолетний добросовестный труд	7 ноября 1996 г.
6.	Почетная грамота Госсобрания — Эл Курултай Республики Алтай за заслуги перед республикой	31 октября 1996 г.
7.	Почетное звание — Заслуженный работник сельского хозяйства РФ	26 августа 1996 г.
8.	Почетная грамота СО РАСХН за многолетний добросовестный труд	28 сентября 1999 г.
9.	Почетная грамота СО РАСХН за добросовестный труд и в честь 60-летия образования хозяйства	10 июля 2001 г.
10.	Почетная грамота Госсобрания — Эл Курултай Республики Алтай за заслуги перед республикой в честь 10-летия образования Республики Алтай	14 июля 2001 г.
11.	Орден «Тан Чолмон» («Утренняя звезда») Республики Алтай	27 сентября 2006 г.
12.	Медаль «За труды по сельскому хозяйству»	6 апреля 2010 г.
13.	Серебряная медаль «За вклад в развитие АПК России»	10 июня 2013 г.
14.	Орден Почета	24 октября 2017 г.

Мы договорились с В. Г. Шадриним провести еще одну встречу в начале 2019 года, чтобы к разговору иметь итоги работы за 2018 год. В феврале 2019 года Владимир Георгиевич приехал к нам в Бийск, внимательно осмотрел Музей алтайского марала, и мы продолжили обсуждение проблемы развития пантового оленеводства в Горном Алтае на примере СПК Племзавод «Теньгинский». Сначала уточнили итоги работы мараловодства в хозяйстве в 2018 г. (табл. 9).

Таблица 9

Итоги развития мараловодства в СПК Племзавод «Теньгинский»

(01.01.2013–01.01.2019)

№ п/п	Показатели	Годы						
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1.	Площадь маральников, всего, га	5 200	5 200	5 200	5 200	5 200	5 200	5 600
	– в том числе Центральный	3 390	3 390	3 390	3 390	3 390	3 390	3 390
	– в том числе Талдинский	1 810	1 810	1 810	1 810	1 810	1 810	2 210

№ п/п	Показатели	Годы						
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
2.	Поголовье маралов, всего, голов	1 821	1 790	1 667	1 757	1 736	1 822	1 853
	а) Центральный	970	916	886	912	1 001	915	1 016
	– рогачи	523	464	399	405	411	407	396
	– перворожки	30	45	50	69	99	58	46
	– маралухи	240	241	231	252	239	278	286
	б) Талдинский	851	874	781	845	735	717	837
	– рогачи	271	270	266	269	258	256	259
	– перворожки	34	32	31	47	32	53	36
	– маралухи	405	353	298	296	286	242	374
3.	Площадь парков на голову, га							
	– Центральный	3,5	3,7	3,8	3,7	3,4	3,7	3,3
	– Талдинский	2,1	2	2,3	2,1	2,5	2,5	2,6
4.	Получено телят на 100 маралух, %							
	– Центральный	67,5	76	80	74	70	80	
	– Талдинский	52	51	65	51	57	71	
5.	Срезано пантов сырых, кг	6 128	5 485	5 727	5 741	5 313	5 485	
	– в том числе Центральный	4 314	3 618	3 646	3 751	3 445	3 384	
	– в том числе Талдинский	1 814	1 866	2 080	1 910	1 869	2 085	
6.	Продуктивность рогача, кг							
	– Центральный	8,8	8,58	9	8,94	8,2	8,2	
	– Талдинский	6,5	6,93	7,7	7,3	7,1	7,7	
7.	Продуктивность перворожка, кг							
	– Центральный	2,8	2,4	2,77	2,83	2,85	3,64	
	– Талдинский	2,3	1,6	2,1	2,4	2,8	2,	

Владимир Георгиевич подчеркнул, что в этих результатах огромная роль принадлежит не только уже названным бригадирам-мараловодам, но и их коллегам: Тайтакову Айдану, Темееву Геннадию, Сыкыкову Юрию, Сумачакову Николаю, Фефелову Валерию, Чатушкину Алексею, Суремееву Владимиру и многим другим, кто прямо или косвенно вносит свой посильный вклад в развитие этой отрасли.

Планы у СПК Племзавод «Теньгинский» по развитию мараловодства большие и хорошо продуманные. В 2018 году это хозяйство ввело в севооборот дополнительные 500 га земли и в ближайшие год-два введет еще

600 га. Это вместе с новыми технологиями кормопроизводства позволит на 30 % увеличить объем заготавливаемых кормов, а следовательно, увеличить количество маралов-рогачей в двух маральниках на 200 голов.

Кроме маралов, в СПК Племзавод «Теньгинский» содержится около 1 300 голов крупного рогатого скота, в том числе 900 коров мясного направления, 700 лошадей и почти 2 000 овец. Развитие кормовой базы позволит и дальше сохранять эти подотрасли, хотя пока почти 100 % прибыли приносит коллективу мараловодство.

В. Г. Шадрин продолжает активно искать новые источники дохода для своего сельхозкооператива. В 2018 году, например, была введена в строй площадка по закупке молодняка крупного рогатого скота у населения с дальнейшей перепродажей его крупному оптовому покупателю. Уже в первый год было приобретено у населения 2 000 голов молодняка и продано затем на 50 млн рублей оптовику. В 2019 году объемы закупок планируется удвоить. По словам директора, этот проект, очевидно, будет выгоден более чем тысяче крестьянских хозяйств Горного Алтая. Он активно ищет резервы в выращивании крупного рогатого скота, коневодстве и овцеводстве, но ставку делает на мараловодство.

Владимир Георгиевич хорошо видит проблемы развития пантового оленеводства как отрасли Горного Алтая, но место СПК Племзавод «Теньгинский» в этом рынке, по его мнению, вполне устойчивое. «Теньгинские панты» из-за их высокого качества стали у корейцев брэндом и ценятся выше среднерыночного. Постепенно появляются покупатели как на племенных маралов, так и на панты внутри страны. Соотношение рубля и доллара пока складывается в пользу мараловодства.

Председатель правления СПК Племзавод «Теньгинский» В. Г. Шадрин полон сил и новых планов. Оглядываясь назад, он отмечает, что не подвел свой коллектив, когда 27 лет назад принял решение о создании в хозяйстве мараловодства, не ошибся в подборе кадров, сумел правильно выстроить работу по строительству и развитию маральников и сохранить при этом существовавшие виды деятельности...

После осмотра Музея алтайского марала и обстоятельного разговора В. Г. Шадрин уехал в родное село Теньга, а я вновь задумался о том, как тесен Алтай, и судьбы дореволюционных мараловодов, уничтоженных в 30-е годы прошлого века, вдруг «всплывают» из небытия в делах их потомков. Вот как это выглядит на примере семьи Головиных...

Мараловоды Головины на Алтае

Первый раз в архивных материалах я столкнулся с фамилией мараловода Федора Агеевича Головина, который в конце XIX века проживал в деревне Чечулихе. В 1896 году он обратился в Кабинет Его Императорского Величества Николая II с просьбой: «Желал бы завести около своего дома в деревне Чечулихе маралов и даже для этой цели приобрел уже целых трех маралов, но для этого нужно строить маральник... Я же человек бедный и обременен большим семейством». Он просил у казны разрешения бесплатно заготовить 1 000 жердей и 150 столбов для маральника. Просьбу переслали на рассмотрение начальнику Алтайского округа генерал-майору В. К. Болдыреву, который отказал Ф. А. Головину в его просьбе ввиду значительной доходности названного промысла [32, лл. 1–4].

Больше Ф. А. Головин мне в архивах не встречался, но в сельскохозяйственной переписи 1917 года в деревне Чечулихе значится еще один мараловод с фамилией Головин.

В этом году в деревне Чечулихе проживал Кирилл Дмитриевич Головин, которому было 65 лет. У него с 55-летней женой Ириной было несколько сыновей: Федот — 33 года, Никодим — 24 года, Олимпий — 23 года и Матвей — 15 лет. В большой семье жили еще и пять внуков: Тимофей — 9 лет, Савва — 8 лет, Леонид — 5 лет, Сафон — 2 года, Ефим — 1 год, а также четыре внучки и три снохи. Семья была из старожилов и даже не знала год своего поселения в Чечулихе. На семи душевых наделах общинной земли за ними числилось 10 десятин пашни, 40 десятин покосов и десятина под усадьбой. В опросном листе отмечено, что в 1917 году семья засеяла яровой пшеницей 4 десятины, яровой рожью — 1, ячменем — 2, овсом — 4 десятины и заготовила 800 копен сена. Вверх по реке Кумир они дополнительно арендовали 101 десятину земли. Общими усилиями Головины содержали 102 головы скота, в том числе 29 лошадей, 32 головы крупного рогатого скота, 15 овец, 5 коз и 1 свинью. Кроме этого, у Головиных было 20 маралов. Сельскохозяйственный инвентарь в хозяйстве состоял из одного плуга, четырех железных борон, одной косилки, одних конных граблей, веялки и телеги. Был и свой сепаратор. С 1916 года семья являлась членом потребительского кооператива в деревне Коргон. Наемный труд Головины не применяли, но «помочью» пользовались [7, л. 23].

После революции 1917 года Головины, видимо, быстро сообразили, что необходимо раздробить хозяйство. Так, уже в начале 1920-х годов

маралы у Головиных, например, были поделены (скорее всего, фиктивно) следующим образом:

1. Головин Кирилл Дмитриевич — 4 марала;
2. Головин Федот Кириллович — 5 маралов;
3. Головин Никодим Кириллович — 3 марала;
4. Головин Олимпий Кириллович — 5 маралов.

Помимо них, у Алексея Васильевича Головина в Чечулихе было 5 маралов (кем он приходился «нашим» Головиным, выяснить не удалось).

П. М. Залесский, скорее всего, когда писал в 1928 году, что Головин из Чечулихи до войны имел 40 маралов, а после 1924 года — 20 голов, имел в виду Головина К. Д. [18]. Мараловоды и до революции, и тем более в первые годы советской власти имели основания не показывать полностью поголовье оленей в своих маральниках, чтобы не привлечь лишнее внимание к хозяйству.

По существовавшей тогда традиции, Кирилл Дмитриевич с женой жили одним домом и хозяйством с младшим сыном Матвеем, у которого с женой Агафьей в 1920-е годы было уже трое детей: Графида (1922 года рождения), Капитолина (1925 года рождения), Тимофей (1927 года рождения).

Спустя годы, бабушка Агафья рассказывала внуку Виктору (1958 года рождения), что до 1930 года жили они хорошо. В семье были маралы, крупный рогатый скот, пасека на 200 ульев, мельница на речке Быструхе. До раскулачивания у М. К. Головина и членов семьи было 33 лошади, один бычок, 5 коров, 8 овец и коз, 7 свиней. Семья обрабатывала 3,15 га земли под посев. В 1927–1928 годах Головиными было уплачено 94 руб. 31 коп. налога, а в 1928–1929 годах — 30 руб. 36 коп. После раскулачивания в семье осталось 2 рабочих лошади, 2 коровы, 4 теленка, 3 овцы, 6 ульев, а также 2,34 га земли под посевами и 3 га сенокосов.

Чтобы более подробно разобраться в деталях раскулачивания этой семьи, я обратился к материалам дела «По обвинению гр. Лобанова А. Г., Головина М. К., Лобанова Е. Е., Лобанова В. С.» [17]. Из этих материалов следует, что в налоговую кампанию 1928–1929 годов Матвей Кириллович Головин «как имеющий кулацкое хозяйство, обложен в индивидуальном порядке, лишен избирательных прав, раскулачен, семья выслана». Таковую справку в июне 1931 года подписали председатель Усть-Канского аймакисполкома и налоговый инспектор. Из другой справки в материалах дела следует, что в 1930–1932 годах семья Головина М. К. состояла из 7 человек:

1. Головин Матвей Кириллович — 30 лет;
2. Головина Агафья Семеновна — 28 лет;

3. Головина Графида Матвеевна — 7 лет;
4. Головина Капитолина Матвеевна — 6 лет;
5. Головин Трофим Матвеевич — 4 года;
6. Головин Осип Матвеевич — 3 года;
7. Головина Ирина Ильинична — 80 лет.

В 1930 году, как рассказал мне внук Виктор, всю семью арестовали, имущество отобрали, а их самих отправили в Нарымский край. Прадед Кирилл Дмитриевич умер по дороге в село Шебалино в возрасте 78 лет. Остальных выбросили в Колпашевском районе Томской области на берегу реки. В яру этой реки семья вырыла землянку, где с тремя детьми взрослые продержались первую зиму.

Сам Головин М. К. был арестован 1 июля 1931 года, и значит, семью выслали без него. Матвеев Кирилловичу в группе предъявили обвинение, что они организованно на протяжении последних двух лет систематически вели упорную агитацию против проводимых в стране хозяйственно-политических мероприятий, и вследствие их контрреволюционной деятельности произошло разложение колхоза, были сорваны лесозаготовки и скотозаготовки, имелись нарушения финансового порядка [17, л. 36]. Головину М. К. и еще троим землякам из Чечулихи предъявили обвинение по ст. 58-11 и ст. 58-10 УК. В обвинении Головина М. К. было отмечено, что члены семьи, пять человек, в настоящее время сосланы в северные необжитые места [17, л. 68]. Особая Тройка ППОГПУ по ЗСК во внесудебном порядке (протокол № 263 от 30 июля 1931 года) приговорила Головина Матвея Кирилловича к высылке на три года «на жительство на север» [17, л. 69].

Таким образом, архивные материалы позволяют уточнить, что воспоминания родственников в целом достоверны: на север в томскую тайгу выслали сначала семью Головиных, а главу семьи Головина М. К. выслали туда же позже, но уже через уголовное дело.

Видимо, случилось удивительное — семья смогла объединиться. В 1932 году Матвей сумел срубить избушку 4 × 4 кв. м, а через год еще и расширил жилье. В этом же году у Матвея и Агафьи родилась дочь Прасковья, а в 1936 году — сын Василий. Семья вполне обжилась к этому времени на новом месте, но тянуло на малую родину, и в 1936 году они переехали в село Ключи Чечулихинского сельского совета в Ойротию. Как-то устроились. Матвей стал образцово работать в колхозе, зимой возил соль из Бийска. Однако в 1937 году по доносу местного колхозника его осудили на 10 лет лагерей и отправили в Соликамск, где Матвей Кириллович отбыл в лагерях 8 лет и умер

в 1945 году. Жена его Агафья прожила долго и умерла в 1980 году. Их сын Трофим (1927 года рождения) окончил 4 класса в селе Талица, работал вначале комбайнером, затем бригадиром тракторной бригады в МТС. Работал хорошо: возглавлял ефремовское звено механизаторов, первым получил новый трактор ДТ-54. С 1961 года был механиком по сельхозмашинам в Талицком маралосовхозе, а затем бригадиром полеводческой бригады. Два года перед пенсией он трудился завхозом в школе. Умер в 1998 году. Был хорошим семьянином, добрым человеком и отличным работником.

Сын Трофима Матвеевича, Виктор (1958 года рождения), после школы окончил АСХИ в 1981 году по специальности инженер-механик. Работал в Талицком маралосовхозе механиком, управляющим фермой. Был на хорошем счету в Усть-Канском районе. В 1983 году I секретарь РК КПСС предложил Виктору Трофимовичу подумать о должности директора Талицкого маралосовхоза, но тот отказался и переехал в Новосибирскую область, где стал главным инженером колхоза «Льновод» в селе Мамонтово. С 1987 года трудился начальником цеха в Шалаболихинской СХТ Алтайского края. Потом имел свое фермерское хозяйство. Сейчас В. Т. Головин на пенсии. Его сын Илья — юрист, работает в городе Барнауле.

У старшего сына Кирилла Дмитриевича Головина, Федота (1880 года рождения), жизнь сложилась не менее трагично, чем у брата Матвея. Из материалов уголовного дела на Федота видно, что он до революции служил год рядовым «в старой армии» [16]. В деле он назывался «участником повстанческой банды». Видимо, Федот активно участвовал в Гражданской войне на Алтае 1918–1922 годов. До раскулачивания и лишения избирательных прав в 1930 году семья Федота имела 15 маралов, 20 лошадей, 30 голов КРС, 50 овец.

Семья состояла из семи человек:

1. Головин Федот Кириллович — 1880 года рождения;
2. Головина Мария (жена) — 1881 года рождения;
3. Головин Тимофей Федотович — 1908 года рождения;
4. Головин Савватей Федотович — 1909 года рождения;
5. Головин Сафон Федотович — 1916 года рождения;
6. Головин Иван Федотович — 1922 года рождения;
7. Головина Татьяна Федотовна — 1928 года рождения.

Сыновья Тимофей, Савватей и Сафон есть в переписном листе 1917 года, а дети Иван и Татьяна упоминаются в уголовном деле. Тимофей и Савватей в 1930-е годы уже жили своими семьями [16, л. 6].

После раскулачивания Федот с 1934 года работал в колхозе им. Молотова рядовым колхозником, но в 1930 году был арестован органами ОГПУ как старообрядец и осужден по ст. 58 УК РСФСР. После начала Великой Отечественной войны 26 июня 1941 года он вновь был арестован начальником Усть-Канского МРО НКГБ по ст. 58-10 ч. 1. В материалах дела отмечается, что Федот Кириллович, которому в то время был 61 год (на войну уже не взяли), «враждебно настроен к существующему строю» и систематически занимался «контрагитацией на жизнь колхозов и совхозов». Выездная сессия Ойротского областного суда 5 октября 1941 года приговорила Ф. К. Головина к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет [16, л. 48]. Прокурор РСФСР 27 февраля 1942 года внес протест в Коллегию Верховного Суда РСФСР, и 5 октября 1942 года Судебная Коллегия РСФСР отменила приговор ввиду его мягкости. Только потом стало известно, что Головин Федот Кириллович 22 января 1942 года скончался в Бийском ИТП № 5, и 30 июня 1942 года дело прекратили [16, лл. 55, 59, 61].

Старший сын Ф. К. Головина, Тимофей Федотович, 1908 года рождения, вовремя отделился от отца, женившись на Минадоре Епифановне Санаровой, дочери знаменитого в деревне Талице мараловода Епифана Осиповича Санарова, одного из трех братьев Санаровых, имевших в 1917 году своих маралов [37, с. 321]. Епифан Осипович 30 ноября 1929 года также был раскулачен и получил 8 лет лагерей [35, с. 110].

В семье у Тимофея и Минадоры родилось два сына и три дочери. Старший сын Петр появился на свет 30 декабря 1928 года в деревне Владимировке. Тимофей Федотович, видимо, еще придерживался старой веры, работал в колхозе, никогда не ругался. В 1941 году его взяли на фронт, а в 1943 году родственники получили сообщение, что он пропал без вести. Считается, что это произошло в январе 1943 года в боях под Ленинградом, но документальных доказательств этого нет.

Сын Петр окончил семь классов, и его мать Минадора Епифановна дальше не пустила его учиться — надо было помогать кормить семью, которая выживала без отца. С 1949 по 1953 год Петр Тимофеевич служил в армии на Украине механиком в летных войсках. Женился он еще перед армией в 1948 году на Екатерине Макаровне Ощепковой (1929–2009). После армии они жили в селе Усть-Кан, Петр работал слесарем, трактористом МТС.

С 1957 года П. Т. Головин перешел работать в Талицкий маралосовхоз: трактористом, рабочим, бригадиром полевой бригады. В декабре

1960 года он стал трудиться кормачом-мараловодом на Санаровской ферме маралосовхоза «Талицкий». Серьезное отношение к работе позволило ему стать в 1967 году сначала помощником бригадира по мараловодству, а затем в ноябре 1970 года бригадиром мараловодов. Десять лет он беспрерывно возглавлял бригаду и только в январе 1981 года стал егерем в маральнике. 30 декабря 1988 года П. Т. Головин ушел на пенсию после 28 лет работы в мараловодстве. В семье Петра Тимофеевича и Екатерины Макаровны выросло пять детей:

1. Головин Виктор Петрович — 1954 года рождения;
2. Головин Василий Петрович — 1956 года рождения;
3. Головин Алексей Петрович — 1958–2011 гг.;
4. Головина Наталья Петровна — 1962 года рождения;
5. Головин Александр Петрович — 1968–2016 гг.

Дети вспоминают Петра Тимофеевича как трудоголика — был «дурным» на работу, немногословным, спокойным человеком. Он очень любил читать. Знал наизусть, например, много из Твардовского. К детям относился, как к равным. Мальчишки все лето работали в маральнике. Сам Петр Тимофеевич всю войну проработал в совхозе: косил сено, гонял обозы до Бийска, то есть выполнял все взрослые работы, а в 1945 году ему было только 17 лет. В июне 1945 года он награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Затем были медали «За освоение целинных земель» в 1957 году, «За трудовую доблесть» в 1976 году, несколько юбилейных медалей, почетные грамоты Алтайского крайкома КПСС и Горно-Алтайского обкома КПСС, «Алтайзверопрома» и много дипломов за добросовестный труд.

Петр Тимофеевич, по рассказам родственников, был человеком «внутри себя»: держал в себе все чувства и эмоции. В оценках был сдержанным, но когда его сына Александра взяли в Афганистан на 18 месяцев, то он почти ежедневно стал писать ему письма. П. Т. Головин любил охоту, рыбалку, сбор грибов. На пенсии увлекся огородничеством. Был примерным членом КПСС, но после смерти жены переменялся и стал молиться. На пенсии Петр Тимофеевич и Екатерина Макаровна жили около дочери Натальи в деревне Чистюньке Топчихинского района и ушли из жизни в 2014 и 2009 годах.

Их старший сын Виктор после школы отслужил в армии, от Талицкого маралосовхоза окончил Павловский техникум, затем работал зоотехником отделения совхоза в деревне Коргон, управляющим Санаровским отделением, где были и маралы, но затем уехал в Мамонтовский район.

С Василием Петровичем Головиным, вторым сыном Петра Тимофеевича, мы с моей женой приехали знакомиться в село Талицу 27 июля 2018 года. Нашли его ухоженный домик с цветами и устроились на веранде. Признаться, я с напряжением ехал на встречу, так как по телефону Василий Петрович показался человеком, не расположенным к общению. Опасения мои не оправдались: они с Верой Ивановной, его женой, учительницей начальных классов, оказались приветливыми и доброжелательными людьми.

Родился Василий Головин в 1956 году в Санаровке, с 5-го класса учился в школе-интернате. После окончания школы в 1973 году стал работать в совхозе. Три года отслужил на противолодочном корабле «Сторожевой» и с 1977 года продолжил работать на маральнике в Талицком маралосовхозе в бригаде своего отца. В 1978 году Василий женился на Вере Ивановне Новиковой, а в 1980 году семья едва не переехала в Калининград: ему предложили работать бригадиром в местном зверосовхозе, в котором разводили пятнистых оленей, но помешали «какие-то нестыковки».

В следующем 1981 году П. Т. Головин, уходя на пенсию, предложил директору совхоза И. А. Собянину вместо себя бригадиром своего сына Василия Петровича. С февраля 1986 года В. П. Головин стал работать зоотехником сначала в маралосовхозе «Талица», а затем в ТОО «Талица». С 2008 по 2014 год вновь работал на маральнике фермы «Талица», но уже егерем. Сейчас Василий Петрович на пенсии. За добросовестную работу имеет много благодарностей, грамот и подарков от хозяйства. Есть в его активе и грамота Министерства сельского хозяйства Республики Алтай. Вместе с Верой Ивановной они вырастили троих детей и в настоящее время живут в родном селе.

О судьбе третьего сына Кирилла Дмитриевича Головина — Олимпия — я узнал только из рассказов его внуков, так как в архивах об Олимпии ничего найти не удалось. Из материалов переписки следует, что Олимпий родился в 1894 году. До конца 1920-х годов он, видимо, жил в семье отца. Был инвалидом — одна рука у него не работала. Уже в возрасте около 40 лет он женился на 29-летней Наталье Христолюбовой из деревни Бащелак, и они поселились в деревне Ключи, недалеко от деревни Коргон. Это, скорее всего, помогло этой семье избежать раскулачивания в 1930 году. Работал Олимпий в колхозе табунщиком, семья растила троих сыновей и троих дочерей. Было очень трудно, но выживали, как и многие другие. Угораздило Олимпию уже перед войной, по рассказу внуков, покритиковать колхозное начальство за плохое отношение к содержанию лошадей, и он получил тюремный срок, который в годы войны отбыл в Ойротии. После войны Олимпия «выпустили на вольную», и вскоре он умер.

Старшие сыновья Олимпия, Лазарь и Василий, погибли в Великой Отечественной войне. Младший сын, Марк Олимпиевич Головин (1932–1980), оказался «никудышным отцом», по словам сыновей, «вечным парнем». Его жена Зинаида Матвеевна, учительница начальных классов, поднимала детей самостоятельно. Семья жила в Камлаке, Усть-Кане, Чимкенте, под Донецком и в начале 1980-х переехала в Онгудай. Старший сын Николай Маркович Головин родился 1 апреля 1961 года и после окончания 10 классов два года работал машинистом-трактористом на ремонте и строительстве дорог, затем отслужил в Рязани в ВДВ. Работу продолжил трактористом в Верх-Катунском маралосовхозе (Казахстан). Вновь оказавшись в Горно-Алтайской автономной области, работал немного по найму, затем в 1985 году окончил Воеводское СПТУ № 52 по специальности «пчеловод», женился и стал работать пчеловодом Туэктинской фермы Теньгинского племовцесовхоза.

Руководитель СПК «Теньгинский» В. Г. Шадрин рассказывал мне в августе 2018 года о Николае Марковиче с заметным удовольствием как о друге и товарище по работе и только хорошее. Уже в 1987 году он назначил Н. М. Головина управляющим отделения, но Николай Маркович уговорил директора отпустить его на рядовую работу. Владимир Георгиевич согласился, но умение Николая Марковича работать самоотверженно и организовывать людей оценил высоко. Уже в апреле 1990 года он предложил Н. М. Головину стать бригадиром мараловодов создаваемого в совхозе маральника.

Николаю Марковичу пришлось одновременно строить маральник и изучать основы мараловодства на практике у знаменитого на всю страну мараловода, Героя Социалистического Труда Петра Фатеевича Попова. Н. М. Головин оказался очень способным учеником. Вот уже 30 лет он бессменно возглавляет бригаду и добился выдающихся результатов вместе с коллективом: за шесть лет, с 2013 по 2018 год, Теньгинский маральник обеспечивал продуктивность более 8 кг сырых пантов на одного рогача, на 100 маток в основном рождалось 70–80 телят, качество пантов — одно из лучших в отрасли. Николая Марковича в шутку называют «трудоманьяком». Авторитет Н. М. Головина очень высок и постоянно подтверждается отличными результатами работы мараловодов этой бригады.

В начале 1990-х годов в этом хозяйстве было принято решение об организации еще одного маральника на Шибинской ферме в урочище Шиверта. Мощность маральника спроектировали на 400 быков-рогачей и 400 маралух. Руководителем второй бригады стал Александр Ильич Сюремеев. В 2002 году его сменил на посту младший брат Николая Марковича — Василий Марковеевич Головин, который к этому времени успел поработать в бригаде старшего брата десять лет.

Родился Василий в селе Коргон Усть-Коксинского района в 1967 году, учился в селе Онгудай, служил в ВДВ (1985–1987), окончил Горно-Алтайский зооветтехникум (2008) и заочно Бийский лесхозтехникум (2009). С 1984 года В. М. Головин работал водителем, но в 1990 году перешел мараловодом в бригаду брата, где через четыре года стал помощником бригадира. Василий Марковеевич уже 18 лет уверенно руководит бригадой. В 2017 году продуктивность рогачей в этом маральнике составила 7,8 кг, выход телят на сто маток — 73 %. Это очень хорошие показатели, и у маральника большое будущее.

В. М. Головин открытый и доброжелательный, от него исходит уверенность человека, знающего себе цену. Он с удовольствием говорит о непререкаемом авторитете в профессии старшего брата, но сам уже давно работает «без оглядки на авторитеты». Кстати, сын Василия Марковеевича, Алексей тоже работает мараловодом в бригаде Николая Марковича Головина. История мараловодов Головиных продолжается.

О судьбе Никодима Головина известно совсем немного. Родственники вспоминают, что он служил в царской армии за себя и своих братьев. Такое в семьях, где было несколько сыновей, тогда практиковалось. После службы в армии этим мужчинам вся большая семья совместно «формировала» свое хозяйство.

А. С. Попов, например, крупнейший мараловод дореволюционного Алтая из села Шебалино, в такой ситуации передал в 1914 году своему брату Василию, вернувшемуся из армии, 60 из имевшихся у него 300 маралов. Поэтому в 1920 году у Никодима Головина было, видимо, какое-то хозяйство, и за ним условно числилось три оленя, но, говорят, что он пришел из армии уже больным и прожил недолго. Осталась ли у него семья, неизвестно. По его линии мне не удалось найти никого из ныне живущих.

Таким образом, за 100 лет существования в семье мараловода Кирилла Дмитриевича Головина и его потомков было, как минимум, восемь мараловодов, в том числе четыре бригадира мараловодческих бригад. Только мужчин Головиных из этой семьи было репрессировано четверо, причем двое были репрессированы дважды. Трое мужчин Головиных погибли на полях сражений в Великой Отечественной войне в 1941–1945 годах.

Разве можно в рублях или килограммах оценить вклад этой семьи в четырех поколениях в экономику Алтая? Такие семьи сами являются основой экономики, ее сутью и смыслом существования. Такие семьи — это стержень, на котором держится народное хозяйство Алтая. Знать и помнить о них — это наш долг и наш единственный надежный способ движения вперед в будущее родного края.

Заключение

В марте 2019 года я вновь с хорошим настроением поехал в Теньгу на отчетно-выборное собрание СПК Племзавод «Теньгинский». Из 145 работающих здесь на производстве 101 человек являются членами кооператива. Еще 140 человек, ранее работавших, состоят в кооперативе ассоциированными членами, то есть уже не участвуют в управлении кооперативом, но дивиденды на свой пай получают. Любой хорошо работающий на производстве человек после четырех лет стажа имеет право стать членом кооператива. Отработавший в кооперативе более 15 лет остается его членом навсегда, у всех остальных пай выкупаются.

Председатель правления кооператива В. Г. Шадрин проводит собрание с единой повесткой по отделениям — так всем удобнее. В подробном часовом докладе он отметил, что «кооператив молодеет», растет образовательный уровень кооператива, заметно укрепляется материальная база, положительно меняется привлекательность этой формы организации сельскохозяйственного производства.

Анализируя хозяйственные итоги 2018 года, В. Г. Шадрин отметил огромное значение растениеводства в хозяйстве, производственная жизнь которого невозможна без достаточного количества качественных кормов. Планы по производству кормов в 2018 году удалось выполнить на 122 % (табл. 10).

Таблица 10

Показатели СПК Племзавод «Теньгинский» по кормопроизводству
в 2018 году

Наименование культуры	План 2018 г.		Фактически 2018 г.		Процент выполнения плана
	центнеров	кормовых единиц	центнеров	кормовых единиц	
Сено	42 500	19 975	47 898	22 512	113
Силос	64 000	14 080	87 291	19 204	136
Всего кормовых единиц		34 055		41 716	122

На одну условную голову было заготовлено 15,2 кормовых единицы корма. Показатели урожайности оказались вполне удовлетворительными (табл. 11).

Таблица 11

Показатели урожайности однолетних и многолетних трав
в СПК Племзавод «Теньгинский» в 2018 году

Показатели	Урожайность, ц/га
Однолетние травы на сено	35,2
Однолетние травы на силос	161,8
Однолетние травы на монокорм	160,0
Многолетние травы на сено	9,3
Заготовлено кормов, всего	43 941 ц

Однако, по мнению председателя кооператива, перед хозяйством стоит огромная задача по увеличению заготовки кормов еще на 50 %. Для этого разработана новая система земледелия, будет внедряться дополнительный учет заготовки и использования кормов.

В докладе прозвучало, что основным источником дохода в 2018 году являлось мараловодство (табл. 12).

Таблица 12

Основные показатели мараловодства
СПК Племзавод «Теньгинский» в 2018 году

Показатели	Талдинский маральник		Центральный маральник	
	план	факт	план	факт
Получено сырых пантов, кг	1 344	2 085	2 284	3 485
Получено телят, всего	145	161	167	223
Продуктивность рогача, кг	-	7,7	-	8,2
Продуктивность перворожка, кг	-	2,7	-	3,6
Деловой выход телят на 100 маток	-	66	-	77

По итогам года было продано 1 941 кг консервированных пантов на 46 761 млн рублей. Прибыль от мараловодства составила более 11,3 млн рублей. В мараловодстве ближайшей задачей является увеличение поголовья маралов-рогачей на 150 голов. Это должно принести дополнительные 12 млн рублей выручки. Также запланировано повышение продуктивности рогачей и улучшение структуры стада в целом за счет оставления 80–90 % телят в стаде для его «ремонта».

Основным потребителем кормов в кооперативе является крупный рогатый скот в количестве 1 458 голов. В прошедшем году на племя было реализовано 594 головы КРС с выручкой 28 млн рублей. Прибыль соста-

вила почти 11 млн рублей. На мясо продано около 200 голов КРС, убыток при этом составил почти 7 млн рублей. Здесь, по мнению председателя кооператива, предстоит решить несколько крупных задач — от повышения делового выхода телят с 80 до 95 на 100 маток до резкого сокращения затрат кормов за счет сокращения продаж скота от отбивки до реализации.

Совершенно новым в 2018 году стал проект создания площадки для закупа скота у населения с перепродажей его крупным оптовым покупателям на дальнейшее выращивание. Мощность площадки составила 1 200 голов. На площадке создано пять новых рабочих мест, в том числе три скотника-оператора с нагрузкой 300–350 голов бычков на оператора при автоматизированном поении и механизированной раздаче кормов. С августа по декабрь 2018 года у населения и крестьянских хозяйств была закуплена 1 741 голова КРС. В первый же год прибыль от проекта составила 3,3 млн рублей. В 2019 году планируется удвоить закупки скота у населения.

С нулевой прибылью в 2018 году сработало овцеводство. Потери овец возросли до 133 голов и составили 400 тыс. рублей убытка. В целом же по хозяйству убытки от падежа скота определяются суммой почти в 4 млн рублей. Заметны изменения в кооперативе по коневодству (табл. 13).

Таблица 13

Показатели развития коневодства в 2017–2018 гг.
по СПК Племзавод «Теньгинский»

Показатели	2017 г.	2018 г.	Процент 2018 г. к 2017 г.
Поголовье лошадей, в том числе конематок	596 222	730 247	122 111
Приплод, в том числе на 100 конематок	114 51	154 62	135 121
Продано голов на мясо	69	69	135
Продано мяса в живом весе, ц	214	237,5	111
Цена реализации 1 кг, руб.	111	126	113
Себестоимость 1 кг, руб.	113	109	96
Выручка от реализации, тыс. руб.	2 384	2 983	125
Прибыль, тыс. руб.	– 30	400	
Субсидии, тыс. руб.	56	59	105

В. Г. Шадрин, анализируя это направление, отметил, что необходимо увеличивать выход жеребят на 100 конематок с 62 до 75–80 голов. В 3–4 года

необходимо осуществить «освежение крови» за счет русской тяжелой породы, научиться закупать и перепродавать ежегодно с выгодой для кооператива до 500 семимесячных жеребят и добиться звания племенного репродуктора в коневодстве. За отчетный пятилетний период председательства В. Г. Шадрина в кооперативе объем чистых активов СПК Племязавод «Теньгинский» увеличился на 77 млн рублей (81 %) и составил более 173,5 млн рублей. Средняя заработная плата по хозяйству только за 2018 год увеличилась на 2 693 рубля, а за пять лет она возросла на 55 %.

Собрание спокойно подвело итоги работы кооператива за год, переизбрало на новый срок старый состав правления, председателя и наблюдательный совет.

Уезжал я в этот день из Теньги с окончательно изменившимся мнением о сельскохозяйственном производственном кооперативе как форме организации производства на селе, к которой у меня было, мягко говоря, «сдержанное» отношение. На примере СПК Племязавод «Теньгинский» я увидел, что при правильной постановке эта организационно-правовая форма деятельности на селе вполне жизнеспособна, но так же, как и все остальные, очень зависит от личности руководителя. Теньгинцам в этом смысле очень повезло...

По дороге домой я в очередной раз вспомнил русского публициста и агрохимика А. Н. Энгельгардта, который в своей книге «Из деревни. 12 писем» еще 130 лет назад записал совет, данный ему, хозяину имения, от крестьянина Степана: «...Делайте так, чтобы и вам было выгодно, и мужику было выгодно, тогда у вас все пойдет хорошо. Как же это сделать? Хозяином нужно быть для этого. Коли сделаетесь хозяином, так и будет все хорошо, а если хозяином не можете сделаться, так и не стоит в деревне жить». «Ни машины, ни симментальский скот, ни работники, — утверждал уже сам Энгельгардт, — не могут улучшить наши хозяйства. Его могут улучшить только хозяева» [43].

В Теньге мне посчастливилось поближе познакомиться с такими хозяевами — В. Г. Шадриним, Н. М. Головиным и другими, которые не на словах, а на деле демонстрируют свою любовь к земле, к труду, к Алтаю, который обязательно отблагодарит их в будущем доброй памятью потомков.

Библиографический список

1. Бахметьев В. М. У последней воды // Образ Алтая в русской литературе. — Барнаул, 2012.
2. Белеков И. И. Слово об Аргымае Кульджине // Звезда Алтая. — 2016. — 5 июля.
3. Бенедиктов П. И. Инородческий вопрос на Алтае. — Томск, 1908.
4. Верещагин В. И. От Барнаула до Монголии (путевые заметки) // Алтайский сборник. Т. IX. — Барнаул, 1908.
5. Высочайший прием Государем Императором депутации алтайских калмыков // Томские Епархиальные ведомости. — 1908. — № 21.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 233. — Оп. 1а. — Д. 706.
7. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1а. — Д. 651.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). — Ф. П.-3. — Оп. 2. — Д. 242.
9. ГАНО. — Ф. Р.-47. — Оп. 5. — Д. 104.
10. ГАНО. — Ф. Р.-47. — Оп. 5. — Д. 103.
11. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). — Ф. 194. — Оп. 1. — Д. 948.
12. ГАСПД РА. — Ф. Р.-194. — Оп. 1. — Д. 649.
13. ГАСПД РА. — Ф. Р.-194. — Оп. 1. — Д. 892.
14. ГАСПД РА. — Ф. Р.-194. — Оп. 1. — Д. 948.
15. ГАСПД РА. — Ф. Р.-33. — Оп. 1. — Д. 214.
16. ГАСПД РА. — Ф. Р.-37. — Оп. 1. — Д. 408.
17. ГАСПД РА. — Ф. Р.-37. — Оп. 1. — Д. 1097.
18. Залесский П. М. Мараловодство в Северо-Западном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. — Новосибирск, 1930.
19. Каруновская Л. Э. Блокнот с полевыми дневниками от 1927 г. // Архив Института этнографии РАН. — Ф. 15. — Оп. 2. — № 26.
20. Книга памяти жертв политических репрессий. Республика Алтай. Т. II. — Горно-Алтайск, 1998.
21. Мараловодство Сибири. — Новосибирск, 1930.
22. Миссионерские известия и заметки // Томские Епархиальные ведомости. — 1900. — № 24.
23. Орлов С. И. Мараловодство в Центральном и Южном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. — Новосибирск, 1930.
24. Отчет Алтайской духовной миссии за 1901 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1902. — № 7.
25. Отчет Алтайской духовной миссии за 1907 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1908. — № 13.

26. Отчет Алтайской духовной миссии за 1909 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1910. — № 13.
27. Отчет Томского комитета Православного Миссионерского общества за 1899 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1900. — № 6.
28. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л. П. Потапова. — Горно-Алтайск, 1973.
29. Поездка Епископа Бийского Иннокентия, Начальника Алтайской миссии по станам миссии в 1909 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1910. — № 6.
30. Потапов Л. П. Очерк истории Ойротии (Алтайцы в период русской колонизации). — Новосибирск, 1933.
31. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. — М. ; Л., 1953.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 468. — Оп. 24. — Д. 226.
33. Сапожников В. В. Пути по Русскому Алтаю. — Томск, 1912.
34. Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. — Л., 1936.
35. Фролов Н. А. Пантовое оленеводство Алтая после 1917 года. — Бийск : Музей алтайского марала, 2018.
36. Фролов Н. А. Социально-экономический портрет мараловодов дореволюционного Алтая: сборник работ о пантовом оленеводстве конца XIX — начала XX вв. — Бийск : Музей алтайского марала, 2015.
37. Фролов Н. А. У истоков пантового оленеводства России. — Барнаул ; Бийск : Изд-во Алт. ун-та, 2014.
38. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Т. I: Кочевники Бийского уезда. Вып. I. — Барнаул, 1900.
39. Швецова М. Алтайские калмыки // Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО. Кн. XXIII. — Омск, 1898.
40. Шишков В. Я. Чуйские были. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986.
41. Шкунов М. Заселение Алтайского округа // Вопросы колонизации : период. сборник / под ред. Г. Ф. Чикина, Н. А. Гаврилова. № 9. — СПб., 1907.
42. Штейфельд В. Бийский уезд Томской губернии (топографический, экономический и этнографический очерк уезда). — Бийск, 1910.
43. Энгельгардт Л. Н. Из деревни. 12 писем. — СПб., 1999.

1.3 БИЙСКИЙ ТОРГОВЕЦ ПАНТАМИ ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ КОПЫЛОВ

На личность бийчанина Павла Андреевича Копылова, активно участвовавшего в торговле пантами в конце XIX — начале XX веков, я обратил внимание, еще работая в 2014 году над книгой «У истоков пантового оленеводства России», и написал о нем, но достаточно поверхностно. Пять лет спустя я более внимательно изучил имеющиеся материалы о Копыловых и увидел, что о Павле Андреевиче известно очень мало. После сбора дополнительных архивных данных я почувствовал, что есть возможность более глубоко и исторически обоснованно рассказать об удивительной судьбе этого человека, его огромном вкладе в развитие города Бийска, переоценить который невозможно даже теперь, сто лет спустя.

Материал написан, что называется, на одном дыхании, потому что была возможность опереться на исследования В. А. Шнайдера, архивные материалы ГААК и Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки, воспоминания Е. Г. Гнедковой, вдохновиться этими работами.

В 2020 г. я познакомил краеведов Алтая с судьбой Павла Андреевича Копылова и его племянника Антона Петровича Копылова в книге «Дело Копыловых», а теперь хочу рассказать о Павле Андреевиче мараловодам Алтая.

Семья Копыловых

Расследование истории семьи Копыловых я начну с факта, установленного алтайским краеведом В. А. Шнайдером на основании архивных данных: никто из семьи Копыловых в Бийске не родился. Правда, Владимир Александрович пишет, что в Бийске родился в 1839 году Павел Андреевич Копылов, но ссылается при этом не на архивные данные, а на информацию из альманаха «Краеведческий вестник» (№ 5 за 1997 год) Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки. Однако в этом номере «Краеведческого вестника» Б. Х. Кадиков в статье «Бийские меценаты Копыловы» упоминает только, что семья Копыловых жила в Бийске.

Значит, семья переехала в Бийск, когда уже все дети появились на свет, но откуда и когда? Обратим внимание на воспоминания родственницы Копыловых, Е. Г. Гнедковой (Сенгалевиц), которая пишет о семье так: «Надо начинать с прадеда: Андрей Копылов — атаман казачьих войск — приехал в Сибирь в конце 18-го века и был начальником крепостей. Одна из них была при слиянии Бии с Катунью — Бийская. В Томске имел трех сыновей» [46, с. 150].

В. А. Шнайдеру удалось обнаружить в метрических книгах Бийска дату смерти Копылова Андрея Васильевича — 16 августа 1869 года. Он скончался от водянки в возрасте 76 лет [83]. Однако на сохранившемся памятнике указано, что Андрей Васильевич скончался в 1869 году на 72 году жизни. Если данные на памятнике считать верными, то родился он в 1797 году и скончался в 1869 году, будучи 72-летним. Это и есть глава семьи Копыловых.

Первый раз в архивных документах Андрей Васильевич упоминается 11 января 1827 года в качестве секретаря окружного суда в г. Чарыш Томской губернии [52]. Уже 11 декабря 1828 года, через одиннадцать месяцев, А. В. Копылов в возрасте 35 лет служит губернским секретарем, секретарем окружного суда в г. Бийске [53]. На 7 декабря 1829 года он продолжает занимать эту же должность [54]. С 1830 по 1847 годы фамилия А. В. Копылова исчезает из архивных документов Томской губернии. Нет его на должностях и в других субъектах Сибири. Из воспоминаний Е. Г. Гнедковой следует, что А. В. Копылов переехал на службу в Томск и там был атаманом казачьих войск и начальником крепостей. Следовало проверить эту версию, какой бы невероятной она ни казалась.

Из работы С. Ю. Исупова «Крепость Бийская есть главная» известно, что к концу 1770-х годов в Бийской крепости находился штаб наказного атамана линейных казаков [47, с. 83]. В начале XIX века «конные и пешие казаки составляли гарнизоны всех сибирских городов и широко

использовались на различных административных работах: от сбора ясака до почты и ремонта дорог» [47, с. 86]. В Бийске штабной центр линейной казачьей бригады из двух полков сохранялся до лета 1848 года.

Оказывается, что бийские казаки находились в составе Томского городского казачьего полка, который подчинялся до 1861 года Министерству внутренних дел, но в ходе реформы 1861 года его включили в состав Сибирского казачьего войска. Офицеры и казаки упраздняемых частей, желавшие остаться в Сибирском войске, должны были переселиться в другие полковые округа с денежным пособием от правительства [2].

Можно было предположить, что именно в результате этой реформы 1861 года семья Андрея Васильевича Копылова вновь переехала в Бийск, но данные К. В. Ярославцева опровергли эту версию. В архиве Томска есть сведения о том, что титулярный советник Копылов Андрей находился в Бийске уже 1 июня 1858 года [41]. В этом же архивном деле Копылов Андрей Васильевич на 14 августа 1858 года упоминается как уволенный со службы титулярный советник в Бийске [42]. Когда этот текст был практически готов к публикации, К. В. Ярославцев передал мне архивные данные о том, что уже на 2 марта 1847 года отставной титулярный советник Копылов Андрей Васильевич проживал в Бийске со своей женой Еленой Мироновой [40].

А. В. Копылов мог переехать из Томска в Бийск просто по выслуге лет. Такую версию в разговоре со мной поддержал известный специалист по истории г. Бийска С. Ю. Исупов. Он писал, ссылаясь на Ю. А. Гагемейстера, что значительная часть военных, выйдя в отставку, оставалась здесь на жительство и переходила в разряд местных мещан. Ю. А. Гагемейстер отмечал дешевизну Бийска для проживания отставных военных чинов и их семейств [65].

Еще одну информацию мы находим у В. А. Шнайдера, который, изучая сведения о дочери А. В. Копылова Марии, обнаружил запись в метрической книге о том, что 1 мая 1863 года бракосочеталась 19-летняя Мария Андреевна Копылова, дочь «уволненного от службы титулярного советника Андрея Васильевича Копылова» [3]. Значит, Андрей Васильевич Копылов второй раз с семьей оказался в Бийске не позднее марта 1847 года как уволенный со службы титулярный советник. Причины увольнения окончательно не известны, но, скорее всего, по возрасту, так как в 1847 году ему было уже 50 лет. Где и кем он служил целых 17 лет, пока установить не удалось.

Итак, главой семейства Копыловых в городе Бийске был отставной титулярный советник Андрей Васильевич Копылов 1797 года рождения, скончавшийся в 1869 году и похороненный на городском Воскресенском кладбище Бийска.

О членах семьи Андрея Васильевича Копылова известно мало. Е. Г. Гнедкова вспоминает, что в г. Томске он имел трех сыновей, Петра, Павла, Илью, и дочь Марию. «Старший сын Петр, — сообщает она, — дослужился тоже до атамана. Женился на очень молоденькой девушке, которая умерла при родах, оставив сына Антона. Спустя какое-то время женился вторично, родилась дочь Леонтина, и вскоре умер сам» [46, с. 150]. Известно, что Антон родился в 1858 году. Краевед Б. Х. Кадиков пишет, что брат Павла Андреевича — Петр Андреевич Копылов — жил в Бийске недолго. Он женился и уехал в Омск [48].

Архивные документы очень мало предоставляют нам информации о жизни Петра Андреевича. Хронологически первый раз Петр Андреевич Копылов в архивах упоминается 24 октября 1847 года, как канцелярский служащий Бийского окружного казначейства [86], затем 4 июля 1860 года как губернский секретарь, бухгалтер Семипалатинского окружного казначейства. С 24 апреля 1859 года он является коллежским секретарем [73]. В августе 1864 года он продолжает оставаться бухгалтером казначейства и с апреля 1862 года является уже титулярным советником. В документах 1866 года мы находим его титулярным советником, землеустроителем Барнаульского окружного казначейства [52]. Однако в этом же году он уже значится барнаульским окружным казначеем [69]. С 1867 года данных о П. А. Копылове больше пока не найдено. Возможно, в 1867 году он скончался, что в какой-то степени соответствует воспоминаниям Е. Г. Гнедковой. Единственным сыном Петра Андреевича является интересующий нас далее Антон Петрович Копылов.

Следующим сыном в семье Копыловых, скорее всего, был Николай Андреевич Копылов. В. А. Шнайдер пишет, что, по данным архива города Бийска, скончался он 17 февраля 1873 года от горячки в возрасте 34 лет, будучи отставным коллежским регистратором [83, с. 76]. Эта информация соответствует надписи на сохранившейся части памятника Николаю Андреевичу. Значит, родился он в 1838 году. О Н. А. Копылове известно очень мало. Так, на 1 июня 1858 года он являлся канцелярским служителем Бийского окружного казначейства [41].

В 1861 году Н. А. Копылов крестил в Успенском храме дочь мещанина Еремеева; в феврале 1864 года являлся свидетелем со стороны невесты при венчании Анны Алексеевны Гилевой с А. Ф. Сосновским; в октябре этого же года вновь был свидетелем при венчании Носовых. В августе 1864 года он оставался канцелярским служителем казначейства города Бийска и с 23 сентября 1861 года носил чин коллежского регистратора [76]. Через два года, 1 июня 1866 года, коллежский регистратор Н. А. Копылов был уволен из казначейства, согласно его прошению по домашним обстоятельствам [71]. Возможно, с 1866 по 1873 годы он был нетрудоспособен.

Третий сын — Павел Андреевич Копылов — также родился не в Бийске. Дату его рождения возьмем из информации В. А. Шнайдера: «В 1900 году доход Павла Андреевича, как записано в книге учета доходов, составил 3000 руб. Возраста он был 61 года» [83, с. 73]. Следовательно, Павел Андреевич, скорее всего, родился в 1839 году. На 20 февраля 1862 года он носил чин коллежского регистратора и являлся канцелярским служителем Семипалатинского окружного казначейства [70]. Через год, 17 января 1863 года, он состоял в этом же казначействе в должности журналиста [68]. С 20 января 1866 года Павел Андреевич был определен помощником бухгалтера этого ведомства [67].

Далее, 12 ноября 1866 года, губернский секретарь, помощник бухгалтера П. А. Копылов, по его прошению, был переведен из Семипалатинского казначейства в штат Томской казенной палаты [78]. Почти сразу же, 2 декабря 1866 года, он был назначен помощником бухгалтера Бийского окружного казначейства [79].

Удивительно, но уже 20 декабря 1866 года П. А. Копылов был переведен из Бийского казначейства на место помощника бухгалтера Томской казенной палаты [66]. Здесь он получил чин коллежского секретаря, а 13 декабря 1868 года стал бухгалтером уже Томского губернского казначейства [80]. В июле 1870 года ему присвоили чин титулярного советника. Однако через год, 7 августа 1871 года, согласно прошения, он был уволен со службы из-за расстроенного здоровья [75]. Видимо, вскоре 32-летний Павел Андреевич Копылов переехал на жительство в Бийск, где в окружном казначействе бухгалтером служил его родной брат, Иван Андреевич Копылов.

Е. Г. Гнедкова утверждает, что третьим братом в семье был Илья Андреевич, который рано умер от туберкулеза, оставив дочь Клену Ильинишну, которую воспитывала Мария Андреевна [46, с. 150]. Эту информацию пока не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, но если у А. В. Копылова и был сын Илья Андреевич, то скончался он в молодом возрасте и в Бийске не жил.

В архивном документе Томской области есть запись, что у отставного титулярного советника Андрея Васильевича Копылова на 1 июня 1858 года в Бийске была дочь Мария — девица [41].

Краевед В. А. Шнайдер обнаружил документы о том, что в большой семье Копыловых в 1844 году родилась единственная дочь Мария Андреевна Копылова, которая в возрасте 19 лет в 1863 году вышла замуж за 22-летнего купеческого сына Тимофея Мануиловича Фадеева [3]. Е. Г. Гнедкова также вспоминает, что в семье была дочь Мария, одинока, как и брат Павел, и жила с ним в одном доме [46, с. 150]. Возможно, Мария

Копылова (Фадеева) рано овдовела и после этого перешла жить в дом брата Павла Андреевича Копылова, который не имел своей семьи.

В семье Копыловых был еще один сын — Иван Андреевич. По нескольким архивным материалам можно сделать уверенный вывод, что родился он в 1845 году в семье обер-офицера. Воспитание получил в Семипалатинском уездном училище, где «окончил полный курс наук». В 1860 году стал работать письмоводителем в канцелярии Семипалатинского военного губернатора. Затем был перемещен в штат канцелярии Томского губернского прокурора. С 20 декабря 1866 года Иван Андреевич Копылов стал служить помощником бухгалтера Бийского казначейства. В 1870 году он был уже коллежским регистратором в возрасте 24 лет с жалованьем (жалование — 300 руб. и столовые расходы — 100 руб.) в 400 руб. в год [18].

В мае 1872 года бухгалтер Бийского окружного казначейства И. А. Копылов произведен в коллежские асессоры [77]. В 1875 года титулярный советник Иван Андреевич Копылов в 29 лет служит бухгалтером Бийского окружного казначейства, холост, получает 700 руб. общего жалованья в год [19].

Иван Андреевич в августе 1869 года стал крестным отцом дочери Мефодия Алексеевича Гилева. В 1872 году он, будучи губернским секретарем и бухгалтером казначейства, «воспринимал» еще одну дочь М. А. Гилева. Скорее всего, семьи Копыловых и Гилевых были в хороших отношениях [83, с. 73].

С 1876 года в адрес-календарях общей росписи начальствующих и должностных лиц в Российской империи он значится как стряпчий Бийского окружного казначейства [1]. Однако уже в 1877 году он становится окружным казначеем города Бийска [3]. На 1879 год он имеет чин коллежского асессора. В архивных документах на 10 декабря 1883 года он продолжает быть окружным казначеем Бийска, но уже в чине надворного советника [1].

В 1891 году Иван Андреевич Копылов продолжает служить казначеем Бийского окружного казначейства, имеет общее жалованье в 1200 руб. За успехи в работе награжден орденом Св. Станислава III степени и орденом Св. Анны III степени. Ему 46 лет, холост [17]. Скончался Иван Андреевич 19 мая 1892 года в возрасте 47 лет [83, с. 72].

Известно, что (ул. Александровская, д. 314) в Заречной части города у Ивана Андреевича был деревянный дом с оценочной стоимостью 300 руб. и продажной стоимостью — 2600 руб. [83, с. 72]. В раскладной ведомости Бийской городской управы по налогу на недвижимое имущество в 1895 году, то есть через три года после смерти Ивана Андреевича, за ним все еще числились дом с флигелем и амбар с «завозной», где были лошадь и корова [14]. Видимо, оформление наследства длилось долго. Это подтверждается

данными краеведа К. В. Ярославцева. Только 5 июня 1895 года Бийский окружной суд совершил раздельный акт движимого и недвижимого имущества, денег и ценных бумаг, оставленных И. А. Копыловым, между двумя его наследниками: брату Павлу Андреевичу Копылову досталось все недвижимое имущество покойного и ценные бумаги на 4452 руб., а племяннику — Антону Петровичу Копылову — по взаимному согласию достались ценные бумаги на 5753 руб. [72].

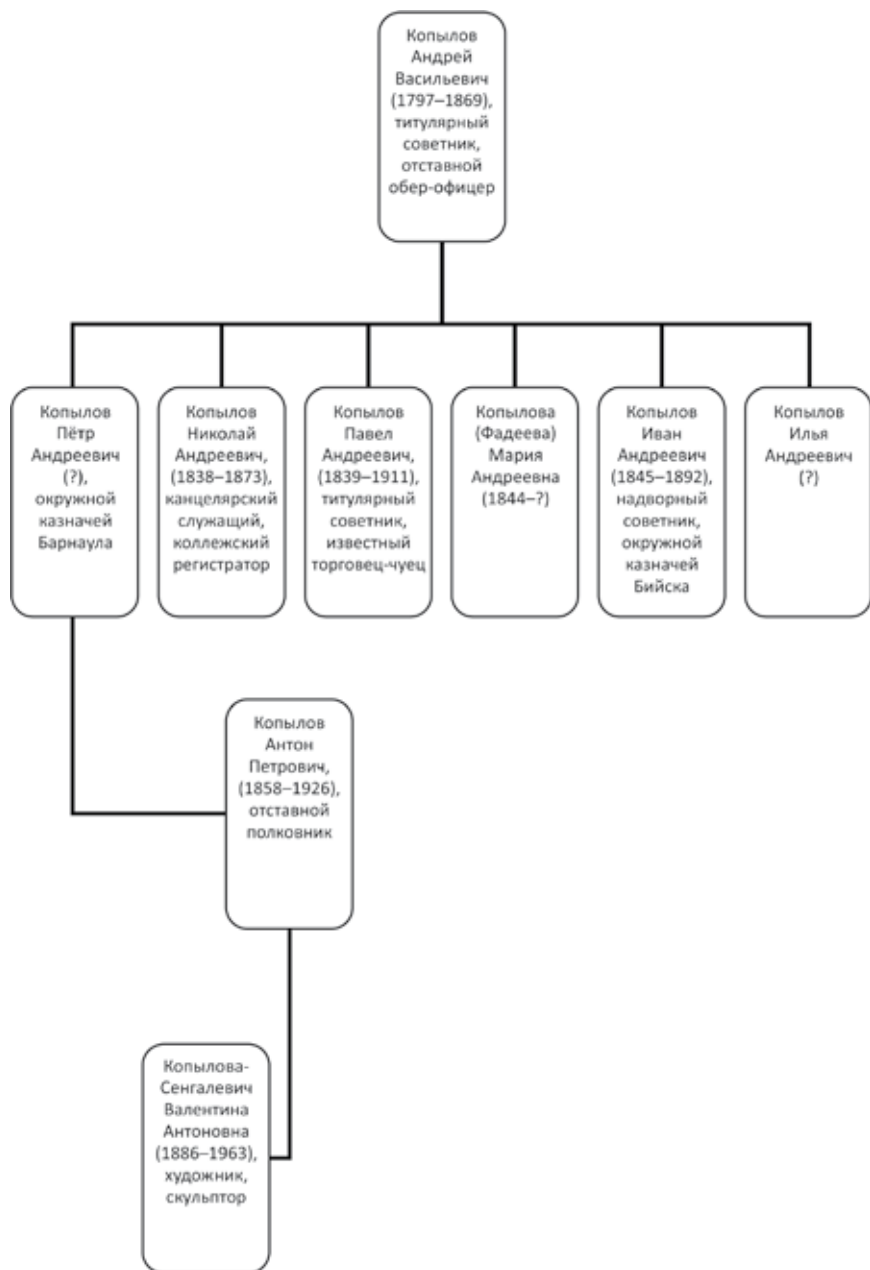
В заключение приведу еще одну информацию о Копылове Иване Андреевиче, которую сообщают нам А. В. Старцев, С. Ю. Исупов и др.: «Первая попытка создания публичной библиотеки была предпринята чиновником Бийского окружного казначейства И. А. Копыловым в 1877 году. Средства на библиотеку были изысканы на основе подписки горожан и сборов, полученных от культурно-просветительской и концертной деятельности. Полученная сумма — 300 руб. — была направлена на покупку книг... Часть средств для библиотеки выделило казначейство» [65, с. 203]. Это, безусловно, характеризует его как образованного, интеллигентного человека и влиятельного чиновника.

На основании собранных данных можно с высокой долей вероятности утверждать, что состав большой семьи Копыловых выглядел следующим образом: см. рисунок.

Попробуем теперь еще раз вернуться к вопросу появления семьи Копыловых в Бийске. Известно, что после 1822 года Бийскую крепость сняли с военного бюджета. С 1827 года Бийск окончательно утвердился как уездный центр Томской губернии [65, с. 86]. Из бывшего уездного города Чарыш в уездный город Бийск служить секретарем окружного суда и приехал в 1828 году Андрей Васильевич Копылов.

Читатель уже обратил внимание, что дети А. В. Копылова Петр, Николай, Павел и Иван начинали свою службу в Семипалатинске. Об Иване известно, что он из семьи обер-офицера. Отсюда просится вывод, что с 1830 года Андрей Васильевич служил в Семипалатинске на обер-офицерских должностях. Здесь же родились все его дети.

Семипалатинск с 1822 года являлся окружным городом Томской губернии. В 1825 году здесь было всего 5849 жителей. В 1838 году его присоединили к Бийскому уезду. Это был город-крепость с большим количеством казачьих частей Сибирского казачьего войска. Однако город активно развивался в первой половине XIX века и как торговый центр, в котором первые 54 азиатских купца с семьями поселились еще в 1830 году. Число жителей Семипалатинска в 1854 году составило 1864 человека, в 1863 году было уже 2688 человек. С 1854 года Семипалатинск стал областным центром одноименной области, во главе которой стоял военный губернатор.

Родословная семьи Копыловых

В этом городе с 1830 года и протекала служба Андрея Васильевича Копылова на обер-офицерских должностях, здесь росла его семья. Возможно, он служил и в казачьих частях. Также возможно, что к концу службы семья Копыловых оказалась на какое-то время в Томске, что отражено в воспоминаниях Е. Г. Гнедковой, правнучки А. В. Копылова. Однако в 1847 году Андрей Васильевич с семьей, уйдя в отставку, вновь переехал в Бийск.

Бийск в эти годы активно развивается, постепенно и необратимо из военно-административного центра преобразуясь в торговый город. По меткому заявлению историков, он «меняет свой военный мундир на «партикулярный» чиновничий сюртук и дорогой купеческий кафтан» [65, с. 91]. В 1848 году в Бийске торговало 55 местных и 26 иногородних купцов. В городе работала 31 торговая лавка. В 1855 году была учреждена Екатерининская городская ярмарка. Если в 1855 году объявленный торговый капитал в Бийске составлял 88,8 тыс. руб., то к 1861 году он увеличился до 176,4 тыс. руб. [65, с. 112]. Известный ученый В. В. Радлов, посетивший Бийск в 1860 году, отмечал в своем путевом дневнике малолюдность и неустроенность города при одновременном развитии торговли и состоятельности местного купечества.

После отмены крепостного права в 1861 году и разрешения в 1865 году жителям России переселяться на незанятые кабинетские земли Алтая Бийский округ стал очень привлекательным местом для крестьян и мещан Европейской России. Постепенно менялась структура населения города (табл. 1).

Таблица 1

Сословный состав населения Бийска в 1864 году [65, с. 119]

Сословие	Количество жителей	% от общего числа
1. Дворяне и чиновники	210	4,0
2. Духовные лица	41	0,8
3. Купцы и почетные граждане	584	11,2
4. Мещане	2178	41,2
5. Военные	321	6,2
6. Крестьяне	490	9,3
7. Прочие	1428	27,3
Итого	5252	100

Среди этих бийчан нашлось достойное место и семье Копыловых, которые стали принимать свое посильное участие в развитии нашего города.

Павел Андреевич Копылов

Теперь сосредоточимся на истории жизни третьего сына в семье Копыловых — Павла Андреевича Копылова.

Мы уже знаем, что Павел Андреевич Копылов родился в 1839 году в Семипалатинске. Там же он получил начальное образование. Скорее всего, это была церковно-приходская школа. Павел Андреевич, кстати, обладал красивым разборчивым почерком. После переезда в 1871 году в город Бийск Павел Андреевич, возможно, поселился в доме отца, являясь уже отставным чиновником. Состояние его здоровья или другие причины стали предпосылкой для ухода со службы — мы не знаем, да это и не принципиально для нашего дальнейшего расследования.

В 1860-е годы Бийск все еще оставался военно-административным городом с большим количеством чиновников (табл. 1). Роль их в жизни города была определяющей. Уже появившееся купечество и, тем более, мещане никакой заметной роли в управлении города не играли. По мнению русского публициста И. Л. Солоневича, в эти годы стараниями писателей, в том числе таких известных, как А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, появляющиеся предприниматели изображались в основном хищниками, пьющими народную кровь.

Чиновника того времени кормило, по словам И. Л. Солоневича, государственное регулирование, «частная инициатива» была ему чуждой, непонятной и отвратительной. Чиновник изобретал инструкцию или препону — частник пытался ее обойти: в чиновничьем воображении он восставал как хронический правонарушитель, как антисоциальный элемент, как антигосударственная стихия [63]. Скорее всего, такие же в целом взаимоотношения между чиновниками и предпринимателями были и в провинциальном Бийске.

Теперь мы знаем точно, в каком ведомстве служил в 60-е годы XIX в. наш герой П. А. Копылов. Звание его — титулярный советник — в архивных документах позволяет положительно судить о его знаниях, навыках и других достоинствах, позволивших добиться определенных успехов на государственной службе. В Табеле о рангах Российской империи титулярный советник — это гражданский чин IX класса. В 1842 году, например, годовой оклад его равнялся 262 руб. ассигнациями, то есть около 23 руб. в месяц. В 1860-е годы этот оклад вряд ли был намного больше. С 1845 года этот чин давал личное дворянство.

Павел Андреевич Копылов в Семипалатинском и Бийском окружных казначействах, Томской казенной палате в общей сложности прослужил

девять лет. Бийское окружное казначейство, как и прочие, входило в систему Министерства финансов. Казначейство занималось сбором налогов и различными выплатами. В его функции входили: сбор налогов с купцов за переход из гильдии в гильдию, за вступление в гильдейское купечество мещан и крестьян, за право вести торговлю; сбор налогов с крестьян, отправлявшихся на заработки и промыслы.

Волостные правления присылали в казначейство списки крестьян с указанием уплаты налогов, места их постоянного проживания и данные, на какие прииски они уволены; отвечали за расчеты с держателями почтовых станций. Казначейство вело учет числа лошадей на каждой станции и выплачивало, согласно договорам, деньги купцам, мещанам или крестьянам, которые содержали почтовых лошадей на станциях; вело расчеты с врачебными учреждениями. Казначейство выдавало врачам и их помощникам деньги на поездки в различные селения для освидетельствования умерших, либо по другим надобностям; несло ответственность за расчеты с причтами. Казначейство выплачивало денежные средства служителям церкви, вело расчеты по зарплате чиновников округа. Также вело расчеты с чиновниками самого казначейства, окружного суда, земского суда, городской полиции, прокурорской части, земельной части и медицинской части. Основной проблемой казначейства были недоимки по платежам. Понятно, что чиновники казначейства были очень информированными и влиятельными людьми в городе. В Бийске даже один из переулков назывался Казначейским. На этом общем историческом фоне, казалось бы, удивительным является то, что П. А. Копылов в 1871 году принял решение уволиться с государственной службы.

После смерти отца в 1869 году П. А. Копылову исполнилось уже 30 лет, и, скорее всего, карьера его чиновничьей линии стала просматриваться туманно. По закону 1870 года в российских городах начала вводиться новая форма самоуправления: городская дума и городская управа. Так как Бийск был на кабинетных землях, то городское положение здесь внедрялось несколько медленнее, но к 1871 году уже стало ясно, что статус чиновника неизбежно будет снижаться [65, с. 167]. Низкая оплата труда чиновника также не могла не огорчать Павла Андреевича. Однако он, в отличие от абсолютного большинства своих коллег, не видел в предпринимательстве враждебной силы, но, наоборот, стал внимательно присматриваться к тому, чем и как они зарабатывают на жизнь.

Этому способствовали и хорошие отношения семьи Копыловых с семьей купцов Гилевых, которые во второй половине XIX века были одними из самых успешных предпринимателей в Бийске. Гилева Дарья

Никитична (1798–1878) уже в 1859 году открыла самое крупное в городе предприятие по выделке кож. В 1872 году на этом заводике обрабатывалось до 2000 кож в год. Было у нее в городе несколько торговых лавок. Сыновьями Д. Н. Гилевой являлись Василий Алексеевич Гилев (1830–1890) и Мефодий Алексеевич Гилев (1838–1891). Вначале в 1850–1860-х годах они совместными усилиями активно вели приграничную торговлю с подданными Китая в селении Кош-Агач и настолько удачно, что в 1861 году В. А. Гилев за свои средства построил в Бийске здание первого в городе Владимирского женского училища и содержал его до 1865 года [83, с. 48]. Внутренний рынок Горного Алтая оказался недостаточно емким для многочисленных торговцев-бийчан, они активно стремились попасть на рынки Северо-Западной Монголии.

В 1864 году группа торговцев во главе с бийским купцом В. А. Гилевым в сопровождении капитана генерального штаба А. Г. Принца совершила поездку в монгольский город Кобдо «с целью испытать возможность завести без формальных дипломатических переговоров торговлю с Китаем» [65, с. 142]. К середине 1870-х годов в Кобдо уже существовали восемь русских лавок и четыре в городе Улясутай. Наиболее крупными предпринимателями в это время здесь были бийские купцы И. П. Котельников, В. А. Гилев и Г. Г. Бодунов [65, с. 142–143].

Однако это потом, а пока в 1864 году Гилевы прочно обосновались в поселке Кош-Агач. Исследователь Горного Алтая С. П. Швецов писал об этом поселке следующее: «В 1864 году здесь было 10 избушек, служащих только для склада товаров; только у одного бийского купца Гилева построен жилой дом, в котором есть две комнаты, опрятно убранные» [81].

В 1864 году в чуйской торговле наметился определенный кризис: резко упала в городе Ирбите цена на шкурки сурка, которые являлись основным экспортным товаром из Горного Алтая и Монголии; стали проявляться неблагоприятные поступки части наших торговцев; губернатор Г. Г. Лерхе запретил торговлю без заграничных паспортов; китайские пограничники не подпускали к торговле своих купцов и стремились торговать сами. Это, тем не менее, не остановило русских торговцев и заставило их предпринимать дополнительные усилия для развития коммерческой деятельности в этом регионе.

В июне-июле 1869 года на Чую съезжалось около 100 торговцев с каждой стороны. В остальное время русских оставалось 15–20 человек. В 1869 году в Кош-Агаче находятся уже 23 избушки со складскими амбарами. Только по официальным данным, в 1869 году товаров здесь продано на 148 тыс. руб., в том числе на 10 тыс. руб. реализовано «маральных рогов». Реальные объемы торговли были в несколько раз выше [43].

Среди торговцев наиболее заметными являлись следующие лица:

- И. П. Котельников, бийский мещанин;
- братья Василий, Мефодий и Семен Гилевы из Бийска;
- братья Иван и Борис Ошлыковы, крестьяне из Нижнего Уймона.

Братья Ошлаковы, например, торговали без всяких разрешений на заграничную торговлю, да еще держали до пяти своих приказчиков без торговых свидетельств. У Гилевых в этом году в Кош-Агаче практически постоянно жил приказчик Силантий Козлов, бийский мещанин [44]. Помимо сложностей уже названных, русские купцы терпели немалые убытки от прямых разбоев и грабежей, которые участились в 1870-е годы. Во время восстания в 1872 году, например, дунгане разграбили Кобдо. Многие бийские купцы потеряли свои товары, а купец В. А. Гилев был серьезно ранен [64, с. 69].

В условиях постоянно растущей конкуренции на этом рынке купцы Гилевы остро нуждались в хороших помощниках и сумели уговорить бывшего титулярного советника Павла Андреевича Копылова перейти к ним на службу приказчиком. Краевед Б. Х. Кадииков сообщает, что это произошло в 1873 году [50]. Историк А. В. Старцев более осторожно говорит, что А. П. Копылов «вышел в отставку в начале 70-х годов XIX века и поступил на службу к купцам Гилевым» [60, с. 59].

Для нас сегодня не является принципиальным, в каком точно году это произошло. Гораздо важнее, что образованный купец В. А. Гилев, обладатель крупнейшей в то время личной библиотеки в городе, сумел найти подход и нужные слова, которые убедили принять П. А. Копылова судьбоносное для него решение. Он, правда, в дальнейшем предпочитал именоваться «бывшим чиновником» или «бывшим титулярным советником», но судьбу свою бесповоротно связал с предпринимательством.

Мы не знаем, на каких условиях В. А. Гилев принял приказчиком П. А. Копылова в свое дело с братом Мефодием. В то время, по словам историка А. В. Старцева, «наем служащих и приказчиков на работу осуществлялся на основе устного договора, без оформления каких-либо письменных условий или контрактов...» [64, с. 210]. Как правило, такие «договора» предполагали возможность приказчику сверх положенной оплаты зарабатывать на продаже товаров нанимателя, но нести при этом расходы по содержанию лавки. Например, Ф. И. Минин — приказчик бийского купца Г. Г. Бодунова — должен был свой доход зарабатывать на наценке товара, то есть действовать как предприниматель с некоторыми ограничениями [64, с. 58].

«Приказчиков, мало-мальски удовлетворяющих требованиям купцов, — писали М. И. Боголепов и М. Н. Соболев, — находят с большим трудом, дают им повышенное жалование, содержание их ничем не от-

личается от самих купцов; часто у них общий стол. Иногда приказчики получают и одежду» [4, с. 284]. Доход таких приказчиков полностью зависел от их предприимчивости. Тот же Ф. И. Минин сумел за два года заработать 2,5 тыс. руб. [64, с. 216].

Скорее всего, Павел Андреевич Копылов, с учетом его образования, возраста и опыта работы чиновником, был принят купцами Гилевыми как «дорогой» приказчик. Забегая вперед, отмечу, что П. А. Копылов отработал у Гилевых 12 лет. Это очень большой срок. Значит, стороны были довольны условиями сотрудничества.

Практически все приказчики у известных бийских купцов вначале работали и набирались опыта в торговых лавках Кош-Агача, и только потом им доверяли работу уже за границей в городах и хошунах Северо-Западной Монголии. Такой же путь проходил и П. А. Копылов. Наиболее сложным, видимо, был этап привыкания к жизни в пос. Кош-Агач. Для горожанина, даже не обремененного семьей, освоиться в высокогорной местности с очень суровыми климатическими и сложными бытовыми условиями было настоящим испытанием, которое выдерживал далеко не каждый. В самом лучшем доме Гилевых, по словам известного путешественника Г. Н. Потанина, обстановку составляли «три некрашенных стола, два табурета, кровать, покрытая тюменским ковриком, потускневшее зеркало, связка белок под столом и железная печь, производимая удущье...» [83, с. 48]. Отсутствие знакомых, однообразие и скудность еды, незнание алтайского, казахского, монгольского и китайского языков только усугубляли ситуацию. Время показало, что Павел Андреевич не только полностью освоился в новой среде своего обитания, но в дальнейшем проводил в Кош-Агаче и разъездах по Горному Алтаю основную часть своей жизни.

Еще в 1862 году в «Томских губернских ведомостях» была напечатана заметка «Известия из Бийска» следующего содержания: «В настоящее время в одном маленьком Бийске около 60 купеческих капиталов... Бийские купцы вышли из бедности... Некоторые из них по прибытии сюда носили лапти... Главным образом «подпитывает» купцов торговля с инородцами, в особенности с китайскими подданными... Здешний народ вообще весьма любит торговлю и торговые обороты, из-за пустячной выручки готов он предпринимать трудные, дальние и продолжительные поездки...» [74]. Такими являлись купцы Гилевы. Под стать им оказался и П. А. Копылов. Город Бийск продолжал, благодаря укреплению русско-монгольской торговли, активно развиваться и все более становился купеческо-мещанским уездным городом (таблица 2).

Сословный состав Бийска в 1878 году [47]

	Мужчин	Женщин
1. Дворян	53	53
– потомственных	3	5
– личных	50	48
2. Почетных граждан	14	17
– потомственных		
– личных	14	17
3. Купцов	200	204
4. Мещан	2451	1941
5. Крестьян государственных	150	153
6. Бывших заводских	270	235

По данным Г. Н. Потанина, в 1877 году в монгольском городе Кобдо наиболее успешными являются купцы Гилевы, Котельников, Бодуновы, Мальков. Павел Андреевич Копылов, по-видимому, в это время уже успешно разобрался в основах торговли, приобрел определенные языковые навыки, установил необходимые связи и активно представлял коммерческое дело купцов Гилевых в Кобдо. Еще в Кош-Агаче он подружился с талантливым приказчиком купца И. П. Котельникова Алексеем Даниловичем Васеневым, который в дальнейшем станет его надежным деловым партнером [6].

Иркутская газета «Сибирь» в 1878 году сообщала, что в Монголии нашими купцами «сбывается больше всего сукно, плис, нанка, юфть, медь, железо, съестные припасы и бакалейные товары» [64, с. 141]. Однако с самого начала XIX века, помимо прочих товаров, русские охотники и торговцы успешно продают на границе с Монголией китайским военным, чиновникам и купцам очень интересный товар, который имеет устойчивое хождение во внутреннем Китае, — это «маральи рога», которые теперь называются пантами. Товар этот являлся в значительной степени контрабандным, хотя, например, в 1869 году из 133 тыс. руб. торгового оборота 10 тыс. руб. официально составляли маральи рога [64, с. 141]. Объем продажи пантов постоянно возрастал.

В 1877 году, по данным Г. Н. Потанина, в монгольский город Улясутай панты вывезли: Котельников — 80 пар; Щетинины — 70 пар; Бодуновы — 76 пар. Еще больше вывезли пантов Гилевы и Ошлыковы [59]. Г. Н. Потанин отмечал даже, что из-за монополии торговли пантами Гилевыми и Ошлыковыми цена на панты «в последнее время значительно упала». Как управляющий купцов Гилевых в Кош-Агаче, П. А. Копылов не мог не принимать участие в процессе скупки пантов у алтайских охотников и мараловодов для их дальнейшей реализации китайцам. Знал он и о том, что в 1875 году бухтарминский мараловод Шарыпов попытал-

ся самостоятельно реализовать панты без посредников в Монголии, но по дороге в Улясутай грабители отняли у него 60 пар дорогих пантов. Знали об этом случае все мараловоды и не стремились к торговле своим ценным товаром за пределами России. В 1878 году бийские купцы снарядили целый караван с пантами стоимостью 11 380 руб. во главе с купцом Е. Г. Антроповым для продажи их уже в городе Гуй-хуа-чен (Внутренний Китай) и, несмотря на низкий уровень цен в этом году, выручили за товар 21 тыс. руб. [58]. В 1879 году бийчане еще раз очень удачно реализовали в Гуй-хуа-чене целый караван с пантами и верблюжьей шерстью. Конечно, об этом удачном опыте знал наш Павел Андреевич и делал соответствующие выводы на перспективу.

По российско-китайскому договору в 1881 году стала официально возможна беспошлинная торговля бийских купцов с Северо-Западной Монголией, им разрешили иметь в Монголии недвижимость (дома, лавки, амбары) в местах присутствия российского консульства и право аренды в других местах. В условиях беспошлинной торговли у таможи не было формальных оснований требовать от купцов подробных отчетов об объемах и стоимости вывозимых товаров. Онгудайская таможня находилась, например, еще и в 250 верстах от границы. Все, кто хотел, могли ее без проблем «объехать» [64, с. 127]. В 1885 году объем экспорта официально оценивался в 820 тыс. руб., а реально — никак не меньше одного миллиона рублей (табл. 3).

Таблица 3

Обороты русско-монгольской торговли в Бийском округе
с 1874 по 1885 год [64, с. 138]

Год	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885
Объем торговли												
Бийский округ, тыс. руб.	287,8	401,1	385,8	380,9	274,7	267,0	360,0	528,6	610,0	700,0	800,0	820,0

Бийским купцам-чуйцам в этом растущем товарообороте надо было не просто продать свой товар, но еще и забрать в Монголии товар, выгодный для его реализации в России. Очень хорошо зарабатывали купцы на шкурках сурка, но в начале 1880-х годов цена на них стала резко колебаться. Менее выгодной, но более стабильной была покупка скота на мясо. В 1877 году, например, в Иркутскую губернию бийские торговцы Гилев, Соколов, Поликарпов, Ошлыков и другие доставили 5450 голов крупного и 8800 голов мелкого рогатого скота [64, с. 144]. Реальные объемы были гораздо больше. Павел Андреевич Копылов очень хорошо усвоил на службе

у Гилевых эту двухстороннюю составляющую в меновой торговле, определяющую окончательную выгодность в коммерческой деятельности.

В традиции купцов того времени не было принято брать «в долю» даже самых толковых своих приказчиков. Возросший после договора 1881 года русско-монгольский товарооборот стимулировал процесс отхода торговых служащих от своих хозяев. Историки отмечают, что в этот период от И. П. Котельникова отошли его приказчики А. Д. Васенев, Н. И. Никифоров, Н. И. Ассанов; от Гилевых — П. А. Копылов, К. И. Кузнецов, П. И. Еремин, С. П. Роголев, Г. И. Кузьмин, П. И. Щепкин, П. М. Захаров; от Г. Г. Бодунова — Ф. И. Митин, С. К. Березин, И. Г. Игнатъев, М. Н. Береженцев, П. М. Коршунов, А. Т. Головин и др. [64, с. 143].

Количество фамилий позволяет утверждать, что это был объективный процесс развития, когда у стареющих купцов уже не хватало сил удерживать свой разросшийся бизнес, а заматеревшие приказчики в условиях быстро растущего рынка стремились реализовать себя в самостоятельном деле. Этому способствовало и то, что торговцы Бийска и Бийского округа, как правило, могли начинать свою коммерческую деятельность с более чем скромным капиталом [64, с. 148]. Далеко не у всех это получалось, но наиболее подготовленные, предприимчивые, упорные и удачливые уверенно занимали свои места в купеческом сословии. Забегая вперед, отмечу, что именно такими успешными предпринимателями в дальнейшем стали Н. И. Ассанов, А. Д. Васенев, И. Г. Игнатъев, С. К. Березин, С. П. Роголев, А. Г. Головин и наш герой П. А. Копылов [64, с. 149]. Кстати, после таких кадровых потерь дела у купцов Гилевых стали ухудшаться. Многие современные бийские предприниматели на собственном опыте узнали, как трудно работать с партнерами, тем более с родственниками.

В архивы попала история ссоры 25 апреля 1886 года купцов Василия и Мефодия Гилевых. Дело дошло до полиции [47, с. 201]. После этого Гилевы разделили свои активы и работали каждый по отдельности.

В заключение этой части рассказа о Павле Андреевиче Копылове необходимо еще раз отметить, что дал ему почти 12-летний период работы одним из управляющих у купцов Гилевых. П. А. Копылов сумел не только успешно освоиться в нелегких условиях жизни в Кош-Агаче и Монголии, но и в какой-то степени полюбить эти суровые края. Не зря в дальнейшем он своим местом пребывания сделал Кош-Агач и много ездил по Горному Алтаю. За эти годы он максимально подготовился к самостоятельной коммерческой деятельности. Разобрался во всех тонкостях международной меновой торговли, определил для себя приоритетные товары и способы их реализации. П. А. Копылов приобрел много знакомых и будущих своих деловых партнеров, связями с которыми дорожил. Должно быть, он умел сочетать дружеские и деловые отношения. Это очень хорошо помогало ему в дальнейшей карьере предпринимателя.

Первые архивные сведения о самостоятельной торговле Павла Андреевича Копылова относятся к 1885 году. В этот год, по официальным данным, он вывез из Монголии в Россию товара на 1710 руб. [25]. Видимо, примерно на такую же сумму он ввез товара в Монголию. Сумма небольшая. Под его имя «старые» купцы могли бы дать гораздо больше товара. А. Д. Васеневу, например, в 1884 году И. П. Котельников сам предложил товара на 4 тыс. руб. Однако осторожный П. А. Копылов, скорее всего, начал дело только на свои небольшие капиталы, заработанные у купцов Гилевых. Еще раз подчеркну, что у Павла Андреевича с Алексеем Даниловичем после их выхода в самостоятельное коммерческое плавание деловые и дружеские связи стали только укрепляться. Из 14-летнего смышленного мальчишки И. П. Котельников за 14 лет вылепил вполне образованного, активного, широко мыслящего молодого предпринимателя А. Д. Васенева.

Торговлю П. А. Копылов и А. Д. Васенев развивали по-разному. И жили они по-разному. Павел Андреевич вел одинокий образ жизни, а Алексей Данилович имел крепкую семью. Их разделяла 17-летняя разница в возрасте, но все это не мешало им поддерживать постоянные дружеские и деловые отношения.

В 1885 году московская фирма Т. С. Морозова по рекомендации русского консула в Монголии Я. П. Шишмарева наняла А. Д. Васенева на три года за 3 тыс. руб. в год руководителем торговой экспедиции в «застенный Китай» с товаром на 70 тыс. руб. [61]. Караван от Бийска через Монголию в 1886 году достиг города Суджоу и далее города Ланчжоу, главного города провинции Ганьсу. Интересно и поучительно, что в этом нелегком торговом мероприятии А. Д. Васенев поддерживал переписку с П. А. Копыловым. Это настолько необычно и важно для понимания сути их взаимоотношений, что одно письмо я приведу полностью. Некоторые слова в этом письме мне разобрат, к сожалению, не удалось, но общий смысл письма понятен.

Ланчжоу
22 декабря 1887 г.

Ваше Высочородие Милостивый Государь Павел Андреевич.

Почтеннейшее письмо Ваше от 15 октября с/г я имел удовольствие получить, за которое считаю своим приятным долгом выразить Вам мою искреннюю благодарность.

При сем имею честь уведомить Вас: положение наше в Ланчжоу сравнительно улучшилось, в особенности после последовавшего здешнему генер. губернатору по поводу моей жалобы в Пекин. Теперь заметно слабеют те происки и оскорбления, которые сыпались на нас по приезду; так что мне целый месяц пришлось добиваться ... чтобы нанять скольнибудь сносное помещение для торговли. Мало того, в городе я видел

даже публикации, в которых торговцам рекомендовалось не входить с нами в торговые сношения и иным избавляться от нашей торговли.

Лишнее говорить, что все это известно было властям, которые даже по моему заявлению не поторопились уничтожить оные. Однако впоследствии власти не преминули донести в своем объяснении в Пекин и написать, что ими приняты своевременные меры на ограждение нас от неприятностей и оказать нужное содействие.

Впрочем, всего этого я ожидал. Насколько известно в Китае кажется недопустимым какое новое предприятие без известного рода противодействий китайцев, которые устранить сразу едва ли возможно, но постепенно они должны ослабнуть.

... и теперь ... была бы надежда ... и упрочить сбыт наших товаров в этот край. Судя же по первым опытам нашей торговли здесь, то это едва ли скоро возможно, потому ... рынки провинции Гань-су наполнены иностранными товарами (по преимуществу английскими и американскими) и продаются они против наших недорого, вопреки нашего расчета, что доставка товаров от портов Китая в этот край с провозом и пошлиной обойдется недешево; но выходит наоборот, на наши товары при вьючном сообщении через Монголию падает очень высокая провозная плата. Так от Москвы до г. Ланчжоу ... нам стали б руб. с пуда помимо расхода, который тоже велик, так товару привезено немало на 43 тыс. по фабричным ценам.

Ввиду этого водворить русскую торговлю в этот край очень трудно, понизить цены можно при хорошем сбыте, что даст возможность со временем удешевить и провозную плату. Но на это нужно время и терпение.

Само собой разумеется, первые годы придется поторговать в убыток, а это конечно не понравится нашим русским предпринимателям.

В настоящее время торговый класс упорно избегает входить в покупку наших товаров и торговля ограничивается только розничной продажей. Может быть и потому что у всех них имеется запас иностранных товаров. И потому еще, что с нашими товарами они не освоились, да и мы тоже не вполне угадали в выборе привезенных товаров, некоторые оказались неподходящими.

Я посылал в Москву образцы иностранных товаров с обозначением цен, теперь с нетерпением жду отзыва от них из Москвы, то есть найдут ли выгодным приготовить таковые на наших фабриках для здешних рынков. Вредит также нам пропаганда, распространяемая среди чиновников и торгового класса китайцами, торгующими иностранными товарами, что русские приехали вывозить серебро, которое в Китае уже не возвратится и т. д.

Местных произведений для вывоза в Россию здесь нет. Есть ремень, листовой табак, но как первый, так и последний предмет едва

ли может служить важной статьёй вывоза (образцы мною тоже посланы).

Китайцы уверяют, что в Ханьчжоу они продают ревень по 40 лан за 100 гинов. Не знаю, правда ли, да и здешний ли ревень. Здесь за здешний ревень назначают 13 лан за 100 гинов. Чаю здесь за исключением кирпичного зеленого тоже нет, идет он из провинции Хунань. Ввоз прочих сортов чая в этот край официально запрещен китайским правительством. А так же едва ли нам будет выгодно провозить свои товары на юг. Чем далее наши товары будут стоить дороже и наоборот иностранные дешевле.

Помимо здешней торговли у нас открыта торговля еще в г. Ганьчжоу, но и там торговля идет также неудовлетворительно, желательнее бы еще часть товаров отправить в г. Сипин, но власти воспротивились этому, не выдают билет, указывая на Сучжинского доотая, а тот, в свою очередь, на здешних властей; так уже даже по этому поводу ничего не мог добиться г. А. С. Вахович, прожив здесь пять дней. Наши же заграничный билет, взятый из Бийска и прописанный только до Сучжоу. Из Сучжоу до Ланчжоу мы приехали с китайским билетом, который здесь вряд ли ... Господин Вахович обещал все это выяснить в Пекине и послать нам билет. Тем более отправка желательна, что нам еще из Москвы послан товар, хотя тоже немного 20 тыс.

С совершенным почтением в Ваш адрес, Васенев [36, л 151–153].

В краевом архиве есть еще три письма из их переписки 1887–1888 годов. Так, 19 февраля 1888 года А. Д. Васенев пишет П. А. Копылову, что не может пока найти нужную Павлу Андреевичу книгу, и благодарит его за присланный русско-китайский словарь [37]. В письме из города Ланчжоу 8 июня 1888 года А. Д. Васенев благодарит П. А. Копылова за присланный словарь и вновь сообщает последнему о сложностях торговли во внутреннем Китае: «Относительно нашей торговли на внутренних рынках Западного Китая я все-таки еще не понимаю, почему это мы имеем право ввоза товаров на эти рынки и в то же время не имеем права продавать его, то есть открывать торговых ..., без этих то последних как же производить торговлю. Или трактатом обусловлено только провозить свои товары через Западный Китай до приморских или прочих портов Китая, в предположении вероятно успешнее конкурировать этим путем в иностранной торговле в Китае. В таком случае путь этот представляет, по-моему, всего менее удобства и выгоды к упомянутой цели. Весьма много буду признателен, если Вы найдете удобным присылать (само собой за мой счет) какую либо из русских газет. Мне хотя время от времени присылает Я. П. Шишмарев по несколько номеров, но уж очень долго идут из Урги до Ланчжоу потому посылаются через Хами. Например, номер от сентября и октября 1887 года

получил 4 июня. Напротив, через Пекин письма доходят очень скоро, из Пекина 15 и 18 дней. Путь этот удобный, но пользоваться им часто кажется невозможно. Тут дело касается нашей Миссии и китайской почты. С совершеннейшим почтением, Васенев» [38, л. 155–156].

В 1888 году эта торговая экспедиция закончилась с убытком в 21 тыс. руб. А. Д. Васенев и П. А. Копылов, видимо, для себя сделали соответствующие выводы и в дальнейшем уже не стремились торговать за пределами Северо-Западной Монголии.

В архиве хранится список лиц, которым в 1892 году выдали паспорта для торговли за границей. Среди 44 человек вместе с А. Д. Васеневым, Р. И. Кузнецовым и другими есть и П. А. Копылов. Статус его в этом списке не определен. Он ни мещанин, ни купец, ни служащий. Но уже в 1894 году Павел Андреевич в списке лиц, ведущих с Монголией более-менее значительную торговлю через Онгудайскую таможню, записан купцом 2-й гильдии. Такой же статус у Г. Г. Бодунова, И. Г. Игнатьева, Р. И. Кузнецова. Кстати, в списке отмечено, что в этом году скончался очень известный купец чуйской торговли И. П. Котельников, постоянно проживавший в селе Онгудай и имевший там свой маральник [34].

В 1894–1895 гг. лавка П. А. Копылова в Кош-Агаче дала оборот в 20 тыс. руб. и принесла 2200 руб. прибыли [83, с. 72]. В середине 1890-х годов он пока ничем не выделялся среди основной массы торговцев и последовательно выстраивал свою систему торговли: скупка через свою лавку в Кош-Агаче у охотников и мараловодов пантов и пушнины и реализация их в городе Улясутае (табл. 4).

Таблица 4

Данные о торговом обороте отдельных бийских торговцев с Северо-Западной Монголией в 1895–1896 гг. [27]

Фамилия торговца	Привоз в 1895 году, руб.	Вывоз в 1896 году, руб.	Оборот, руб.
1. Васенев А. Д., купец 2-й гильдии	64 037	45 845	109 883
2. Бодунов Г. Г., купец 2-й гильдии	29 017	19 506	48 524
3. Ассанов Н. И., купец 2-й гильдии	42 134	14 412	56 547
4. Мокин Я. Е., купец 2-й гильдии	155	30 830	30 985
5. Кузнецов Р. И., купец 2-й гильдии		11 342	11 342
6. Копылов П. А., отставной чиновник	1710	15 000	16 710
7. Булгаков Н., мещанин		7205	7205
8. Кричевцев И. А., мещанин		2400	2400
9. Кричевцев В. А., мещанин		2000	2000

Управляющий Кош-Агачским участком Онгудайской таможи 4 июля 1896 года сообщал податному инспектору Бийского участка Томской губернии следующее: «Большой контингент так называемых здесь «чуйских купцов» в данное время составляют «служащие», отошедшие от своих хозяев купцов, начавшие самостоятельную торговлю на сотни руб., а затем развивающие в течение 2–3-х лет свои торговые обороты до тысяч, — хотя надо сказать, что все торгуют не с одинаковым успехом и не всякий год приносит им одинаковый барыш» [26, л. 3–4].

Павел Андреевич Копылов был не из тех, у кого не получалось, но из тех, кто последовательно и размеренно развивал торговлю с опорой на собственный капитал.

В 1897 году в ходе обследования переселенческих поселков на Алтае, и Кош-Агаче в том числе, было отмечено: «Из живущих на Кош-Агаче купцов только Мокин из Раската Нижне-Чарышской волости, да Копылов ведут заграничную торговлю. Торгуют мануфактурными и железными товарами в Монголии, а оттуда вывозят шерсть, сурка и других зверей шкуры, гонят гурты баранов и рогатого скота в Иркутск, покупая его за границей и перегоня китайскими пределами. Копылов же ведет торговлю специально маральими рогами. В 1897 году он скупил их до 80 пудов, приблизительно на 22 400 руб. по ценам на Алтае. Скупает главным образом в Уймоне и Бухтарме, а также в Чуе и Улагане у охотников.

Остальные торговцы, как Гилев, Васильев, Афанасьев, Петухов имеют дела с киргизами Чуйской степи, продавая им дешевый мануфактурный товар, железный, кожевенный, чай, соль, табак, сталь, кремний и прочую мелочь. Взамен получают скотские, конские шкуры, шкурки сурка, белки, козловые разных пород (козел, каменный баран, дун, кабарга, ирень), шерсть баранью, волос конский. Торговля чисто меновая» [35, л. 3]. Таким образом, специализация международной торговли П. А. Копылова пантами стала очевидной.

В феврале 1898 года П. А. Копылов получил на свое имя билет, разрешающий вывоз в Северо-Западную Монголию 20 тюков маральих рогов на сумму 21 тыс. руб. [12]. Одновременно он получил билет на своего доверенного Петра Булгакова и шесть рабочих, которые должны были обеспечить на 40 лошадях и 6 верблюдах перевозку 22 тюков и 1000 голов рогатого скота в Северо-Западную Монголию. Весь товар оценивался в 27 тыс. руб. [12].

Возникает резонный вопрос, как П. А. Копылов организовывал свою деятельность по скупке пантов на Алтае? В какой-то мере помогает нам разобраться в этом информация Е. Ф. Шмурло, обследовавшего в 1898 году путь между Алтайской станцией (Бухтарма) и Кош-Агачем: «Деревня

Берель на правом берегу Бухтармы, на устье реки Белой Берели, основана 23–24 года тому назад заводскими крестьянами Алтайского горного Округа. Главное занятие жителей — разведение маралов; мало найдется домохозяев, у кого не было бы этого благородного животного. В окрестностях деревни содержатся многочисленные «сады», как называют здесь пригоны, обширные загороди для помещения маралов. Братья Белоусовы занимают в этом отношении первое место среди берельцев. В их маральниках не одна сотня голов, и торговлю ведут они не на один десяток тысяч рублей. Слышится только всюду жалоба на низкие цены. Вот уже второй год, как за фунт маральего рога дают 5–5,5 руб., тогда как раньше за него платили 10 и 11 руб. В 1895 году бийский торговец Копылов, сидя на месте в Урыльском поселке, купил рогов на 14 тыс. руб., по 5 руб. за фунт. И нынче в мой проезд он тоже был там, установив прошлогоднюю цену. Между тем в Монголии, в Кобдо и Улясутае фунт оплачивается в 9 ланов, то есть 18 руб. на наши деньги. Мелкие владельцы маральников волей неволей должны смотреть, как скупщики кладут себе в карман львиную долю барыша; но Белоусовы решились избежать посредствующих рук и в 1894 году сами повезли 150 пар рогов, приблизительно около 40 пудов, в Чугучак, но сбыта там не нашли; оттуда двинулись в Гучень, но опоздали: ярмарка кончилась и покупатели уже разъехались. Товар пришлось оставить на зиму на хранение, под залог серебра. В 1895 году Белоусовы повезли рога в Улясутай, но здесь встретили препятствия иного рода: конкуренцию в лице других русских купцов» [82, с. 17–18].

В следующем, 1899 году, в списке лиц, которым Бийское уездное полицейское управление выдало заграничные билеты, под номером 120 записан «отставной титулярный советник Павел Андреевич Копылов» с заявкой вывоза маральных рогов на 20 тыс. руб. [31]. Он вывез, по данным Онгудайской таможи, в этом году 81 пуд маральных рогов на 22 720 руб.; 28 пудов юфти на 600 руб. и 5 пудов серебра в слитках на 3850 руб. Видим, что в 27 170 руб. стоимости товара 22 720 руб. (84 %) заняли панты. Ввез он через таможенню в этом году 701 пуд бараньей шерсти на 3508 руб. и 320 пудов кирпичного чая на 3380 руб. [32]. Остальной товар — 1000 голов скота и 1000 баранов на 28 тыс. руб. — он «своим ходом» отправил из Северо-Западной Монголии в Иркутскую губернию [85]. Эту работу по перегону скота он выполнил с помощью П. Н. Булгакова и нескольких рабочих, которых нанимал уже не раз [85]. Таким образом, его торговый оборот с Северо-Западной Монголией в 1889 году составил более 58 тыс. руб.

В марте 1900 года отставной титулярный советник П. А. Копылов в пограничном билете заявил о намерении продать за границу пантов на 20 тыс. руб., но реально вывез маральных рогов на 25 тыс. руб. Бийский

купец Г. Г. Бодунов, будущий партнер Павла Андреевича, например, вывез в этом же году маралых рогов на 15 тыс. руб. [33].

Краевед В. А. Шнайдер на основании архивных данных установил, что доход Павла Андреевича в 1900 году составил 3000 руб., и был ему уже 61 год [83, с. 73]. П. А. Копылов быстро отказался от необходимости приобретения ежегодно купеческого звания. Дело, видимо, даже не в экономии денег. Ему легче было договариваться с продавцами пантов на Алтае, представляясь бывшим чиновником. Так он «лучше воспринимался» крестьянами-мараловодами.

В 1901 году Павел Андреевич заявил и вывез через Онгудайскую таможню пантов на 25 тыс. руб. [16]. В государственном архиве Алтайского края хранится очень интересный документ-договор [39]:

Домашнее условие

Город Бийск. Сентября десятого дня тысяча девятьсот первого года.

Мы, нижеподписавшиеся, личный гражданин Михаил Михайлович Березовский с одной стороны, отставной чиновник Павел Андреевич Копылов и Бийский II гильдии купец Алексей Данилович Васенев с другой — заключили настоящее домашнее условие в нижеследующем:

1. Березовский принял на себя обязанность приказчика Копылова и Васенева по возложенным нами торговым поручениям за границей (в Китае) для продажи отправленных Копыловым и Васневым партии маралых рогов;

2. Принимая сказанную обязанность, я, Березовский, обязуюсь исполнять все поручения Васенева и Копылова честно и добросовестно, соблюдать везде и во всем интересы Копылова и Васенева — вверенные мне товары продавать только за наличные деньги, в долг без особого разрешения Копылова и Васенева никому не отпускать и на их имя не кредитоваться. Записи по торговле и приходу я, Березовский, должен вести в надлежащем порядке и по требованиям Копылова и Васенева обязуюсь представить полный отчет, а также вырученные от продажи товаров (рогов) денежные суммы сполна;

3. Все расходы по порученному мне делу как-то: по отправке рогов, найму помещений, разные лично мои путевые расходы и по содержанию должны относиться на счет Копылова и Васенева. Потребные же документы на выезд в Китай должны быть выправлены мной, Березовским, за мой счет;

4. За добросовестное исполнение возложенного на меня торгового поручения, то есть за поездку в Китай и продажу там принятых мной товаров я, Березовский, договорился получить с Копылова и Васенева

две тысячи пятьсот руб., из которых при подписании сего условия я получил _____ руб.;

5. Срок моей службы определяется именно окончательной распродажей принятых мной товаров в Китае, но не должен продолжаться дольше года. Счета и квитанции товара мной получены;

6. Условие это с «обоих» сторон обязуемся хранить свято и нарушимо. Подлинник за подписью моей иметь Копылову и Васеневу. Копии за подписью Копылова и Васенева иметь мне, Березовскому. В чем и подписуемся.

Из этого договора очевидно, что П. А. Копылов и А. Д. Васенев в 1901 году объединяли усилия (или планировали объединить) по реализации пантов в Монголии и при этом делали это в письменной форме. Историк А. В. Старцев отмечает, что для русских торговых предприятий в Монголии письменные договоры составляли большую редкость и стали заключаться на границе XIX–XX веков [64, с. 210]. Заключение письменных договоров являлось крупным шагом в сторону повышения уровня организации торговли бийских купцов.

Сам же характер работы с пантами на рынке Монголии не менялся. Кстати, монголы никогда панты не употребляли. Это был китайский товар. Газета «Сибирская жизнь» в 1902 году, изучив особенности работы с пантами в Онгуде, писала: «Едва ли найдется еще какое-либо животное, которое было бы настолько малотребовательное и, вместе с тем, настолько выгодное для разведения, как марал. Снятые с марала рога (спиленные особой пилой) вывариваются, высушиваются и уже в высушенном виде идут в продажу. Стоимость рогов зависит от их веса: один фунт сухих рогов на месте производства стоит от 8 до 9 руб., а на месте их сбыта, в Китае (Кобдо), от 14 и более руб. Пара рогов одного марала от 3 до 12 фунтов, это зависит от возраста его. Таким образом, доход от одного марала колеблется в пределах 25–100 руб. на месте производства, в пределах 42–68 руб. на месте сбыта (Китай). В общем количество сухих маральных рогов, доставляемых в Китай из Горного Алтая и Минусинского уезда, как нам передавали маралопромышленники, достигает 660 пудов ежегодно, из коих половина, 300 пудов, падает на Горный Алтай, что при переводе на звонкую монету, составляет почтенную сумму около 100 тыс. руб. на месте получения рогов и около 170 тыс. руб. на месте сбыта — в Китае (Кобдо и др. места Монголии). Главными скупщиками маральных рогов на месте их добывания — в Горном Алтае — являются отчасти сами мараловоды — Попов (деревня Шебадино), Варвинский (село Онгудай), отчасти же бийские купцы, ведущие

меновую торговлю с Монголией. В настоящем году цены на рога стояли в Алтае от 8 до 8 руб. 60 коп. за фунт, какая цена установится в Китае, еще неизвестно. Местом сбыта рогов являются, как мы уже говорили, г. Кобдо и Лингустай (Улясустай). Расстояние от с. Онгудай до г. Кобдо около 900 верст, а до Лингустая — около 1200 верст. Доставляются рога в Монголию вьючным путем калмыками и монголами, за доставку платят торговцы около 3 руб. с пуда. Общий расход на 1 пуд рогов, считая здесь и пошлину, и содержание ямщиков и хозяина, по свидетельству одного из маралопромышленников, достигает 17 и 20 руб., так что в хороший год на долю скупщика рогов приходится львиная часть в размере 48 руб. и более на 1 пуд. В Монголии рога маралов, привозимые из Сибири, пошлиной не облагаются. Наши купцы обыкновенно за рога получают серебро в слитках. В прошлом году в Монголии цены были такие: за пару рогов весом в 10 китайских фунтов монгольские купцы платили 80 лан (лан равняется 1 руб. 42 коп. на наши деньги при самом низком курсе). Далее, полученное нашими купцами у монгольских серебро сбывается первыми там же в Монголии, так как на китайское серебро у нас очень высокая пошлина, как нам передавали, 120 руб. на пуд. На китайское серебро в Монголии наши купцы покупают чай, шерсть, кожи, скот, на эти продукты у нас пошлина сравнительно с серебром небольшая. Кроме рогов, наши купцы везут в Монголию и мануфактуру, причем цены за 1 аршин какого-либо худенького ситца устанавливаются ими чудовищными — до 1 руб. Таким образом, как это видно даже из всего вышесказанного, наша торговля с Монголией, благодаря маральим рогам, нередко принимает самый безобразный характер полного объегоривания монгола и необычной наживы со стороны нашего купечества» [51].

Таким образом, перепродажа пантов позволяла торговцам получать ежегодно примерно 70 тыс. руб. валового дохода, при этом не менее половины его доставалось вставшим на ноги торговцам-мараловедам (Попову, Варвинскому, Ошлыковым и др.), которые научились торговать этим товаром без посредников. Так что «бийские купцы», в том числе П. А. Копылов, вместе получали от торговли пантами не более 30 тыс. руб. валового дохода. Конкуренция в этом сегменте рынка заметно увеличивалась.

Данных об объемах торговли пантами П. А. Копыловым в 1902 году найти не удалось. Известно только, что в этом году он вывез из Монголии 143 пуда чая на 1824 руб. [22]. Уже в начале XX века «отставной чиновник» П. А. Копылов имел гораздо больше свободных денежных средств, чем мог вложить в покупку пантов. Объемы русско-монгольской торговли в начале XX века продолжали расти (табл. 5).

Таблица 5

Обороты русско-монгольской торговли через Кош-Агач
в 1900–1904 гг., тыс. руб. [64, с. 158]

Год	Экспорт	Импорт	Всего
1900	373,4	552,3	925,7
1901	413,8	920,9	1334,7
1902	576,2	1168,4	1744,6
1903	496,4	1188,1	1684,5

В 1901–1902 годах был отремонтирован Чуйский тракт, который из выючной тропы превратился в колесную дорогу. Доставка товара в Монголию медленно, но улучшалась. Все это привлекало на рынок торговли в регионе более крупные капиталы. С 1895 года, например, сюда пришла работать фирма тюменского купца 1-й гильдии А. В. Колмакова, который в 1901 году силами своей бийской конторы закупил сырья на 389,5 тыс. руб. при общем объеме импорта в 902 тыс. руб. [64, с. 162]. Появились агенты крупных российских и даже иностранных компаний.

Бийские купцы вынуждены были искать способы сохранения своей доли рынка, в том числе через объединение (концентрацию) капиталов. Я предполагаю, что бийские купцы А. Д. Васенев и Г. Г. Бодунов как наиболее заинтересованная сторона смогли убедить П. А. Копылова в целесообразности объединения капиталов. А. В. Старцев пишет, что создание ими полного товарищества — торгового дома «Русско-монгольское товарищество» с капиталом 102,6 тыс. руб. — произошло в июле 1904 года [64, с. 225]. Однако в Сибирском торгово-промышленном ежегоднике за 1913 г. годом создания этого товарищества указан 1903 год [62].

В архивных сведениях за 1903 год указано, что через Онгудайскую таможню этот торговый дом уже завез из Монголии в Россию сырья на 213,3 тыс. руб.: шерсть, пух, конский волос, шкуры пушных зверей и, конечно, чай кирпичный. Следующий по объемам купец Н. И. Ассанов завез аналогичного товара на 104 тыс. руб. [20]. За вторую половину этого же года Н. И. Ассанов вывез в Монголию товара на 5149 руб., а торговый дом — на 78 283 руб., в том числе пантов на 7600 руб. [21]. Даже в сравнении с объемами торговли известного купца Н. И. Ассанова результаты продаж торгового дома в 1903 году выглядели впечатляющими.

В 1904 году дела торгового дома «Русско-монгольское товарищество» успешно развиваются. В первой половине этого года торговый дом ввез через таможню из Монголии товара на 71 718 руб., в том числе шкур на 36,5 тыс. руб. и чая на 10 тыс. руб. Для сравнения, Н. И. Ассанов за этот же период ввез товара на 12 620 руб., в том числе баранов на 10,5 тыс. руб. [30]. Вывез торговый дом за этот период в Монголию товара на 32 495 руб.

(41 товарная позиция). У Н. И. Ассанова вывоз товара в Монголию составил на 3582 руб. (21 позиция) [23]. Разница ощутима. И в 1903, и в 1904 годах П. А. Копылов в торговых билетах с собой ничего не указывает, кроме ружья, он теперь ездит «налегке», без вьючных караванов [8].

В этом же году в Бийске создаются товарищество на вере «Электросвет» (18 учредителей) и Общество поощрения рысистого коневодства. Среди 23 учредителей последнего вместе с Е. Д. Морозовой, Н. И. Ассановым, Г. Г. Бодуновым, А. Д. Васеневым, А. В. Осиповым есть и «бийский купец, титулярный советник П. А. Копылов» [9].

В 1905 году Павлу Андреевичу уже 66 лет. Он так же все основное время проводит в Горном Алтае. Даже билет на право заграничной торговли получает через знакомого бийского мещанина — торговца Петра Никитича Булгакова.

Священник Б. Г. Герасимов, путешествуя в этом году на Рахмановские ключи (Бухтарма), писал об этом крае с развитым мараловодством: «Рога маралов продаются бийским купцам Копылову и Кричевцеву» [45, с. 86]. Вероятнее всего, Павел Андреевич, будучи совладельцем торгового дома, лично продолжал заниматься скупкой пантов у мараловодов Бухтармы в том числе. Обороты торгового дома «Русско-монгольское товарищество» в этом году остаются внушительными, но уровень доходности его заметно ниже среднего (табл. 6).

Таблица 6

Обороты и прибыли отдельных бийских купцов, торговавших в Монголии в 1905 году [64, с. 252-253]

Ф.И.О. предпринимателя или название фирмы	Вывоз в Монголию		Вывоз из Монголии		Всего		
	торговый оборот, руб.	прибыль, руб.	торговый оборот, руб.	прибыль, руб.	торговый оборот, руб.	прибыль, руб.	норма прибыли, %
Ассанов Н. И.	45 000	6750	285 000	26 050	330 000	32 800	9,9
Мальцев П. Я.	10 500	1050	14 900	2215	25 400	3265	12,9
Игнатьев И. Г.	80 333	8034	30 000	8250	110 333	16 284	14,8
Осокин А. Е.	-	-	30 000	8500	30 000	8500	28,3
Попов А. С.	-	-	28 250	5765	28 250	5765	20,4
Юрганов В. И.	16 000	1600	22 000	7050	38 000	8650	22,8
«Русско-монгольское товарищество»	83 837	8384	562 290	61 818	646 127	70 202	10,9
Всего по 26 «торговым организациям»	470 520	51 803	1 268 600	176 925	1 739 120	338 728	13,2

В сибирском торгово-промышленном справочнике 1913 года есть такая информация о торговом доме «Русско-монгольское товарищество»: «Дело пошло было прекрасно, но подошла русско-японская война, и служащих товарищества забрали по мобилизации под знамена весьма экстренным порядком; дела были сданы наспех, переучета вовремя не пришлось сделать, и предприятие смешалось. Ушел из товарищества П. А. Копылов, и к 1907 году дело все распалось» [62, с. 75].

А. В. Старцев добавляет, что свою роль сыграл и донос, поступивший в податную инспекцию от бывшего бухгалтера товарищества А. С. Смирнова, о занижении действительных оборотов и прибылей фирмы [64, с. 227]. Академик И. М. Майский объяснял распад товарищества невежеством и отсутствием коммерческой дальновидности руководителей [103, с. 226]. В действительности причин могло быть еще больше, в том числе некомфортное состояние того же П. А. Копылова, давно привыкшего решения в торговле принимать единолично и активно участвовать во всех стадиях процесса коммерческой деятельности. Может быть, и поэтому он первым вышел из товарищества и продолжил работать вновь самостоятельно без партнеров.

В списке русских купцов, ввозивших в январе — июле 1907 года товары (шерсть, шкурки сурка, пух, волос, чай, шкуры и др.), есть Н. И. Асанов, Г. Г. Бодунов, А. Д. Васенев, Р. И. Кузнецов, Я. Е. Мокин, но нет П. А. Копылова. Он не ввозит товары для Ирбитской ярмарки, но в основном гонит скот из Монголии напрямую в Иркутскую губернию, то есть торгует вновь по своей схеме [24].

В 1907 году Павлу Андреевичу уже 68 лет. У него в Бийске есть где встречать старость, накоплен достаточный капитал для безбедной жизни, но он по-прежнему в Кош-Агаче и занимается коммерцией. Вот как описывает поселок Кош-Агач в 1907 г. побывавший там исследователь Алтая В. И. Верещагин: «Селение Кош-Агач, состоящее из десятка домиков и хорошенькой церкви, расположено по правому берегу реки Чеган-Бургазы близ впадения ее в Чую. Есть телеграф и отделение таможни. За исключением телеграфиста, таможенного чиновника и священника, жители Кош-Агача исключительно торговцы, ведущие прибыльную торговлю с инородцами и Монголией. Какой процент барыша берется чуйскими торговцами, показывает следующий факт: ваза, стоящая в Кош-Агаче 3 руб., в Улясутае продается уже за 13 руб. Об этом же красноречиво говорят дворцы чуйцев в Бийске. Впрочем, в последнее время торговля с Монголией падает. С русскими товарами начинают конкурировать товары английского, японского и даже китайского производства. Так, ткань далемба, пользующаяся большим спросом в Монголии, в Кобдо продается китайцами по 1 руб. 50 коп. за кусок, а в Бийске кусок далембы стоит

2 руб. 25 коп. Этот товар теперь уже не везут из Сибири в Монголию... В Кош-Агаче можно достать все необходимое, но все по очень высоким ценам. Жизнь здесь очень дорога. Я зашел в главный здешний магазин Игнатьева; красный товар, посуда. Чай, сахар, сапоги, калоши, духи, помада и проч. Оказывается, и духи и помаду покупают инородцы, нередко из-за красивой склянки или коробки. Зайдя в лавку, инородец берет, как дитя, что ему бросается в глаза, будь то блестящая металлическая пуговица или красивый флакон с духами» [7, с. 39].

В. И. Верещагин отмечает, что в 20–25 верстах от Кош-Агача в сторону пограничного пикета Юстыд у реки Чуя среди хороших покосов разместилась заимка П. А. Копылова. Рядом расположились новые срубы изб для зимовки киргизов. Он обращает внимание, что в некоторых частях Чуйской степи много комаров, особенно по берегу Чуи около зимовки Копылова [7, с. 57].

Павел Андреевич выбирал место для работы не с позиций комфортности, но для удобства и выгоды ведения бизнеса. Не зря после его смерти в 1911 году у наследника имущества А. П. Копылова главный ветеринарный губернский инспектор постарался выкупить «заимку» П. А. Копылова «для казны под ветеринарный пункт». Из-за бюрократических проволочек договор о продаже имущества и права аренды земельного участка наследник А. П. Копылов и бийский уездный исправник заключили 20 августа 1914 года. Стоимость сделки составила 11 тыс. руб. [10]. Только 23 октября 1914 года ветеринарный врач В. Покровский принял по описи имущество П. А. Копылова в Кош-Агаче.

Чтобы оценить размер «заимки», построенной Павлом Андреевичем не позднее конца 1910 года, приведем описание проданного имущества: «Опись имущества отставного полковника Антона Петровича Копылова, находящегося в Кош-Агаче Бийского уезда, проданного для казны под ветеринарный пункт.

1. Одноэтажный дом деревянный, крытый тесом, без фундамента в четыре комнаты: две больших и две маленьких с одинарным полом и двумя печами.

2. Деревянная одноэтажная кухня в одну комнату, крытая тесом, с двумя окнами, находящаяся рядом с домом.

3. Деревянный одноэтажный флигель, крытый тесом, в две небольшие комнаты, разделенные между собой перегородкой, с двойным полом в нем и двумя печами.

4. Деревянный амбар в два раствора, крытый тесом, с полом.

5. Деревянный пакгауз, крытый тесом, с полом.

6. Деревянная лавка с одним раствором, крытая тесом, с двумя окнами.

7. Большой деревянный навес, крытый тесом.

8. Две деревянных небольших амбарушки, крытые тесом.
 9. Деревянная баня, крытая тесом.
 10. Два пригона из жердей для скота.
 11. Калмыцкая рубленая из леса круглая юрта.
 12. Забор из теса вокруг всех этих строений.
- 23 октября 1914 г.

Ветеринарный врач В. Покровский» [11, с. 124–125].

По логике повествования нам необходимо вернуться немного назад — в 1909 год. В этом году таможня была переведена из Онгудая ближе к границе с Монголией в Кош-Агач. Вывоз пантов по ее официальным данным выглядел следующим образом (табл. 7).

Таблица 7

Объемы вывоза пантов русскими торговцами Алтай из России
в 1909 году [28, л. 52 об.]

Ф.И.О. торговца	Объем в пудах	Стоимость в руб.
1. Попов А. С. (Шебалино)	56	22 490
2. Копылов П. А. (Бийск)	16	6588
3. Кудрявцев З. И. (Уймон)	15	5000
4. Казанцев В. Г. (Усть-Кокса)	11	4000
5. Асанов Н. И. (Бийск)	6	2453
6. Зырянов И. И. (Чечулиха)	4	1360

В этом году Павел Андреевич привез из Монголии товара только на 20 тыс. руб., в том числе на 7750 руб. вывез серебряных слитков. Объемы торговли «отставного чиновника» П. А. Копылова стали заметно снижаться. Это понятно — ему исполнилось уже 70 лет [29].

В отчете Алтайской духовной миссии за 1910 год указано, что церковь в Кош-Агаче, построенная в 1871 году купцами-чуйцами, в 1909 году была перестроена «по плану большему и лучшему отставным чиновником П. А. Копыловым» [57, с 432]. Он первым откликнулся на призыв священника-миссионера В. Токпешева и пожертвовал на реконструкцию церкви сразу 10 тыс. руб. [56].

Ветеринарный врач Яковлев в своем описании мараловодства в Семипалатинской губернии (Бухтарма) в 1910 году отмечал, что скупкой пантов активно занимаются здесь «бийские мещане Копылов, Кричевцев, Ошлагов (Ошлыков — Н. Ф.)» [84, с. 7]. Однако в 1910 году П. А. Копылов не вывез в Монголию ни одного килограмма пантов. Он вывез «прошлогоднее» серебро в слитках на 4550 руб. и еще немного товара (остатки) на 746 руб. Ввез же 1639 пудов шерсти на 12 310 руб. и 9 пудов кирпичного чая на 86 руб. [28].

В материалах Московской торговой экспедиции в Монголию, организованной российскими промышленными и коммерческими кругами в 1910 году, есть список русских, торгующих в Северо-Западной Монголии, но П. А. Копылова в нем уже нет. Правда, упоминаются торговцы И. Г. Бобров, В. И. Юрганов, Л. А. Козловский, которые кредитовались у Павла Андреевича. А. О. Бусыгин, например, кредитовался у него до 50 тыс. руб. [55].

В отчете экспедиции отмечается: «Русские купцы, работающие в Монголии, главным образом Ассанов, Кузнецов, Копылов и Попов, скупают рога у русских крестьян и сдают их китайцам под шерсть будущего года», но это уже относится к недавнему прошлому П. А. Копылова [55, с. 342–344].

За 38 лет пребывания Павла Андреевича в Кош-Агаче поселок сильно изменился. В списке населенных мест Бийского уезда за 1911 год в Кош-Агаче, родовом управлении 2-й Чуйской волости при реке Чуе, число дворов составляло 21. В них проживало 93 человека, в том числе 41 мужчина. В селении действовала церковь во имя апостолов Петра и Павла, миссионерская школа, почтово-телеграфное отделение, таможня, ветеринарный пункт, резиденция участкового медицинского фельдшера, управление 2-й Чуйской волости, четыре торговых мануфактурных лавки, перегрузка жировых товаров, идущих из Монголии [5].

В развитии Кош-Агача есть немалая заслуга П. А. Копылова. Вот только наличие в поселке участкового медицинского фельдшера не помогло. Возраст и постоянное проживание в тяжелых условиях Кош-Агача, длительные поездки по Горному Алтаю и в Монголию подточили здоровье этого человека, и в начале 1911 года, по данным Б. Х. Кадикова, он по пути из Монголии в Бийск умирает.

Так получилось, что к 1911 году единственным наследником П. А. Копылова стал его племянник Антон Петрович Копылов. С 1898 года у Павла Андреевича по адресу ул. Торговая, д. 98 (ныне ул. Льва Толстого — *Н. Ф.*) в собственности был деревянный дом, флигель и хозяйственные строения общей рыночной стоимостью 600 руб. Для сравнения В. А. Шнайдер сообщает, что каменный двухэтажный дом в Бийске тогда стоил от 2000 до 3500 руб. В документах за 1901 год у него в собственности значился двухэтажный дом с каменной кладовой и амбаром на ул. Александровской. Теперь это место пересечения ул. Красноармейской и пер. Коммунарского. Дом с постройками оценивался в 1000 руб. Еще один дом находился на углу переулка Шорного (ныне пер. Коммунарский — *Н. Ф.*) и ул. Татарской (ныне ул. В. И. Ленина — *Н. Ф.*).

В 1910 году Павел Андреевич построил деревянный одноэтажный дом с мезонином за рекой на ул. Алтайской [83, с. 73]. Это, видимо, был дом-дача, как у многих состоятельных бийчан в начале XX века. «Глав-

ной резиденцией», по мнению Б. Х. Кадикова, у П. А. Копылова был дом на углу Красноармейской и Коммунарского. Ссылаясь на воспоминания бийчанина К. Н. Борисова, 1890 года рождения, Б. Х. Кадиков рассказывал, что обслуживающий персонал в этом доме состоял только из мужчин. В доме была большая библиотека. Кстати, Борис Хатмиевич писал, что по своим делам Павлу Андреевичу иногда приходилось выезжать далеко за пределы Бийска и даже России. Известно, что он бывал в Берлине, Гамбурге, Париже [49]. Ни архивные материалы, ни характер его торговой деятельности не подтверждают эти слова.

Всего наследнику досталось от П. А. Копылова, по словам Б. Х. Кадикова, разного имущества и денежных средств на сумму 600 тыс. руб. [13]. Однако архивными документами эти огромные размеры наследства также не подтверждаются, хотя из дальнейшего материала станет очевидным, что наследство было не менее 300 тыс. руб., а может быть, и больше.

Полицейский исправник Бийского уезда В. П. Штейнфельд писал в 1910 году: «Бийцы представляют счастливое исключение в истории нашей торговли с азиатскими странами. Они проявляют большую предприимчивость, терпение, настойчивость и выносливость, они завоевали обширный рынок, развили торговый оборот с 500 тыс. руб. в конце 70-х годов до трех миллионов в настоящее время» [64, с. 235]. Каждое слово из этой цитаты точно подходит к Павлу Андреевичу Копылову (1839–1911). Он был среди лучших в этой обойме «бийчан-чуйцев», хотя и значился всегда «бывшим государственным чиновником». Павел Андреевич 38 лет посвятил торговле с Монголией, не отвлекался на другие проекты, не сорил деньгами, в своем завещании поручил наследнику пожертвовать по его усмотрению «некоторую сумму денег» [15]. Он и не предполагал, во что выльется его желание, которое оставит Павла Андреевича Копылова в памяти благодарных бийчан на столетия.

На деньги П. А. Копылова его племянником Антоном Петровичем Копыловым построены несколько красивых исторических зданий Бийска, в т. ч. Бийский драматический театр.

Библиографический список

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и должностных лиц в Российской империи. — СПб. 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891.
2. Андреев С. М. Городовые казаки в Составе Сибирского казачьего войска (1861–1868 гг.) // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Русский вопрос: история и современность». — Омск, 2005.
3. Архивный отдел Администрации г. Бийска, метрическая книга Успенского собора.
4. Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. — Томск, 1911. — С. 284.
5. В составе Томской губернии. — Горно-Алтайск, 2004. — С. 489.
6. Васенев Алексей Данилович // Сибирский торгово-промышленный справочник. — 1913. — С. 73–74.
7. Верещагин В. И. От Барнаула до Монголии (путевые заметки) // Алтайский сборник. — Т. IX. — Барнаул, 1908.
8. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 247. Л. 89, 91.
9. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 512. Л. 2, 2 об.
10. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 629. Л. 126.
11. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 629. Л. 124, 125.
12. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 85. Л. 63–64.
13. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 299. Л. 55 об., 59.
14. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 473. Л. 94.
15. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.
16. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 35.
17. ГААК. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 126 об.
18. ГААК. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 63 об.–64 об.
19. ГААК. Ф. 190. Оп. 1. Д. 60. Л. 13 об.
20. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 111. Л. 13, 15.
21. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 111. Л. 16, 16 об.
22. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 111. Л. 2, 2 об.
23. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 124. Л. 4, 8 об, 9.
24. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 154. Л. 56–58 об.
25. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–5 об.
26. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–4.
27. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–8 об.
28. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201. Л. 52 об.
29. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201. Л. 84 об.
30. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 234. Л. 2, 3.
31. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 59. Л. 46 об.
32. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 59. Л. 18.
33. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 59. Л. 63, 64, 66.
34. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 9. Л. 36, 36 об.
35. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 32–34.
36. ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 151–153.

Бийский торговец пантами П. А. Копылов

Фрагмент плана Бийска, 1886 г.

- Дом П. А. Копылова (не сохранился)
- Дом купцов Гилёвых

Она 40 лет. 1894. г. № 334

- 37. 36-

Списокъ

смеръ, вѣдущій въ Митрополію въ томъ числѣ
нѣе значительную торговую часть Свѣтлоу-
скую Тамбовскую.

Иванъ, вѣдущій и сражающій	Званіе	Митрополі- тская
Иванъ Петровъ Котляриковъ (наимъ уахривіи)	Врѣменно Свѣтлоу- скую купецъ.	Тамбовско- Митрополі- тскій Свѣтло- у- скую
Григорій Григорьевъ Зосимовъ	Свѣтлоу- скую 2 ^ю купецъ	Т. Свѣтлоу- скую
Тона Григорьевъ Уманцевъ	Свѣтлоу- скую 2 ^ю купецъ	Т. Свѣтлоу- скую
Давыдовъ Иванъ Кузнецовъ	Свѣтлоу- скую 2 ^ю купецъ	Т. Свѣтлоу- скую
Александръ Евграфовъ Мокунъ	Митрополі- тская Свѣтлоу- скую 2 ^ю купецъ	Т. Свѣтлоу- скую
Александръ Андреевъ Копыловъ	Свѣтлоу- скую 2 ^ю купецъ	Т. Свѣтлоу- скую
Сеодоръ Уманцевъ Мухомовъ	Свѣтлоу- скую 2 ^ю купецъ	Митрополі- тскій Свѣтлоу- скую

W 61

89

Российская Империя

Оманская Империя
Искупленная Канонерка
Ташкент

1/2
искуп

Президенту республики
вот моему имени
за подарком
мне очень приятно
получить от вас
подарок. Я очень
люблю подарки
и буду очень
благодарна вам
за это. Я очень
люблю подарки
и буду очень
благодарна вам
за это. Я очень
люблю подарки
и буду очень
благодарна вам
за это.

Для Монголии.

63

246

№ 326

№ 184

БИЛЕТЪ

Русский подданный *Навехъ Копонтовъ* — с

при себе людьми, открояется для торговли со *Сингапу*
Затянуто Монголію сражающ на годъ
со товарами: *изданными рогами на 20000 рублинъ*
заключающимся со *Владимиромъ*
и *Ларингомъ*, на

Твою ради власти Китайской Имперіи благоволивше,
состоитъ существующимъ между обоими Государствами Договорами, чинимъ *сему*
Копонтову свободный пропускъ и покровительство.

Во свидѣтельство чего данъ сей билетъ оны *Машинскому*

Губернатору, съ приложеніемъ настоящей печати. *Губернаторъ*
М. Васильевъ 18 96 года. *Будешии, отпущенъ на Монголію*
10 МЕСЯЦІИ ГИТЕРАГОУ *Копонтовъ* *Владимиромъ*

Выдана изъ Правды для сухопутной торговли, предписанной въ Договору, заключенному 12-го
мая 1881 года.

Ст. 2. Русскіе подданные, открывающіеся для торговли въ Монголію и въ округъ, акціонеры до
Сингапу и южному склонамъ Тянь-цзиня, могутъ перевозить границу только въ потребныхъ случаяхъ,
исключаясь отъ пошлинъ, взысканныхъ въ послѣдствіи Правды.

Они должны быть снабжены билетами отъ русского консулата, на русскомъ и китайскомъ
языкахъ, съ монгольскими или татарскими переводами. Въ китайскомъ переводѣ оныхъ билетовъ, какъ
и китайскихъ переводовъ или переводовъ татарскихъ, указъ товаровъ и числа товаровъ и означенъ сполна,
можетъ быть означены въ монгольскомъ или въ татарскомъ.

Билеты должны входить въ силу, при вступленіи въ китайскіе пределы, на границѣ между
русскихъ консульскихъ округовъ, тѣхъ, по предѣламъ, взысканіе пошлины можно сдѣлать на оныхъ
находящую границу.

Китайскіе власти имѣютъ право задерживать акціонеровъ, перевозившихъ границу безъ билетовъ, и
препятствовать имъ въ дальнейшую русскую сухопутную торговлю или въ дальнейшую посылку,
или странную продажу ихъ.

Въ случаѣ утери билета, обладатель его обязанъ заявить объ этомъ русскому консулу
консулу, для получения копіи нова, такъ и китайскому консулату, для получения копіи нова
дальнейшаго свидѣнія.

Товары, означенныя въ Монголію и Пратайкинскіе округы и тѣхъ распространены, могутъ
быть отправлены въ города Тянь-цзиня и Су-чжоу (Цин-си-чуня), для продажи тамъ или впрямую оныхъ
лицъ, въ Китай.

Синодальною оубра кончили съ этихъ товаровъ, выданы билетами на провозъ оныхъ и впрямую
тамъ, гдѣ формальностей должно исполнять въ предѣлахъ, означенныхъ выше (т. е. въ ст. 3,
4, 5, 6 и 7 Правды).

Надпись выдана: *Навехъ Копонтовъ*

Алтай

Чуйский тракт.

№101

Исходная Городская Управа
4 Декабря 1912 г.
№ 3489

6

Господному Епископу Городскому Толвону

Толвонскому
Епископу
Владимирскому
и
Толвонскому
Епископу

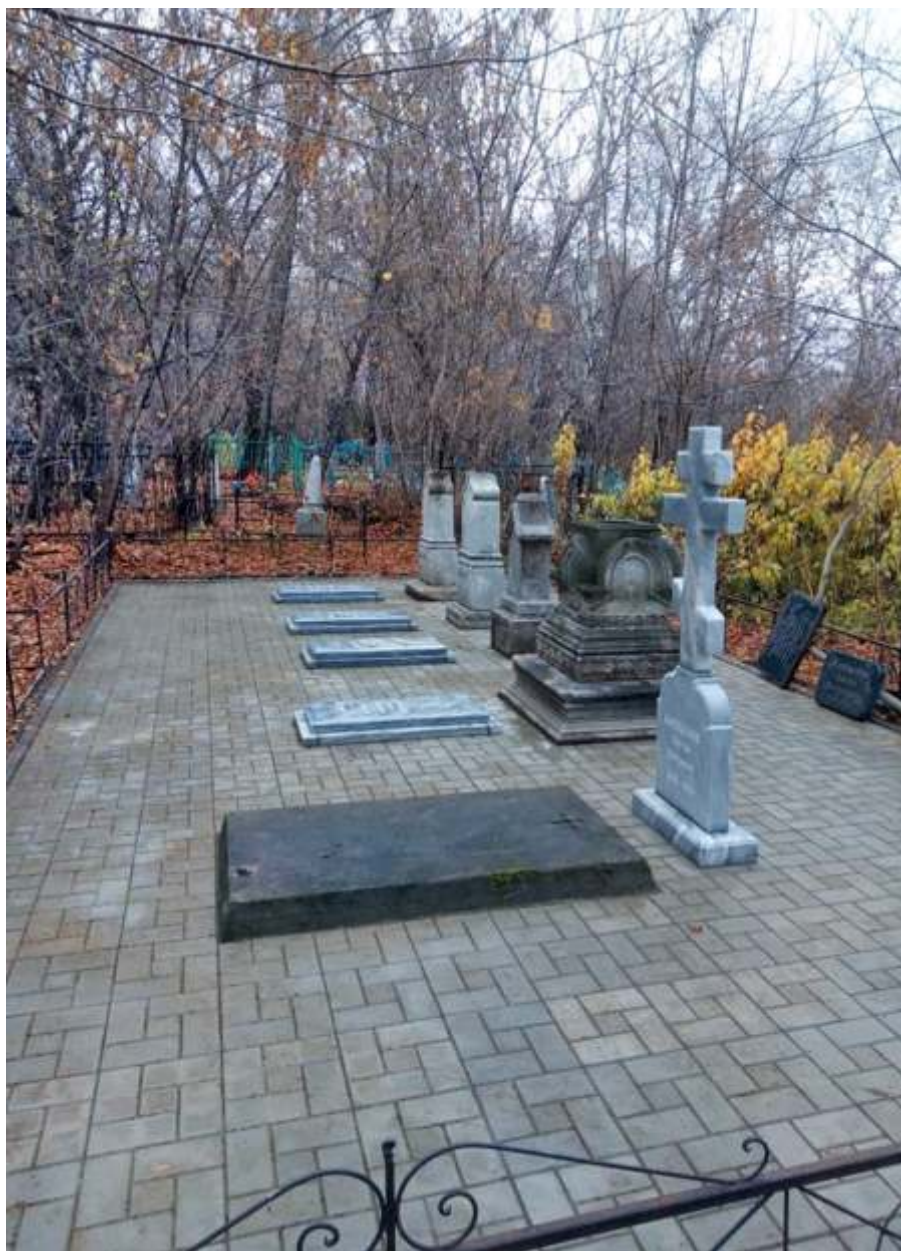
Владимирскому Толвонскому Епископу
и Толвонскому Епископу

Зачисление

= Столбикомъ гда. епископъ, Владисъ Владисъ
вотъ Коромовъ нарушилъ мнѣ по
дверничковскимъ на столбикомъ
на мнѣму землемѣрию, дѣла мнѣ
тѣмъ же сирѣму деленю.

Толвонской Думой еще въ прошлый
годъ приурочены были нарушены мнѣ
предложенъ въ мнѣмъ деленю и мнѣ
выраженно согласенъ на ассиметри-
че и въ среднѣ мнѣмъ въ мнѣмъ мнѣ
есть рубленъ, сѣмъ мнѣмъ мнѣ
мнѣ мнѣ, мнѣмъ мнѣмъ мнѣ
дѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ
дѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ

Отреставрированное мемориальное захоронение Копыловых
на Воскресенском кладбище, октябрь 2019 г.

Онгудайский предприниматель-мараловод
Г. А. Варвинский

Подписка.

Я, нижеподписавшийся мещанинъ *Г. Туринина Мобовскій*
постоянно проживая въ с. *Онгудай* и ведя здѣсь
самостоятельное земледѣльческое хозяйство, желаю полу-
чить здѣсь напѣлъ съ моею семьей въ число *4* душъ м. п.
по закону 51 мая 1899 года, обязуюсь *4* отбывать все
крестьянскія повинности.

Мещанинъ *Г. Туринина Мобовскій* губер.
Губернъ *Варвинскій*.

Онгудайскій земледѣльческій сѣльскій
Г. А. Варвинскій

№ 205
1903

19

Великиот Уставотот Копиченице Уставот

[Handwritten signature]
1903
12. Јуни

Милостиво испрашувам
Уставотот Копиченице,
Београд

Поздравит.

Уставотот Копиченице испрашувам
Копиченице Уставотот Копиченице
Копиченице Уставотот Копиченице
Копиченице Уставотот Копиченице
Копиченице Уставотот Копиченице
Копиченице Уставотот Копиченице
Копиченице Уставотот Копиченице
Копиченице Уставотот Копиченице

Београд 1903.

Уставотот Копиченице
Уставотот Копиченице
Уставотот Копиченице
Уставотот Копиченице

Уставотот Копиченице
Уставотот Копиченице
Уставотот Копиченице
Уставотот Копиченице

Министерство
внутреннихъ дѣлъ.

ТОМСКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ.

ПО
ГУБЕРНСКОМУ УПРАВЛЕНІЮ.

Особое Дѣлопроизводство.

Іюля 16 для 1912г.

г. Томскъ.

За Губернатора,
Управляющій Казенною Палатою

Старшій Чиновникъ
особыхъ порученій

И. д. п. Дѣлопроизводителя

22021.
26 июля 1912г.
4

Директору народныхъ училищъ Том-
ской губерніи.

Вслѣдствіе отношенія отъ 10 мая
тек. года за № 1502, увѣдомляю Ва-
ше Превосходительство, что крестья-
нинъ Григорій Іоакимовичъ **В а р -**
в и н с к і й утвержденъ въ зва-
ніи почетнаго блюстителя Війскаго
второго мужского приходского учи-
лища.

Исполнитель
Н. Яковлев
22 июля 1912г. 2253.

Мартин
С. П. П.

И. д. п. Дѣлопроизводителя

Хотинская В. П. У.

АНКЕТА № 48

Для арестованных и задержанных с зачислением за Т. П. У.

Эта анкета является обязательной и должна быть заполнена каждым задержанным.

И М Е Н Е	О Т В Е Т									
1-я часть (используется задержанным)										
Фамилия	<i>Варданян</i>									
2. Место рождения	<i>Сригарчи Армавирской обл.</i>									
3. Гражданство (национальность)	<i>Армянская</i>									
4. Национальность	<i>Армянская</i>									
5. Место проживания	<i>Гуд. Сурхай Кавказская обл.</i>									
6. Возраст (число, месяц, день)	Возраст <i>55</i> лет, родился в <i>1904</i> г.									
7. Образование: а) грамотный-да? б) высшее специальное? в) если не окончил, то в каком году?	а) <i>грамотный</i> б) <i>высшее специальное</i> в) <i>не окончил</i>									
8. Система жизни (дом, коммунальное хозяйство и место работы, название, компания (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер).	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 30%;">Фамилия, имя и отчество</td> <td style="width: 10%;">Возраст</td> <td style="width: 60%;">Личные или общие работы, Место жительства (адрес)</td> </tr> <tr> <td><i>Варданян</i></td> <td><i>55</i></td> <td><i>Сурхай Кавказская обл.</i></td> </tr> <tr> <td><i>Сурхай</i></td> <td><i>13</i></td> <td><i>Сурхай Кавказская обл.</i></td> </tr> </table>	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Личные или общие работы, Место жительства (адрес)	<i>Варданян</i>	<i>55</i>	<i>Сурхай Кавказская обл.</i>	<i>Сурхай</i>	<i>13</i>	<i>Сурхай Кавказская обл.</i>
Фамилия, имя и отчество	Возраст	Личные или общие работы, Место жительства (адрес)								
<i>Варданян</i>	<i>55</i>	<i>Сурхай Кавказская обл.</i>								
<i>Сурхай</i>	<i>13</i>	<i>Сурхай Кавказская обл.</i>								
9. Подробное признание (а) в кассе										

Чел. Эк. № 1213 10 марта.

Литер. "А" *227*

Уполномоченному Евразийского района тов. ТОЛСТОМЫСОВУ.

Препровождал при сем перенаску из двух листов по обвинению Завериджанского Огулджалин тундот Монгол голубого Бараминского, Облгоддел СИТУ предложил Вам познакомиться по существу подробное расследование по тем секретного опроса лиц имеющих доступ поназвания по существу, самого же Завериджанского неоправдывая весь материал предоставлять Облгоддеу СИТУ, где и будет такому дальнейшее дальнейшее.

Нач. Облгоддела СИТУ *Сисоев*

Уполномоченный ЧНО *Зотев*

ситуация
открыта
раскрыта

Принятый к.и.и. Инвентаризация Сибгосторг

СИБ ИР КРЕДОВО
ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНОЙ ТОРГОВОЙ КОНТОРЫ
"СИБГОСТОРГ" *9004*

№ дела № 01 *11-11111* 1926 г. № *257/25*
№ инв. № 01 *506*
Всего: _____
Счет закрылся в _____

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Пред'явитель сего, ВАРИНСКИЙ Григорий Анисимович, действительно состоит на службе в Сибгосторге в должности товароведа-кушника-сырьевщи Монгольской Конторы.
Действительно по 1-е Сентября 1926 года

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ / СТЕНАКОВ
ЗАВЕРШИЛИ ЧАСТЬЮ ЛИЧНОГО СОСТАВА / И. ПРАСНИНЬКОВ

17

ХС.С.Р.
И.К.У.
ФЕДЕРАЛЬНАЯ
ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНАЯ
ТОРГОВАЯ КОНТОРА
"СИБГОСТА" *6*
11/10/27

УДОСТОВЕРЕНИЕ *X* *901*

Пред'явитель сего, гр-н ВАРИНСКИЙ Григорий Анисимович, состоя на службе в Обрточной Экспортной Конторе Сибгосторга, в должности кушника-сырьевщица, к своим обязанностям относился всегда добросовестно и аккуратно и с полным знанием дела, в потому, Контора с своей стороны рекомендует его как честного и опытного по специальности специального работника.

Состоял на службе с 7 Октября 1925 г. по 15-е Апреля 1926 года.

Данное удостоверение и подписями и приложенным печатом удостоверяется. -

Зав. Конторой
(Толмачев)

Секретарь
(Осташкина)

Толмачев
Осташкина

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

кассационная Коллегия по Уголовным Делах Верховного Суда
Р. С. Ф. С. Р.

Председательствующего КИСЕЛЕВА,
и Членов: ГЕОРГИЕВОЙ и ЗЛОВИНА

рассмотрев в заседании от 8 м а л 1928 г. кассационную

делу от гр. гр. ВАРВИНСКОГО Григория

по приговору Обратского Облсуда

от 20 января 1928 г. по делу

гр-на ВАРВИНСКОГО Григория, обвин. по ст. I час. 109
и применением 51 ст. УК и 120 ст. УК приговоренного
к лишению свободы на один год и шесть месяцев.

и закончил пом. прокурора Верховного Суда Р. С. Ф. С. Р. г.

Кассационной Коллегии по уголовным делам **ТАЦЕРА**

О П Р Е Д Е Л И Л А:

Приговор оставить в силе. Ввиду нецелесообразности
длительной изоляции Варвинского от общества, в связи
давности совершенного преступления /1923 год/, в порядке
ст. 437 УПК, понизить ему срок лишения свободы до
шести месяцев без строгой изоляции и, в силу амнистии
к десятой годовщине Октябрьской Революции, от отбыва-
тельской Варвинского освободить. -

Особняк Варвинского. 1932 г. Из фондов БКМ

Особняк Варвинского. 1960-е гг. Из фондов БКМ

Музей Чуйского тракта

В музее Чуйского тракта г. Бийска

Чуйский тракт в горах Алтая

37. ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 153 об.–154.
38. ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 155, 155 об., 156.
39. ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 191–191 об.
40. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 298. Л. 15.
41. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 628. Л. 13.
42. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 628. Л. 17.
43. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1127. Л. 11.
44. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1127. Л. 115–140.
45. Герасимов В. И. Поездка из Семипалатинска на Рахмановские ключи священника Бориса Герасимова. — Усть-Каменогорск, 2011. — С. 86.
46. Гнедкова (Сенгалевич) Е. Г. Родословная и жизнь моего дедушки по матери Копылова Антона Петровича // Бийский вестник, 2011. — № 4. — С. 150–151.
47. Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная. — Барнаул, 2009.
48. Кадиков Б. Х. Бийские меценаты Копыловы // Краеведческий вестник БКМ им. В.В. Бианки. — Бийск, 1997. — № 5. — С. 33.
49. Кадиков Б. Х. Копыловы Павел Андреевич и Антон Петрович // Выдающиеся люди Бийска. — Бийск, 2014. С. 97–98, 102.
50. Кадиков Б. Х. Хочу рассказать. — Бийск, 2012. — С. 81.
51. Мараловодство в Горном Алтае // Сибирская жизнь. — № 204. — 1902. — 19 сентября.
52. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828 г. Часть вторая. — В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии Наук, 1828. — С. 329.
53. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828 г. Часть вторая. — В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии Наук, 1829. — С. 348.
54. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828 г. Часть вторая. — В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии Наук, 1830. — С. 256.
55. Московская торговая экспедиция в Монголию. — М., 1912. — С. 272, 342–344, 347, 350.
56. Отчет Алтайской духовной миссии за 1909 год // Томские епархиальные ведомости. — 1910. — № 16. — С. 661.
57. Отчет Алтайской духовной миссии за 1910 год // Томские епархиальные ведомости. — 1911. — № 8–9. — С. 432.
58. Певцов М. В. Путешествия по Китаю и Монголии. — М., 1951. — С. 93.
59. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — Вып. I. — СПб., 1881. — С. 83–84.
60. Предприниматели Алтая (1861–1917). — Барнаул, 1996.
61. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. — 1913. — С. 63–64.
62. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. — 1913. — С. 75.
63. Солоневич И. Л. Диктатура импотентов (социализм, его пророчества и их реализация). — Буэнос-Айрес, 1949.
64. Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX веков). — Барнаул, 2003.

65. Старцев А. В., Исупов С. Ю., Фролова Е. Б. Бийскоеведение: история Бийска. Учебное пособие. — Бийск, 2009.
66. Томские губернские ведомости. — № 01. — 1867. — 6 января. — С. 1.
67. Томские губернские ведомости. — № 04. — 1866. — 28 января. — С. 2.
68. Томские губернские ведомости. — № 05. — 1863. — 1 февраля. — С. 55.
69. Томские губернские ведомости. — № 05. — 1867. — 3 февраля. — С. 1.
70. Томские губернские ведомости. — № 18. — 1862. — 15 мая. — С. 263.
71. Томские губернские ведомости. — № 25. — 1866. — 1 июля. — С. 1.
72. Томские губернские ведомости. — № 29. — 1895. — 27 июля. — С. 2.
73. Томские губернские ведомости. — № 35. — 1860. — 2 сентября. — С. 423.
74. Томские губернские ведомости. — № 36. — 1862. — 14 сентября.
75. Томские губернские ведомости. — № 37. — 1871. — 18 сентября. — С. 1.
76. Томские губернские ведомости. — № 41. — 1864. — 16 октября. — С. 701.
77. Томские губернские ведомости. — № 43. — 1872. — 28 октября. — С. 4.
78. Томские губернские ведомости. — № 46. — 1866. — 25 ноября. — С. 2.
79. Томские губернские ведомости. — № 49. — 1866. — 16 декабря. — С. 1.
80. Томские губернские ведомости. — № 50. — 1868. — 20 декабря. — С. 1.
81. Швецов С. П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. — Барнаул, 1898. — С. 16.
82. Шмурло Е. Ф. Описание пути между Алтайской станцией и Кош-Агачем в Южном Алтае // Записки Западно-Сибирского ИРГО. — Книга XXIII. — Омск, 1898. — С. 17–18.
83. Шнайдер В. А. Копыловы // Дворики старого Бийска. — Барнаул, 2009. — С. 71–72.
84. Яковлев. Мараловодство в Семипалатинской губернии. — Омск, 1911. — С. 7.
85. ГААК Ф. 170. Оп.1. Д. 85. Л. 57–57 об.
86. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 298. Л. 80.

1.4 ОНГУДАЙСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ-МАРАЛОВОД ГРИГОРИЙ АКИНФОВИЧ ВАРВИНСКИЙ

Имя Григория Акинфовича Варвинского, предпринимателя из с. Онгудай, на Чуйском тракте было бы совсем неизвестно, если бы ни сохранился каменный особняк Варвинского в городе Бийске по ул. Советская, 42.

Род Варвинских, скорее всего, корнями уходит в Украину. По крайней мере, в современной Черниговской области существует с 1930 г. Варвинский район с центром в крупном поселке Варва. Фамилия Варвинских расшифровывается как «работник скотобойни». В архивных документах Григорий Акинфович Варвинский не раз упоминается как «туринский мещанин», т. е. выходец из г. Туринска.

Уездный город Тобольской губернии Туринск был основан в 1600 г. как ямская слобода. В XVII–XIX вв. этот городок являлся местом ссылки за тяжкие политические преступления, и здесь находилось огромное здание сибирской пересыльной тюрьмы. В 1868 г. в Тобольской губернии содержалось более 68 тысяч ссыльных. Особой торговой активностью город не отличался. В упомянутом году здесь было 44 купца второй гильдии и 129 мелочных торговцев. Из 76 ежегодных ярмарок Тобольской губернии в Туринском округе проходили только три.

Важнейшее значение г. Туринска в том, что он являлся последним местом остановки на пути из Азии в г. Ирбит, где с 1643 г. в России проводилась вторая после Нижегородской ежегодная ярмарка. В Ирбите встречались товары из Сибири, Китая, Средней Азии, Москвы, Урала и Архангельска. Сюда с конца января по 1 марта ежегодно стекались десятки тысяч торговых людей: немцев, французов, англичан, жителей Китая, Монголии, Персии и, конечно, российских торговцев. Товаров привозилось на 60 млн рублей. Ирбитская ярмарка была ежегодным огромным обменом товаров между Европой и Азией.

Жители г. Туринска, безусловно, были вовлечены в дела ирбитской ярмарки и хорошо владели информацией о состоянии торговли в Сибири и на Алтае в частности. Они слышали, как быстро богатеют торговцы на Алтае, работая с Монголией.

В 1886 г. на Алтай из Туринска переезжает семья мещанина Акинфия Федоровича Варвинского (1845 г. р.), в том числе и его сын Григорий Акинфович Варвинский (1870 г. р.). К моменту переезда Григорий уже успел получить домашнее образование. Местом жительства семья выбрала с. Онгудай (Ангудай) в Горном Алтае.

В некоторых источниках пишут, что селение Онгудай основано в 1626 г. Это не так. Появилось оно в 1857 г. как стан-поселение Алтайской духовной миссии. В списке населенных мест по сведениям 1859 г. здесь было семь дворов, 38 человек населения и православная церковь [1]. К 1877 г.

колесный путь по Чуйскому тракту продвинулся от д. Шебалиной (с. Шебалино) до Онгудая, но поселение как будто замерло в развитии.

Проезжая в это время по Чуйскому тракту, Г. Н. Потанин остановился в Онгуде и писал в 1877 г.: «В Онгуде до сих пор запрещено селиться крестьянам, и вот результат — стан существует 25 лет, а крещенные живут в берестяных шалашах, спят на голой земле и, кроме котла да долбленого ведра, не имеют другой утвари: ни изб, ни скота, ни русской одежды, ни русского языка здесь нет. Позвольте нашему мужику переселиться в Онгудай, и все те, которые теперь записаны в крещенные, в 15 лет обрусееют» [2, с. 112]. Он предвидел, что нарастающее переселенческое движение на Алтай требует от власти решительных действий, которые, действительно, определили дополнительные 26 мест на Алтае для переселенцев. Попало в число этих мест и селение Онгудай.

Инициатором переезда на жительство в Онгудай был, наверное, глава семьи — Акинфий Федорович Варвинский. Он же занимался обустройством семьи и начинал заниматься на новом месте привычным для многих мещан делом — мелкой торговлей. Его сын, Григорий Варвинский, рядом с отцом быстро вникал в торговое дело, проявляя при этом недюжинные способности и задатки будущего предпринимателя.

Неизвестно, как распределялись в семье обязанности по ведению торгового дела, но в журнале генеральной поверки торгово-промышленных предприятий Алтайской волости Бийского округа за 1897 г. записано, что мануфактурная лавка, находящаяся на усадьбе Варвинских в Онгуде, зарегистрирована на Григория Акинфовича Варвинского, а жена его, Анна Дмитриевна, является приказчиком в этой торговой лавке [4, л. 93]. У Акинфия Федоровича в 1889 г. родился сын Федор, к 1898 г. отец уже был вдовцом и являлся формально не первым лицом в семье.

В 1898 г. «разночинцы» — ирбитский мещанин Н. И. Ассанов, крестьянин Сростинской волости А. А. Борзенков, туринский мещанин Г. А. Варвинский в числе прочих «выбирают гильдейские свидетельства» на право торговли в 1898 г. [5, л. 222]. В этом году объем торговли у Григория Акинфовича оценивался в 5 000 руб., размер прибыли составил 500 руб. Это был торговец средней руки в возрасте 28 лет, но при этом это был человек, быстро набирающий авторитет в своем поселении Онгудай. В 1899 г. он вместе с другими жителями просит власть учредить в Онгуде почту. В конце 1903 г. Г. А. Варвинский обязался письменно сроком на 3 года, начиная с 1904 г., предоставить бесплатно отопление, освещение и помещение для почтового отделения в доме инородца Степана Кайгина. В 1904 г. почту наконец-то открыли.

В самом начале XX в. торговый оборот Г. А. Варвинского возрастает до 25 000 руб., а прибыль — до 2 500 руб. Для сравнения: известный купец А. Д. Васенев в это время имеет годовой оборот в 116 000 руб., а прибыль — в размере 9 140 руб. [6, л. 1]. Только на одной ярмарке в де-

кабре 1903 г. в Онгудае Г. А. Варвинский выставляет товара на 2 100 руб. и выручает 700 руб. Он становится крупным торговцем Онгудая [7, л. 4].

Григорий Акинфович активно развивает торговлю: в 1903 г. он получает разрешение на торговлю порохом и расширяет свои возможности в скупке пушнины [8, л. 12]. По данным П. М. Юхнева, в 1903 г. «в левобережном районе центрами скупки орехов являются... мещанин Гр. Варвинский (Ангудай)» [9, с. 38].

Не все в торговой деятельности Григория Акинфовича происходит гладко, но в целом авторитет его как в предпринимательской среде, так и среди крестьян Онгудая постоянно растет.

В начале XX в. в Онгудае очень трудно проходила земельная реформа. В июне 1905 г. Онгудайское сельское общество заменило своего доверенного по землеустройству Г. Ф. Черемного, который обществу «показался не благорассудительным», на «вполне человека благонадежного Варвинского Григория Акинфовича» [10, л. 22]. В это же время сам Варвинский пишет заявление на получение земельного надела из расчета шесть душ в семье [11]. Впоследствии от этого надела советская власть оставит этой семье две десятины земли, лошадь, корову и избушку, но это потом...

Семья Варвинских приехала в Онгудай в 1886 г., но селение это, по словам С. П. Швецова, спустя 20 лет еще «с трудом отнимало у Шебалино его бывшее величие» [3, с. 14]. Имеются в виду возможности оказывать транспортные услуги купцам-чуйцам и населению Горного Алтая.

П. М. Юхнев, занимавшийся в 1897 г. обследованием извоза в Горном Алтае, писал: «За последние годы с общим развитием торговых операций на Чуйском тракте местное население все больше и больше стремится завладеть этим доходным промыслом, хотя наряду с ними не оставляют таких же притязаний и русские "степные" возчики, т. е. живущие в селениях по предгорьям Алтая, как говорят алтайские жители.

Но при постоянной потребности сбыта туземных продуктов, конечно, передвижение их не определяется одним Чуйским трактом, по которому производится собственно обмен русских и китайских товаров. Оно совершается одновременно по целой сети более мелких торговых путей. Направление их, впрочем, везде тяготеет все к тому же культурному пункту этого края — г. Бийску и только отчасти к ст. Чарышской» [9, с. 124].

П. М. Юхнев по итогам обследования сделал вывод, что абсолютное большинство возчиков являются наемными работниками с заработком 10–20 руб. в год. Оказывается, что нанимал этих работников, как правило, не сам купец, нуждающийся в перевозке груза, а предприниматель-подрядчик, который принимал заказ от фирмы или купца и выполнял его не сам, а путем найма извозчиков [12, с. 169]. Варвинские как хорошие организаторы и предприимчивые люди быстро оценили перспективность и потенциал такого вида заработка и стали им активно заниматься.

После появления в Онгудае в 1891 г. таможни это поселение, по словам П. М. Юхнева, стало играть «огромную роль в жизни Чуйского тракта» [9, с. 125]. Варвинские оказались среди немногих лиц в Горном Алтае, которые смогли успешно и в больших объемах обеспечивать перевозки товаров.

В 1905 г. В. В. Сапожников писал, что в Онгудае есть транспортная контора Варвинского.

В 1907 г. В. И. Верещагин в своих путевых заметках отмечал: «Жизнь в Онгудае очень дорога. Устройство колесного пути по Чуйскому тракту, проведение телеграфа, транспортирование кладей (в Онгудае есть транспортная контора Варвинского), проезжающие купцы и путешественники (не редко иностранцы) приучили местных жителей к высоким ценам за продукты и труд» [13, с. 20]. Здесь же он добавляет, что и в Кош-Агаче «имеется отделение транспортной конторы Варвинского» [13, с. 39].

В 1910 г. транспортная контора Г. А. Варвинского осуществляла значительную часть перевозок в Монголию. Объем этих перевозок был очень большим и постоянно возрастал. Только с июля 1891 г. по конец 1897 г. через Онгудайскую таможду прошло товара (ввоз и вывоз) почти на 4 млн руб.: 364 600 пудов товара и 750 пудов серебра. Для перевозки указанного было сделано более 67 000 «ходов», но существовали еще и достаточно большие внутренние перевозки [3, с. 1].

Можно предполагать, что оказание транспортных услуг из Онгудая, который, по словам С. П. Швецова, к концу XIX в. «стал во многих отношениях центром Горного Алтая», стало для семьи Г. А. Варвинского основным источником постоянного дохода. Не зря он после 1917 г. никак не упоминает об этом виде своей деятельности.

Как ни выгодно было перевозить и продавать «чужой» товар, еще выгоднее сбывать свой товар, особенно если он обладает высокой доходностью и устойчивым спросом.

Еще до приезда Варвинских в Онгудай в записках ЗСО ИРГО в 1880 г. отмечалось: «Среди скотоводства в Алтае начинает играть также видную роль и разведение маралов. Выгоды, получаемые от домашнего марала, весьма значительны при умении держать и разводить это животное. Марал стоит в Алтае от 30 до 50 руб., самка от 25 до 30 руб., между тем рога марала, продаваемые в Китай, дают огромные барыши, они доходят от 10 до 70 руб. на месте и в Китае продаются за 25 и 75 ланов, т. е. до 200 руб.» [14, с. 91].

Мог ли Г. А. Варвинский не заметить этого, когда рядом в Шебалино активно строили маральники А. С. Попов и его земляки, когда в Онгудае уже имел собственный маральник купец И. П. Котельников, когда на маральи рога у китайских купцов в Монголии можно было с большой выгодой приобрести любой товар.

В 1902 г. газета «Сибирская жизнь» в статье «Мараловодство в Горном Алтае» писала: «Главными скупщиками маральных рогов на месте их

пребывания — в Горном Алтае — являются отчасти сами мараловоды — Попов (д. Шебалино), Варвинский (с. Онгудай), отчасти же бийские купцы, ведущие меновую торговлю с Монголией». Здесь же отмечалось, что Варвинский, Попов, Шадрин (с. Мыюта) составили себе от маральников «весьма приличное состояние для крестьянского быта» [15]. В подтверждение этого приведем пример из сведений Онгудайской таможни за 1899 г. В этом году через таможню Г. А. Варвинский вывез два пуда маральных рогов на 1 000 руб. и ввез кирпичного чая на 2 984 руб. [16, л. 12].

Таким образом, Г. А. Варвинский в самом начале XX в. не только торговал с Монголией пантами, но даже имел собственный маральник. Известно, что маральник (40 голов) был у него в совместной собственности с Макаровым. Возможно, это был владелец знаменитого в Бийске ресторана Макаров.

К 1910 г. предприниматель Г. А. Варвинский был уже хорошо известен не только в Горном Алтае. С ним активно сотрудничали бийские купцы.

В это время Варвинские приняли решение о строительстве особняка в г. Бийске, так как помимо деловых интересов у них были планы по обучению здесь в гимназии подрастающих детей. В августе 1910 г. Бийская городская управа разрешила построить «жене туринского мещанина Анне Дмитриевне Варвинской каменный двухэтажный дом, деревянный флигель и брендмауэр» [17, л. 1]. В списке лиц, владеющих в Бийске собственностью, за 1912 г. значится сам Г. А. Варвинский с собственностью в 3 500 руб., постоянно проживающий в Онгуде [18, л. 46]. Однако в списке домовладельцев г. Бийска за 1916 г. записана А. Д. Варвинская со следующим имуществом: «двухэтажный каменный дом, двухэтажный флигель и надворные постройки». Средняя валовая доходность этого имущества оценена в 1 620 руб., но часть его облагалась как сдаваемое в наем, а часть — как жилое помещение [19, л. 26об].

Варвинские с 1913 г. поселились на 2-м этаже дома по ул. Большой. Их сын Петр поступил учиться в Бийское училище. Сам Григорий Акинфович основное время продолжает проводить в Онгуде. При этом он находит возможность активно сотрудничать с Бийским мужским приходским училищем и Бийская городская Дума 24 февраля 1912 г. избрала Григория Акинфовича почетным блюстителем этого училища, а в мае 1912 г. Томский губернатор утвердил это решение. В этих документах Г. А. Варвинский является крестьянином из Онгудая с «постоянным местопребыванием в г. Бийске» [20]. Он также делает пожертвования в пользу общества попечения о начальном образовании. В 1917 г. он значится в числе жертвователей средств на создание в г. Бийске «Учительского дома». Некоторые краеведы сообщают, что у Варвинских в Бийске была хорошая библиотека.

Григорий Акинфович был православным, глубоко верующим человеком. Еще до переезда Варвинских в Онгудай здесь на деньги бийского

купца Алексея Викуловича Соколова была построена Успенская (ныне Святотроицкая) церковь, восстановленная в 1995 г.

В 1908 г. в Онгудае была построена новая Иннокентьевская церковь стоимостью 20 000 руб., из которых 5 000 руб. пожертвовал лично Г. Варвинский. Он стал церковным старостой еще до начала строительства храма и был им постоянно три срока по три года. Очередной раз его утвердили в этой должности в 1913 г. [21, с. 101–102]. Церковным старостой из мирян мог быть избран прихожанин, отличающийся своим благочестием, преданностью церкви, ответственно относящийся к нравственному порядку прихода и его материальному благополучию, так как он ведал хозяйством церковной общины.

В декабре 1912 г. священник Константин Соколов написал рапорт с просьбой о награждении старосты Иннокентьевской церкви Г. А. Варвинского, крестьянина с. Онгудай, по духовному ведомству серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди, и в декабре 1913 г. его наградили золотой нагрудной медалью на Анненской ленте [22].

Находясь в Онгудае во главе транспортной конторы, Г. А. Варвинский объективно был хорошо знаком с большинством исследователей Алтая того времени. По информации историка А. В. Старцева, Григорий Акинфович, например, имел переписку с известным сибирским этнографом Д. Клеменсом. В статье В. Е. Гарутта «Изучение и разведение дикой лошади Пржевальского» (Зооинститут АН СССР, Ленинград) Варвинский упоминается как житель Онгудая, помогавший доставить шкуры дикой лошади из Монголии по заказу профессора Томского университета Н. Ф. Кащенко в университетский музей [23].

Первая мировая война 1914 г. резко снизила объемы торговли на Чуйском тракте, а революция 1917 г. принципиально изменила жизнь семьи Варвинских.

Во-первых, практически до нуля сокращается коммерческая деятельность Григория Акинфовича. На 1 января 1918 он вместо мануфактурной лавки в Онгудае показывает товарную кладовую [24, л. 34об].

Во-вторых, на него ложится бремя выбора — ему нужно было определиться, на чьей стороне быть в начавшейся Гражданской войне, и он не стал отсиживаться и прятаться, как многие. Вот что зафиксировано в материалах выездной сессии Алтайского губернского революционного трибунала 12 мая 1922 г.: «Следственным производством и опросами на суде обвиняемого установлено: весной 1918 г. после падения советской власти в Сибири гражданин Варвинский совместно с другими односельчанами в с. Онгудай организовал временный комитет, вызвал отряд белогвардейца Сатунина, которому предал сторонников советской власти. Этот же Сатунин был встречен Варвинским хлебом-солью. В 1919 г. во время партизанского движения Варвинский совместно с другими деревенскими кулаками

вызвал карательный отряд Кайгородова, причем предал ему партизан и производил распределение оружия между мобилизованными Кайгородовым. При наступлении партизан Варвинский из с. Онгудай бежал, что не отрицает» [25]. Руководитель партизанского движения на Алтае в 1919 г. И. Я. Третьяк также сообщает: «Алтайским "патриотам" помогали осевшие в Горном Алтае кучки русских купцов, как то: в Онгудае — Варвинские, в Шебалине — Поповы, в Алтайске — Драчев, Смирнов и другие. Впоследствии большинство из них бежало в Монголию» [26, с. 65].

Г. А. Варвинский не сбежал в Монголию, а остался в п. Чибит. В конце 1919 г. у него в Онгудае конфисковали два двухэтажных дома и надворные постройки. Там разместили вначале Онгудайскую лечебницу, а затем аймакисполком.

В 1922 г. заведование Онгудайским врачебным участком принял Б. Шипковский. Он докладывал на коллегии Ойротского областного отдела здравоохранения 1 ноября 1922: «Онгудайская лечебница находится в с. Онгудай в доме Варвинского. Здание, занимаемое лечебницей, 2-этажное, деревянное, крытое железом, состоящее из пяти комнат со следующими надворными постройками: 4 амбара, флигель, баня. Участок — 1/2 десятины».

Самого Г. А. Варвинского в это время нет в Онгудае. Он уже два года как сидит в «домзак» г. Бийска и ждет суда за участие в борьбе против советской власти на стороне колчаковцев. Только 12 мая 1922 г. его приговаривают к заключению на три года, но с учетом отсиженного в тюрьме амнистируют. Дело рассматривал Алтайский губернский ревтрибунал в г. Бийске.

С 1923 г. Григорий Акинфович работает в системе советской торговли. По архивным документам, 30 сентября 1923 г. он, являясь «транспортером» Кош-Агачского заготпункта «Монголгосторга», скупает панты у мараловодов Шадрина, Фоминых, Манджина. Через него проходит большинство закупочных операций в этой организации [27, л. 10, 21, 22, 45].

Уполномоченный НКВД Иванов 22 января 1924 обнаруживает, что «в Монголии во главе "Монголгосторга" находится бывший "кара-корумец" Варвинский и сообщает об этом в секретном докладе "О состоянии Кобдосского рынка в Монголии" начальнику отдела ОГПУ» [28]. Видимо, по результатам этого доклада Г. А. Варвинского перевели работать заведующим Онгудайским заготовительным пунктом «Монголгосторга», и одновременно ОГПУ начало проверку о злоупотреблениях Григория Акинфовича при закупке пантов. В его жилом помещении 2 апреля 1924 провели обыск, а 8 апреля 1924 поместили в «домзак» г. Улалы. В начале июля его выпустили под гарантийные обязательства двух лиц, разрешили работать, но уголовное дело продолжали расследовать. В этом же году его лишили избирательных прав. В 1925 г. на Г. А. Варвинского завели еще одно уголовное дело «за сопротивление властям», так как он отказался отдать кошечку

начальнику Онгудайской милиции по незаконному решению аймак-исполкома. Ему назначили три месяца наказания, но дело отменила вышестоящая инстанция [29].

С 1 октября 1925 по 15 апреля 1926 Г. А. Варвинский работает пушником-сырьевщиком в Ойротской окружной конторе Сибгосторга, затем переводится в г. Улалу товароведом в Монгольскую контору «Сибгосторга» «на постоянную службу». Здесь его характеризуют «честным и опытным» специалистом. В 1927 г. у семьи Варвинских в Онгудае имеются избушка, две десятины посева, лошадь и корова.

С 11 ноября 1927 по 20 января 1928 Григорий Акинфович служит товароведом в Ойротской конторе «Госторга». Наконец, 20 января 1928 Ойротский областной суд закончил рассмотрение дела о злоупотреблениях Г. А. Варвинского и приговорил его к одному году и шести месяцам строгой изоляции, но с вычетом нахождения его в следственном изоляторе оставил год и один месяц содержания под стражей. Позднее, 22 мая 1928 г., Кассационная коллегия по уголовным делам РСФСР снизила наказание с 1 года 6 месяцев до 6 месяцев и амнистировала его в связи с 10-летней годовщиной советской власти [29].

Из справки ойротского финансового отдела от 19 января 1928 известно, что в начале этого года у Варвинских было в хозяйстве две десятины посева, одна пчелосемья, пять голов крупного рогатого скота, две лошади, семь овец на четыре едока в семье [29].

Неожиданно я обнаружил «архивный след» Г. А. Варвинского в муниципальном архиве г. Ачинска Красноярского края. Уполномоченный Правления «Сибторга» по Ачинскому округу в декабре 1929 г. писал в Сибкрайисполком (г. Новосибирск): «В данное время у нас на должности товароведа по пушнине и другим видам сырья работает гр. Варвинский Григорий Иокифович, лишенный права голоса и им 28 октября с/г подана в СКИК апелляция ходатайство о восстановлении в правах голоса, ввиду того, что отделению не известна причина его лишения, просьба не задерживать сообщить результаты его ходатайства, т. к. необходимо подыскание на его место новой кандидатуры если таковой не будет восстановлен.

За время работы ни в чем замечен Варвинский не был, старик к служебным обязанностям относится добросовестно» [32].

Скорее всего это обращение осталось без ответа и Г. А. Варвинскому пришлось из г. Ачинска вернуться в Онгудай.

В начале 1930 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, обязывающее выселить из Ойротской автономной области 300 семей «кулацко-барского элемента». Уже 20 февраля 1930 г. на заседании бюро Ойротского обкома ВКП(б) было доложено органами ОГПУ, что из Ойротии к этому времени успели выселить 236 семей «кулаков II категории»: 1 187 человек, в том числе 544 ребенка до 18 лет [30, л. 56].

По именному списку кулаков и их семей в 1931 г. из Онгудайского аймака были в числе других высланы за пределы Ойротии, по неподтвержденным данным, Г. А. Варвинский с двумя сыновьями.

О ближайших родственниках Г. А. Варвинского известно немного. Родители его, скорее всего, похоронены в с. Онгудай. О судьбе жены Анны Дмитриевны никаких данных пока не найдено. Младший брат, Федор Акинфович Варвинский, по материалам переписи 1917 г., в возрасте 28 лет работал почтовым чиновником в с. Верх-Ануйское. Вместе с ним и женой Анной в семье проживал 5-летний сын Константин.

Старшая дочь Григория Акинфовича, Елена (1897 г. р.), навещала его в 1924 г. в тюрьме под фамилией Елена Зеченко. Больше ничего о ней не известно. Из посемейного списка на 01 января 1902 мы знаем, что у Варвинских были сыновья — Павел (1889 г. р.), Михаил (1902 г. р.) и Петр (1903 г. р.). О Павле и Михаиле ничего не известно.

В Государственном архиве Республики Алтай хранится личное дело Петра Григорьевича Варвинского, сына Г. А. Варвинского [31]. В своей автобиографии он сообщает, что является сыном «крестьянина села Онгудай, который наряду с сельским хозяйством занимался в селе торговлей».

Петр родился в 1903 г. В 1919 г. окончил 6 классов гимназии. Затем он работал корреспондентом народного суда в Онгудае, делопроизводителем в милиции, счетоводом в заготовительном пункте Онгудая, волорганизатором РКСМ. В мае 1925 г. окончил курсы секретарей РКов в совпартшколе. В 1926–1927 гг. в Москве окончил бухгалтерские курсы и с конца 1927 г. работал бухгалтером и старшим бухгалтером Ойротского земельного управления (ОЗУ). Дальнейшая его судьба неизвестна.

Из уголовного дела следует, что у Г. А. Варвинского был еще младший сын Николай, однако о нем также ничего не известно. В музее г. Бийска есть информация, что кто-то из Варвинских сейчас проживает в Новосибирске, но найти их пока не удалось.

А. В. Старцев подчеркивал в своих работах, что в экономической жизни государства центральное место принадлежит человеку, от энергии и таланта которого зависят результаты тех или иных хозяйственных действий. Не будь таких людей, не будет и предпринимательства, какими бы выгодными ни были внешние условия его существования.

История Григория Акинфовича Варвинского и его семьи — это горький упрек тем, кто бездумно и безжалостно проводил эксперименты над нашей страной, но это одновременно и урок ныне живущим — без поиска и поддержки новых Варвинских, Копыловых, Осиповых, Морозовых, Васеневых, Асановых нам ни Россию, ни родной Алтай не обустроить.

Библиографический список

1. Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб., 1868.
2. Потанин Г. Н. Письма. — Иркутск, 1989. — Т. 3.
3. Швецов С. П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. — Барнаул, 1898.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 192. — Оп. 1. — Д. 28.
5. ГААК. — Ф. 192. — Оп. 1. — Д. 17.
6. ГААК. — Ф. 174. — Оп. 1. — Д. 83.
7. ГААК. — Ф. 174. — Оп. 1. — Д. 127.
8. ГААК. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 197.
9. Юхнев П. М. Горный Алтай и его население. Т. I: Кочевники Горного Алтая. Вып. II. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. — Барнаул, 1903.
10. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). — Ф. Д-5. — Оп. 1. — Д. 21.
11. ГАСПД РА. — Ф. Д-5. — Оп. 1. — Д. 21.
12. Потапов Л. Н. Очерк истории Ойротии. — Новосибирск, 1933.
13. Алтайский сборник / Издание Алтайского отделения ЗСО ИРГО. Т. IX. — Барнаул, 1908.
14. Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Кн. III. — Омск, 1880.
15. Газета «Сибирская жизнь». — 1902. — № 204.
16. ГААК. — Ф. 174. — Оп. 1. — Д. 59.
17. ГААК. — Ф. 174. — Оп. 1. — Д. 304.
18. ГААК. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 299.
19. ГААК. — Ф. 54. — Оп. 1. — Д. 5.
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 100. — Оп. 1. — Д. 349.
21. Томские епархиальные ведомости. — 1913. — № 4.
22. ГАТО. — Ф. 70. — Оп. 7. — Д. 575.
23. Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки, фонды.
24. ГААК. — Ф. 225. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 34об.
25. ГАСПД РА. — Ф. 194. — Оп. 1. — Д. 649.
26. Третьяк И. Я. Партизанское движение в Горном Алтае. 1919 г. — Новосибирск, 1933.
27. ГАСПД РА. — Ф. 21. — Оп. 3. — Д. 1.
28. ГААК. — Ф. Р-1981(Личный фонд Н. А. Фролова).
29. ГАСПД РА. — Ф. 194, Оп.1., Д.387
30. ГАСПД РА. — Ф. 42. — Оп. 1л. — Д. 150.
31. Газета «Алтай». — 1913. — 25 авг. (№ 187).
32. Муниципальный архив г. Ачинска — Ф. Р-130. — Оп. 1. — Д. 132. л.2.

1.5 УЛАГАНСКИЕ МАРАЛОВОДЫ ЮЛУКОВЫ

Работая над книгой «У истоков пантового оленеводства России» в 2013 г., я нашел фамилии трех мараловодов Юлуковых в Улагане [1]. Затем мне эта фамилия встречалась у С. И. Орлова, который изучал мараловодство Центрального и Южного Алтая в 1928–1929 гг. Наконец, в 2018 г. я вспомнил, что встречал эту фамилию у известного исследователя Ойротии в 1930-е гг. Л. П. Потапова [2]. В октябре 2018 г. я долго разбирался в судьбе теньгинских мараловодов — братьев Кульджинных и решил, что о С. Юлукове я напишу отдельно. Так за неделю в ноябре этого же года появился этот небольшой материал.

А. А. Силантьев в самом начале своей экспедиции 19 июля 1897 г. отправил рапорт в Департамент земледелия об очевидной нехватке средств, полученных им на командировку, где отметил в том числе: «Месяц назад проехал в горы князь Демидов Сан-Донато с компанией англичан и забрал более 200 лошадей и все приспособления для перевозки багажа» [3].

Князь Сан-Донато Павел Демидов, наследник знаменитых заводчиков Демидовых, в описании этого путешествия рассказывал, что 12 июня 1897 г. они прибыли в селение Кош-Агач, где «познакомились с зайсаном Семеном, энергичным алтайцем, которому Мейер (Майер — алтайский заседатель, чиновник в Онгудае. — Н. Ф.) поручил заботы о снабжении нас лошадьми.

Он был крещеным алтайцем. Его власть над туземцами огромна. Мы были свидетелями жестоких наказаний, которым он подвергал алтайцев за малейшие признаки неповиновения ему. За одним он гнался на лошади и беспощадно избивал плеткой» [4, с. 123].

Зайсан Семен сопровождал этих путешественников два дня до их первой охоты за архарами. Затем встретил их по возвращении из Монголии и уговорил посетить его дом на реке Улаган. «Зайсан рассказал, что здесь у него в загородке 17 маралов» [4, с. 132].

«Зайсаном Семеном» князь Демидов называет алтайского зайсана 2-й Чуйской волости Семена Юлукова.

В 1900 г. С. П. Швецов, изучая Горный Алтай, записал, что у Семена Юлукова в Б. Улагане было 15 маралов, в том числе 8 взрослых [5, с. 335].

Вообще около ста лет во 2-й Чуйской волости правили зайсаны рода Ак-Кёбёк. Бунге зафиксировал, что до 1825 г. здесь был зайсан Чебек. Затем примерно до 1840 г. правил его сын Монгол. С Монголом в 1826 г. встречался Бунге, а в 1842 г. — Чихачёв. Сын Монгола, зайсан Мандай, правил очень долго. О нем упоминает уже Радлов.

Однако с 1873 г. на целых 15 лет, по данным С. А. Токарева, зайсаном сумел стать представитель другой байской семьи - Семен Юлуков из рода

Саал, позднее он был смещен за жестокость в 1898–1899 гг. и умер в конце 1917 г. [6, с. 51]. Затем зайсанами этой волости вновь стали потомки Мандая: сын-богач Будья, его брат Отюрдьяли и сын последнего Кудай-Берген. Последним же зайсаном в 1911–1913 гг. здесь был Николай Юлуков, родной брат Семена Юлукова [6, с. 145].

В отличие от братьев Кульджиных, С. Юлуков был «ревностным распространителем православия». Его отец, богач Юлук, был в числе первых крестившихся алтайцев [6, с. 56]. С. А. Токарев отмечает, что в 1890-е гг. у Семена Юлукова было около 400 лошадей, 60 дойных коров, четыре сотни овец, около 80 маралов [6, с. 56].

Однако Л. П. Потапов считал, что сведения С. А. Токарева о размере богатства С. Юлукова «явно преуменьшены» и уточнял: «Семен Юлуков, будучи зайсаном 2-й Чуйской волости (1890-е годы), имел около 800 коров, 80 табунов лошадей (по 12–15 лошадей в табуне), большое стадо маралов. Он ежегодно скупал и продавал (русским купцам Тренихину, Обобкову и др.) 400–500 быков, причем покупал быков телятами по 1 рублю за теленка, а взрослых продавал по 20 рублей. Юлуков вел большую торговлю с Китаем. Туда он отправлял целые караваны с маральими рогами, которых он ежегодно снимал на несколько десятков тысяч рублей. Караван обслуживали его работники под руководством каравановожатого Петра (из сеока Сагал). Из Китая караван привозил шелк, посеребренную сбрую, различные ткани и изделия, китайскую водку, табак» [2, с. 299–300].

Способы зарабатывания алтайских богачей я описал на примере братьев Кульджиных. С. А. Токарев на примере С. Юлукова отписывает нам существовавшую легальную барщину: «Зайсан заставлял очень часто косить для него сено, помогать при перекочевках, возить дрова и т. д. Тот же Семен Юлуков поступал, например, так. Перед сенокосом приказывал, чтобы все привезли ему по одному тажууру (кожаный сосуд вместимостью около литра и больше) араки. Так собирал он 5–6 бочек вина, а потом приглашал население к себе на покос и работников угощал этой аракой. Если кто не придет, он заметит и подкопается и наказание даст. А если с добром прийти, сказать: не могу, болен, он зимнюю работу заставляет делать взамен: дрова возить, сено, лес для ремонта маральника, или перевозить товары» [6, с. 54].

Л. П. Потапов на примере зайсана С. Юлукова раскрывает нам, как, например, использовались «помочи» этим алтайцам: «Зайсаны устраивали также "помочи", особенно в сенокос, на которые алтайцы съезжались к зайсану со своими косами. Едущие должны были также привезти зайсану вино, так как по окончании работы устраивалось угощение для всех работающих и вина требовалось много. У зайсана Семена Юлукова труд алтайцев на помочи был организован следующим образом. Все

съехавшиеся косить разбивались на группы по родам, например, группа Оргончылар (т. е. рода Оргончи), Саалдар, Иркиттер, Мундустар и т. д. В каждой родовой группе был руководитель (башчы). Руководитель помочи, обычно близкий родственник зайсана, отводил для каждой родовой группы определенный участок покоса с заданием выкосить его к вечеру. Зайсан во время работы объезжал свои обширные покосы и раскуривал с каждым башчы трубку, прося постараться. Огромнейшие покосы Юлукова выкашивались таким образом в один день. Вечером устраивалось угощение. Варили мясо, пили вино. Богачи (баи) в работах на помочи не участвовали. Они посылали косить своих работников, а сами приезжали вечером на пир. Подобного рода помочи Юлуков устраивал и при съемке и варке маральных рогов. Наряду с этим зайсаны имели кулов и айбычи.

Свою эксплуататорскую деятельность зайсаны облакали обычно в "родственные" формы, и это практиковалось до самых последних дней существования зайсанов. Зайсан Юлуков под видом родственников держал более 30 работников, айбычи, кулов и т. д.» [2, с. 303].

По данным С. А. Токарева, зайсан С. Юлуков активно занимался скупкой и продажей скота: он покупал весной годовалых телят («торбоков») за 1/8 кирпича чая, летом этих телят пасли его пастухи, а осенью он отдавал их старым хозяевам на бесплатный прокорм до весны и отказаться было нельзя — «завинит» [6, с. 56].

Семен Юлуков «дружи́л» с алтайскими православными миссионерами, помогал деньгами в строении церквей, но даже здесь умудрялся зарабатывать: он скупал оптом привозимые миссионерами образки и крестики и затем продавал алтайцам с наценкой [6, с. 56].

Как и остальные зайсаны, С. Юлуков не стеснялся зарабатывать взятками. Он постоянно вымогал взятки, например, с казахов Кош-Агача, угрожая выслать их на родину в Катон-Карагай [6, с. 59].

Самые лучшие земли долины р. Балыктуюль принадлежали С. Юлукову. В своих интересах, по словам С. А. Токарева, он умело использовал родственные отношения: «Упоминавшийся не раз богач-зайсан Семен имел около 400 голов овец и коз. Он раздавал их на выпас своей многочисленной родне: родственников у него было до 10 айлов. За выпас сородичи могли брать себе часть шерсти, заколоть одну овечку. Остригши овец, родич, которому они поручены, валял кошму, приносил Семену, а тот отделял ему в виде вознаграждения часть кошмы — 1/2, 1/3 и меньше, смотря по качеству ухода за овцами и качеству работы. Таким образом, на Семена работали — правда, за известное вознаграждение — члены его сеока Саал» [6, с. 68].

По узаконенному обычаю зайсанам полагалось от дючины 1–2 бесплатных работника («ярчи») для ведения домашнего хозяйства. Были

у алтайских зайсанов, по словам Л. П. Потапова, и другие особые слуги — «кодечи». Они всегда и всюду сопровождали зайсанов, седлали, привязывали и отвязывали коня, помогали одеваться, носили за ним ташауры (кожаная бутель) с аракой, без которой зайсан шагу не делал, служили ему на посылках. Кодечи жили на зайсанских харчах, ездили на хозяйских лошадях, носили одежду с плеча господина. За службу они получали мелкие подарки. Их семьи также жили при зайсанском аиле и обслуживали своим трудом зайсанское хозяйство. Помимо кодечи, у зайсанов еще были «колтыкчи». В их обязанность входило садить и снимать с лошади зайсана, при ходьбе поддерживать его под руки, прикуривать ему трубку и т. п. Колтыкчи тоже жили при зайсане с семьями и на том же положении, что и кодечи [2, с. 303].

Зайсан Семен Юлуков очень любил помпу: его всегда сопровождали до 30 слуг, но больше всего он был известен соплеменникам своей жестокостью в обращении, хотя многие алтайцы оправдывали и даже защищали свирепого зайсана: «Зайсан был строг, делал жестокости, но для зайсана без этого нельзя». Другие говорили, что «вражды к нему не было. Он помогал людям, они ему отработывали» [6, с. 70].

И все-таки именно за жестокость в обращении с людьми его сместили с должности зайсана в самом конце XIX века, и еще 17 лет Семен Юлуков оставался одним из богатейших людей в Горном Алтае, имевшим в том числе и маральник.

В 1917 г. в Улагане, по материалам сельскохозяйственной переписи, было пять мараловодов, из них трое — Юлуковы.

Данные о мараловодах Юлуковых в Улагане [7]

ФИО	Членов семьи	Количество сельскохозяйственных животных					Кол-во душевых наделов земли
		лошади	КРС	овцы	прочие	маралы	
1. Юлуков Семен (Семен) Степанович, 70 л.	10	180	75	37	21	62	4
2. Юлуков Николай Степанович, 44 г.	9	130	65	40	40	31	4
3. Юлуков Доминиан Степанович, 42 г.	7	79	21	25	9	20	5

В переписи мы видим, что у всех Юлуковых одно отчество. Их отец Юлук, видимо, носил церковное имя Степан. Его отношение к право-

славной церкви можно заметить и по именам сыновей: Семеон (Семен), Николай и Доминиан. В 1917 г. на улаганской земле мараловодством занимались, по архивным данным, кроме братьев Юлуковых, еще Мирон Тадышев и Георгий Суюнушев. Дальнейшая судьба этих мараловодов-алтайцев мне пока не известна. Прочитал только у С. И. Орлова, что в 1929 г. кто-то из мараловодов Юлуковых в местечке Балыкту передал семь маралов комитету взаимопомощи, и этот маральник вскоре развалился [8]. В книгах репрессированных я этих фамилий не нашел.

Родовое дерево Юлуковых

Библиографический список

1. Фролов Н. А. У истоков пантового оленеводства России. — Барнаул, 2014.
2. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. — М. ; Л., 1953.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 398. — Оп. 63. — Д. 125.
4. Путешествие князя Сан-Донато (Демидова) по Алтаю // Алтайский вестник. — 2006. — № 3–4.
5. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Т. I: Кочевники Бийского уезда. — Вып. I. — Барнаул, 1900.
6. Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. — Л., 1936.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 683.
8. Орлов С. И. Мараловодство в Центральном и Южном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. — Новосибирск, 1930.

2. _____

**Экспедиции по местам
пантового оленеводства**

2.1 СЕМЬ ДНЕЙ В ПРИМОРЬЕ

В начале 2000-х гг. я активно собирал материалы по истории развития пантового оленеводства в России. Материалы — архивные и старые литературные источники — «шли в руки» очень нелегко.

В сентябре 2008 г. я вдруг решил поучаствовать с выпускаемой нашей компанией продукцией из пантового сырья алтайского марала на выставке во Владивостоке. При этом главной целью для меня был сбор материалов по пантовому оленеводству в Приморье.

С самолета нашу делегацию из двух человек подхватил на машине торгующий нашей продукцией во Владивостоке предприниматель Вячеслав Рагулин, который специально повез нас по дороге вдоль побережья.

Первым ощущением было, что я в очередной раз оказался в Южной Корее: природа, цвет земли, деревья, вода — всё показалось мне, человеку с Алтая, каким-то нероссийским. Даже разбросанность домов вдоль дороги казалась не такой, как у нас. По дороге остановились у моря и позавтракали пловом — стало ясно, что мы все-таки не за границей.

Разместились в доме приезжих университета экономики и сервиса. После обеда я осматривал и фотографировал виды города, а также купил книгу Янковских «Нэнуни». Находясь под впечатлением, долго не мог уснуть.

В воскресенье 21 сентября поехали смотреть морской порт. Хотели морем добраться до с. Безверхово и посмотреть места проживания там С. И. Янковского, очень известного в Приморье человека и создателя самого крупного оленника (2000 пятнистых оленей) до 1914 г., но парохода не оказалось. Морское движение в этом направлении было нерегулярным.

Через таксистов здесь же удалось познакомиться с сотрудником инспекции «Тигр» Эдуардом Молчиновым, земляком с Алтая, который остался после армии жить во Владивостоке. Он за деньги согласился свозить нас в с. Безверхово.

Где-то в середине пути мы заехали в хозяйство «Оленевод» (станция Провалово Хасанского района) и познакомились с его владельцем Александром Николаевичем Худенко, который на японском грузовичке возил сено. Он пригласил нас в дом и напоил чаем с медом.

ПСХК «Оленевод» он приобрел после того, как ушел на пенсию с железной дороги. В хозяйстве 3120 га земли и примерно 500–700 пятнистых оленей (может быть, не захотел уточнять).

Я рассказал Александру Николаевичу, какую продукцию из пантового сырья делаем мы на Алтае. Он сообщил, что также перерабатывает пантовую продукцию от своих пятнистых оленей. Панты, например, они режут на части и заливают медом в стеклянные банки. Как-то по необ-

ходимости залили медом куски сырых пантов, а потом опытным путем отработали пропорции и стали так делать постоянно. Продукцию без какой-либо сертификации затем продают постоянным клиентам.

Кровь после срезки пантов также собирают (специально не берут) и смешивают с медом в пропорции 30 : 70.

Своих оленей они подкармливают круглый год, и на срезку пантов олени приходят сами, а «прогульщики» выявляются во время гона. Средний вес сырых пантов составляет один-полтора килограмма. В Хасанском районе оленники имеют четыре хозяйства:

- фирма «Русь» (с. Гвоздево) ~ 1200 оленей;
- ПСХК «Оленевод» (ст. Провалово) ~ 500–700 оленей;
- ООО «Агро-Хасан» (с. Безверхово) ~ 500–700 оленей;
- хозяйство «Кедровский» (ст. Оленевод) ~ 150 оленей.

По словам А. Н. Худенко, ассоциации оленеводов в Приморье нет, оленеводы друг с другом профессионально не общаются. Главный бич для хозяйств — леопард, который легко проникает в парки и уносит до 50 оленей в год.

Вот несколько реальных случаев из практики. Руководитель олене-парка «Гамов» Ю. В. Блинова сообщала, что 17 июня 2006 г. при обходе внутреннего двора оленника № 1 был обнаружен труп оленя, задавленно-го леопардом. При обследовании обнаружены место перелазы леопарда через ограждение, следы и волок леопардом оленя с места нападения до места, где он был объеден. Еще два пятнистых оленя были убиты леопардом в том же парке 28 ноября 2006 г. и т. д.

Тигры ходят вокруг, но за сетку «проходят» крайне редко. Охотятся на оленей также волки и собаки, оленей уничтожают барсуки. Один раз оленеводы видели в парке пять красных волков, которые задавили двух пятнистых оленей.

Неудобно было надолго отрывать человека от работы, и мы поехали дальше. Гравийная дорога бежала между сопки и рошицы из дуба. У обочины рос то ли высокий ковыль, то ли мелкий камыш. Дорога пересекала лагуну, и слева я увидел бетонные столбы без оленеводческой сетки — следы бывших оленников.

Невероятно, но мы оказались на полуострове им. М. И. Янковского! Как я об этом мечтал!

Село Безверхово уютно расположилось на склоне красивого залива. Руководителя оленника Василия Семенихина мы не застали: было воскресенье, и он занимался заготовкой сена.

Нашли и сфотографировали памятник М. И. Янковскому, за которым, к сожалению, никто не ухаживает. Настроение от этого заметно ухудшилось. Склеп семьи Бриннеров стоит просто позорно разграбленный. Я

пишу эти строки через 11 лет после поездки, и решил посмотреть в Интернете, не изменилась ли ситуация к лучшему. Нет... Представители Приморского краевого отделения РГО 20 июля 2019 г. увидели все ту же картину заброшенности и беспамятства.

В самом Безверхово, по словам жителей, из семи оленников остался только один. Все стали активно переключаться на работу с отдыхающими, много предложений по съему жилья в аренду. Вернулись мы во Владивосток поздно вечером, живые и здоровые, но настроение у меня от увиденного в Безверхово осталось мрачным.

На следующий день, в понедельник, мы с Эдуардом познакомились с профессором Петром Федоровичем Бровко, который возглавлял Общество изучения Амурского края, и вместе отобрали для копирования семь исторических материалов по интересующей меня теме. Здесь же удалось уточнить телефоны нескольких человек — экспертов в области пантового оленеводства Приморья.

Во вторник я весь день пробыл на выставке. Внимательно осмотрел все стенды и понаблюдал за посетителями возле нашего стенда.

С удивлением обнаружил, что в Приморье никто не производит продукцию из сырья пятнистых оленей. Не было представлено также в нашем сегменте ни одной китайской фирмы!

Мне показалось тогда, что это говорит об отсутствии интереса к пантовому оленеводству у местного бизнеса.

Пока я вел безуспешные переговоры с местными предпринимателями, к нам на выставочный стенд приходил и оставил визитку очень известный специалист в области пантового оленеводства, кандидат биологических наук Юрий Иванович Добряков. Очень жалко, что не удалось познакомиться с ним лично.

В среду, 24 сентября, я долго разговаривал с директором Приморского регионального банка РСХБ Михаилом Ивановичем Гусевым. Он в 1970 г. получил в г. Оренбурге специальность ветеринарного врача и по распределению приехал работать в оленесовхоз «Гвоздевский». В 1985 г. М. И. Гусев возглавил «Дальзверопром», в состав которого входило одно оленеводческое, десять оленеводческо-звероводческих и двенадцать звероводческих хозяйств. В этом объединении было почти 50 тысяч пятнистых оленей. В лучшие годы заготавливалось 8,5 тонн консервированных пантов. Все хозяйства были успешными в экономическом плане. В 1988 г. «Дальзверопром» вошел в состав научно-производственного объединения по звероводству «Дальпушнина», а в августе 1992 г. НПО «Дальпушнина» было преобразовано в ЗАО «Дальневосточная акционерная компания “Дальпушнина”». В этом же 1992 г. «Дальпушнина» по валютному договору приобрела итальянское оборудование по выделке

шкурок, но оплатить контракт (или вернуть кредит) не смогла. В 1997 г. в «Дальпушнине» ввели арбитражное управление. Хозяйства не имели полной экономической свободы. Их имущество оказалось в залоге. Без кормов стали массово гибнуть олени. Остатки хозяйств попали в руки арбитражных управляющих, некоторые из них были проданы «каким-то москвичам». Михаил Иванович отметил, что за годы его работы в банке за кредитом для развития оленеводства к нему никто не обращался. Эта встреча оставила у меня ощущение неудовлетворенности и какой-то недосказанности.

После обеда состоялся обстоятельный разговор с кандидатом биологических наук Виктором Владимировичем Гапоновым, заместителем руководителя Росприроднадзора по Приморскому краю. Он, будучи профессиональным биологом-охотоведом, с 1992 г. по 2001 г. работал в Администрации Приморского края начальником отдела ресурсов животного мира и заявил вполне определенно, что главной причиной развала пантового оленеводства в Приморье стало «невнимание руководства края к отрасли». Неправильной, по его мнению, была политика и самой «Дальпушнины» на удерживание хозяйств при себе, когда само акционерное общество гибло и топило вместе с собой все предприятия, не отпустив их в свободное плавание.

Сейчас, рассказывал В. В. Гапонов, оленники покупают «ради моды» (было такое и на Алтае), а до революции весь край был покрыт густой сеткой хуторов старообрядцев, многие из которых держали оленей. Ему рассказывали, что «изюбря по насту загоняли до изнеможения, вливали в рот ему чекушку водки, вывозили в загородку, где держали до пантов, а затем убивали».

На мой вопрос, почему затем стали разводить только пятнистых оленей, он профессионально пояснил следующее:

1) пятнистый олень более всеядный (300 видов корма), чем изюбрь (175 видов корма);

2) олень более стадное животное и его легче содержать, чем изюбря;

3) пятнистый олень территориально более консервативное животное, чем изюбрь;

4) панты пятнистого оленя значительно дороже пантов изюбря (в частности в Китае. — *Н. Ф.*).

В 1929 г., по словам В. В. Гапонова, закрытие границы с Китаем спасло дикого пятнистого оленя от полного истребления. Позднее, в отличие от заготовок мяса изюбря, лося и косули, заготовка мяса пятнистого оленя была запрещена. поголовье стало постепенно восстанавливаться. В годы войны 1941–1945 гг. серый волк уничтожил в Приморье красного волка, а затем тигры «выдавили» с территории и серого волка. Врагов у пятнистого оленя почти не осталось.

Виктор Владимирович сообщил, что в 2008 г. в Приморье популяция диких животных находилась в следующем состоянии:

- пятнистый олень ~ 30 тыс. голов (20 тыс. краснокнижных);
- изюбрь ~ 22 тыс.;
- кабан ~ 19 тыс.;
- косуля ~ 30 тыс. (в основном лесная);
- кабарга ~ 17 тыс.;
- лось ~ 2,5 тыс.;
- бурый медведь ~ 2 тыс.;
- белогривый медведь ~ 5 тыс.;
- соболь ~ 50 тыс.;
- выдра ~ 2 тыс.;
- волк ~ 550;
- тигр ~ 400–450;
- леопард ~ 30–35.

Сам В. В. Гапонов влюблен в жень-шень, и в конце встречи он подарил свою монографию «История таежного природопользования Южно-Уссурийского района» (Владивосток, 2005 г.), которая мне очень пригодилась в дальнейшем.

Знакомство с этим ученым я поддерживал по телефону вплоть до 2018 г.

Возвращались домой мы с приключениями, так как опоздали на свой самолет, но впечатления самые лучшие от увиденного я сохранил навсегда.

После этой поездки я продолжил собирать литературу о пантовом оленеводстве Приморья: разыскал соответствующие публикации В. К. Арсеньева, В. Ю. Янковского, Н. А. Байкова и других известных авторов, в результате переписки с краеведами Приморья получил воспоминания оленеводов-практиков советского периода. В мою коллекцию попала даже книжка Н. А. Байкова «Изюбрь и изюбреводство», изданная в 1925 г. в Харбине. Весь 2011 г. я переписывался с руководителями действующих оленеводческих хозяйств Приморья, но общей картины состояния отрасли так и не смог установить.

В книге «У истоков пантового оленеводства России» (2014 г.) на основании собранных данных я описал историю охоты на пятнистого оленя и развитие отрасли до 1930 г. в этом удивительном крае. В 2018 г. в ходе подготовки к VII Всемирному конгрессу оленеводов, который прошел в г. Белокурихе на Алтае, я вновь связался с оленеводами-практиками Приморья и, к сожалению, выяснил, что там осталось только четыре хозяйства с общим поголовьем 1500 пятнистых оленей. На конгресс они не приехали. Видимо, возрождение пантового оленеводства как отрасли в Приморье уже не состоится.

В конце 2019 г. я решил, что будет правильно продолжить свое теперь уже виртуальное путешествие по Приморью и обработать накопившиеся материалы по развитию пятнистых оленей в этом удивительном крае после 1917 г., когда здесь содержалось в парках около 8000 животных.

В 1922 г. семья Ю. И. Янковского, владевшая на полуострове Сидеми (затем полуостров Янковского) самым крупным оленником в 1500 животных, бросила хозяйство и тайно перебралась в Корею. Так в 1922 г. в Приморье появилось первое государственное хозяйство «Хутор Сидеми».

О том, как это происходило, я узнал из материалов, собранных Александром Александровичем Ленским (Богоявленским), который является историографом первого в Приморском крае оленесовхоза «Сидеми».

Сначала немного о самом Александре Александровиче. Он родился в январе 1893 г. в с. Медведь Новгородской губернии в семье полкового священника А. Богоявленского. Получил хорошее домашнее образование, затем приобрел специальность землемера. Вначале работал в Главном переселенческом управлении в Петрограде, потом перебрался в Омск. Гражданская война забросила его в Приморье и заставила сменить фамилию на Ленского. С 1920 г. А. А. Ленский работал егерем в оленеводческой артели «Сосновые скалы». После национализации артели в 1929 г. его направили организовывать оленеводческое хозяйство на мыс Песчаный. С января 1934 г. он создавал оленесовхоз «Островной» на острове Рикорда. В военные годы возглавлял зверосовхоз «Путятин». Затем руководил оленесовхозом «Майхе». В 1945 г. создавал звероводческое хозяйство на Сахалине. Последним местом его работы стал оленесовхоз «Сидеми». На пенсии остался жить в с. Безверхово, где скончался в 1970 г., оставив после себя многочисленные архивные материалы и «Монографию оленесовхоза “Сидеми” с 1922 по 1967 годы».

А. А. Ленский пишет, что во время бегства в Корею Янковские на свой катер «Призрак» и баржу не смогли погрузить даже домашние ценности. Ю. И. Янковский успел отстрелять оленей-рогачей в немалом количестве и угнал за границу 60 хороших рысистых лошадей и 8 коров.

Губземуправление после отъезда Янковских описало 1200 оленей, 400 лошадей, 60 голов КРС, 11 свиней и много построек. Приказом № 19 от 17 ноября 1922 г. управляющий отделом народного хозяйства по Земельному подотделу г. Владивостока включил займку Янковских со всем имуществом в агрономическое отделение подотдела и назначил заведующим Сергея Федоровича Юрского [1].

В этом же году государственным хозяйством (госхозом) стал большой оленник на о. Рикорда, ранее принадлежавший Владивостокскому обществу любителей охоты [2].

В период НЭПа в Приморье как бы параллельно существовало старое частное пантовое оленеводство в крестьянских хозяйствах и оленеводство в госхозах.

В 1923 г., например, во Владивостоке на Семеновском базаре велась активная торговля лекарственными травами, желчью медведя, кабарговой струей (мускусом) и рогами оленей [3].

В 1923–1924 гг. с Дальнего Востока вывезено пантов на 65 тыс. руб., а в 1924–1925 гг. — на 299 тыс. руб. Рост произошел за счет пантов марала и изюбря из Западной Сибири.

А. Прудов писал в статье «Пантовые хозяйства», опубликованной в 1927 г. в журнале «Охотник», что в Приморской губернии работали в этом году оленеводческий госхоз «Сидеми» (1500 оленей) и госхоз «Рикорд» (150–200 оленей). Еще государству принадлежало 20 % в артельном оленеводческом хозяйстве «Сосновые скалы» (600–1000 оленей). Крестьянам-хуторянам принадлежало только около 500 оленей [5, с. 22].

Созданная в 1917 г. крупная оленеводческая артель «Сосновые скалы» (с. Андреевка) была к концу 1928 г. национализирована и передана в управление «Дальгосторгу». На ее основе затем был создан оленесовхоз «Гамов». В середине 1980-х гг. здесь было 400 работающих, более 10 тыс. га сельхозугодий, более 10 тыс. пятнистых оленей, 46 тыс. норок. В 90-е гг. XX века все рухнуло...

Тогда, в 1925–1930 гг., разведение пятнистых оленей в Приморье было выгодным делом. По расчетам агронома А. А. Грузита, наличие в хозяйстве семи пятнистых оленей, в том числе трех пантачей, позволяло получать в год 412 руб. чистого дохода [4]. Продажей пантов в эти годы за границу успешно занималась государственная организация «Дальгосторг», которая имела свое представительство даже на Алтае и контору в Харбине.

А. Прудов в статье «Пантовое хозяйство» писал в 1927 г.: «... Не подлежит однако сомнению, что развитие в крае оленеводческих хозяйств могло бы создать значительную отрасль местного хозяйства. В ближайшие годы нам придется приступить, наконец, к осуществлению мероприятий по охране и восстановлению наших промысловых ресурсов. Поэтому надо безотлагательно приступить к изучению всех тех способов, к которым прибегает само население, в лице своих передовых деятелей, для спасения от окончательной гибели промыслов, над которыми нависла угроза гибели» [5, с. 10].

В 1927 г. В. К. Арсеньев сделал письменный доклад Дальневосточному краевому комитету ВКП(б) об экономической эксплуатации края японцами, корейцами и американцами. После конфликта между Китаем и СССР на Китайско-Восточной железной дороге границу с Китаем закрыли.

К. Г. Абрамов в своей работе «Пятнистый олень» (1930 г.) еще рассматривал возможности развития коллективных хозяйств в оленеводстве Приморья, но во власти уже реализовывалась стратегия полной национализации оленеводческих хозяйств, причем, как теперь принято писать, на федеральном уровне.

Газета «Красное знамя» 14 октября 1930 г. опубликовала заметку «Пункт в Сидеми»: «Звероводческое хозяйство в Сидеми быстро развивается и привлекает внимание не только местных, но и центральных научных учреждений.

Олений парк в Сидеми имеет около 1800 пятнистых оленей. В апреле этого года в парке насчитывалось лишь 1550 оленей.

Недавно при совхозе открылся первый на Дальнем Востоке научно-исследовательский пункт по животноводству и оленеводству под руководством ветеринарного врача и преподавателя сельскохозяйственного института И. И. Миролубова.

Научно-исследовательский пункт широко развертывает свои работы в этой отрасли: строится опытный питомник, изучаются способы варки пантов, создается музей по оленеводству, где экскурсанты, приезжающие в Сидеми, могут детально познакомиться в этом делом.

В нынешнем году при сельскохозяйственном институте открылось отделение звероводства и оленеводства. Студенты этого отделения, с открытием научно-исследовательского пункта, будут отбывать свою производственную практику в Сидеми, изучая ведение оленеводства в парковом хозяйстве, а также в домашнем и открытом питомнике» [6].

На самом деле, по данным А. А. Ленского, в 1930 г. поголовье оленей в хозяйстве «Сидеми», которое в 1929 г. стало совхозом, насчитывало 1618 оленей. Вопрос о дате преобразования «Сидеми» из госхоза в совхоз для меня остается открытым. П. И. Никитиных писал в 1930 г., что в апреле 1929 г. Дальневосточное краевое земельное управление передало «Дальгосторгу» в аренду вместе с оленями и постройками несколько островов, в том числе полуостров Сидеми (1976 оленей), полуостров Гамова (2058 оленей), остров Римского-Корсакова (154 оленя) и остров Рикорда (330 оленей). П. И. Никитиных сообщает, что олени на о. Рикорда «принадлежали совхозу «Сидеми», но пишет он об этом в 1930 г. в период крупных структурных преобразований. Для управления арендованным хозяйством был создан «Пушносиндикат», подчинявшийся «Дальгосторгу». В его ведении оказалось 3958 оленей на сумму 372 184 руб. [7, с. 47].

К концу 1929 г. в Приморье насчитывалось только 6454 пятнистых оленя, в том числе:

- в хозяйствах Дальневосточного звероводного комбината «Пушно-синдикат» — 4728 голов (73,5 %);
- в системе охоткооперации — 150 голов (2,5 %);
- в Приморском зоопитомнике — 46 голов (0,5 %);
- в крестьянских оленеводческих хозяйствах — 1530 голов (23,5 %).

П. И. Никитиных отмечает, что «вследствие отсутствия единого и постоянного руководства их (хозяйств. — Н. Ф.) работой, отсутствия научных сотрудников и квалифицированного персонала и недостатка средств, хозяйства, в особенности "Сидеми", представляли весьма запущенный вид, постройки давно не ремонтировались, скот был запущен, надлежащей охраны оленьего парка не было. Так, только за одну зиму 1928 г. в парке "Сидеми" погибло оленей от волков по официальным данным Совхоза более ста голов» [7, с. 48].

Таблица 1

Численность оленей в хозяйствах Дальневосточного звероводного комбината «Пушно-синдикат» на 01.01.1930 [7, с. 52]

Название хозяйства	Количество оленей
«Сидеми»	1692
«Гамов»	2155
«Рикорд»	363
«Римский-Корсаков»	220
«Песчаный»	111
«Стенин»	20
«Пуятин»	167
Всего:	4728

Панты в эти годы стоили от 600 до 1500 руб., а годовой экспорт пантов из Приморья составлял 300 тыс. руб. [7, с. 54].

В 1930 г. государство ликвидировало «Госторг», и еще больше года ушло на закрытие его подразделений («Сибкрайгосторг», «Казахгосторг», «Дальгосторг»). Для управления оставшимися бесхозными после ликвидации «Госторга» оленниками в 1931 г. в стране в структуре Наркомата внешней торговли СССР был создан специализированный трест звероводства, кролиководства и пантового оленеводства «Союззверокроликовод». В Сибири его структура назвалась «Запсибзверокомбинат», а на Дальнем Востоке — «Дальзверокомбинат».

По сообщению М. П. Плотникова, на 1 мая 1932 г. Дальневосточный звероводный комбинат имел 6309 оленей:

- совхоз «Гамов» — 2491;
- совхоз «Сидеми» — 2028;

- совхоз «Рикорд» — 410;
- совхоз «Путятин» — 576;
- совхоз «Римский-Корсаков» — 197;
- совхоз «Майхе» — 371;
- совхоз «Песчаный» — 239 голов [8, с. 80].

Совхозами «Дальзверокомбината» в 1929 г. было продано 196 пар пантов на сумму 56 627 руб., в 1930 г. — 450 пар на 139 180 руб., в 1931 г. — 607 пар на 118 097 руб. В 1932 г. комбинат планировал продать 990 пар на 180 000 руб. при средней цене 500 руб. за пару пантов [8, с. 81].

И. И. Миролубов писал в 1934 г., что поголовье пятнистых оленей в Дальневосточном крае в 1933 г. распределялось таким образом:

- «Дальзверокомбинат» — 7931;
- «Дальинтегралохотсоюз» — 1788;
- заповедник «Кедровая падь» — 400;
- хозяйство «Судзухе» — 500,
- на воле ~ 1000–1500 голов [9, с. 57].

Таблица 2

Состояние зверосовхозов «Дальзверокомбината» на 1933 г. [9, с. 57]

Зверосовхозы	Олени (голов)		Площадь парка (га)	Площадь на 1 голову (га)
	всего	рогачи		
«Сидеми»	2514	664	2200	0,87
«Гамов»	3026	611	6000	2,0
«Путятин»	822	196	2100	2,5
«Майхе»	524	124	450	0,8
«Песчаный»	339	98	300	0,9
«Римский-Корсаков»	416	68	470	1,15
«Рикорд»	290	67	476	1,6
Итого:	7931	1896	11 995	-

Таблица 3

Статистика срезки пантов в совхозах «Дальзверокомбината» в 1929–1934 гг. [9, с. 58]

Год	Лобовые панты	Срезные панты
1929	67	129
1930	163	276
1931	146	416
1932	116	894
1933	140	1200
1934 (план)	150	1700

Таким образом, в структуре «Союззверокролиководы» в 1929–1934 гг. пантовое оленеводство постепенно приобретало черты государственной отрасли с выраженным экспортным потенциалом.

В 1933–1934 гг., по данным Л. П. Рященко, из совхозов Приморья в Шебалинский маралосовхоз на Алтае завезли 222 пятнистых оленя [10]. Такой эксперимент могло себе позволить только государство.

В январе 1935 г. исполнилось пять лет со дня организации научно-исследовательской станции пантового оленеводства, которой с момента образования руководил И. И. Миролубов. До 1933 г. станция содержалась на средства «Дальзверокомбината», а затем перешла в ведение ВНИИПО (Всесоюзный научно-исследовательский институт пушно-мехового и охотопромыслового хозяйства. — *Н. Ф.*) [11]. На 1 января 1935 г. на Дальнем Востоке помимо 8304 пятнистых оленей в совхозах еще 2000 оленей содержалось в колхозах края, таких как:

- «Амгинский рыбак» — 122;
- «Красный батрак» — 25;
- «Красный оленевод» — 297;
- «Ворошилов» — 54;
- «Посъетский» — 33;
- «Восток» — 73;
- «Буденовец» — 43;
- «Смычка» — 42;
- «Блюхер» — 6;
- «Успех» — 29;
- «Знамя партии» — 29;
- «Новый быт» — 19 оленей.

Правда, как и на Алтае, поголовье пантовых оленей в колхозах Приморья постоянно снижалось, и по данным на 1 января 1940 г., их развели уже только в пяти колхозах.

В начале 1937 г. пантовое оленеводство передали из Наркомата внешней торговли СССР в Управление оленесовхозов Народного комиссариата сельского хозяйства СССР (НКСХ СССР), которое в 1938 г. преобразовали в Трест оленесовхозов НКСХ СССР. Лабораторию пантового оленеводства в 1939 г. преобразовали в научно-исследовательскую лабораторию пантового оленеводства. Опорные пункты этой лаборатории остались на местах в с. Шебалино (Алтай) и в пос. Силинский (Приморье).

С 1935 г. в совхозы пантового оленеводства страны стали поступать молодые кадры зоотехников из ВНИИПО.

Совхозы Приморья в 1937 г. свою продукцию сдавали организации «Разноэкспорт».

Таблица 4

Сдача пантовой продукции «Разноэкспорту»
в консервированном виде за 1939 г.

Название совхоза	Лобовые панты, кг	Срезные панты, кг
«Гамов»	21,8	224,3
«Сидеми»	48,3	132,0
«Островной»	11,9	24,0
«Песчаный»	11,0	32,8
«Раздольненский»	19,8	45,8
«Майхе»	14,5	45,0
«Судзуке»	3,9	43,7
Итого:	131,2	547,6

А. А. Кравченко писал в 1986 г., что при детальном изучении развития оленеводства в Приморье можно выделить пять основных периодов:

- начальный — до 1922 г.;
- организационный — 1922–1930 гг.;
- совершенствование технологий разведения и содержания — 1931–1940 гг.;
- восстановительный — 1941–1960 гг.;
- консервативный — 1961–1980 гг. [12, с. 12].

Не буду спорить с автором, хотя мне трудно представить, как можно отнести 1941–1945 гг. к восстановительному периоду. На Алтае это были годы выживания пантового оленеводства.

А. А. Кравченко отмечал: «Тридцатые годы характеризуются значительным развитием оленеводства в крае. Увеличилось стадо оленей, особенно рогачей, но в его структуре на 1940 год еще преобладали оленухи. Заметно увеличилась продуктивность оленей» [12, с. 15].

Таблица 5

Динамика развития оленеводства в совхозах Приморского края
с 1930 по 1940 г. [12, с. 16–17]

Показатели	Годы				
	1930	1933	1935	1937	1940
1. Количество рогачей, в том числе в % к общему стаду	878 16,3	1468 21,7	2295 28,4	2788 38,8	3887 32,0
2. Количество оленух, в том числе % к общему стаду	2554 41,8	2850 42,4	2869 35,5	3024 35,5	4069 33,5
3. Средняя масса пантов рогачей, г	670	687	894	1052	1121
4. Выход приплода на 100 оленух, %	42,5	44,1	48,7	60,5	72,0
5. Площадь парка на одного оленя, га	н/д	1,0	н/д	1,5	0,7

«Анализ развития оленеводства этого периода показал, — писал А. А. Кравченко, — что с 1931 по 1940 год в отрасли произошли коренные изменения: улучшилось кормление и содержание оленей, внедрялись новые методы отбора рогачей — впервые начали оценивать самцов по бонитировочным классам» [12, с. 19].

Авторы работы «Биологические проблемы животноводства в XXI веке» писали в 2008 г. о пятнистых оленях в Приморье, что улучшение общей организации работы с ними позволило с 1932 по 1939 г. увеличить их поголовье на 72 %, а выход пантов — на 282 % [13].

Постановлением экономсовета при Совнарком СССР от 31.01.1939 № 69-см и приказом Наркомата совхозов СССР от 28.02.1939 в Приморском крае для управления совхозами пантового оленеводства была создана новая структура — трест оленеводческих совхозов «Приморский оленетрест» [14].

Вплоть до конца 1941 г. поголовье пантовых оленей в совхозах оленестреста выросло с 11 832 животных в 1939 г. до 13 237 животных в 1941 г., однако Отечественная война 1941–1945 гг. остановила развитие отрасли. Никто из специалистов оленеводства Приморья не оставил нам литературных данных о том, как работали здесь оленесовхозы в эти годы. Однако по архивным материалам Алтая я могу утверждать, что и в Приморье это были годы выживания, годы непосильного женского труда, который справедливо называть трудовым подвигом.

А. А. Ленский писал, например, что из трудового коллектива совхоза «Сидеми» уже 25 июня 1941 г. ушли в Советскую армию 24 молодых работника. Через некоторое время были мобилизованы еще 10 человек. Вернулось с фронта только 11 солдат-победителей.

Поголовье оленей в этом совхозе упало с 3995 животных на 01.01.1942 до 1837 животных на 01.01.1946. Восстановить поголовье удалось только в 1956 г.

Деловой выход телят в совхозе «Сидеми» в эти годы выглядел следующим образом: 1941 г. — 66,6 %; 1942 г. — 40,6 %; 1943 г. — 15,2 %; 1944 г. — 40,0 %; 1945 г. — 26,6 %.

Таблица 6

Анализ выхода пантовой продукции совхоза «Сидеми» в 1941–1945 гг. [1]

Показатели	Годы				
	1941	1942	1943	1944	1945
1. Выход срезной пантовой продукции (количество пар пантов)	980	1163	1075	815	798
2. Средний вес одной срезной пары пантов, г	1110	1103	749	781	740
3. Получено лобовых пантов	70	–	58	44	5
4. Деловой выход телят, %	66,6	40,6	15,2	40,0	26,6
5. Выход пантовой продукции, кг	1088	1283	760	638	590

П. В. Митюшов с соавторами писали в 1950 г., что в годы Великой Отечественной войны производственные показатели совхозов несколько снизились [15, с. 15]. Конечно, в отрасли были примеры очень хорошей работы в первые послевоенные годы. Эти же авторы рассказывают, что бригада Д. П. Фесенюка из совхоза «Майхе» (у других авторов «Мойхе»). — *Н. Ф.*) добилась в 1947 г. делового выхода приплода в количестве 91 головы на 100 оленух! Средний вес пантов в 1948 г. у этой бригады составил 1280 граммов [15, с. 15].

В целом же на восстановление отрасли в Приморье, как и на Алтае, ушло примерно 10 лет ударного труда.

После войны страна для восстановления народного хозяйства остро нуждалась в ресурсах, особенно валютных. В 1946 г. пантовое оленеводство из ведения Наркомата совхозов СССР вновь вернули Наркомату внешней торговли СССР.

Распоряжением СНК СССР от 7 февраля 1946 г. № 1533-р и приказом Наркомата внешней торговли СССР от 20 февраля 1946 г. № 54 на базе Приморского оленетреста был организован Дальневосточный трест звероводческих совхозов «Главзвероведа» Министерства внешней торговли СССР. «Дальзверотрест» занимался организационно-хозяйственным укреплением звероводческих и оленеводческих совхозов Приморского и Хабаровского краев, руководил их работой по производству продукции, сбыту и сдаче ее государству.

В это время с 1944 г. Главное управление звероводства в стране возглавлял Виталий Аристархович Афанасьев (1914–1981), который в 1935 г. окончил Всесоюзный зоотехнический институт пушного хозяйства, затем в 1941–1943 гг. воевал политруком и после ранения в 1943 г. был назначен директором оленесовхоза «Путятин» в Приморье. Однако в конце 1944 г. он стал начальником Главного управления звероводства Наркомата совхозов СССР. Этот выдающийся организатор и ученый 36 лет руководил звероводством в СССР, в 1969 г. стал доктором сельскохозяйственных наук, заслуженным зоотехником РСФСР, являлся кавалером семи орденов.

В пантовом оленеводстве Приморья были и другие руководители, известные на всю страну. Например, с 1941 по 1956 г. директором оленесовхоза «Майхе» работал Дмитрий Семенович Силин, в честь которого оленесовхоз затем назвали «Силинский».

«Дальзверотрест» в 1947 г. план по сдаче пантов государству выполнил на 103 %.

Сводный отчет сдачи пантов
оленесовхозами Приморья в 1947 г.

Панты, кг «Дальзверотрест»	Срезные от рогачей		Срезные от перворожек		Атава		Лобовые	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Итого:	2704	2845	111	361	320	202	85,5	170,9

Вместо плановых 3220 кг пантов было сдано продукции общим весом 3326 кг.

В оленесовхозе «Сидеми», например, в 1947 г. через панторезный станок было пропущено 906 голов рогачей, и средний вес пантов составил 1007 граммов. План совхоз выполнил на 107 %.

С сентября 1949-го по июнь 1957 г. «Дальзверотрест» подчинялся Главному управлению звероводства («Главзвероводу») Министерства совхозов СССР. В эти годы растущее поголовье оленей в совхозах испытывало огромную нехватку кормов, и выход был найден в организации пастьбы животных за пределами огороженных парков. Первый опыт такой загонной пастьбы рогачей пятнистых оленей был проведен в совхозе «Майхе» в 1950 г. В приморских совхозах под наблюдением Л. П. Рященко этот опыт стал активно внедряться с 1952 г.: приучение оленей начиналось обычно в конце зимы и производилось раздельно по группам (рогачи, оленихи, оленята). Легче всего обучению поддавались оленята. В «Майхе» для запарковой пастьбы готовились даже овчарки колли в качестве помощниц пастухам.

Из-за нехватки кормов в парках олени-рогачи летом в большом количестве убегали в тайгу, а в период гона, как правило, стремились вернуться назад. В оленесовхозе «Сидеми», например, ежегодная недостача оленей в этой связи выглядела таким образом:

- 1950 г. — 206;
- 1951 г. — 188;
- 1952 г. — 384;
- 1953 г. — 53;
- 1954 г. — 209 оленей.

В 1955 г. в этом совхозе вернулись в оленники 129 рогачей, в 1956 г. — 140 рогачей, в 1957 г. — 113 рогачей, но все они были уже с окостеневшими рогами, что принесло огромные потери для хозяйств. Отмечу, что с ростом числа новых оленников в совхозах и участвовавшими случаями потерь оленей запарковую пастьбу «Главзверовод» запретил.

С июля 1957-го по февраль 1961 г. «Дальзверопром» подчинялся Министерству сельского хозяйства РСФСР; с марта 1961-го по октябрь 1962 г. — Министерству совхозов РСФСР и Приморскому управлению совхозов; с ноября 1962-го по апрель 1965 г. — управлению звероводства и зверосовхозов Министерства производства и заготовок сельхозпродуктов РСФСР и краевому управлению заготовок и сельхозпродуктов; с апреля 1965-го по апрель 1972 г. — Главному управлению звероводства и зверосовхозов («Главзвероводу») вновь образованного Министерства сельского хозяйства РСФСР и краевому управлению сельского хозяйства [16].

Однако вернемся в 1950-е гг., когда оленесовхозы Приморья с трудом приближались к довоенным показателям. В 1954 г., например, «Дальзверопром» вместо плановых 7270 кг сырых пантов получил 7279 кг и вместо 2450 кг консервированных пантов по плану получил 2466 кг. План с трудом был выполнен на 100 %. Часть продукции «Дальзверопром» реализовывал организации «Союзхимэкспорт» для дальнейшего экспорта, а часть продавалась на отечественные фармзаводы.

Оленесовхоз «Майхе», например, в 1954 г. поставил 107 кг консервированных пантов «Союзхимэкспорту» и 20 кг пантов Киевскому филиалу Всесоюзного завода эндокринологии (Харьков). «Дальзверопром» в 1955 г. продал 490 пар пантов «Союзхимэкспорту», а 174 пары — в Киев. В 1955 г. «Дальзверопром» вместо 8082 кг пантов по плану сдал государству только 7440 кг (92 %). Поставки дальневосточных пантов государственным фармзаводам постепенно росли. В 1958 г. «Дальзверопром» поставил пантов фармзаводам:

- Дарницкому ХФЗ — 83 кг;
- Московскому ХФЗ — 309 кг;
- Хабаровскому ФЗ — 167 кг;
- Владивостокской фармфабрике — 156 кг.

По данным В. И. Гнеденкова, общее поголовье пятнистых оленей в 1958 г. составляло в Приморье 17 650 животных. Следующие пять лет поголовье росло ежегодными темпами 115, 120, 129, 138 и 147 % и достигло 26 000 животных. Это были очень высокие показатели роста стада [17, с. 58].

По данным А. А. Ленского, поголовье пятнистых оленей в оленесовхозе «Сидеми» в указанные годы менялось следующим образом:

- 1958 г. — 3892;
- 1959 г. — 4179;
- 1960 г. — 4601;
- 1961 г. — 4921;
- 1962 г. — 4921;
- 1963 г. — 5131;

- 1964 г. — 4313;
- 1965 г. — 4647;
- 1966 г. — 4816 оленей.

Наиболее значительно, по данным В. И. Гнеденкова, в совхозах Приморья росло поголовье молодняка, а число рогачей увеличилось только на 26 %. Их количество в 1959 и 1960 гг. даже снижалось. Ежегодно в эти годы выбраковывалось 6–9 % рогачей, а оленух — в 2 раза меньше. За эти пять лет из-за драк во время гона пало рогачей в 2 раза больше (2,9 %), чем оленух (1,4 %). В среднем за пять лет (1958–1963 гг.) недостача рогачей на конец года из-за ухода из парков составляла 4,6 % от их общего поголовья.

Выход телят в эти пять лет в среднем составил 44 %, а с 1930 по 1963 г. (исключая военные годы) он составлял 49,3 %.

Основные показатели в пантовом оленеводстве, отмечал В. И. Гнеденков, — это вес и качество пантов. Если в 1954 г. средняя пара срезных пантов весила 1076 граммов, то в 1963 г. — уже только 973 грамма, а в 1964 г. — всего 867 граммов. Количество пантов первого сорта снизилось с 80,7 % в 1954 г. до 66 % в 1964 г. [17, с. 58].

Убытки от пантового оленеводства в Приморье в 1963 г. составили 240 тыс. руб., в 1964 г. — 234 тыс. руб., хотя трест в этом году получил 1,7 млн руб. прибыли, в том числе 640 тыс. руб. сверхпланово.

Все это говорит об экстенсивном характере развития пантового оленеводства Приморья в эти годы. В. И. Гнеденков в заключение статьи написал: «Поголовье оленей к 1970 году можно удвоить и довести его до 50 тысяч, если расширить существующие оленеводческо-звероводческие хозяйства и организовать 3–4 новых совхоза. Богатые, еще не освоенные пастбища в пределах Приморского края вполне обеспечат оленеводство кормами» [17, с. 59].

Если такой подход к развитию отрасли выражал зоотехник-зверовод, начальник производственного отдела «Дальзверотреста», то экстенсивный характер развития становился неизбежным и в будущем.

В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 1 сентября 1972 г. № 559 и на основании приказа министра совхозов РСФСР от 20 сентября 1972 г. № 209 было организовано Всероссийское производственно-научное объединение звероводческой промышленности Министерства совхозов РСФСР — Зверопром РСФСР, в которое вошел Дальневосточный трест звероводческой промышленности («Дальзверопром») Приморского края [18].

Постановление Совета Министров РСФСР № 339 в основном определяло меры по ускоренному развитию пушного звероводства, в том числе и в оленеводческих совхозах Дальнего Востока.

В апреле 1975 г. Зверопром РСФСР, в том числе Дальневосточный трест звероводческой промышленности «Дальзверопром», был передан в подчинение Министерства сельского хозяйства РСФСР [19].

В эти годы список олене-зверосовхозов «Дальзверопрома» был следующим:

1. Оленесовхоз «Октябрьский» (Усурийский р-н);
2. Оленесовхоз «Кедровский» (Надеждинский р-н);
3. Оленесовхоз «Силинский» (г. Артем);
4. Оленесовхоз «Песчаный» (п/о Песчаный, г. Владивосток);
5. Оленесовхоз «Путятин» (о. Путятин, Партизанский р-н);
6. Оленесовхоз «Ольгинский» (Ольгинский р-н, пос. Веселый Яр);
7. Оленесовхоз «Пластунский» (Тернейский р-н);
8. Оленесовхоз «Славянский» (Хасанский р-н, пос. Славянка);
9. Оленесовхоз «Амурский» (бывший «Сидеми», Хасанский р-н);
10. Оленесовхоз «Гвоздецкий» (Хасанский р-н, с. Гвоздево);
11. Оленесовхоз «Гамов» (Хасанский р-н);
12. Оленесовхоз «Рубиновка» (Пограничный р-н);
13. Оленесовхоз «Валентиновский» (после тайфунов большая часть оленей ушла в заповедник «Лазовский», и совхоз ликвидировали).

Кроме этого, в «Дальзверопром» входили зверосовхозы, в которых разводили только пушных зверей:

1. Совхоз «Тавричанка» (Надеждинский р-н);
2. Совхоз «Филипповка» (Хасанский р-н);
3. Совхоз «Краскинский» (Хасанский р-н);
4. Совхоз «Реттиховский» (Черниговский р-н);
5. Совхоз «Партизанский» (г. Партизанск);
6. Совхоз «Шкотовский» (Шкотовский р-н);
7. Совхоз «Подгородненский» (г. Артем);
8. Совхоз «Мраморный» (Хасанский р-н).

В 1975–1980 гг. поголовье пятнистых оленей в «Дальзверопроме» составляло примерно 50 тыс. животных.

Оленесовхозы не подчинялись местным органам власти, за исключением райкомов КПСС.

Вся продукция у совхозов принималась на базе «Дальзверопрома» (ст. Седанка около Владивостока), где имелись склады материально-технического снабжения, гостиница и даже парк с дикими животными, в том числе с оленями. Здесь же располагались научно-исследовательская лаборатория пантового оленеводства и небольшая опытная звероферма.

На основании решения Приморского крайисполкома от 9 декабря 1982 г. № 999 в соответствии с совместным постановлением ЦК КПСС

и Совета Министров СССР от 24 мая 1982 г. было создано Приморское краевое агропромышленное объединение, в состав которого включен трест «Дальзверопром» [20].

В основные задачи «Дальзверопрома» входили организация производства пушнины на промышленной основе и племенной работы в звероводстве и пантовом оленеводстве, а также продажа продукции государству.

В структуре «Дальзверопрома» выделялись следующие отделы: общий, производственный, капитального строительства, планово-финансовый, отдел кадров, бухгалтерия.

В соответствии с приказом Госагропрома РСФСР от 18 апреля 1988 г. № 357 и Агропромышленного комитета Приморского края от 24 мая 1988 г. № 287 Дальневосточный трест звероводческой промышленности реорганизован в производственно-научное объединение по звероводству «Дальпушнина» [21].

В августе 1992 г. ПНО «Дальпушнина» было реорганизовано в акционерное общество закрытого типа «Дальневосточная акционерная компания “Дальпушнина”».

В мае 1999 г. АОЗТ «ДВАК “Дальпушнина”» ликвидировано.

В Государственном архиве Приморского края хранится ликвидационный баланс «Дальпушнины» за 1999 г. [22].

Я вспомнил свое путешествие во Владивосток и историю пантового оленеводства в Приморье, чтобы еще раз попытаться ответить на вопрос: было ли исчезновение этой отрасли объективным процессом или это ошибки конкретных людей в трудный период развития страны? Казалось бы, какая теперь разница, но ведь трудные периоды в нашей стране имеют традицию повторяться, и необходимо уметь делать правильные выводы из ошибок прошлого на будущее, чтобы не наступать на грабли дважды.

Еще раз отмечу, что разговор с бывшим руководителем «Дальпушнины» не произвел на меня в 2008 г. впечатления, так как в нем я почувствовал какую-то отстраненность и отсутствие переживаний за потерю оленеводческой отрасли в Приморье.

Более трагичным было решение властей Приморского края акционировать пантовое оленеводство в крупное объединение, а не отпустить совхозы в самостоятельное рыночное плавание. Примерно в эти же годы (1989–1991 гг.) я работал заместителем председателя Бийского горисполкома по экономическим вопросам и в 1990 г. занимался приватизацией, в том числе трех городских объединений: «Горпромторга», «Продтоваров» и «Общепита». Руководители этих объединений очень хотели акционировать свои магазины и столовые под «общим крылом», но мне удалось тогда убедить свое руководство и краевых руководителей при-

ватизировать каждый магазин и столовую г. Бийска в отдельное самостоятельное частное предприятие и каждому из них дать шанс на успех. До сих пор я вспоминаю об этом с удовольствием, так как жизнь подтвердила правильность этого решения.

Занимаясь 25 лет бизнесом, вместе с мараловодами Алтая я с тревогой наблюдаю, как периодически у чиновников возникает желание централизовать продажу пантов под крышей «своего» предпринимателя. Пока владельцы маралохозяйств не поддаются на подобные инициативы, так как еще помнят негативный опыт 1998 г.

Вот уже два года в Алтайском крае проходит объединение сельскохозяйственной науки в большой многоотраслевой научный центр, в котором все бывшие самостоятельные институты превращаются в отделы. Отделами же становятся и крупные опытные сельхозпредприятия. Как бы я хотел ошибиться, но результаты будут, скорее всего, плачевными.

Библиографический список

1. Ленский А. А. Монография оленесовхоза «Сидеми» с 1922 по 1966 г. (неопубликованная работа).
2. Грузит А. А. Оленеводство в Приморье // Приморье: его природа и хозяйство. — Владивосток, 1923.
3. Высоцкий К. К. Над головой — тайга. — Хабаровск, 1973.
4. Грузит А. А. Разведение и содержание пятнистого оленя в крестьянском хозяйстве // Приморская деревня. — 1926.
5. Прудов А. Пантовые хозяйства // Охотник. — 1927. — № 2.
6. Газета «Красное знамя» от 14 окт. 1930 г.
7. Никитиных П. И. Оленеводческие и звероводческие хозяйства пушного синдиката на Дальнем Востоке // Пушное дело. — 1930. — № 6.
8. Плотников М. П. Северное и пантовое оленеводство. — Хабаровск, 1933.
9. Миролубов И. И. Современное состояние и пути развития пантового оленеводства в Приморье // Вестник ДВ филиала АН СССР. — 1934. — № 1 (8).
10. Рященко Л. П. Пантовое оленеводство в Приморском крае. — Владивосток, 1976.
11. Миролубов И. И. Пять лет работы ДВ научно-исследовательской станции по пантовому оленеводству и звероводству // Вестник ДВ филиала АН СССР. — 1935. — № 12.
12. Кравченко А. А. Отбор в пантовом оленеводстве. — Уссурийск, 1986.
13. Эрней Л. К., Зиновьева Н. А. Биологические проблемы животноводства в XXI веке. — Москва, 2008.
14. Государственный архив Приморского края (ГАПК). — Ф.р-322. — Оп. 2. — Ед. хр. 384. — Л. 4.
15. Митюшов П. В., Любимов М. П., Новиков В. К. Пантовое оленеводство и болезни пантовых оленей. — Москва, 1950.
16. ГАПК. — Ф.р-26. — Оп. 33. Ед. хр. 491. — Л. 71–76.
17. Гнеденков В. И. Пантовое оленеводство в Приморье // Сельскохозяйственное производство в Сибири и на Дальнем Востоке. — 1965. — № 6.
18. ГАПК. — Ф.р-26. — Оп. 33. — Ед. хр. 172. — Л. 46, 52об.
19. ГАПК. — Ф.р-194. — Оп. 11. — Ед. хр. 479. — Л. 1, 27–28; Ед. хр. 518. — Л. 52, 59.
20. ГАПК. — Ф.р-26. — Оп. 37. — Ед. хр. 240. — Л. 222.
21. ГАПК. — Ф.р-194. — Оп. 13. — Ед. хр. 139. — Л. 7–12.
22. ГАПК. — Ф.р-194. — Оп. 4. — Ед. хр. 12.

2.2 ПОЕЗДКА В ЮЖНУЮ КОРЕЮ И МИРОВОЙ РЫНОК ПАНТОВ

В марте 2013 г. я приехал в Барнаул к Александру Петровичу Попову, чтобы на следующий день рано утром поехать в Новосибирск и улететь на несколько дней в рабочую командировку в Южную Корею. А. П. Попов первым из мараловодов Алтая стал продавать без посредников панты на рынке этой страны, имел способности к языкам и к этому времени обходился в подобных поездках без переводчика. Он отлично водит машину, и мы быстро и без хлопот добрались до Новосибирска.

Пока летели, я вспоминал, что был уже в этой красивой стране несколько раз. Впервые в 1998 г. меня пригласил в совместную поездку сюда Валерий Владимирович Репников из с. Усть-Кокса, который в это время был одним из ведущих продавцов пантов в Южную Корею. Это теперь мне известно, что в этой относительно небольшой по размерам стране проживает более 51 млн человек. Горная часть территории при этом составляет 70 %. Средняя зарплата корейцев — более 3300 долларов США в месяц, а ВВП на душу населения — более 40 тыс. долларов США в год. Тогда же меня поразили необычная и вкусная еда, посещение национальной деревни под Сеулом, удивительный рынок оздоровительной продукции из природного сырья под необычным названием Джеги Донг с бесконечными аптеками, лавками и микропроизводствами. Здесь можно на одном месте получить диагноз у врача народной медицины, заказать по его рецепту «лекарство» у аптекаря и при желании дождаться его приготовления.

Джеги Донг — самый знаменитый и самый большой рынок лекарственных растений в Южной Корее. Здесь не просто продаются лечебные травы, а это один из туристических объектов в Сеуле, где расположено свыше 1000 магазинов и лавок, клиник народной медицины, аптек. Здесь продается 70 % лекарственных растений, реализуемых в Корее. Огромное разнообразие трав и растений можно купить по оптовым ценам, при этом предлагаются существенные скидки покупателям, которые хотят получить лечение методами восточной медицины. От женьшеня до солодки и полыни можно найти на этом рынке, а продавцы хорошо осведомлены обо всех травах и могут дать совет по приготовлению и применению лекарственных средств. Другие магазинчики на рынке специализируются на переработке трав в лекарственный препарат по просьбе клиента. Многие доктора азиатской медицины размещают свои клиники поблизости от рынка, что делает этот район одним из лучших для пациентов, нуждающихся в лечении. Здесь представлена в большом разнообразии также и пантовая продукция. Наши мараловоды почему-то иногда называют этот рынок по названию метро Чегидон.

В 2004–2008 гг. у меня было еще несколько рабочих командировок в составе делегации Республики Алтай для участия в выставке продукции из России. Совместно с Сергеем Ильичом Огнёвым мы искали новые связи для сотрудничества.

И вот 25 марта 2013 г. я вновь лечу в Сеул с А. П. Поповым и напряженно думаю о том, удастся ли за семь дней командировки получить новые знания о пантовом рынке Южной Кореи, которые помогут нам в дальнейшей работе.

Наши мараловоды-практики почти всегда привозят достаточно противоречивую информацию о корейском рынке, да еще в интересах своего бизнеса не всегда стремятся поделиться ею с коллегами.

До 1990 г. у СССР с Южной Кореей не было дипломатических отношений. Российские панты попадали сюда через Японию. Мало кто знает, что в 2019 г. исполнилось 155 лет с момента добровольного переселения большого количества корейцев в Россию на Дальний Восток. Советская власть принудительно переселила в свое время с Приморья в свои среднеазиатские республики более 172 тыс. трудолюбивых и очень лояльных к русским корейцев. Это была одна из крупных ошибок в стратегии освоения Дальнего Востока.

Наши ученые и экспортные государственные организации с большим опозданием стали делать попытки изучения мирового рынка пантов.

Директор Центральной научно-исследовательской лаборатории пантового оленеводства (ЦНИЛПО, Горно-Алтайск) В. С. Галкин в своей статье «Перспективы пантового оленеводства» (1977 г.), например, вообще не касается вопросов мирового рынка пантов, хотя именно в 1970-е гг. в Новой Зеландии, как джин из бутылки, с помощью корейских инвесторов появилось пантовое оленеводство — в этой маленькой стране, да еще и специально под корейский рынок [1].

В 1983 г. в отрасли отмечалось 50-летие ЦНИЛПО, и В. С. Галкин в материале «Пантовое оленеводство: достижения и перспективы» говорит о проблемах отрасли как о сугубо внутреннем деле [2].

Только в 1984 г. В. С. Галкин на материалах Международной конференции по биологии оленей и продукции оленеводства (февраль 1983 г.) описал в статье «Разведение оленей в Новой Зеландии и других странах» историю развития пантового оленеводства в Новой Зеландии, Китае, Австралии, США и отдельных странах Европы. Тогда впервые появилась информация, что пантовое оленеводство помимо пантов производит товарную оленину. В Китае, например, вся оленина перерабатывалась в тонизирующие препараты [3].

В 1988 г. сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского конъюнктурного института, кандидат экономических наук С. Кузьмин в специальном материале обратил внимание на то, как активно развивается мировой рынок мяса диких животных, особенно оленины [4].

Таким образом, непосредственно перед переходом российского пантового оленеводства к рыночным отношениям ученые отрасли стали только присматриваться к быстро растущему мировому рынку, но не более того. Однако затем по каким-то причинам практически на 15 лет мировое пантовое оленеводство совсем исчезло из поля зрения наших ученых.

Перед поездкой в Корею я просмотрел внимательно опубликованную в 2004 г. монографию В. Г. Луницына «Пантовое оленеводство России», в которой среди 1205 литературных источников отечественных авторов не было ни одного материала, посвященного анализу мировой отрасли пантового оленеводства, хотя к этому времени мараловоды Алтая уже 15 лет являлись частью этого рынка. Не нашел я тогда никакой информации и о корейском рынке пантов.

В. Г. Луницын в своей 580-страничной монографии посвятил этому вопросу два абзаца и, ссылаясь на зарубежные источники 1996 г., отметил, что уже в 1996 г. Новая Зеландия стала обладать 40 % мирового поголовья пантовых оленей. При этом новозеландский экспорт в этом году составлял следующие цифры:

- оленина — 143,7 млн;
- панты — 52,1 млн;
- шкуры — 13,4 млн новозеландских долларов.

На 4,5 тыс. новозеландских оленеводческих ферм содержалось уже 1,5 млн пантовых оленей. Из 490 тонн сырых пантов, произведенных в 1996 г. этой страной, 64 % было экспортировано в Южную Корею и 30 % в Гонконг [5].

Стало совершенно очевидно, что к 2005 г. основным устойчивым потребителем 75–80 % мирового объема пантов стала Южная Корея, но об особенностях этого рынка кое-что знали только алтайские экспортеры пантов.

Ученых, занимающихся проблемами в данной отрасли, эта тема как будто вообще не интересовала. Ежегодно с их участием обсуждался с разной степенью активности только вопрос о том, что мараловоды Алтая не умеют назначать цену за панты и продажи необходимо централизовать. Мы даже не хотели признаться себе, что цены на панты в рыночной экономике — это двухсторонний процесс, где главную роль всегда играют покупатели пантов, у которых, кстати, появлялся все больший выбор...

Вопреки всему на экономику пантового оленеводства на Алтае обратили внимание экономисты «со стороны». В 2000 г. первым кандидатскую диссертацию «Методические основы разработки стратегических решений: на примере хозяйств пантового оленеводства Республики Алтай» защитил нынешний ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, профессор Сергей Николаевич Бочаров, кото-

рый установил, что в пантовом оленеводстве Алтай отсутствует идеология стратегического управления как на уровне отрасли в целом, так и на уровне отдельных хозяйств. В диссертации он предложил схему механизма разработки стратегических решений для мараловодческих хозяйств.

В 2006 г. диссертацию по теме «Повышение эффективности развития пантового оленеводства (на материалах хозяйств пантового оленеводства Республики Алтай)» защитил автор этой книги. Будучи практиком с 15-летним опытом работы в бизнесе, я постарался, во-первых, теоретические обобщения сделать на основе 10-летних практических работ сотрудничества с мараловодческими хозяйствами и, во-вторых, всю работу над диссертацией выполнить в тесном контакте с ВНИИПО (в частности с В. Г. Луницыным). В противном случае можно было не рассчитывать на признание работы в отрасли. В рамках работы над диссертацией и дальнейшего внедрения ее выводов были подготовлены и опубликованы следующие издания:

1. Фролов Н. А. Повышение эффективности развития пантового оленеводства Республики Алтай : монография. — Барнаул, 2005. — 145 с.

2. Луницын В. Г., Фролов Н. А. Экономическая эффективность пантового оленеводства и способы ее повышения : научно-методические рекомендации. — Барнаул, 2005. — 68 с.

3. Фролов Н. А., Луницын В. Г. Пантовые препараты (приоритет в сфере инноваций в пантовом оленеводстве). — Барнаул, 2007. — 112 с.

4. Фролов Н. А., Четошникова Л. А. Методические рекомендации по исчислению экономической эффективности пантового оленеводства. — Барнаул, 2007. — 45 с.

5. Фролов Н. А., Луницын В. Г. Методические подходы оценки социально-экономического эффекта глубокой переработки сырья в пантовом оленеводстве : методические рекомендации. — Барнаул, 2009. — 35 с.

Спустя 14 лет после защиты диссертации можно признать, что если ее положения о необходимости и подходах к развитию отечественного рынка пантовой продукции в целом еще реализуются, то предложения по методам повышения экономической эффективности деятельности мараловодческих хозяйств как бизнес-единиц упали в пустоту. Нужно было предпринять очень много усилий по внедренческой работе хотя бы в двух-трех хозяйствах, но ни времени, ни авторитета у меня тогда для этого не было.

Постепенно я переключился на вопросы экономической истории пантового оленеводства, где было практически чистое поле для исследовательской работы, но общего интереса к мировому рынку пантов не утратил...

В июле – августе 2010 г. в Китае состоялся V Международный оленеводческий конгресс. Прошел он в провинции Цзилинь (г. Чанчунь). Я проявил инициативу, чтобы от Алтая на конгресс попала делегация из четырех человек в составе С. И. Огнёва, А. П. Попова, В. Г. Луницына и М. Н. Дочиловой. Я решил, что лучше будет, если вместо меня на конгресс поедет моя дочь, хорошо владеющая английским языком, и не ошибся.

Открытие конгресса состоялось 27 июля 2010 г. в Международном лекционном зале Цзилиньского сельскохозяйственного университета. В церемонии открытия участвовали члены администрации города и Цзилиньской провинции.

В рамках конгресса было организовано посещение выставки продукции оленеводства, производимой в провинции Цзилинь, где кроме оздоровительной продукции и продуктов питания из сырья пятнистого оленя были представлены изделия из рогов пятнистого оленя, чучела оленей, лосей и ланей, настольные игры из «пеньков» оленьих рогов (типа шашек) произведенные мастерами из компании Beijing Antler International Trade Co. Ltd. На столах лежали всевозможные поделки из оленьих рогов, подвески, ремни, столовые приборы и косметические инструменты.

Оздоровительная продукция, представленная на выставке, была произведена в том числе и компаниями JiChun Pharmaceutical Group, Inner Mongolia Dasheng Bio-Technology Co. Ltd, Jilin Dongfeng Pharmaceutical Co. Ltd., Jilin Jianlong Company Ltd. и др. Среди нескольких десятков наименований можно было выделить три большие группы продуктов: подарочные наборы «Золотая серия», капсулы из пантов оленя, различные вина.

1. Подарочные наборы «Золотая серия» — классические подарочные наборы в дорогостоящей упаковке из дерева, стоимость которых достигает иногда 1000 долларов США. Они являются гордостью оленеводческой промышленности Китая. Для производства продуктов этой серии используются передовые технологии и самое лучшее сырье — так называемые «сливки» пятнистого оленя: панты, пенис, мужская половая железа, эмбрион и т. д.

2. Капсулы из пантов и крови оленя (в том числе в сочетании с женьшенем) — при изготовлении этой продукции используются импортное оборудование, современные технологии низкотемпературной сушки, технологии ультрамелкого измельчения и т. д., что способствует лучшему усвоению этих препаратов организмом человека. Главное предназначение данной продукции — улучшение качества жизни человека.

3. Вина и оздоровительные ликеры созданы по современным технологиям, но основаны на старинных рецептах. Сырье получено от пятнистого оленя, обитающего в полустепных природных условиях. В то же

время данные продукты богаты природными компонентами и имеют в составе редкие лекарственные травы.

Поскольку продукция оленеводства исторически относится к классу «люкс», все представленные на выставке наименования, включая слайсы и даже конфеты, упакованы в яркую и дорогую упаковку. Часто встречаемое сочетание — это флакон + подарочная коробка + подарочный пакет.

Также на выставке были представлены замороженные панты азиатского оленя-вапити (китайцы называют его «малу») необыкновенных размеров.

На следующий день после докладов и обеда состоялось посещение крупнейшего в Чанчуне предприятия по разведению оленей и производству готовой продукции в Сипин Сити, где для участников конгресса был организован торжественный прием. В начале приема прошла церемония награждения некоторых зарубежных гостей за личный вклад в развитие оленеводства и сотрудничества с КНР. Потом был показан короткий фильм о компании Siping Breeding Deer Farm Co., Ltd. Ферма была образована в 1971 г. и считается крупнейшей в Китае по разведению пятнистого оленя и в то же время ведущим сельскохозяйственным промышленным предприятием провинции Цзилинь. Предприятие носит титул «образцово-показательной фермы, соответствующей стандарту КНР». За высокоэффективное ведение фермерского хозяйства и современные технологии переработки сырья из пятнистого оленя и оленя-вапити Государственным советом Китая компании был присужден «второй приз Национального научно-технического прогресса». Пятнистые олени, разводимые в Сипин Сити, были официально зарегистрированы государством как новый подвид оленя (скорее всего, речь идет о гибриде, который появился в результате скрещивания самки пятнистого оленя и самца вапити). Серия продуктов оленеводства этой компании признана «Национальным профилактическим продуктом», на выставке продукции оленеводства она завоевала золотую медаль.

В 2010 г. оленеводческая ферма имела 1060 га огороженных пастбищных земель, 3900 кв. м, обнесенных забором, и более 3200 голов оленей высокой категории. Совмещение методов пастбищного и стойлового разведения значительно улучшило конечное качество сырья. Предприятие объединяет в себе компанию, ферму и фермера, что нацеливает оленеводов провинции на получение прибыли, способствует развитию оленеводческой промышленной цепочки и вносит значительный вклад в экономическое развитие провинции Цзилинь.

Фармацевтическое производство компании, по наблюдениям, является одним из лучших в регионе и работает в соответствии со стандартами GMP.

В рамках конгресса делегация осмотрела одно из местных фермерских хозяйств. Кормят оленей дробленой кукурузой и прошлогодним ку-

курузным фуражом. Кукурузу, кстати, салят практически везде, где это только возможно, даже в оврагах. Вдоль проезжей дороги — одни кукурузные поля, лишь кое-где можно увидеть островки рисовых плантаций. В корм животным также добавляются комбикорма промышленного производства в готовых пакетах (возможно, это какие-то добавки для роста). Пастбищ в этом оленеводческом хозяйстве не видели, олени содержатся под открытым небом в загонах с кирпичными стенами.

После посещения фермы поехали на экскурсию в компанию, которая изготавливает настойки на оленьих рогах. Экстракция из порошка сухих рогов производится углекислым газом.

Следующая остановка — оленеводческая ферма в деревенской местности. Достаточно большая территория, большие по площади, чистые загоны, вокруг огорожены зеленые пастбища. По словам хозяина фермы, 90 % оленей находятся на огороженных пастбищах, 10 % — в загонах.

Можно сделать вывод, что мелкие компании Китая, как правило, специализируются или на разведении оленей, или на консервации пантов, или на производстве. Совмещать и то и другое могут себе позволить только крупные передовые компании.

Вечером этого же дня на поезде ночным рейсом делегация выехала в Далянь, куда ее для переговоров пригласил местный предприниматель Энди Чанг.

Энди родился в Тайване, его отец — доктор традиционной китайской медицины. Таким образом, Энди — представитель второго поколения покупателей пантов. Его компания была основана в сентябре 2003 г. и специализируется на «синтетической» обработке пантов. Компания занимает площадь 3741 кв. м, состав сотрудников — 25 человек. Оборудование: несколько автоматических и полуавтоматических машин, включая большие по объему морозильные камеры объемом 100 т, работающие при температуре минус 18 °С, пять комплектов низкотемпературных сушильных машин, два комплекта объемных вакуумных сушильных машин (производства Германии и Тайваня), работающих при температуре 13 °С, электрическая печь, машина по нарезке пантов, машина по нарезке пантов на слайсы, оборудование для таблетирования, бойлер. Компания постоянно приглашает для сотрудничества специалистов из Новой Зеландии, Канады, США и Южной Кореи для проведения инструктажа и обсуждения профессиональных вопросов. Технология переработки, разработанная в компании, позволяет значительно сократить время консервации пантов, что дает возможность в сравнительно короткий промежуток времени превратить замороженные панты в консервированный продукт с учетом потребностей рынка. В то же время компания занимается глубокой переработкой побочной продукции оленеводства, включая пантовые слайсы, пантовый порошок, плаценту, пенисы, хвосты и др.

Компания Энди имеет возможность ежегодно перерабатывать около 240 т замороженных пантов, но реальный объем переработки — всего 120 т. Причины, по словам руководителя компании, — низкая добавочная стоимость (10–20 %), высокие цены на панты. Покупает в основном новозеландские панты среднего размера в замороженном виде (говорит, что они самые дорогие) и консервированные панты местного пятнистого оленя (так как они популярны в Китае). Российские панты не покупает, поскольку они «слишком большого размера».

По словам Энди, производство сырых пантов в мире выглядит следующим образом: Новая Зеландия ежегодно производит около 400 т; США и Канада — около 100 т; Китай — 150 т; Россия — 150 т; Австралия — 20 т; Казахстан — 15 т; панты северного оленя из России и Аляски — около 150 т; монгольский карibu дает около 2–3 т; Аргентина и Чили — вместе около 5 т. Покупателями являются Китай, Гонконг, Тайвань (все вместе закупают 60 %) и Южная Корея (40 %).

Новая Зеландия — всего около 2500 ферм. У новозеландских пантов средний вес одной пары — 4 кг, а у перворожков — всего 0,25 кг. В прошлый сезон 40 % всего объема пантов продали в Китай, хотя раньше все основные продажи шли в Корею. Китай постепенно перетягивает корейскую долю на себя.

Австралия — всего около 60 тыс. голов оленей (в основном благородный олень и вапити, немного ланей). На одной крупной австралийской ферме содержится половина всего поголовья страны — 30 тыс. голов. В среднем на фермах около тысячи голов.

Всего в мире разводится 5 млн оленей, в основном в Новой Зеландии, Китае (включая Тайвань) и России. Основная причина экономических потерь в отрасли — туберкулез.

В Китае, в отличие от большинства других стран, используются одновременно и традиционная консервация пантов, которая похожа на российскую технологию, и их замораживание. В определенных целях наряду с традиционными пантами применяются и обескровленные.

Таким образом, в 2010 г. дочь привезла мне с конгресса информацию из неофициальных источников о состоянии мирового пантового оленеводства на тот период.

Однако давайте вернемся в самолет на наш рейс Новосибирск — Сеул 25 марта 2013 г. Полет подходил к концу, а я с сожалением думал, что опять лечу в страну, о которой мало что знаю. Население этой трудолюбивой высокообразованной республики еще в 2007 г. превышало 51 млн человек. Почти 70 % территории занимают горы, вполне пригодные, кстати, для разведения пантовых оленей. ВВН на душу населения — один из самых высоких в мире (41,4 тыс. долларов США в год). В Южной Корее

Семь дней в Приморье

Бедой оленепарков приморья является леопард. 2008 г.

ООО «Пантопроект» на выставке во Владивостоке. 2008 г.

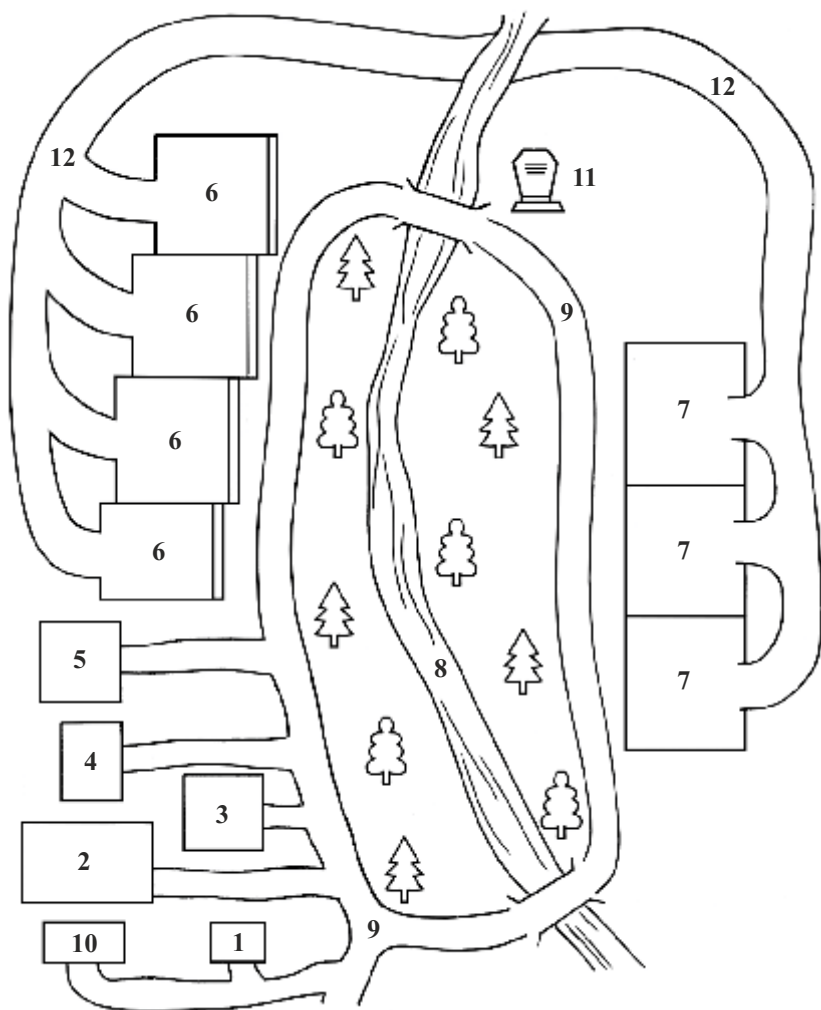

А. Н. Худенко – владелец хозяйства, оленевод. 2008 г.

На полуострове Сидеми от 4816 оленей в 1966 г.
остались только столбы парков

Поездка в Южную Корею

1 Домик оленеводов	5 Ангар для кормов	9 Дорога в оленнике
2 Стоянка техники	6 Площадки содержания оленей	10 Гостиница
3 Столовая на 130 мест	7 Площадки для выгула оленей	11 Семейное кладбище
4 Цех для напитков из пантов	8 Ручей	12 Коридор для прогона оленей

Схематическое изображение оленника г. Ю-Хван Чанга в провинции г. Канвондо Южной Кореи. Схему подготовил О. И. Пуш

Посещение фермы Siping City, Китай

Содержание оленей в Китае

Н. А. Фролов и А. П. Попов на оленеферме в Южной Корее

Председатель ассоциации оленеводов Южной Кореи Ю-Хван-Чанг с гостями из России

Один день в Туве

Маралы в госпромхозе Туран. 1970-е гг.

Алтайские маралы в новом маральнике. 2015 г.

Первые панты

Создатели нового маралхоза Туран из с. Верхний Уймон

Мои экспедиции к В. С. Галкину

Тов. *ГАЛКИН*

Валентин Семенович

За Ваши заслуги в области
животноводства

Президиум Верховного Совета РСФСР

Указом от *28 декабря 1973 года*
присвоил Вам почетное звание

**ЗАСЛУЖЕННОГО
ЗООТЕХНИКА РСФСР**

Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР

(М. Яков)

Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР

(X. Нисиков)

официально существуют две ветви медицины — традиционная народная и современная. В народной медицине очень дорогими компонентами являются панты и женьшень. Вот и вся информация...

В аэропорту г. Сеула нас встретил многолетний партнер А. П. Попова по бизнесу господин Канг Джонг Сонг, который щедро посвятил нам все свое время и обеспечил встречи во всех интересующих нас организациях. Благодаря его стараниям поездка оказалась очень насыщенной.

Важнейшей нашей задачей было непосредственно в Южной Корее понять основные тенденции в развитии мирового рынка пантов и в частности выяснить, что представляет собой пантовое оленеводство в этой стране. Мы считали это очень важным для более правильного осмысления современного состояния корейского рынка пантов.

Интересным и содержательным оказалось наше двухдневное общение с председателем Ассоциации оленеводческих хозяйств Южной Кореи господином Ю-Хван Чангом. Вначале он очень доброжелательно принял нас в офисе ассоциации и рассказал, что разводить оленей здесь начали в 1950-е гг. Как отрасль, пантовое оленеводство оформилось с 1990 г.

Теперь оленей выращивают во всех провинциях:

- вапити — 15 тыс. голов (25 %);
- европейский олень — 9 тыс. голов (15 %);
- пятнистый олень — 36 тыс. голов (60 %).

Продуктивность оленей по их видам следующая:

- вапити — 11 кг сырых пантов с рогаца;
- европейский благородный олень — 4 кг;
- пятнистый олень — 1 кг.

Если в 2002 г. в отрасли содержалось более 200 тыс. оленей, то в 2013 г. их количество снизилось до 60 тыс.

Разведением оленей занято 5 тыс. ферм! Средняя ферма содержит 11 оленей, но есть фермы с поголовьем в 1000 оленей. В ассоциации нам сказали, что в год производится 180 тонн сырых пантов (мы насчитали 130 тонн). В любом случае это много. Оленеводы продают на внутренний рынок:

- 1) панты сырые;
- 2) разные виды готовой продукции из пантов;
- 3) услуги по посещению оленников;
- 4) питание и проживание туристов на оленеферме;
- 5) сувениры.

Мы услышали, что порогом окупаемости на ферме является содержание 20–40 голов в зависимости от вида оленя.

Ассоциация оленеводов к 2013 г. существовала уже 39 лет и была представлена во всех провинциях страны (всего 38 ответвлений). У ассо-

циации хороший офис в Сеуле и несколько сотрудников, и она тесно сотрудничает с профильным министерством Правительства Южной Кореи. Ежегодно с 20 по 30 июля в разных городах проводится конкурс пантов, на который выставляются неокостеневшие рога весом не менее 14 кг. В 2012 г. такой фестиваль проходил в городе Сувоне. Министерство сельского хозяйства и ассоциация награждают победителей конкурсов своими премиями.

В стране издается специальный отраслевой журнал для оленеводов, и его президент господин Сьонг-Пил Хи присутствовал на встрече с нами.

Оленеводы Южной Кореи свою продукцию и услуги продают только на своем рынке в объеме 50–80 млн долларов США ежегодно. Для сравнения: российские мараловоды экспортируют в эту страну пантов в стоимостном выражении в 10 раз меньше.

На следующий день по приглашению господина Ю-Хван Чанга мы вместе поехали на его ферму в провинцию Канвондо. Он очень удивился, когда я рассказал ему, как в XIX веке охотники этой провинции голыми охотились на оленей и добывали их живыми без всякого оружия. Живописная дорога по холмистой, по нашим меркам, местности пролетела незаметно, и мы оказались на ферме с 300 оленями-вапити (мне показалось не больше 200 голов). В маленькой избушке оленеводов нас угостили корейским завтраком, а затем мы пешком долго осматривали оленник, расположенный в тесном ущелье.

Олени-вапити содержатся в небольших огороженных загонах, куда им подвозят корм и воду. Поилки сделаны из разрезанных вдоль пластиковых бочек. Периодически оленей перегоняют в выгульные площадки на склоне горы. Все расположено очень компактно. Деревья внутри выгульных площадок обернуты металлической сеткой, чтобы их не грызли олени. Станка для срезки пантов нет, так как рогачей обездвигивают специальным препаратом и затем снимают панты.

Летом на ферму с ознакомительными целями приезжает до 300 человек одновременно. Помещение для питания имеет 160 посадочных мест. Большой цех перерабатывает все панты в тонирующие напитки, которые продаются прямо на ферме. Своих пантов не хватает, поэтому их покупают дополнительно.

Президенту ассоциации Ю-Хван Чангу во время нашего посещения было 65 лет. В верхней части маральника он показал семейное кладбище, где похоронена его мама. На меня это произвело сильное впечатление.

После обеда мы посмотрели обанкротившуюся молочную ферму, которую Ю-Хван Чанг купил под второй оленник. Здесь у него уже находилось 10–15 рогачей. При стойловом содержании оленей адаптировать молочную ферму под оленник большого труда не составляет. Под

большими впечатлениями от увиденного мы вернулись в гостиницу уже поздно вечером.

В этой поездке нас официально принял в своем офисе вновь избранный президент экспортеров и оптовых продавцов пантов в Южной Корее господин Тай-Хван Ан. Он рассказал, что рынок этой страны ежегодно потребляет примерно 200 тонн консервированных пантов. Основными поставщиками являются:

- Новая Зеландия — 500 т сырых пантов (две срезки);
- Россия — 45 т консервированных пантов;
- Канада и США — 100 т сырых пантов (в основном контрабанда);
- Китай — 45–50 т консервированных пантов;
- Австралия — 20 т консервированных пантов;
- Южная Корея — 20–30 т сырых пантов;
- Казахстан — 5 т консервированных пантов.

Почти все панты в Новой Зеландии, Канаде, США, Австралии, как отметил господин Тай-Хван Ан, консервируются теперь в Китае или Южной Корее. Практически все эти панты затем используются в лечебных целях. У оптовых покупателей панты в основном в слайсах покупают 12 тыс. клиник народной медицины.

Мы, кстати, во время этой поездки побывали в двух таких клиниках, которые показались мне очень похожими на наши небольшие физиоотделения. С пантами в Южной Корее работают 15–20 тыс. докторов и их количество постоянно увеличивается. Развито обучение молодых врачей у опытных специалистов, в том числе внутри семьи. Около 30 % таких врачей практикуют в Сеуле. Корейские медики лучшими считают российские панты, хотя по качеству консервации они уступают новозеландским.

На одну порцию отвара для клиента используется 4–5 граммов пантов, а на курс лечения — 75 граммов.

В двух фирмах мы посмотрели производство слайсов из пантов — все очень просто. Однако корейцы никогда не отдадут нам эту часть работы с пантами, так как за этим технологическим переделом прячется очень высокая добавленная стоимость и, скорее всего, возможность смешивать наши панты с другими.

Самое ценное биологически активное сырье как растительного, так и животного происхождения у корейцев ассоциируется с Сибирью и обязательно указывается на этикетках. Врачи, чтобы не купить подделку, даже через таможенную проверяют, откуда оптовик привозит панты, но, видимо, помогает это не всегда.

Через города Далянь и Гонконг, по словам корейских экспортеров, в Китай попадают контрабандные панты из Канады, которые «превращаются» в русские и новозеландские. И это при том, что экспорт пантов из России в Китай почему-то запрещен.

В этой поездке нам посчастливилось побывать в корейском институте традиционной медицины, который тогда был расположен в одном из корейских кластеров, примерно в 200 км от Сеула. Нам подробно рассказали о деятельности института, показали музей. Оказывается, в этом институте подробно изучают даже старинные манускрипты народной медицины, чтобы использовать накопленные данные в работе над созданием современных препаратов. С большим интересом осмотрели мы музей традиционной медицины в г. Сеуле, который поразил размахом и качеством экспозиций.

По итогам поездки у нас сложилось общее мнение. Во-первых, после 2010 г. стало очевидным активное формирование объединенного корейско-китайского рынка, потенциал которого — не менее 500 тонн консервированных пантов в год. В основе этого объединенного рынка лежат различные предпочтения китайцев и корейцев в использовании рогов разных видов пантовых оленей и разных частей пантов. Китайцы, например, до сих пор выше ценят панты пятнистого оленя, а корейцы — панты марала.

Верхушки пантов (tips) охотнее скупают богатые китайские покупатели по цене 1800–2000 долларов США за килограмм. Эта часть панта составляет 5–10 % всего веса панта.

Средняя часть панта по цене 600–700 долларов, как правило, перерабатывается в слайсы и продается в клиники народной медицины. Это составляет 50–60 % веса панта. Оставшаяся часть пантов (комель) по цене 400–500 долларов за килограмм идет на приготовление готовых форм продуктов, содержащих экстракт или порошок пантов в напитках, капсулах, мазях, кремах и т. п. Это еще 35–40 % веса панта.

Готовые формы продуктов с пантами сильно распространены в Корее и Китае. Предпочтение им чаще отдает молодое поколение, которое в силу возраста и образования, в том числе на Западе, удобство иногда ценит выше лечебного эффекта.

Консервация пантов почти вся теперь находится в Китае и Южной Корее. Это очень важно для полного совместного контроля над пантовым рынком Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, по наблюдениям А. П. Попова, количество предпринимателей, работающих с пантами в Южной Корее, постепенно сокращается, и на первый план выдвигаются молодые, но уже состоятельные китайские бизнесмены, которые, скорее всего, будут в этом альянсе старшими партнерами. Пример такого делового партнерства мы наблюдали в этой поездке. Нам сообщили, что в корейской ассоциации 40 предпринимателей занимаются оптовыми продажами пантов и только 10 из них являются их импортерами.

Ассоциация собирается раз в два месяца, и в неформальной обстановке ее члены обсуждают вопросы работы с таможенной и налоговой инспекцией, а также с производителями пантов. По обсуждаемым вопросам они договариваются о согласованном поведении на рынке. У китайцев умение договариваться между собой также очень развито. У нас нет!

Мне врезались в память слова господина Ю-Хван Чанга о том, что мировой рынок заметно меняется, но поведение алтайских продавцов пантов остается прежним. Российский пантовый бизнес стоит на месте. Нам деликатно сказали, что качество консервации алтайских пантов не улучшается, и только из-за этого новозеландские панты вплотную по цене «подошли» к российским. Ю-Хван Чанг высказал мнение, что эффективным продажам алтайских пантов не способствует большое количество продавцов. Он посоветовал сконцентрировать продажи пантов «через одну дверь». Такой подход для меня является спорным.

Мы не привезли из этой поездки для себя готовых рецептов по улучшению эффективности пантового оленеводства на Алтае, но очевидной была необходимость продолжать работу в этом направлении. Я написал эти строки в феврале 2020 г., а актуальность проблемы только возросла за прошедшие после поездки семь лет.

После посещения музеев в Южной Корее я окончательно утвердился в мысли, что ответы на сегодняшние проблемы и вызовы в отрасли необходимо искать в истории появления и развития пантового оленеводства на Алтае. С 2014 по 2018 г. мне удалось выпустить следующие работы по истории пантового оленеводства:

1. Фролов Н. А. У истоков пантового оленеводства России. — Барнаул ; Бийск, 2014. — 328 с.
2. Из истории исследования и развития мараловодства на Алтае. XVIII — начало XX в. : сборник документов. — Барнаул, 2014. — 224 с.
3. Фролов Н. А. Социально-экономический портрет мараловодов до-революционного Алтая. — Бийск, 2015. — 212 с.
4. Фролов Н. А. Пантовое оленеводство Алтая после 1917 г. — Бийск, 2018. — 536 с.

Работу по исследованию истории мараловодства в России я совмещал с развитием производства продукции из пантового сырья и созданием частного Музея алтайского марала, который мы показали гостям VII Всемирного конгресса оленеводов, состоявшегося на Алтае в г. Белокурихе (август — сентябрь 2018 г.). Признаюсь, я рассчитывал на то, что подготовку к конгрессу удастся превратить в коллективное выявление слабых мест в отрасли и выработку мероприятий по ее дальнейшему развитию на Алтае. По целому ряду причин мои ожидания не оправдались, но это уже другая история.

Библиографический список

1. Галкин В. С. Перспективы пантового оленеводства // Охота и охотничье хозяйство. — 1977. — № 7. — С. 8–9.
2. Галкин В. С. Пантовое оленеводство: достижения и перспективы // Охота и охотничье хозяйство. — 1983. — № 11. — С. 1–2.
3. Галкин В. С. Разведение оленей в Новой Зеландии и других странах // Охота и охотничье хозяйство. — 1984. — № 1. — С. 43–45.
4. Кузьмин С. Мировой рынок мяса диких животных // Охота и охотничье хозяйство. — 1988. — № 2. — С. 28–29.
5. Луницын В. Г. Пантовое оленеводство России. — Барнаул, 2004. — 582 с.

2.3 ОДИН ДЕНЬ В ТУВЕ

Работая над книгой «У истоков пантового оленеводства России» (2014 г.), я, как мог, на основании литературных источников описал историю появления мараловодства в современной Туве, которую еще в начале XX века называли Урянхайским краем. Однако оставалось какое-то чувство неудовлетворенности, которое поддерживалось новыми отрывочными данными о дальнейшей судьбе мараловодства здесь в советский период.

В январе 2014 г. неожиданно в Правительство Тувы переехал работать близкий мой товарищ Сергей Ильич Огнёв. Начиная с конца 2014 г. он стал настойчиво приглашать меня и председателя Союза мараловодов Сибири, директора маралохозяйства «Курдюм» Александра Петровича Попова приехать к нему, посмотреть хотя бы «одним глазом» природу Тувы и познакомиться с процессом создания маральника недалеко от г. Турана. А. П. Попов сказал, что приглашениями друзей пренебрегать нельзя, и рано утром 17 мая мы с ним и моим коллегой по работе Е. Борисенко выехали из Бийска в Туран. Пока ехали по Алтаю, успели обсудить все свежие новости и ожидания от нашего путешествия.

После Кемерово дорога стала утомлять своим однообразием, и я начал вспоминать, что уже знаю о мараловодстве в Туве. Почему-то вспомнилась встреча в 2010 г. с В. В. Путиным, который в то время был Председателем Правительства РФ. Он молча выслушал мои аргументы в пользу целебных свойств продукции из пантового сырья алтайского марала и, как мне теперь кажется, с небольшой иронией спросил: «А что, тувинский марал, например, чем-то отличается от алтайского?» Интуитивно я понял, что не стоит вступать в дискуссию и начинать рассказывать, что в Туве нет парковых маралов. Однако так было не всегда...

Марал исторически был очень распространен в Урянхайском крае и являлся привлекательным объектом охоты для коренного населения. Об этом наглядно «говорят», например, петроглифы. Урянхайцы были с древних времен очень умелыми охотниками на этого прекрасного зверя, очень ценили его одновременно как объект охоты особого значения и культового поклонения. Они до сих пор придерживаются мнения, что умершего тувинца в мир предков уносит на рогах своих именно марал.

Урянхайские охотники, возможно, даже раньше алтайских охотников узнали у китайцев ценность пантов марала. Известно, что тувинцы-таджинцы уже в середине XIX века активно торговали пантами с китайцами через монголов-дархатов. В начале XX века ежегодно ради пантов в Туве добывалось 2–3 тысячи маралов-рогачей.

Русско-тувинская торговля неофициально существовала с начала XIX века, но после 1860 г. крестьяне из Усинского пограничного округа Енисейской губернии стали активно проникать в Туву для постоянного проживания и хозяйствования. Одним из первых официальное право вести хозяйство в Туве получил знаменитый минусинский купец Г. П. Сафьянов. По его примеру в долине реки Туран стали селиться и русские крестьяне. Один из них — Григорий Фунтиков — считается первым мараловодом Тувы...

Уже в сумерках мы еще раз созвонились с С. И. Огнёвым, который настойчиво советовал не ехать ночью по горным перевалам. Тем не менее мы решили, что будем двигаться дальше, и попросили подстраховать с гостиницей в г. Туране.

Перевалы проехали в полной темноте без каких-либо сложностей. Нам было не привыкать двигаться по горным дорогам Алтая, да и мой коллега по работе Е. Борисенко, казалось, совсем не знал усталости за рулем. Пришлось и мне проехать по ночной дороге...

В три часа ночи после непрерывных двадцати часов пути мы, наконец, заехали в г. Туран, основанный еще в 1885 г. как первое русское поселение в Туве...

В 1889 г. хакасский ученый Н. Ф. Катанов обнаружил здесь семь семей общей численностью 35 человек. Все они занимались земледелием, охотой, ловили рыбу, которой было очень много. У Григория Ивановича Фунтикова были маралы [1, с. 4].

В 1896 г. переселившийся в Туран из Усинска Г. И. Фунтиков имел здесь уже большой пятистенный дом, амбар, баню и скотные дворы. Семья из восьми человек обрабатывала 15 десятин земли, держала 4 лошади и 3 коровы. Сенокосы семьи составляли также 15 десятин. Хозяин семьи был охотником и еще держал 6 маралов, от которых получал 300 руб. «дохода» в год. По переписи 1895 г. в Туране мараловодством занимались шесть человек из 23 хозяйств: С. Ф. Потелицын (3 марала), К. В. Макаров (1 марал), Г. И. Фунтиков (6 маралов), Ф. Д. Шелепин (1 марал), А. Н. Бяков (7 маралов), И. Н. Бяков (6 маралов).

Кстати, из этих 23 хозяйств три семьи — Мамонтовы, Казанцевы, Огнёвы — были переселенцы из Уймонской инородческой управы Бийского уезда Томской губернии.

В конце XIX века панты в Туве, по словам А. М. Африканова, составляли самую выгодную статью торговли и ценились от 3 до 5 быков или 50–90 овец за одну пару рогов в зависимости от их качества и размера.

В 1897 г. в маральниках Урянхайского края содержалось уже до 500 оленей. В. М. Родевич в своем описании Урянхайского края за 1912 г.

сообщал, что здесь «в плену» всего до 1000 маралов. Достаточно подробные сведения о развитии мараловодства Тувы перед 1917 г. содержатся в работе В. И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы XIX — начала XX веков» (1956 г.). В своей книге «У истоков пантового оленеводства России (2014 г.) я, опираясь на данные этого исследователя, как мог, рассмотрел развитие мараловодства Тувы до 1917 г.

Повторю только, что в 1916 г. у русских поселенцев в шести районах Тувы содержалось 1015 голов маралов, в том числе:

- в Турано-Уюкском районе — 744 марала;
- Малоенисейском районе — 141 марал;
- Тоджинском районе — 91 марал;
- Улуг-Хемском районе — 25 маралов;
- Элегестинском районе — 12 маралов;
- Кемчинском районе — 2 марала.

К 1917 г. в Туве появились крупные предприниматели мараловоды:

- Р. В. Вавилин — 150 самцов-маралов;
- А. П. Сафьянов — около 100 маралов;
- Г. П. Сафьянов — 95 маралов;
- А. Ф. Сафьянова — 134 марала;
- М. Ф. Медведев — 36 маралов;
- К. Ф. Шелепин — 35 маралов;
- П. Г. Шелепин — 25 маралов.

В то же время до 70 % общего поголовья маралов содержалось у крестьян в маральниках по 5–15 оленей [2, с. 104].

Мараловодством занимались в Туве только русские поселенцы. Мараловодство хорошо вписывалось в природно-климатические условия горной территории Тувы и имело все возможности для его перспективного развития на долгие годы.

Те же англичане в начале XX века всерьез прорабатывали возможность создания огромного маральника на территории Тувы. Об этом в своем докладе «Урянхайский край в связи с помещением торгового и промышленного капитала для эксплуатации его естественных богатств» писал инженер Порватов, участник четырех экспедиций в Туву в 1905–1911 гг.

Утром 18 мая мы проснулись рано, чувствовали себя бодрыми, как будто не было длинного пробега на сильном, но жестком пикапе L-200. Позавтракали вчерашними запасами и стали ждать, когда поедет из г. Кызыла С. И. Огнёв. Я продолжал вспоминать, что известно из литературных источников о дальнейшем развитии мараловодства в Туве...

Все изменилось после Тувинской революции 1921 г. В ходе Гражданской войны первыми были разграблены крупные хозяйства. Маральник Вавилина, например, по данным М. И. Скобеева, был полностью разрушен, и вся изгородь его длиной свыше четырех верст расхищена. По его же словам, «часотка и бескормица окончательно подорвала мараловодческие хозяйства».

Г. Д. Махоткин на заседании промыслово-охотничьей секции Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока 10 декабря 1926 г. докладывал о состоянии мараловодства в Туве следующие цифры:

- 1917 г. — 504 марала;
- 1918 г. — 676 маралов (40 маральников);
- 1919 г. — 522 марала;
- 1920 г. — 348 маралов;
- 1921 г. — 498 маралов;
- 1922 г. — 400 самцов-маралов;
- 1923 г. — 362 самца-марала;
- 1924 г. — 602 марала;
- 1925–1926 гг. — 637 маралов.

В 1925 г. в Танну-Тувинской республике «туземные хозяйства» имели 8 маралов.

Тот же М. И. Скобеев отмечал в 1925 г., что условия для мараловодства стали «весьма неблагоприятными»: и маралы, и маральники как земельные участки стали облагаться большим госналогом, очень высоким подушным госналогом обложили и самих мараловодов. К 1930 г. частное мараловодство в Туве прекратило существование.

На основе маральников Вавилина и Медведева новые власти создали «экономию», которую позже преобразовали в государственное сельскохозяйственное предприятие (госхоз) «Уюк», имевшее преимущественно мараловодческое направление, но вскоре маралов распродали, и госхоз стал заниматься другими видами деятельности. В Бийском оленетресте, созданном в 1937 г., существовал только маралосовхоз «Усинский» из соседнего с Тувой региона. Тува мараловодство как отрасль потеряла.

В г. Туране, по данным Т. Н. Галкиной из Института археологии и этнографии СО РАН, как память, во многих домах остались на окнах деревянные наличники с символическими рогами, которые служили своеобразным оберегом от дурного глаза и несчастий, а также считались символом благосостояния построивших их домохозяев.

Утром подъехал С. И. Огнёв, и уже вместе мы начали рабочий день с посещения краеведческого музея г. Турана. С его директором Т. Е. Ве-

решагиной я уже был знаком заочно: обращался к ней по телефону с просьбой помочь материалами по мараловодству Тувы, и она прислала очень интересные воспоминания о том, как ловили маралов для содержания в неволе. Теперь представилась возможность встретиться с этой умной энергичной женщиной — краеведом и журналистом. К сожалению, не было времени посмотреть музей подробно. Сделали фото, и я подарил в музей свою книгу «У истоков пантового оленеводства России».

По дороге в новый построенный маральник, расположенный недалеко от Турана, мы узнали от С. И. Огнёва, что ручей на перевале между городами Абаканом и Тураном называется «Оленья речка», что в Туве есть поверье: когда человек умирает, то в мир предков его переносит марал на своих рогах. Потом А. П. Попов рассказывал Сергею Ильичу о новостях с Алтая, а я жадно листал подаренную мне Т. Е. Верещагиной книжку «Туран. Первое русское поселение в Туве» (2014 г.).

Оказывается, в советское время парковые маралы в Туве не совсем исчезли и какое-то время их разводили в Сыстыг-Хемском госхозе Тоджинского района. С 1962 г. здесь содержалась маралоферма с небольшим стадом оленей, которых в 1972 г. передали в госпромхоз «Туранский». Еще 50 маралов это хозяйство купило в Усинском маральнике Горно-Саянского совхоза из Красноярского края.

В 1970 г. при госпромхозе «Туран» в 28 км от центральной усадьбы (г. Туран) в живописном месте под названием вершина Турана на площади 1200 га открыли маралоферму. Потом убедились, что место было не самым удачным для маральника, но в лучшие годы здесь было до 400 маралов. Панты до 1990 г. продавали на Хабаровский химфармзавод. Приватизация госхоз не коснулась, но выживать хозяйству в 1990-е гг. становилось все труднее.

В 1996 г. маралоферма насчитывала всего только около 200 оленей, новым директором был назначен Сергей Васильевич Кривопуск, который стал управлять муниципальным предприятием как собственным. К 2000 г. в маральнике процветали запустение и пьянство, а оленей оставалось всего 137 голов. Коллектив вступил в открытое противостояние с директором: в феврале 2001 г. ему было выражено недоверие, в марте ревизия выявила недостачу 34 оленей (более 108 тыс. руб.), в мае появилось открытое письмо Представителю Президента в СФО Л. В. Драчевскому, но директор оставался непотопляем. Только в августе 2004 г. очередная проверка выявила недостачу денежных средств в размере 730 тыс. руб., числящихся за С. В. Кривопуском, и его наконец убрали.

К этому времени ГУП «Маралхоз “Туран”» окончательно развалилось и 10 октября 2006 г. официально обанкротилось по решению суда.

Статья Т. Е. Верещагиной «Куда ушел марал?» была опубликована 20 декабря 2000 г., и шесть лет органы власти Тувы ничего не смогли сделать для сохранения единственного в республике государственного мараловодческого хозяйства.

Вскоре мы двумя машинами заехали в новый маральник. Здесь все радовало глаз: новенькая парковая изгородь из оцинкованной сетки, станок для срезки пантов и комплекс для их консервации, новые помещения для проживания мараловодов. В парке паслись маралы, завезенные с Алтая.

Заметна была нервозность среди работающих здесь людей: устранялись последние недоделки перед торжественным открытием маральника и первой срезкой пантов, в которых должен был принять участие знаменитый земляк тувинцев — министр обороны Российской Федерации С. К. Шойгу.

С. И. Огнёв сразу стал заниматься своими делами, а мы с А. П. Поповым обнаружили, что рядом с маральником спешно достраивался оздоровительный комплекс, оформленный в национальном стиле, с гостиницей и помещениями под пантовые ванны. Как человек, проработавший в бизнесе к этому времени 22 года, я сразу задумался о том, как же можно обеспечить окупаемость, и пришел к выводу, что даже при очень хорошем уровне управления потребуется не менее пяти лет для выведения оздоровительного комплекса и маральника на самоокупаемость. Вот только где взять кадры для такого уровня управления?

Правда, для строительства парковой изгороди и мараловодческого комплекса С. И. Огнёв пригласил опытных строителей из Республики Алтай. Подготовкой мараловодов занимался высокопрофессиональный мараловод из Верхне-Уймонского маральника А. Ф. Бочкарев. Но эти люди приехали в Туву не навсегда. С такими сомнениями мы вернулись в г. Туран, чтобы пообедать и съездить на экскурсию в г. Кызыл. Дорога в столицу Тувы показалась мне очень красивой, а когда сверху открылся вид на Кызыл на берегу Енисея, то просто дух захватило от впечатлений.

Уже вечером во время ужина С. И. Огнёв рассказал нам, что познакомился с Председателем Правительства Республики Тыва Ш. В. Кара-оолом в начале лета 2013 г. в Горном Алтае. Тогда высокому гостю, кроме прочего, показали Карымский маральник с гостиницей, пантовыми ваннами и готовой продукцией на основе пантового сырья. Скорее всего, руководитель хозяйства Д. Топоренко нарисовал гостю большие перспективы и выгоды от развития мараловодства, и Ш. В. Кара-оола это впечатлило.

Уже 20 июня 2013 г. глава Республики Тыва организовал совещание с повесткой «О перспективах развития пантового оленеводства на территории Республики Тыва». Поучаствовать в совещании был приглашен министр сельского хозяйства Республики Алтай, доктор сельскохозяйственных наук С. И. Огнёв. На совещании было решено срочно разработать региональную

целевую программу «Развитие пантового оленеводства в Республике Тыва на 2013–2017 гг.», которая уже в июле была утверждена.

В конце 2014 г. С. И. Огнёв, уже не работающий в Правительстве Республики Алтай, вдруг получил сообщение от Ш. В. Кара-оола о назначении его заместителем главы Республики Тыва по вопросам сельского хозяйства и природопользования.

С 8 января 2014 г. сразу после утверждения в должности С. И. Огнёв приступил к работе на новом месте и стал персонально отвечать за реализацию программы возрождения мараловодства в Республике Тыва. В марте 2014 г. сетевое информационное агентство «Тува-онлайн» рассказало всей стране в статье «Возрождение мараловодства в Туве — основа для создания лечебных препаратов», что к концу 2017 г. в Туве будут созданы два мараловодческих хозяйства с общим поголовьем 1296 оленей и производством одной тонны пантов в год. Это же агентство сообщило 1 марта 2014 г., что в созданное в рамках программы ГУП «Мараловодческое хозяйство “Туран”» из племзавода «Абайский» (Республика Алтай) успешно завезли 121 мараленка и 61 маралуху.

В планах было огородить территорию для 1000–1200 маралов с перспективой создания племзавода, туристического оздоровительного комплекса и цеха по изготовлению продукции из пантового сырья.

Интересно, как отреагировали на появление первых маралов скептики этого проекта. Один из них написал в интернет-сети: «Слушайте, наверное, я сплю, глаза закрою, но вижу. Состоялось, к удивлению, невероятное, но самое для нас всех очень приятное и нужное. Это же поистине возрождение мараловодческой фермы Тувы из пепла! Несмотря ни на что!!! Теперь все остальное уже позади, и ни к чему обиды. Я лично удивлен и поражен, соответственно прошу у Шалвана Валерьевича и членов правительства РТ, лично у С. Огнёва прощения за необъективные свои высказывания, недоверие и подозрения во всех грехах. Хотелось бы сказать немало хороших и благодарных слов в Ваш адрес, но от волнения и удивления, думаю, прежде надо прийти в себя. Поэтому прошу всех вас (Ш. В., Огнёва и других) просто извинить меня, как последнего подлеца. Вам всем удачи, успехов и благополучия. Простите».

Еще днем во время осмотра маральника мы узнали, что открытие комплекса переносится на вечер 20 мая, и мы сообщили С. И. Огнёву, что не будем дожидаться официальных мероприятий и утром 19 мая будем возвращаться домой на Алтай.

Сергей Ильич нашел время проводить нас, и, передав ему большое количество образцов пантовой продукции для подарков, мы на хорошей скорости двинулись в обратный путь. На перевалах еще лежал снег, но А. П. Попов не испугался и искупался в ледяной воде в бурной речке. У меня же хватило духу только сделать фото этого купания.

Кстати, отец Александра Петровича — Герой Социалистического Труда, бригадир мараловодов из Карагая, Петр Фатеевич Попов, уже в зрелом возрасте постоянно принимал холодные ванны в ледяной воде реки Карагай. Как-то вместе с ним в реку залез один из корейских покупателей пантов и сразу же серьезно заболел.

Днем, когда мы проезжали Хакасию, наше внимание привлекли многочисленные, вертикально стоящие камни в степи, образующие могильные захоронения. На Алтае я рассматривал скифские курганы за с. Балыктыюль в Улаганском районе и «царский курган» около с. Сентелек в Чарышском районе, но здесь «Долина Царей» просто поразила своими размерами и величием степи. Под впечатлением мы добрались до озера Шира, без проблем переночевали в одной из гостиниц и на следующий день вернулись в г. Бийск.

Через несколько дней я узнал, что торжественные мероприятия 20 мая 2015 г. из-за плохой погоды оказались несколько скомканными, но 6 июня все-таки первая срезка состоялась, и сделал ее сам глава Республики Тыва Ш. В. Кара-оол. На момент срезки в маральнике было уже 125 «пантачей»: 65 взрослых самцов и 60 «перворожек».

Прямо в маральнике глава республики поставил перед Минсельхозом и Минфином Тувы задачу по выходу на рентабельное предприятие, которое должно не «висеть на бюджете», а само зарабатывать деньги.

Когда летом 2015 г. С. И. Огнёв переезжал вновь на Алтай, поголовье маралов составляло 570 оленей. Сергей Ильич успел пригласить на работу директором ГУП «Мараловодческое хозяйство “Туран”» с Алтая бывшего директора очень крупного мараловодческого хозяйства СПК «Абайский» Анатолия Кимовича Тунтушева. Это было сильное кадровое решение.

На 15 октября этого же года поголовье маралов в ГУП «Маралхоз “Туран”» составило 630 оленей: 63 марала-рогача, 66 маралух и 501 голова молодняка. На такое стадо уже приходилось закупать корма в Красноярском крае.

В начале 2016 г. делегация из Минсельхоза Тувы была у нас в Бийске на ООО «Пантопроект», изучала опыт по переработке пантового сырья и знакомилась с Музеем алтайского марала.

По сообщению агентства «Тува-онлайн», на 26 февраля 2016 г. маралохозяйству «Туран» Минсельхоз России присвоил статус генофондного предприятия.

В июне 2016 г. панты снимали уже у 300 рогачей. По замыслу властей Тувы хозяйство «Туран» должно включать в себя племенной маральник, производство по переработке пантового сырья, изготовление сувенирной продукции и туристическо-оздоровительный комплекс с пантовыми ваннами.

В начале февраля 2017 г. при маралохозяйстве «Туран» начала принимать первых туристов этническая деревня. Поголовье маралов составляло уже около 700 оленей. Готовилось производство бальзамов, экстрактов

и минеральной воды. В июле этого года пресса сообщала, что в маралхозе «Туран» организованы условия для конных и велосипедных прогулок, принятия пантовых ванн и массажа. Еще в 2011 г. С. И. Огнёв обсуждал с главой Тувы возможность строительства асфальтированной дороги до маральника «Туран», и в ноябре 2017 г. благодаря усилиям Ш. Кара-оола такая дорога стоимостью 247 млн руб. была закончена. Это, конечно, было сильное решение, способствующее дальнейшему развитию туристических возможностей маралохозяйства «Туран».

К январю 2018 г. маралохозяйство «Туран» посетило около 200 иностранных туристов и более 500 человек из регионов России. В 2018 г. планировалось развитие лыжной базы, катка для катания на коньках, маршрутов на горных велосипедах и т. п. С апреля этого года начались туры выходного дня для школьников «Знакомство с мараловодством». На маральнике стали проходить практику студенты Тувинского сельхозтехникума.

В ноябре 2018 г. появилась информация, что в маралхозе «Туран» стали использовать жидкий пантогематоген, бальзам «Туран» и порошок для приема пантовых ванн.

ГУП «Маралхоз “Туран”», с одной стороны, стало многопрофильным мараловодческим хозяйством. Стадо маралов, по данным на август 2019 г., составило уже 808 голов: 272 рогача, 303 самки, 233 головы молодняка. В срезку этого года заготовлено 855 кг сырых пантов. С другой стороны, продуктивность одного рогача составила 3,14 кг сырых пантов — это очень низкий показатель эффективности мараловодства, не позволяющий пока приближаться к самоокупаемости маралхоза «Туран». При такой продуктивности рогачей с ростом стада расходы на его содержание будут все больше опережать доходы от продажи пантов. Потенциал переработки пантовой продукции и оздоровительного туризма не способен перекрыть этот разрыв.

Единственный выход из ситуации — это пойти на решительную выбраковку стада и неминуемое временное сокращение общего поголовья. Следует сначала выбраковать из стада всех рогачей с продуктивностью 3 кг пантов и менее, а затем 3,5 кг и менее. При относительно слабых возможностях кормовой базы в маральнике гораздо выгоднее держать 200 рогачей с продуктивностью 5 кг сырых пантов на голову, чем 272 рогача с продуктивностью 3,14 кг. Такой же подход необходимо обеспечить по отношению к перворожкам и самкам.

Строгая селекционная работа в сочетании с хорошим кормлением — это единственный путь дальнейшего развития ГУП «Маралхоз “Туран”». Иначе проект будет обречен на вымирание.

P.S. С конца 2021 г. директором маралхоза вновь был назначен С. В. Кривошук. История повторяется...

Библиографический список

1. Верещагина Т. Е. Туран. Первое русское поселение в Туве. — 2-е изд. — Кызыл, 2014.
2. Фролов Н. А. У истоков пантового оленеводства. — Барнаул, 2014.

2.4 МОИ «ЭКСПЕДИЦИИ» К В. С. ГАЛКИНУ

У Алтайского края есть удивительная способность притягивать к себе людей извне, чтобы затем раскрывать всю глубину и талант этих личностей в деле, которому они посвятили свою жизнь. Это в полной мере относится и к Валентину Семеновичу Галкину, отдавшему свои силы и труд служению краю, почти 35 лет принимавшему активное участие в развитии пантового оленеводства Алтая.

Заочно я познакомился с В. С. Галкиным давно благодаря его работам о пантовом оленеводстве, но лично мы не встречались.

В августе 2009 г. я активно занимался созданием Музея алтайского марала и по телефону попросил В. С. Галкина подобрать материалы из его архива для экспозиции.

В декабре 2013 г. Валентин Семенович вдруг позвонил мне и пригласил на свое 90-летие в Научный городок г. Барнаула. На юбилее он держался просто, много шутил и, прощаясь, сказал, что очень надеется на успешное создание Музея алтайского марала.

Первые материалы, некоторые книги и фото он передал в музей в 2014 г., но основные наши встречи состоялись в 2015 г., когда я уже работал над книгой «История пантового оленеводства с. Шебалино в 1917–2015 гг.». Он был хлебосольным хозяином и много рассказывал о работе в отрасли, чего не найдешь ни в каких архивах. От наших бесед я получал не только полезную информацию, но и огромное моральное удовлетворение. Позднее пришло понимание, что я должен, как смогу, написать об этом человеке.

Родился Валентин Семенович 6 января 1923 г. в с. Семеновское Бронницкого района Московской области. В 1940 г. после окончания средней школы он успешно поступил в Московский пушно-меховой институт на отделение охотоведения, но начавшаяся Великая Отечественная война поменяла жизнь миллионам советских людей.

С июля по октябрь 1941 г. по комсомольской путевке 18-летний Валентин Галкин активно трудился на строительстве оборонительных сооружений под Москвой, Подольском и Брянском — рыл окопы и валил лес.

В мае 1942 г. В. С. Галкина призвали в ряды Красной Армии, и он стал курсантом пехотного училища в г. Сарапуле. Затем в течение девяти месяцев принимал участие в боях на Северо-Кавказском фронте. При освобождении Крыма в мае 1943 г. 20-летний В. Галкин был ранен и три месяца находился в госпитале г. Кисловодска. В ноябре 1945 г. его демобилизовали из армии, и Валентин Семенович продолжил учебу в институте.

Пушно-меховой институт готовил в те годы охотоведов и дипломированных специалистов по звероводству и пантовому оленеводству. В 1948 г. студент В. С. Галкин прошел шестимесячную практику в оленесовхозе «Раз-

дольный» на Дальнем Востоке, где получил первые практические знания по звероводству и оленеводству. После личного собеседования с руководителем «Главзверовода» Виталием Аристарховичем Афанасьевым он был направлен старшим зоотехником в Шебалинский оленесовхоз Алтайского края.

Вместе с женой Валентиной Александровной их летом 1949 г. встретил рано утром известный директор оленесовхоза Павел Миронович Еремеев, которого в дальнейшем В. С. Галкин вспоминал как замечательного человека, умного и уважаемого директора. Три года пролетели незаметно: Валентин Семенович трудился старшим зоотехником совхоза, а Валентина Александровна — зоотехником зверофермы: в совхозе было почти 2,4 тыс. голов пантовых оленей, 230 голов КРС, почти 200 лошадей, около 300 единиц птицы, звероферма на 200 хвостов и пасака.

Летом 1952 г. после смерти П. М. Еремеева Валентин Семенович возглавил совхоз. Трудностей в крупном хозяйстве хватало, и новому директору предстояло сделать очень много. Одновременно ему приходилось отвечать и за работу опорного пункта Московской лаборатории пантового оленеводства, который также размещался в оленесовхозе.

На мои вопросы о том, как он руководил хозяйством, 92-летний Валентин Семенович больше отшучивался, но говорил, что не кричал на подчиненных и любил коллективность в управлении.

По словам бывшего главного зоотехника совхоза В. А. Игнатьева, Валентин Семенович давал своим коллегам-специалистам большую самостоятельность в работе, не досаждал мелочной опекой. При этом проявлял высокую требовательность, практиковал постоянные отчеты специалистов перед своими коллегами, когда жесткая критика шла не от директора, а от своих же товарищей. Он не был мстительным и злопамятным человеком.

В 1952–1959 гг. под руководством В. С. Галкина продолжала развиваться производственная база Шебалинского оленесовхоза: строились парки для оленей, дизельэлектростанция, нефтехранилище, заправка ГСМ, столярная мастерская и т. д.

В феврале 1954 г. на совещании в Бийском оленетресте приняли новый луговой севооборот в этом оленесовхозе. В ранневесенний период 1954 и 1955 гг. после тщательной подготовки опробовали пастьбу пантовых оленей за пределами парка. Затем этот прием освоили и другие маралохозяйства, но небрежность в организации такой пастьбы в отдельных маральниках и уход оленей в тайгу заставили «Главзверовод» прекратить эксперимент.

Тогда, в 1954 г., Шебалинский оленесовхоз также впервые решился перегнать 400 маралов на 30 км через Чуйский тракт к месту зимовки рядом с кормами. Летом животных возвращали назад. В 1954–1957 гг. такие перегоны 400–600 рогачей и маралух в совхозе были регулярными, что позволило

иметь значительную экономию на перевозке кормов, которой весь зимний период занимались 26 конных подвод.

В 1953 г. в совхозе главный ветврач Л. В. Шадрин впервые освоила производство жидкого пантогематогена, разработанного Владимиром Корнеевичем Новиковым не позднее 1949 г.

В 1954–1956 гг. Шебалинский оленесовхоз успешно добивался права участия в ВДНХ. В разговорах со мной В. С. Галкин с огромной добротой и уважением вспоминал бригадира мараловодов Галактиона Анисимовича Медведева и бригадира на пятнистых оленях Филиппа Степановича Абанина, которые отлично знали свое дело, «чувствовали зверя» и полностью посвящали себя работе с оленями. Огромную работу в пантовом оленеводстве совхоза, по его словам, выполняли женщины-оленеводы. Отличные работники и умелые наездницы, они в деталях знали все вопросы разведения оленей и варки пантов.

Шебалинский оленесовхоз успешно выполнял в эти годы роль опорного пункта Московской лаборатории пантового оленеводства: проводились опыты по улучшению кормления пантовых оленей, совершенствованию паркового пастбищеоборота и т. д. Итоги исследований и наблюдений поступали в Москву и публиковались в таких журналах, как «Каракулеводство и овцеводство», «Охота и охотничье хозяйство», «Сельское хозяйство Сибири», а также в краевых и областных газетах.

В 1956 г. В. С. Галкин, например, помог получить авторское свидетельство на усовершенствованный панторезный станок местному умельцу Михаилу Александровичу Аксенову, который обновил станок еще в 1934 г.

Нет сомнения, что серьезную роль в развитии оленесовхоза в эти послевоенные годы играл его директор Валентин Семенович Галкин.

В 1956 г. в Москве было принято решение перенести Центральную научно-исследовательскую лабораторию пантового оленеводства (ЦНИЛПО) из столицы непосредственно в оленесовхоз Шебалинский, и 12 февраля 1956 г. В. С. Галкин стал директором не только совхоза, но и этой лаборатории. Через год 5 февраля 1957 г. в рамках политики укрупнения хозяйств к Шебалинскому оленесовхозу присоединили еще 8 (!) колхозов. Земельный фонд совхоза вырос с 13,2 до 65,4 тыс. га, а численность рабочих достигла 1200 человек. На совхозных землях находилось 12 поселений.

Управлять одновременно научно-исследовательской лабораторией и огромным совхозом стало практически невозможно, и Валентин Семенович сделал выбор в пользу науки, которая все больше становилась его любимой профессией. Он был на хорошем счету и в Горно-Алтайской области, и в родном главке. В свое время в области ему предлагали должность председателя Шебалинского райисполкома, но свой дальнейший путь он твердо связал с научно-исследовательской работой в пантовом оленеводстве, которой посвятил еще 26 лет своей жизни.

Сначала лаборатория продолжала оставаться на территории Шебалинского оленесовхоза, но затем в 1970 г. ее перевели по инициативе директора АНИИЗИСа А. Н. Каштанова в Научный городок г. Барнаула.

Научная деятельность В. С. Галкина складывалась, во-первых, из его личных достижений в исследовании проблем развития пантового оленеводства на Алтае и, во-вторых, из результатов деятельности научного учреждения под его руководством в целом.

В 1964 г. Валентин Семенович успешно защитил диссертацию по теме «Исследование и разработка вопросов рационализации содержания и кормления пантовых оленей в совхозах Горного Алтая» и стал кандидатом биологических наук.

В книге В. Г. Луницына «Пантовое оленеводство России» список литературы содержит 53 научных публикации В. С. Галкина, написанных с 1954 по 1987 г. Как ученого, его интересовали практически все стороны содержания пантовых оленей. Ряд исследований В. С. Галкина посвящены разработке и обоснованию оптимальных рационов и технологий кормления этих животных. Некоторые работы научно определяют способы содержания оленей в парках и правила их пастбы. Большое внимание он уделял исследованиям биохимического состава пантов, способам их консервации, необходимости сохранения биологически активных веществ при ускоренной сушке пантов. Несколько научных работ у него написано совместно с такими известными учеными отрасли, как П. В. Митюшов, И. А. Паламарчук, А. С. Тэви, М. П. Любимов и др.

Большое практическое значение для мараловодов, например, имела работа В. С. Галкина, П. В. Митюшова и М. П. Любимова «Практические советы по пантовому оленеводству в Горном Алтае», изданная в 1967 г. тиражом 1000 экземпляров.

В июне 1964 г. на научно-методическом совещании при Алтайском НИИ сельского хозяйства обсуждались перспективы научной работы в пантовом оленеводстве края по докладу директора лаборатории пантового оленеводства В. С. Галкина. В июне 1968 г. В. С. Галкин и П. В. Митюшов подготовили доклад «Экономический обзор мараловодства в совхозах Горно-Алтайской автономной области за период с 1953 до 1968 года».

В 1973 г. В. С. Галкин был удостоен звания «Заслуженный зоотехник РСФСР».

Специалисты ЦНИЛПО во главе с В. С. Галкиным, например, в 1975 г. принимали самое непосредственное участие в подборе места и планировании очень крупной маралофермы «Покровка» в совхозе «Ново-Талицкий».

В 1977 г. по инициативе ЦНИЛПО на базе оленесовхоза «Шебалинский» было проведено краевое совещание по пантовому оленеводству с обсуждением мер по интенсификации отрасли.

С 11 по 12 октября 1983 г. в Барнауле проводилась научно-практическая конференция, посвященная 50-летию ЦНИЛПО, и в этом же году В. С. Галкин ушел на пенсию.

В. С. Галкин большое значение придавал внедрению в практику работы марало- и оленесовхозов научных знаний и лучших приемов выращивания пантовых оленей. Хорошо известна мараловедам Алтая книга В. С. Галкина «Абайские мараловоды (опыт работы)», изданная в 1983 г.

Как руководитель ЦНИЛПО, он активно поддерживал усилия ученых и практиков в повышении эффективности развития отрасли пантового оленеводства, организовывал семинары и обучение мараловодов, инициировал несколько научно-практических конференций, постоянно бывал в мараловодческих хозяйствах и изучал состояние дел на местах.

Последняя работа под редакцией В. С. Галкина — методические рекомендации «Прогрессивная система пантового оленеводства на Алтае» — вышла в свет в 1987 г. Строго говоря, это была его докторская диссертация, уже прошедшая предварительную защиту в Московском институте заочного образования. Ушедший на пенсию Валентин Семенович от официальной защиты отказался.

В. С. Галкиным было опубликовано 105 научных статей, 3 брошюры, издано 7 сборников, в том числе 3 под его редакцией. Возглавляемая им научная лаборатория в 1953, 1972 и 1980 гг. провела три Всесоюзных конференции.

В. С. Галкин был удивительно разносторонне одаренным человеком.

Мировоззрение Валентина Семеновича как кредо жизни сложилось в познании трех ипостасей: науки, живописи и поэзии. Осуществлялось оно в основном самообразованием, большим интересом к экспериментальной работе, к романтике природных явлений, к их красоте и очарованию. Интерес к науке зародился в институте и утвердился на производственной практике. К живописи приобщился в детстве: любил срисовывать картинки из книжек под одобрение родителей. За кисть и масляные краски взялся в 9-м классе, когда посетил известного художника в городе Бронницы. По-настоящему увлекся живописью в Горном Алтае, где красота гор восхитила его. Им написано более 100 картин, большинство из них он подарил родным и близким. Другие его художественные работы периодически выставлялись для осмотра в школах и клубах.

Крылатая фраза «Горный Алтай — любовь моя» вдохновила его на поэзию. Первые стихи были опубликованы в сборнике под названием «С любовью к жизни» и одобрительно воспринимались общественностью. Также его стихотворения были напечатаны в сборнике «Фронтное перо продолжает писать...», изданном в Москве в 2006 г. А в 2007 г. на Алтае вышла книга стихов В. С. Галкина «С любовью к жизни». В конкурсе на лучшее стихо-

творение в номинации «Я люблю тебя жизнь», проводимом администрацией Ленинского района г. Барнаула в 2014 г., ему было присуждено первое место. В этом же году его стихи были опубликованы в сборнике стихов поэтов-фронтовиков Алтайского края «Это память листает страницы».

Валентин Семенович активно участвовал в общественной работе: избирался депутатом Горно-Алтайского областного совета, Шебалинского райсовета, поселкового совета Научного городка, кандидатом в члены Горно-Алтайского обкома КПСС.

С выходом на пенсию как ветеран войны и труда активно участвовал в патриотическом воспитании молодого поколения, выступал в школах Научного городка и с. Гоньба. С 1985 по 1991 г. возглавлял совет ветеранов Научного городка, а с 1991 г. — комитет ветеранов Великой Отечественной войны. Он являлся членом районного, городского и краевого комитетов ветеранов войны.

За успехи в воспитательной работе многократно награждался почетными грамотами всех трех комитетов, а в 2009 г. занесен на городскую Доску почета. В 2012 г. за многолетнюю плодотворную работу по воспитанию молодежи его наградил Почетной грамотой губернатор Алтайского края Александр Богданович Карлин.

Свое долголетие В. С. Галкин объяснял неугасимым трудолюбием. Его жизнь прошла в неразрывной связи с сельским хозяйством, интерес к которому проявился еще в детстве. Крестьянский труд на земле проходил на его глазах и при его участии. С выходом на пенсию он удачно сочетал ветеранскую деятельность с работой на дачном участке.

Правительственные награды В. С. Галкина стали достойным отражением его жизненного пути: орден Отечественной войны II степени, медали: «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За победу над Германией», «За освоение целинных и залежных земель» и юбилейные медали.

Скончался Валентин Семенович 17 мая 2020 г. на 98-м году жизни.

3. ---

Аналитические материалы о пантовом оленеводстве

3.1 РОЛЬ ФАКТОРА ВЛАСТИ В РАЗВИТИИ ПАНТОВОГО ОЛЕНЕВОДСТВА НА АЛТАЕ

Исторический аспект управления развитием пантового оленеводства в России и на Алтае органами государственной власти

Мараловодство как подотрасль сельского хозяйства зародилось в Российской империи на Алтае примерно в 1835 г. (д. Фыкалка, Бухтарма). На территории так называемого Русского Алтая, административно входившего до 1917 г. в состав Бийского уезда Томской, а затем Алтайской губернии, мараловодство появилось в начале второй половины XIX века (Верхний Уймон, Нижний Уймон). До конца XIX века на Алтае активно развивались два направления взаимоотношений человека и марала: охота на марала ради добычи пантов и мяса этого копытного зверя и разведение марала с целью получения пантов сначала в крестьянских дворах, а затем и в огороженных парках (маральниках).

Первый раз российская власть обратила внимание на взаимоотношения человека и марала в конце XIX века, когда в Российской империи готовилась редакция нового закона об охоте и молодому сотруднику Департамента Министерства земледелия А. А. Силантьеву поручили сделать краткий обзор промысловых охот в России. Эту работу Анатолий Алексеевич сделал блестяще и помимо прочего на основе многочисленных данных описал перспективы развития мараловодства в России и задачи по его регулированию со стороны государства. После более подробного обследования мараловодства на Алтае в экспедиции 1897 г. он пролоббировал появление в 1898 г. Указа Николая II о запрете охоты на маралов в Алтайском округе. Такое чисто политическое решение государства позволило сохранить марала в природе и одновременно активизировать развитие мараловодства в Сибири. Системой мер на местах мараловодство поощрялось, но при этом органы власти на местах достаточно строго подходили к созданию маральников и поддерживали состоявшихся мараловодов, которым приходилось тратить свои средства в течение 6–8 лет на создание окупаемого маральника. Далеко не все выдерживали такой жесткий отбор.

К концу 1917 г. в Сибири и на Дальнем Востоке было в хозяйствах уже 23 тыс. пантовых оленей, в том числе 8000 маралов (350 владельцев) в Казахском Алтае и более 3000 маралов (150 владельцев) в Русском Алтае.

Пантовое оленеводство являлось, по словам Н. М. Ядринцева, «культурной отраслью скотоводства». Маральники не считались обычным сель-

хозпроизводством. Министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев еще в 1909 г. называл разведение маралов «новой отраслью промышленности». Сами алтайские мараловоды в абсолютном большинстве были сельскими предпринимателями. Законодателями отрасли являлись старообрядцы. Пантовое оленеводство России в 1917 г. занимало безусловное первое место в мире. С самого начала появления рынка пантов этот продукт стал экспортным товаром в Китай.

После революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. количество маралов в парках на Алтае сократилось почти на половину. Около 10 % владельцев маральников лишились этого бизнеса в ходе прямого противостояния с советской властью. Наиболее известным на Алтае является пример потери 300 маралов в двух маральниках в декабре 1919 г. крупным сельским предпринимателем А. С. Поповым из д. Шебалино.

В эти годы власть применила репрессии в основном к тем, кто вступил с ней в открытую военную конфронтацию. В целом же органы власти в регионе и Алтайский губернский ревком в частности требовали от органов местного самоуправления учета, охраны маральников и мер по их сохранению в интересах новой власти. С объявлением в 1921 г. новой экономической политики государство продолжило идеологию поддержки этой отрасли, однако к середине 1920-х гг. на местах отношение к мараловодам как к наиболее зажиточным и активным сельским предпринимателям стало заметно меняться: их в первую очередь лишали избирательных прав, облагали индивидуальными налогами, пересматривали земельные наделы под уже существующими маральниками и т. п.

Панты оставались экспортным товаром, но с 1921 г. государство ввело монополию на внешнюю торговлю. В 1918–1922 гг. торговля пантами оставалась контрабандной, и с 1923 г. торговлей пантами стали активно заниматься созданные государством торговые организации («Сибгосторг», «Охотсоюз», «Сельхозкооперация» и др.). Попытки органов власти на местах организовать переход мараловодства на рельсы кооперации не принесли заметных результатов и к концу 1928-го г. — началу 1929 г. государство в рамках сплошной коллективизации на селе начало реализовывать политику репрессий зажиточного и среднего крестьянства. Людей вместе с семьями ссылали в абсолютно необжитые места, а имущество их передавали в колхозы и коммуны, либо растаскивали. Маралов при этом скупал в основном «Сибкрайгосторг», или они передавались в колхозы.

Почти три года маралы находились на Алтае в арендных предприятиях «Сибкрайгосторга» и колхозах. Со второй половины 1931 г. эти арендные предприятия приравнивали к совхозам, которые стали подчиняться «Запсизверокомбинату». В эти совхозы передали и основную часть маралов из колхозов.

Таким образом, в 1931 г. были уничтожены последние частные маральники, и государство перевело эту уникальную подотрасль в свою собственность. Частное мараловодство на Алтае просуществовало с 1835 по 1930 г. С 1931 г. роль государства в развитии пантового оленеводства на Алтае в частности и стране в целом стала абсолютной.

Любые вопросы существования и развития маралосовхозов решались исключительно директивно.

До 1936 г. включительно оленесовхозы Алтая находились в структуре треста «Союззверокроликовод», который был в составе НК ВТ СССР. Отметим, что здесь в 1930-е гг. начали предприниматься конкретные мероприятия по развитию звероводства в стране.

Еще совсем молодое Советское государство, погрязшее в кровавой классовой борьбе, находило, тем не менее, средства для крупных государственных строек и очень нуждалось в валюте. Пушнина и панты были давно проверенным валютным товаром, и государство вкладывалось в развитие звероводства.

В 1932 г. во Всесоюзном научно-исследовательском институте пушно-мехового и охотопромыслового хозяйства (ВНИИПО) был создан по решению Внешторга сектор пантового оленеводства. Здесь начал свою научную деятельность П. В. Митюшов, написавший в 1937 г. в книге «Ойротия» большую статью «Пантовое оленеводство Ойротии». В этом же 1932 г. изобрел первый лекарственный препарат из пантов («Пантокрин») известный патофизиолог С. М. Павленко. Государство поддержало ученых в таком крупном проекте, как расширение паркового содержания пятнистого оленя вплоть до Калининграда. В 1933–1935 гг. этих оленей в количестве 222 головы завезли в Шебалинский маралосовхоз на Алтай.

В начале 1937 г. управление развитием пантового оленеводства из НК ВТ СССР передали в НК СХ СССР. Созданный в 1937 г. Бийский оленестрой с 1938 г. стал структурным подразделением Всероссийского треста оленесовхозов НК СХ СССР.

С 1936 г. с большими недостатками, но работала в с. Шебалино Всесоюзная школа подготовки кадров для мараловодства. В 1937 г. в Москве создали станцию пантового оленеводства с опорными пунктами в с. Шебалино на Алтае и в пос. Силинский на Дальнем Востоке. В 1939 г. эту станцию преобразовали в Научно-исследовательскую лабораторию пантового оленеводства во главе с директором С. М. Павленко и замом по науке В. В. Митюшовым. Убыток Бийского госоленетреста в 1939 г., например, составил 728 тыс. руб. (прибыльным был только один маралосовхоз), но государство продолжало, как могло, финансирование пантового оленеводства, кадровый потенциал которого в очередной раз был подорван репрессиями 1937–1938 гг.

Бийским госоленетрестом плановые задания доводились маралосовхозам по всем основным показателям подотраслей мараловодства, скотоводства, коневодства, пчеловодства, звероводства и земледелия. «Спускались» показатели по себестоимости и по всем видам затрат.

По инициативе Бийского оленетреста в 1940–1941 гг. на Алтае партийные органы области и края предприняли попытки определить места в Горном Алтае для создания новых маралоферм, но все планы разрушила начавшаяся Великая Отечественная война. Из маралосовхозов на фронт ушло большинство мужчин, забрали лошадей и технику.

Все работы в совхозах легли на плечи женщин, стариков и детей. Государство управляло деятельностью хозяйств по законам военного времени, в том числе с начала 1942 г. по июнь 1943 г. обеспечивало контроль за работой совхозов через институт политотделов на местах. Бийский госоленетрест с 1941 г. был переведен в г. Ойрот-Тура для улучшения управляемости маралосовхозов. В этом же городе с 1941 по 1944 г. находилась в эвакуации Научно-исследовательская лаборатория пантового оленеводства (НИЛПО), которая не прекращала своей деятельности в военное время.

Благодаря трудовому подвигу работников маралосовхозов в годы войны в условиях военно-административного управления хозяйствами стране удалось сохранить заметно сократившееся всесоюзное стадо пантовых оленей и перспективы для его дальнейшего развития.

После опустошительной войны государство еще больше нуждалось в валюте и продолжило восстановление и развитие оленеводческих хозяйств, в том числе на Алтае. В 1946 г. были определены Бийским оленетрестом меры по восстановлению численности маралов в хозяйствах. В поселках Карагай и Машенка было решено создавать новые маралофермы. В 1947 г. было принято решение передать все звероводческие совхозы страны вновь в ведение Министерства внешней торговли (МВТ СССР). В декабре этого года было принято государственное решение о создании научного журнала «Каракулеводство и звероводство».

С января 1947 г. в структуре «Главзверовода» МВТ СССР находились Бийский оленетрест и «Дальзверотрест» с 16 оленесовхозами, ЦНИЛ и НИЛПО «Главзверовода». Бийский оленетрест вновь вернулся в г. Бийск на улицу Кольцовскую, 96. Попытки переименовать его в 1942 г. в Алтайский оленетрест и оставить в г. Ойрот-Тура поддержки в Москве не нашли. После войны в Московском пушно-меховом институте начали готовить зоотехников с высшим образованием для оленесовхозов.

В сентябре 1949 г. государство передало все оленесовхозы и Научно-исследовательскую лабораторию пантового оленеводства из МВТ СССР в Министерство совхозов СССР (МС СССР). В конце декабря 1950 г. на Алтае был создан новый маралосовхоз «Ново-Талицкий». Попытка в 1951 г.

создать новый оленесовхоз «Чуйский» не удалась — не хватило ресурсов. В начале 1950-х гг. исследования пантов и производство пантокрина идет в Москве, Харькове, Киеве и даже в Бийске (мясокомбинат). Продажами пантов за границу занималась государственная организация Дальторг. В 1952 г. кандидат ветеринарных наук В. К. Новиков получает патент «Способ получения пантогематогена». Препарат из крови пантовых оленей был им разработан не позднее 1949 года (тогда он был ветврачом Бийского зверосовхоза. — *Н. Ф.*). Уже с 1953 г. пантогематоген в опытных партиях стал производить Шебалинский оленесовхоз. В 1953 г., например, пантокрин выпускали также Минский, Новосибирский и Бийский мясокомбинаты.

В июне 1956 г. Бийский оленетрест перевели в Горно-Алтайскую автономную область и объединили с областным управлением сельского хозяйства. С маралосовхозов сразу стали больше спрашивать выполнение планов по мясу, молоку и шерсти. Маралы отошли на второй план. В июле этого года МСХ СССР переместило лабораторию пантового оленеводства из Москвы на Алтай в с. Шебалино. Директором лаборатории стал В. С. Галкин, директор Шебалинского оленесовхоза.

Подчеркнем, что до 1956 г. органы власти на местах практически не вмешивались в управление оленесовхозами. Все плановые задания, фонды на технику и материальные ресурсы через Бийский оленетрест доводились до Москвы. После 1956 г. все вопросы управления оленесовхозами на Алтае перешли в ведение региональных партийных и советских органов власти.

В 1957 г. все оленесовхозы Алтая укрупнили за счет присоединения к ним по 4–6 убыточных близлежащих колхозов. В составе Шебалинского оленесовхоза, например, стало 12 деревень.

В конце 1959 г. Алтайский крайисполком разрешил создание в Горном Алтае Чергинского маралосовхоза и Барагашского оленесовхоза. Последний «поглотил» в себя пять колхозов и МТС.

Видимо, с целью улучшения управления оленесовхозами в 1961 г. был создан Горно-Алтайский трест оленеводческих совхозов, но архивных материалов о его работе мне найти не удалось.

Развитие пантового оленеводства на Алтае осуществлялось постепенно. В 1965 г. был создан маралосовхоз «Карымский». На следующий год организовали совхоз «Мультинский» с передачей ему маралофермы от Нижне-Уймонского совхоза.

В декабре 1966 г. СМ СССР принял Постановление «Об увеличении закупок пантов марала и пятнистого оленя», направленное на интенсификацию отрасли. В частности, было рекомендовано оленесовхозам внедрение внутрихозяйственной специализации оленеферм с закреплением за ними пастбищ и земли под кормовую базу.

В 1967 г. руководство Горно-Алтайской автономной области предложило создать на ее территории еще три маралосовхоза: «Эликманарский», «Улаганский» и «Эдиганский» на основе 14 колхозов. С 04.01.1967 Эликманарский и Эдиганский совхозы начали свою деятельность.

В 1968 г. не удалось согласовать в Минсельхозе РСФСР создание маралофермы в Теньгинском овцесовхозе. Новый импульс развития пантового оленеводства на Алтае был дан Постановлением СМ РСФСР от 08.06.1971 «Об увеличении производства и закупок пантов марала и пятнистого оленя». Скорее всего, внешнеторговые организации, занимавшиеся сбытом пантов, уже активно сигнализировали в СМ РСФСР об увеличении спроса на панты в Республике Южная Корея.

В 1972 г. СМ СССР упразднил Главное управление звероводства и зверосовхозов Минсельхоза СССР, но 01.09.1972 СМ РСФСР Постановлением № 559 создал Всероссийское производственно-научное объединение звероводческой промышленности Министерства совхозов РСФСР (Зверопром РСФСР). Главной задачей было повышение эффективности работы оленесовхозов на основе достижений научно-технического прогресса.

В 1974 г. решением № 55 от 06.02.1974 Горно-Алтайский облисполком принял решение об организации в Шебалинском оленесовхозе опытной мараловодческой фермы.

На следующий год с присоединением Соузарского маральника Абайский маралосовхоз стал самым крупным хозяйством в стране по объему выпускаемой пантовой продукции.

В 1976 г. приказом МСХ РСФСР № 310 от 29.12.1976 г. было создано производственное объединение «Алтайзверопром» для улучшения управления оленесовхозами. В этом же году из Барагашского овцесовхоза выделили в самостоятельное хозяйство оленесовхоз «Оленевод» (с. Ильинка), а из оленесовхоза «Шебалинский» выделили овцесовхоз «Семинский». Государственный комитет стандартов при СМ СССР своим постановлением № 1993 от 20.08.1976 утвердил новый межгосударственный стандарт на панты марала и изюбря консервированные.

В следующем году производственное управление сельского хозяйства «Алтай» приказом № 25-р от 28.01.1977 г. продублировало создание «Алтайзверопрома» с двойным подчинением по продукции звероводства. Первым руководителем этого производственного объединения стал А. В. Долин.

МСХ РСФСР приказом № 489 от 07.05.1979 «О мерах по дальнейшему развитию пантового оленеводства в Алтайском крае» потребовало от Зверопрома РСФСР и Управления сельского хозяйства Алтайского края ускорить развитие пантового оленеводства на Алтае в период 1980–1985 гг.

В 1981 г. Хабаровский химфармзавод освоил выпуск лекарства «Пантокрин» в таблетках. Все это требовало новых объемов пантов и на внутреннем рынке. В структуре Зверопрома РСФСР продолжала активно заниматься научно-исследовательской работой в области пантового оленеводства Центральная научно-исследовательская лаборатория пантового оленеводства (ЦНИЛПО).

В октябре 1983 г. в Барнауле прошла научно-практическая конференция, посвященная 50-летию ЦНИЛПО.

В 1985 г. из Абайского маралосовхоза выделили Карагайскую ферму в отдельный маралосовхоз «Карагайский».

Через четыре года Госагропрод РСФСР вновь вернулся к вопросу необходимости развития пантового оленеводства через приказ № 217 от 23.11.1989 «Об увеличении производства продукции пантового оленеводства и укреплении материально-технической базы оленесовхозов». Этот приказ предусматривал создание 14 новых оленеводческих хозяйств и инвестиции в объеме 5,6 млн. руб. в отрасль на период 1991–1995 гг. Однако политическая жизнь в стране перечеркнула все ранее принятые планы.

В мае 1990 г. в Барнауле состоялся Всесоюзный рабочий семинар «Перспективы развития пантового оленеводства, пути совершенствования технологии производства и использования его продукции». Однако уже в декабре этого же года СМ РСФСР своим постановлением № 39 ликвидировал Зверопром РСФСР.

Управление развитием отрасли пантового оленеводства в Республике Алтай в 1992–1998 гг.

В рамках общественно-политических преобразований в нашей стране Горно-Алтайская автономная область 03.07.1991 была преобразована в Горно-Алтайскую ССР и вышла из состава Алтайского края.

Совет народных депутатов Горно-Алтайской ССР уже 24.10.1991 № 5/6 принял постановление «Об объявлении маралов и оленей собственностью Горно-Алтайской ССР». В мае 1992 г. Горно-Алтайская ССР была преобразована в Республику Алтай. Органы власти Республики Алтай резко изменили свое отношение к пантовому оленеводству. Если в 1970–1980-е гг. они не разрешали совхозам области создание новых маральников, то с 1991 г. стремились все вопросы существования пантового оленеводства взять под свой контроль.

Так, Президиум ВС РА 27.05.1992 принял указ № 2 «О постановке пантов маралов и оленей в республиканский фонд, порядке лицензирования и налоговом регулировании производства, заготовки и реализации пантов».

Наличие смысловых и орфографических ошибок в названии документа говорит, по крайней мере, о срочности его подготовки. Затем этот указ 17.07.1992 был утвержден постановлением ВС РА № 2–4 «О поставке пантов маралов и оленей в республиканский фонд, порядке лицензирования и налоговом регулировании производства, заготовки и реализации пантов». Постановлением были установлены республиканский фонд в размере 30 % всех производимых пантов, налог в размере 20 % от выручки проданных пантов, освобождение от налога на пять лет вновь созданных мараловодческих хозяйств и снижение налога на 25 % при продаже пантов предприятиям медицинской промышленности, а также утверждено положение о лицензировании производства, заготовки и реализации пантов на территории Республики Алтай.

Далее ВС РА своим постановлением № 5-9 от 06.10.1993 отменил решение о создании республиканского фонда пантов и налогообложение на выручку от пантов перенес на 1993 г. Политику властей РА о лицензировании пантовой продукции изменил Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина № 1007 от 23.05.1994 «Об отмене квотирования и лицензирования поставок товаров и услуг на экспорт». Выполняя Указ Президента РФ, Государственное Собрание — Эл Курултай Республики Алтай своим постановлением № 4-16 от 30.06.1994 «О порядке лицензирования и налоговом регулировании производства, заготовки и реализации пантов» отменило лицензирование экспорта пантов, но сохранило лицензии на производство пантов и повышенные налоги на выручку от их реализации.

К 1996 г. в Республике Алтай фактически закончилась приватизация сельскохозяйственных предприятий, в том числе и маралосовхозов. Это заставило органы власти РА искать новые подходы к контролю над пантовым оленеводством на своей территории. В июне 1996 г. было принято постановление Госсобрания РА «О внесении изменений и дополнений в нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы собственности в отношении маралов и пятнистых оленей». В развитие документа 28.11.1996 Госсобрание РА приняло постановление № 16-19 «Об отнесении маралов и пятнистых оленей, имущественных комплексов по производству консервированных пантов маралов и пятнистых оленей к государственной собственности Республики Алтай», которым высший орган власти республики фактически отменил итоги приватизации: поголовье пантовых оленей и комплексы по консервации пантов вновь забрали в государственную собственность. Правительству РА было предложено выделить в уже созданных в рамках приватизации хозяйствах государственные доли в уставных документах. Ввиду очевидного противоречия этого постановления уже действующим федеральным законам о собственности и приватизации оно было фактически спущено на тормозах.

Неслучайно постановлением № 25-26 Госсобрание РА 19.11.1997 отменило свое постановление № 16-19 от 28.11.1996. Окончательно вопрос о пересмотре собственности на пантовых оленей был закрыт Законом Госсобрания РА № 7-12 от 18.11.1998 который отменил Закон РА № 17-25 от 24.01.1997.

Правда 9.07.1997 Госсобрание РА приняло еще одно постановление № 22-35 «О порядке лицензирования ведения пантового оленеводства, вывоза пантов и размере лицензионного сбора за вывоз пантов маралов и оленей в Республике Алтай». Этим документом был определен порядок получения лицензий на экспорт пантов и занятие разведением пантовых оленей.

Глава Республики Алтай В. В. Волков 21.01.1998 получил письмо из Министерства юстиции РФ с заключением о том, что лицензирование экспорта пантов и ведение пантового оленеводства не входит в компетенцию Республики Алтай, но только 14.07.1999 Правительство РА создало комиссию по подготовке документа, отменяющего лицензирование.

В рамках реализации стратегии Госсобрания РА большую практическую деятельность осуществляло Правительство РА. В 1992 г., например, Правительством РА было принято 12 решений и распоряжений, касающихся вопросов пантового оленеводства, таких как создание республиканского фонда пантов, лицензирование отрасли, разрешений на вывоз

маралов за пределы РА, распределение льгот и т. п. В этом году Правительство РА поддержало создание ассоциации оленеводов АСОХРА.

В мае 1993 г. Правительство РА получило письмо от Минздрава РФ с предложением обеспечить пантами потребности Хабаровского химфармзавода и Московского эндокринного завода в количестве 7 тонн. Постановлением № 208 от 02.09.1993 Правительство РА довело задания конкретным хозяйствам и возложило контроль на глав администраций районов. Распоряжением № 507-р от 27.09.1993 Правительство РА привлекло к выполнению задания ассоциацию АСОХРА и АО «Горно-Алтайский агроснаб».

В августе 1993 г. постановлениями № 177 и 178 Правительство РА продолжало совершенствовать лицензирование и квотирование, т. е. усиливало контрольно-распределительную функцию.

Так, своим распоряжением № 580 от 28.10.1993 Правительство РА обязало восемь маралосовхозов передать в республиканский фонд 750 маралов-телят и утвердило цены на них.

После Указа Президента РФ № 1007 от 23.05.1994 о запрете квотирования и лицензирования поставок товаров и услуг на экспорт Правительство РА своим постановлением № 133 от 28.06.1994 перенесло обсуждение пересмотра существующих правил на уровень Госсобраний РА, а согласно распоряжению № 509-р от 09.08.1994 «О порядке взимания платы за лицензию на пантовую продукцию» продолжило лицензировать этот вид деятельности.

Другим распоряжением № 720-р от 09.11.1994 «О поставке в Республиканский фонд поголовья маралов» Правительство РА забирает у хозяйств 30 % приплода для последующего перераспределения: 13 маралохозяйств должны передать 840 телят по разнарядке в 30 крестьянских хозяйств для создания новых маральников.

Наконец, распоряжением № 747-р от 16.11.1994 Правительство РА вводит дополнительную отчетность хозяйств по движению пантовых оленей.

В 1995 г. распоряжением № 253-р от 12.04.1995 Правительство РА утвердило минимальный уровень цен на панты и довело его до производителей. Далее 18.05.1995 вышло распоряжение Правительства РА № 327-р на 5 тонн пантов, которые хозяйства должны были продать в фонд РА по госзаказу. В постановлении № 108 от 02.06.1995 «О кредитовании государственного заказа на панты марала» Правительство РА фактически игнорировало Указ Президента № 1007 и продолжало воздействовать на маралохозяйства методами лицензирования, квотирования и налогового регулирования. Своим распоряжением № 615-р от 15.09.1995. Правительство РА вновь административно пере-

распределило 960 маралов от 12 крупных хозяйств в пользу 55 молодых крестьянских хозяйств.

В 1996 г. постановлением № 78 от 21.03.1996 Правительство РА довело до хозяйств госзаказ на 6 тонн консервированных пантов. Кроме того, был установлен минимальный уровень цен на готовые панты, определен порядок использования средств от продажи пантов. Постоянно отслеживалось выполнение госзаказа и поставки телят маралов в республиканский фонд. Всего за год Правительством РА было принято два постановления и четыре распоряжения по управлению отраслью.

В 1997 г. Правительство РА минимизировало свою контрольно-распределительную функцию в управлении республиканским пантовым оленеводством, приняв только два нормативных акта.

Только в конце марта 1998 г. после очередного заключения юристов о неправомерности лицензирования пантового оленеводства как вида хозяйственной деятельности Правительство РА постановлением № 128 от 14.05.1998 прекратило лицензирование отрасли и обратилось в Госсобрание РА о прекращении действия соответствующего постановления.

Таким образом, Госсобранию и Правительству Республики Алтай понадобилось почти восемь лет, чтобы отказаться от применения одних только административных методов управления отраслью пантового оленеводства. Естественно возникает вопрос о том, положительную или отрицательную роль в целом сыграли органы власти с 1992–1998 гг. в развитии пантового оленеводства Республики Алтай. Ответить на этот вопрос необходимо, но прежде следует проанализировать, как в эти годы внедрились в эту отрасль элементы рождающейся в стране в муках рыночной экономики.

Появление элементов рынка в пантовом оленеводстве Алтая в 1992–1998 гг. и изменения в управлении отраслью

Безусловно, первым крупным шагом перехода пантового оленеводства на рыночные рельсы была приватизация мараловодческих хозяйств. Почти все руководители хозяйств, договорившись в индивидуальном порядке с органами власти о доле (от 4 % до 25 %) государства в приватизированных оленесовхозах, успешно перешли к частной собственности в своих личных и коллективных интересах.

Вторым важным элементом рынка был постепенный переход маралохозяйств на свободную продажу своей продукции. Здесь органы власти до 1998 г. стремились сохранить свой контроль, но желание больше выручить денежных средств за производственную продукцию толкало руководителей на нарушение запретов.

Установить хронологически точно конкретные примеры «не санкционированных» органами власти продаж пантов уже не просто, но, скорее всего, первым отечественным посредником стал житель г. Новосибирска, создатель кооператива «Прогресс» Альфред Шопенберг, который где-то в 1989 г. провел ошеломляющую операцию закупки на Алтае у маралосовхозов 6 тонн 608 кг пантов. Через лицензии Магаданской научно-производственной системы «Северные панты» фирма «Прогресс» экспортировала в декабре 1989-го — январе 1990 г. 2547 кг пантов. Вырученные 2 млн 108 тыс. долларов А. Шопенберг разместил на свое имя в австрийском банке, не уплатив налога в СССР. В марте 1990 г. он попытался вывезти за границу оставшиеся 4 тонны, однако был задержан на таможне. Несмотря на то, что пострадавших не было (маралосовхозы оказались с хорошей прибылью), А. Шопенберг получил 7 лет тюрьмы с конфискацией имущества. Директор Абайского маралосовхоза Г. М. Косырев, например, за договор с фирмой «Прогресс» на бюро Усть-Коксинского РК КПСС едва не потерял свою должность.

В этом же 1989 г. ЗАО «Индустрия Сибири» из г. Барнаула через таможню г. Гамбурга продала партию пантов из Усть-Коксинского района за 500 тыс. долларов США южно-корейским предпринимателям. У мараловодов района появились сначала подержанные, а затем и новые иностранные автомобили.

Желающих заработать на перепродажах пантов становилось с каждым днем все больше, и в том же Усть-Коксинском районе в 1989 г. возникла идея создания ассоциации маралохозяйств для совместной реализации пантов в интересах развития социальной сферы района. В ассоциацию вступили почти все маралохозяйства района и даже РК КПСС. Руководитель ассоциации В. В. Репников первые 6 тонн пантов продал в 1990 г.

В декабре 1991 г. я был очевидцем проекта предпринимателей Пын-тиковых из Барнаула, собравших в круизное путешествие по Черному морю многих руководителей маралохозяйств и предложивших подписать контракты на 1992 г. прямо на круизном теплоходе. Директора отказались подписывать договора.

В марте 1992 г. по инициативе начальника отдела внешнеэкономических связей АПК «Горный Алтай» РА В. И. Петрова была создана «Внешнеэкономическая отраслевая производственная ассоциация оленеводческих хозяйств Республики Алтай» (АСОХРА) с исполнительным директором В.М. Мещеряковым.

АСОХРА пользовались поддержкой органов власти. Так, В. М. Мещеряков писал следующее: «В период становления нам сильно помог АПК "Горный Алтай"... АПК профинансировал регистрацию ассоциации, выделил служебное помещение и оплачивал в течение шести месяцев заработную плату...»

Уже 15.05.1992 в Республике Алтай АСОХРА провела первое рабочее собрание-совещание по проблемам развития пантового оленеводства на Алтае с участием руководителей РА, специалистов бывшего Зверопрома РСФСР, фирмы «Продинторг-Приморье» и т. д. Среди прочих проблем многие участники совещания называли отсутствие переработки «низкосортных пантов» в республике. Очень убедительно решение этой проблемы предлагал владелец фирмы «Эко-Тонус» В. В. Гевель, который затем в 1993 г. получил для реализации большую партию пантов, однако не смог рассчитаться с хозяйствами и уехал жить в США.

В этом же 1993 г. первым из директоров оленехозяйств Алтая А. П. Попов, директор ЗАО «Фирма Курдюм», вышел на прямой контракт по продаже пантов с покупателем из Южной Кореи. Постепенно органы власти РА в вопросах реализации пантов стали отдавать предпочтение своим фирмам-посредникам, которых они почему-то официально называли «спецэскпортерами».

В 1990 г. на рынок продажи пантов вышла созданная в Горно-Алтайске С. Н. Букачаковым фирма «Горно-Алтайвнешторг». К 1997 г. рынок продаж пантов на 75–80 % контролировали в Республике Алтай местные предприниматели-посредники, приближенные в разной степени к республиканским органам власти. В условиях экономического кризиса в Юго-Восточной Азии 1998 г. часть экспортеров повела себя непрофессионально и не смогла вернуть деньги за панты оленеводческим хозяйствам, что повлекло, например, банкротство в дальнейшем такого крупного хозяйства, как АОЗТ «Новый путь» в Шебалинском районе. Цены на панты в 1998 г. упали почти на 50 % в долларовом выражении, и это, наконец, убедило Правительство РА распоряжением 1207-р от 09.10.1998 «О це-

нах реализации пантов марала урожая 1998 г.» согласиться с контрактными ценами и больше не вмешиваться в процесс ценообразования пантов.

Чтобы правильно оценить качество государственного управления органами власти Республики Алтай в 1991–1998 гг., отметим, что на 01.01.1990 в Республике Алтай маралов содержали 12 хозяйств: 10 совхозов, колхоз и Алтайское экспериментальное хозяйство. Вместе у них в парках было 18 656 маралов. Еще четыре совхоза (два из них содержали и маралов) имели общее стадо 8388 пятнистых оленей.

Таким образом, на 01.01.1990 общее стадо пантовых оленей в 14 хозяйствах составляло 27 044 головы.

Через четыре года на 01.01.1995 пантовых оленей разводили уже в 40 хозяйствах. Общее стадо оленей составляло 32 122 головы, при этом 85 % оленей было в хозяйствах с новой частной формой собственности и только 3582 пантовых оленя содержали в четырех совхозах и четырех колхозах «советского образца». Рост поголовья оленей составил 19 %, или более 5100 голов.

Еще через четыре года, по итогам 1998 г., в 137 оленеводческих хозяйствах всех форм собственности содержалось уже 40 782 пантовых оленя: 35 426 маралов и 5356 пятнистых оленей.

Таким образом, с 1991 по 1998 г. поголовье пантовых оленей в Республике Алтай возросло в 1,5 раза, а количество хозяйств — почти в 10 раз.

Заметные результаты в развитии отрасли были достигнуты в результате противоречивой политики органов власти Республики Алтай. С одной стороны, они стремились активно администрировать изменения в отрасли — снимать «сливки» с маралохозяйств на развитие сельского хозяйства республики, безуспешно пытались пересмотреть итоги приватизации и централизовать продажу пантов через «приближенные» к руководству организации. С другой стороны, всячески поощрялось создание новых маральников с выделением им поголовья от «старых» хозяйств. Последнее и послужило ускоренному расширению количества маральников.

На развитие отрасли в эти годы принципиальное влияние оказало либеральное федеральное законодательство России, которое решительно противодействовало излишнему администрированию, в том числе в сельском хозяйстве.

Попытки участия Правительства Республики Алтай в распределении доходов отрасли пантового оленеводства еще какое-то время сохранялись. Так, распоряжением Правительства РА от 13.02.1998 № 140-р было принято решение организовать унитарное предприятие по закупке, переработке и реализации продукции мараловодства во главе с директором В. В. Репниковым, но реализовать это решение на практике не удалось.

В 1999 г. была попытка создать ОАО «Концерн "Панты Алтай"» под идею получения федеральных средств, но и этот проект не состоялся.

В 2003 и 2005 гг. были попытки подготовить проект закона «О мараловодстве в Республике Алтай», но антирыночные мероприятия поддержки не находили, а рыночные мероприятия сформулировать было еще некому.

В отрасли возникло некое равновесие. Акцент властей сместился в сторону изучения корейского рынка пантов: почти ежегодно под управлением Министерства экономического развития Республики Алтай в г. Сеул стали отправляться делегации для участия в выставках, был создан фонд развития мараловодства. Пантовые олени появились во всех районах республики, но количество пятнистых оленей стало сокращаться (таблица).

Данные о численности пантовых оленей в Республике Алтай по районам в 2000–2004 гг. (на 1 января каждого года)

Районы \ Годы	2000		2001		2002		2003		2004	
	Маралы	Пятнистые олени	Маралы	Пятнистые олени	Маралы	Пятнистые олени	Маралы	Пятнистые олени	Маралы	Пятнистые олени
Республика Алтай	34407	5667	35207	5255	39995	4475	46619	4475	50477	4341
Кош-Агачский	293	–	310	–	291	–	306	–	354	–
Майминский	1638	445	1542	433	1724	290	1724	290	1835	–
Онгудайский	3114	–	3422	–	4432	–	8032	–	8079	–
Усть-Канский	6248	358	6854	344	7450	10	8725	10	9938	5
Усть-Коксинский	16940	246	17117	235	19011	221	19649	221	21440	192
Чемальский	683	–	589	–	841	–	1317	–	1507	–
Чойский	–	–	–	–	–	–	130	–	121	–
Шебалинский	5491	4618	5373	4243	6246	3954	6736	3954	7203	4144

С назначением в 2006 г. Министром сельского хозяйства РА С. И. Огнёва пантовым оленеводством вновь в основном стало заниматься это министерство, но уже на основе экономических методов управления. В рамках соглашения между правительствами г. Москвы и Республики Алтай в 2006–2007 гг. была попытка включить препараты пантового сырья в аптечную сеть г. Москвы. Не получилось из-за позиции руководства аптечной сети столицы. В 2007 г. понятие «пантолечение» впервые появилось в материалах Комплексной программы социально-экономического развития Алтайского края.

В марте 2007 г. на выездной коллегии Министерства сельского хозяйства России, проходившей в Якутии, С. И. Огнёв обратился к министру Алексею Васильевичу Гордееву с вопросом о выплате субсидий не только северным оленеводам, но и мараловедам Сибири. Весь 2007 г. ушел на пробивание этого решения, и с 2008 г. мараловодческие хозяйства стали получать поддержку государства.

В 2008 г. Россию поразил очередной валютный кризис, который заметно подорвал устойчивость отрасли, так как цены на панты упали до исторического минимума. В этих условиях попытки найти сбыт пантов на отечественном рынке заметно усилились. Первый заместитель главы Республики Алтай С. М. Тевонян 22 мая 2008 г. провел крупное совещание по проблемам развития отрасли, но дальше призывов дело не пошло.

Тем не менее по итогам 2008 г. в отрасли работали два племзавода по маралам, шесть племрепродукторов, в том числе один по пятнистым оленям. поголовье маралов на 01.01.2009 возросло до 54 586 голов, а пятнистых оленей сократилось до 2800 голов.

В этом же году Министерство сельского хозяйства РА предприняло первую попытку подготовить и защитить республиканскую ведомственную целевую программу «Развитие производства и переработки продукции пантового оленеводства в Республике Алтай на 2009–2012 годы», которая предполагала рост поголовья маралов в республике с 55,5 до 62,5 тыс. голов и создание 10 «пантолечебниц», но деньги под программу не были выделены.

В феврале 2010 г. письмо о необходимости поддержки пантового оленеводства, подписанное главой Республики Алтай А. В. Бердниковым, попало к Президенту России Д. А. Медведеву. В результате Минсельхоз РФ запросил у Правительства РА предложения по развитию отрасли.

Весь 2010 г. органы власти Республики Алтай и Алтайского края, не пересекаясь между собой, активно готовили решения по дальнейшему развитию пантового оленеводства. В Алтайском крае прорабатывали материалы по краевой программе «Развитие комплексной переработки продуктов пантового оленеводства в Алтайском крае на 2011–2015 годы», и 19.11.2010 г. эта программа была утверждена.

В Республике Алтай весь год проводились совещания у министра сельского хозяйства РА С. И. Огнёва по подготовке собственной программы развития пантового оленеводства. Летом 2010 г. делегация от Алтая (С. И. Огнёв, А. П. Попов, М. Н. Дочилова) побывала на V Всемирном конгрессе оленеводов в Китае.

В феврале 2011 г. постановлением Администрации Алтайского края № 83 от 24.02.2011 был утвержден научно-технический совет по оценке инновационных технологий пантолечения. В Республике Алтай 17.06.2011 коллегия Министерства сельского хозяйства РА рассмотрела вопрос «О состоянии и развитии пантового оленеводства в Республике Алтай на примере хозяйств Усть-Коксинского района». В этом же году 08.08.2011 Правительство РА постановлением № 193 утвердило республиканскую целевую программу «Развитие пантового оленеводства в Республике Алтай на 2011–2020 годы».

В сентябре 2011 г. в Бийске была проведена научно-практическая конференция «Инновационные технологии производства продукции пантового оленеводства и использование ее в укреплении здоровья нации». В сентябре 2013 и 2015 гг. прошли еще две большие международные конференции на Алтае по проблемам развития отечественного рынка продукции на основе пантового сырья.

В марте 2015 г. официальная делегация Алтайского края посетила провинцию Канвон в Республике Корея с целью установления связей, в том числе и по продукции пантового оленеводства.

Наконец, в августе 2018 г. на Алтае в г. Белокурихе состоялся VII Всемирный конгресс оленеводов. Начиная с 2012 г. активную позицию по поддержанию интереса у бизнеса к вопросам развития отечественного рынка пантовой продукции и пантолечения в частности занимала Администрация Алтайского края.

3.2 ХРОНИКА СОБЫТИЙ РАЗВИТИЯ ПАНТОВОГО ОЛЕНЕВОДСТВА И ПЕРЕРАБОТКИ ПАНТОВОГО СЫРЬЯ НА АЛТАЕ ПОСЛЕ 1917 г.

В 2015 г. в книге «Социально-экономический портрет мараловодов дореволюционного Алтая» я опубликовал «Хронологический перечень событий в истории появления пантового оленеводства в России», где постарался отразить основные даты и факты, связанные с возникновением и развитием пантового оленеводства в России до 1917 г.

Естественным является желание закончить хронологию отрасли и рынка описанием событий и фактов начиная с 1917 г. и до наших дней, тем более, что по драматизму этот период является гораздо более насыщенным и трагичным в исторической судьбе нескольких поколений мараловодов и их семей. На этот раз пришлось в основном ограничиться описанием развития отрасли на территории Алтая, что в большей степени соответствовало моему исследовательскому интересу, да и возможностям тоже.

Предлагаемая читателю хронология событий не может претендовать на полный обзор всего, что происходило в отрасли и на отечественном рынке пантовой продукции за последние 100 лет, но позволяет составить хотя бы общее представление одновременно о многообразии, напряженности и привлекательности всего, что происходило в этой сфере жизни нашего общего Алтая.

1917 г.

По итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения этого года приблизительное поголовье пантовых оленей в Российской империи составляло более 23 тыс. голов, в том числе:

- Казахский Алтай — 8000 голов (350 владельцев);
- Русский Алтай — 3000 голов (150 владельцев);
- Урянхай (Тува) — 100 голов;
- Енисейская губерния — 1400 голов;
- Забайкалье — 1000 голов;
- Приморье — 8000 голов.

Самый крупный мараловод Алтая Алексей Степанович Попов из с. Шебалино имел в двух маральниках 300 оленей. Всего в этом селе было в этот год 11 мараловодов, которые содержали 417 оленей.

У 27-летнего мараловода Ивана Степановича Белоусова в с. Берельском (Бухтарма) было 254 оленя. Его родственники — четыре родных брата Белоусовых вместе держали 541 марала. Всего 45 мараловодов в с. Берельском имели 2144 оленя.

В трех деревнях (Талица, Коргон, Чечулиха) Бийского уезда в 1917 г. было 17 мараловодов, содержащих 308 оленей. В с. Абай жили два мараловода с 88 оленями.

В с. Огневка современного Усть-Коксинского района Республики Алтай 22 марта 1917 г. родился Федор Петрович Кудрявцев, будущий бригадир мараловодов Талицкого маралосовхоза, первый Герой Социалистического Труда в пантовом оленеводстве Алтая.

1918 г.

Декрет Совнаркома от 09.08.1918 «О национализации внешней торговли» формально касался и экспорта пантов, но в условиях Гражданской войны панты на Алтае продавались скупщикам из Китая без особых препятствий.

В селах начались конфликты зажиточных крестьян, в том числе мараловодов, с представителями советской власти. Например, до прихода колчаковских войск в с. Шебалино (Горный Алтай) крупнейший мараловод А. С. Попов открыто враждовал с предревкома В. И. Плетневым.

Продажа пантов осуществлялась на местах по старой схеме, сложившейся до 1917 г.

1919 г.

Уполномоченный командующего войсками Омского военного округа по Бийскому военному району в первой половине этого года установил запрет на отстрел маралов и ужесточил правила отлова молодых маралов, которые касались только маральников.

В конце 1919 г. победившая советская власть начала конфискацию маральников у тех мараловодов, которые поддержали в 1918 г. колчаковцев:

– на основе маральника А. С. Попова в с. Шебалино в конце года был создан первый в России Шебалинский советский маральник, а у самого А. С. Попова национализировали под врачебный участок 10-комнатный деревянный дом, который до сих пор сохранился в полуразрушенном состоянии;

– в Онгудае национализировали маральник и дом Г. А. Варвинского.

1920 г.

В феврале Алтайский губревком (его земельный отдел) потребовал от волостных ревкомов взять на учет маральники на своих территориях.

В июле 1920 г. в Бухтарминском крае началось восстание с участием богатых кержаков-мараловодов. В августе восстание было жестоко подавлено, и 12 брошенных маральников перешли в собственность местных властей, которые передали в аренду трем созданным артелям.

В мае 1920 г. Горно-Алтайский ревком организовал через анкетирование обследование состояния маральников Горного Алтая. Приказом № 48 от 20.07.1920 этот же ревком потребовал от представителей власти на местах сохранять и поддерживать мараловодство.

Президиум Усть-Каменогорского уездного исполкома Советов 18.08.1920 (протокол № 12) решил принять все меры к сохранению маральников.

В сентябре земельный отдел Алтгубревкома на заседании коллегии подчеркнул, что маральники останутся в частных руках, но продажа пантов за границу будет в руках государства, а также обратил внимание на необходимость изучения мараловодства для его дальнейшего развития.

В Уймонском аймаке Ойротии 130 частных хозяйств держали вместе 900 маралов.

1921 г.

В этом году Уймонский волревком определил меры по охране и ремонту маральников, а также по созданию мараловодческих товариществ.

В апреле 1921 г. Горно-Алтайское уездное управление сельского хозяйства составило сводку потребности маральников в соли (92 мараловода, 2055 маралов, 102 пуда соли).

Совет народных комиссаров (СНК) декретом от 09.08.1921 разрешил Сибвнешторгу вести коммерческую деятельность на территории Сибири.

1922 г.

Для выполнения экспортных операций в РСФСР государство учредило акционерное общество Госторг, в Сибири — Сибгосторг. С 01.10.1922 в г. Бийске открылась Бийская контора Сибгосторга (заведующий Н. А. Мойк). В Улале открылся заготпункт Бийской конторы (заведующий Н. Г. Пивоваров). Панты попали в сферу интересов этой государственной организации.

Крестьяне-мараловоды стремились адаптироваться к новой власти. Парфен Романович Романов, мараловод с. Абай, например, стал членом Абайского волревкома.

1923 г.

В этом году в Бухтарминском уезде осталось 260 мараловодов и 3581 марал (для сравнения: в 1920 г. здесь было 350 мараловодов и 8346 маралов). Так, в Горном Алтае у Фоминых в Талице в 1917 г. было 60 маралов, а на начало 1923 г. осталось всего 12 голов; мараловод Головин из Чечулихи в 1914 г. имел 40 маралов, а в конце 1923 г. их осталось лишь 20; у Быковых из Башелака от 100 маралов в 1917 г. осталось в 1919 г. только 9 голов.

С 02.04.1923 по ноябрь 1923 г. первый советский маральник в с. Шебалино возглавлял Я. В. Пуликовский, затем назначили заведующим В. А. Папенфуса.

Заведующий Алтайским отделением Всесоюзного текстильного синдиката Ю. Г. Лукьянов в августе после командировки в Монголию отметил, что для импорта сырья из Монголии нужны панты для экспорта.

Коллегия Народного комиссариата внешней торговли 10.09.1923 разрешила Сибгосторгу работать на рынках Монголии, Китая и Японии.

1924 г.

В январе помощник уполномоченного Западно-Сибирского военного округа по экономике Иванов сделал доклад начальнику Ойротского отдела ОГПУ о состоянии Кобдосского рынка в Монголии и необходимости пантов для международной торговли.

В январе 1924 г. ОГПУ обнаружило во главе Монголгосторга Г. А. Варвинского, ранее репрессированного за связь с колчаковцами. Началось его судебное преследование.

В газете «Советская Сибирь» 9 февраля опубликована статья А. Коптелова «Мараловодство на Алтае». В этой же газете 24 марта вышла статья «Мараловодство и кооперация» под псевдонимом «Ойротский».

Президиум Ойротского облисполкома 24.04.1924 рассмотрел вопрос «О Шебалинском советском маральнике» и приписал маральник к Облземуправлению с перспективой сделать его через шесть лет образцово-показательным.

В июне Ойротский облисполком принял постановление о снижении налога с мараловодческих хозяйств.

Ойротское облземуправление составило план развития Шебалинского советского маральника до 1935 г.

Бийская контора Сибгосторга стала Бийской окружной конторой. Панты закупились от 450 до 600 руб. за пуд.

1925 г.

Численность маралов в Ойротии в 1925 г. составляла 1640 голов (в 1920 г. — 2779 голов).

Численность маралов в Бухтарминском уезде в этом году составляла 3109 голов против 4518 голов в 1920 г. В с. Шебалино в 1917 г. было 11 мараловодов (507 оленей), в 1925 г. осталось только 4 мараловода (52 оленя).

СНК СССР 13.02.1925 принял постановление «О порядке вывоза пантов и кабарговой струи и о запрещении вывоза рогов сайгаков», в котором ужесточил контроль за реализацией этих товаров.

В мае 1925 г. Кобдосская контора Сибгосторга в Бийске имела агентство, состоящее из пяти сотрудников. Сам Сибгосторг реализовывал панты через свое Тяньзинское торгпредство.

В этом году по Чуйскому тракту из Бийска до Кош-Агача первые семь рейсов сделали автомобили Сибгосторга и АО «Шерсть».

В Харбине была издана книга Н. А. Байкова «Изюбрь и изюбредовство», в которой автор предсказывает большое будущее развитию пантового оленеводства.

В журнале «Охотник» (№ 5) вышла статья К. Н. Давидовича «О мараловодстве».

В декабре 1925 г. умер лишенный всех прав крупнейший мараловод дореволюционного Алтая Алексей Степанович Попов.

1926 г.

В этом году Сибгосторг заготовил пантов в I полугодии на 78 тыс. руб., а во II полугодии — на 93 тыс. руб.

15.06.1926 Ойротскую окружную контору Сибгосторга присоединили к Бийской конторе, которая стала Алтайской окружной конторой.

В августе газета «Советская Сибирь» опубликовала статью А. Генделева «Задачи мараловодства» о катастрофическом сокращении мараловодческих ресурсов и необходимости стимулирования развития мараловодства.

В с. Талица была создана мараловодческая артель «Марал». В 1928 г. в этой артели работал 61 человек и было 412 маралов.

На заседании правления Сибгосторга сделан доклад о хозяйственном значении мараловодства и его перспективах.

В декабре 1926 г. на заседании Промысловой охотничьей секции Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока Г. Д. Махоткин сделал доклад «Мараловодство Танну — Тувы».

Экспедиция Н. К. Рериха по пути в Верх-Уймон ночевала в Абае у мараловода Романова, а в Усть-Жоксе — в конторе Сибгосторга.

1927 г.

В д. Берель Бухтарминского уезда в этом году осталось всего 166 маралов против 2213 маралов в 1917 г.

В Горном Алтае от Талицкой мараловодческой артели отделилась Коргонская мараловодческая артель, которая вошла в Охотсоюз.

Мараловод Л. С. Санаров из с. Коргон просит восстановить его в избирательных правах.

В этом году вышли следующие работы, касающиеся состояния мараловодства:

– Никольский Г. А. «Марал и мараловодство» (Труды Сибирского ветеринарного института, Вып. VIII. 1927 г.);

– Бломквист Е. А. и Гринкова Н. П. «Кто такие Бухтарминские старообрядцы» (Казахская экспедиция. Казахстан. 1927 г. С. 117–124);

– Брусницын «Мараловодство и меры по его развитию» (Охотник и пушник Сибири. 1927. № 9. С. 31–33);

– АЭН «Мараловодство в Бийском округе» (Охотник и пушник Сибири. 1927. № 12. С. 43–44).

Постановлением Совнаркома РСФСР от 28.10.1927 было создано импортно-экспортное торгово-заготовительное акционерное общество «Сибкрайгосторг», и ему перешла в управление вся агентская сеть на местах.

Сибкрайторготдел 05.12.1927 утвердил стандарт на панты, и впервые появились общие правила приемки пантов: третий сорт допускал 50 % окостенения панта, второй — 25 %, а первый — 0 %.

Мараловоды Манжины и Сапоговы продали в этом году панты по 13,5 руб. за килограмм (низкое качество). Первый сорт стоил 30 руб. за кг.

1928 г.

В Сибкрайземуправлении 04.01.1928 при подотделе животноводства состоялось совещание с повесткой «О восстановлении и развитии мараловодства». Такое же совещание проводилось и при отделе животноводства в Ойротии, на котором рассматривались меры по развитию коллективной формы мараловодства.

На 01.01.1928 в Бийской конторе Сибкрайгосторга работал 51 сотрудник, в том числе 4 человека — монгольское агентство.

В январе проведено обследование Шебалинского советского маральника, показавшее его плохое состояние.

Общество изучения Сибири (г. Новосибирск) при поддержке Госторга и Охотсоюза направило экспедицию (Орлов, Залесский, Несчастливцев) на Алтай, в Минусинский и Хакасский округа для изучения состояния мараловодства. Было отмечено охлаждение к мараловодству.

На Алтае появились новые мараловодческие товарищества:

– Мендур-Соконское мараловодческое товарищество;

– Усть-Канское мараловодческое товарищество;

– мараловодческое товарищество «Мараловод-бедняк» (в 30 верстах от с. Нижний Уймон);

– Элекмонарская мараловодческая артель (зарегистрирована 04.01.1928 в Чемале).

Облземуправление Ойротии 30.05.1928 сдало в аренду на 24 года Сибкрайгосторгу Шебалинский маральник. Передали 136 маралов. Руководителем согласовали Ивана Мироновича Шадрина.

Вышла работа по мараловодству Ф. Г. Добржанского «Очерк мараловодства в Южном Алтае».

Мараловод Санаров получил за панты в 1928 г. от Сибкрайгосторга 200 метров мануфактуры.

Китайцы контрабандой скупали на Алтае панты по цене 12 руб. за фунт.

1929 г.

В 1928–1929 гг. Сибкрайгосторг скупил у частных 899 маралов и организовал в эти годы три арендных государственных маральника (№ 2, № 3 и № 4). Кроме этого, маралов активно скупали Союзохота и организации кооперации.

Силами специалистов Омского ветеринарного института на средства Сибкрайгосторга было проведено обследование всех арендных государственных маральников.

Исполком Усть-Канского аймака 6 марта принял решение об увеличении арендной платы за землю под маральниками.

В марте было зарегистрировано в Нижне-Уймонском сельском совете Акчанское мараловодческое товарищество, состоящее из одного человека.

Летом на покосе Нижне-Уймонского госмаральника на работников напала банда: отобрали лошадь, палатку, дождевики и другое личное имущество.

Директор Шебалинского госмаральника № 1 И. В. Сосновский за развал работы летом сослан на Соловки.

Были опубликованы следующие статьи по проблемам мараловодства:

- Янпольский В. И., Абрамов П. Е. «Маралы и их хозяйственное значение» (Животноводство в Ойротском крае. 1929 г. С. 150–160);
- Мошкин А. Ф. «Состояние мараловодства Горного Алтая в 1928 г. (из личных впечатлений)» (Практическая ветеринария. 1929. № 4);
- Войцехович «Мараловодство в Бийском округе» (Охотник и пушник Сибири. 1929. № 3);
- Залесский П. М. «О крупном мараловодческом хозяйстве» (Жизнь Сибири. 1929. № 9. С. 73–76).

1930 г.

Государство ликвидировало Госторг РСФСР, и больше года шла реорганизация его многочисленных структур. Было создано Ойротское управление бывшими арендными госмаральниками, которое просуществовало до 1933 г. (1930 г. — в Шебалино, 1931–1933 гг. — в Абае).

В системе Сибмолживотноводсоюза в 9 колхозах насчитывалось в I полугодии 964 марала.

В бывшем арендном госмаральнике Кайтанака на 06.02.1930 было 395 оленей: 196 рогачей, 187 самок, 12 телят. Маральником заведовал Зиновьев.

В начале 1930 г. был репрессирован один из самых известных мараловодов Алтая Максим Пелеевич Ошлыков. Он получил 10 лет лагерей, где умер в 1938 г. Жена умерла в 1932 г. Осталось трое детей-сирот.

В феврале 1930 г. расстрелян известный мараловод из Талицы А. Н. Фоминых.

Весной 1930 г. расстреляны мараловоды С. А. Барсуков и Ф. Ф. Рахманов из д. Белая (Бухтарма).

В 1929–1930 гг. не менее 80 % мараловодов Алтая лишились имущества, а многие — свободы и даже жизни.

В Талице продолжала работать мараловодческая коммуна «Путь Ленина».

В этом году Колхозсоюз выделил на развитие мараловодства 15 тыс. руб.

В 1930 г. в Новосибирске была издана книга «Мараловодство в Сибирском крае», которая включила в себя следующие работы:

- Залесский П. М. «Мараловодство в Северо-Западном Алтае»;
- Орлов С. И. «Мараловодство в Центральном и Южном Алтае»;
- Несчастливцев С. Н. «Мараловодство Минусинского и Хакасского округов».

Вышла книга Абрамова К. Г. «Пятнистый олень. Элементарные сведения по пантовому оленеводству» (Владивосток, 1930 г.).

1931 г.

На 01.01.1931 в Ойротии числилось 3068 маралов, в том числе в колхозах — 1004 оленя. На конец года в колхозах планировалось иметь уже 1487 маралов (за счет конфискации у частных. — *Н. Ф.*).

В этом году разведением маралов занимались также организации Колхозсоюз и Молокосоюз Западной Сибири.

На 01.03.1931 в еще существовавшем Сибкрайгосторге действовали шесть арендных государственных маральников с 1859 оленями. Зимой 1930–1931 гг. в Шебалинском госмаральнике пало 75 оленей. Всего в госмаральниках в эту зиму погибло 277 оленей (15 % поголовья).

В феврале 1931 г. состояние дел в госмаральниках проверила Ойротская РКИ — результаты оказались удручающие.

Коллегия Наркомата земледелия СССР 01.04.1931 рассмотрела вопрос «О мараловодстве Ойротской автономной области» и приравнивала маральники бывшего Госторга к совхозам.

В апреле установлено, что маральникам Горного Алтая не хватает 6915 га выпасов и 4196 га сенокосов.

В структуре Наркомата внешней торговли СССР был создан специализированный трест «Союз-зверокроликовод», в который вошли все маральники бывшего Госторга.

Пушносиндикат ввел новые правила приемки пантов III сорта.

Во ВНИИ пушно-мехового и охотно-промыслового хозяйства (ВНИПО) создали сектор пантового оленеводства (П. В. Митюшов).

В журнале «Союзпушнина» № 3 вышла статья Г. И. Шаманского «Мараловодство на Алтае и болезни маралов».

1932 г.

В январе 1932 г. родился Петр Фатеевич Попов, самый известный бригадир-мараловод России, будущий Герой Социалистического Труда маралосовхоза «Абайский» Усть-Коксинского района.

В 1932 г. в совхозах Ойротии стало 2762 марала (1931 г. — 1933 марала), так как 600 голов передали из колхозов. В этом году маральниками из Новосибирска руководил Запсибзверокомбинат.

Союзпушнина ввела в оборот новый сорт пантов «Экстра». В Подмосковье была создана лаборатория по изучению лечебных свойств пантов (руководитель С. М. Павленко).

Директором Шебалинского маралосовхоза стал Григорий Степанович Черданцев. Его сын и внук в свое время также работали директорами маралосовхозов.

В марте вышла книжка И. Я. Тихонина «Шебалинский государственный маральник», которая стала пособием по мараловодству.

В октябре в газете «Красная Ойротия» опубликована статья Л. Руднева «Большевистские победы мараловодческих совхозов в Ойротии».

1933 г.

В этом году поголовье пантовых оленей на Алтае составляло 2807 голов. В Шебалинский маральник завезли 49 первых пятнистых оленей с Дальнего Востока.

В Шебалино была организована Всесоюзная школа подготовки кадров для мараловодства, но желающих учиться не оказалось.

В Кайтанакском маральнике на 508 оленей было 350 га парков (0,69 га на голову). Вместо необходимых 290 га пашни было всего 78 га.

В апреле этого года С. М. Павленко запатентовал способ получения пантокринина.

В 1933 г. конфисковали все имущество семьи известного мараловода из с. Абай Прокопия Ивановича Романова, в феврале 1937 г. его расстреляли.

Трест «Союззверокроликовод» (руководитель — Байков) 15.10.1933 издал приказ № 103 «Об улучшении отчетности и учета в зверокомбинатах и совхозах», утвердил нормы списания имущества.

1934 г.

На конец года в совхозах треста «Союззверокроликовод» в Сибири было 2715 маралов. В Шебалинский оленник завезли еще 75 пятнистых оленей. На конец года в этом совхозе их стало 204 головы.

В колхозах Ойротии в декабре 1934 г. осталось всего 200 маралов.

Летом в контрреволюционной деятельности обвинен мараловод Абайского маралосовхоза Григорий Павлович Поносов. В июле 1937 г. он был арестован.

1935 г.

В апреле 1935 г. известный специалист по мараловодству П. В. Митюшов из ВНИПО перешел работать старшим зоотехником в трест «Союззверокроликовод», где в ноябре образовали отдел пантового оленеводства.

С 1935 г. в совхозы пантового оленеводства стали поступать на работу молодые зоотехники из ВНИПО.

На 01.01.1935 в Абайском маралосовхозе содержалось 510 оленей: 241 рогач, 155 маралух, 114 подростков и телят.

В этом году был создан Всесоюзный оленетрест, первым директором которого стал Ян Ойнис.

Издана книга А. В. Маракуева и А. В. Рудакова «Пятнистый олень в китайской медицине».

В 1935 г. создан Солонешенский маралосовхоз Алтайского края.

1936 г.

В этом году было принято решение передать маралосовхозы из НКВТ в ведение НКСХ (НКВТ — Народный комиссариат внешней торговли, НКСХ — Народный комиссариат сельского хозяйства. — *Н. Ф.*). Создано управление оленесовхозов, в структуре которого был организован Бийский оленетрест, куда перешли шесть ойротских совхозов, Катон-Карагайский маралосовхоз из Казахстана и Усинский маралосовхоз из Красноярского края.

Внешторгиздат выпустил 2-е издание сборника «Пантокрин» (хуалу-крин) под редакцией профессора С. М. Павленко на четырех языках.

1937 г.

В начале января в газете «Советская Сибирь» вышла заметка «Панты марала» о работе маралосовхозов.

В начале года завершена передача маралосовхозов в Управление оленесовхозов НКСХ СССР. В конце года Управление оленесовхозов преобразовали во Всероссийский трест оленесовхозов при НКСХ.

В Москве организована станция пантового оленеводства, а в с. Шебалино — ее опорный пункт, руководителем которого стал старший зоотехник оленесовхоза Павел Иванович Черетаев.

Расстрелян бывший директор Шебалинского оленесовхоза Н. С. Абдулханов. Директор совхоза В. С. Бакаринов получил 10 лет лагерей. Всего в Шебалинском оленесовхозе в 1937 г. было репрессировано восемь работников. Совхоз возглавил Павел Миронович Еремеев.

В Солонешенском маралосовхозе «раскрыли» группу вредителей во главе с А. А. Завьяловым. Расстреляли четыре человека, двое получили по 10 лет лагерей, двое — по 5 лет.

Шебалинская Всесоюзная школа подготовки кадров для мараловодства работала плохо: из 20 мараловодов училось 17, из 33 кормачей училось 24. Выпускники этой школы оказались плохими работниками, так как учеба была организована кое-как.

1938 г.

По плану этого года в маралосовхозах Алтая поголовье оленей должно было достигнуть 6330 животных.

Оргкомитетом ВЦИК по Алтайскому краю было принято решение № 1970 от 22.10.1938 об обязательном страховании маралов в 1939 г.

Приказом № 652 от 15.11.1938 по Алтайскому краевому земельному отделу за развитие пантового оленеводства в колхозах стала отвечать охотинспекция края.

В 1936–1938 гг. в Ойротии было репрессировано 3613 человек, из которых 2439 (67,5 %) человек расстреляли. Погибли в том числе многие работники пантового оленеводства.

1939 г.

Лаборатория пантового оленеводства преобразована в Научно-исследовательскую лабораторию пантового оленеводства (директор Павленко, зам. по науке Митюшов). Опорные пункты лаборатории находились в с. Шебалино на Алтае и в пос. Силинский на Дальнем Востоке.

Убыток Бийского оленетреста за этот год составил 728 тыс. руб. Прибыльным оказался только один маралосовхоз.

В этом году 11 мая была отклонена просьба Ойротского облисполкома о передаче Верх-Катунского маралосовхоза в состав Казахской ССР.

На Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву были направлены:

– от Нижне-Уймонского маралосовхоза — тракторист Федот Иванович Резвых, помощник мараловода Харитон Захарович Бушметов, кормач Прокопий Савельевич Клепиков (малая золотая медаль выставки);

– от Абайского маралосовхоза — помощник мараловеда Семен Георгиевич Чепрасов.

В Нижне-Уймонском маралосовхозе П. С. Клепиков по своей группе (81 марал) получил продуктивность 8,72 кг сырых пантов на голову оленя. В этот совхоз в 1939 г. должны были поставить трактор СТЗ, комбайн «Северный», два грузовика и четыре сеялки.

1940 г.

На 01.01.1940 в девяти маралосовхозах Бийского оленетреста содержалось 8520 маралов (91 % от плана) и 962 пятнистых оленя (96 % от плана). В тресте работали 1032 человека.

На 01.01.1940 в Ойротии и Чарышском районе Алтайского края числилось 689 колхозных маралов.

Алтайский крайисполком принял решение № 817 от 22.07.1940 «Об укреплении колхозного мараловодства» и определил мероприятия для его выполнения с доведением поголовья до 900 оленей.

В конце 1940 г. в Бийском оленетресте поголовье маралов составило 9599 животных (97,4 % от плана). Трест закончил год с убытком в 186,7 тыс. руб.

1941 г.

В начале 1941 г. в Бийском оленетресте насчитывалось уже 11 тыс. пантовых оленей, в том числе 1200 пятнистых.

Облисполком и обком ВКП(б) Ойротии 31.03.1941 обратились в бюро Алтайского крайкома ВКП(б) и крайисполком с запиской «О разукрупнении оленеводческих хозяйств Ойротии». Для уже существующего поголовья совхозам требовалось 6950 га земли вместо имеющихся 4453 га. Остро не хватало кормов. Инициатором вопроса был Бийский оленетрест.

Ойротский ОК ВКП(б) 25.06.1941 обязал районы создать месячные курсы женщин-трактористок и комбайнеров. В Бийском оленетресте должны были обучить соответственно 92 и 38 женщин.

В Кайтанакском маралосовхозе 02.07.1941 женщины добровольно увеличили свой рабочий день на 6 часов на период сенокоса и уборочных работ.

Алтайский крайисполком 13.08.1941 потребовал от Ойротии дополнительно отдать в фонд «Лошадь Красной Армии» 3247 хороших лошадей. Шебалинский оленесовхоз в 1941 г. передал в РККА 24 лошади. За этот год в совхозе сменилось четыре зоотехника. Разноэкспорт не смог принять только у этого совхоза 323 кг консервированных пантов, которые остались в хозяйстве.

В августе решением бюро Алтайского крайкома ВКП(б) и крайисполкома. Бийский оленетрест был переведен в Ойротию (г. Ойрот-Тура). Ди-

ректором оленетреста 25 августа назначили Дмитрия Антоновича Аргучинского, бывшего директора Нижне-Уймонского маралосовхоза.

В августе 1941 г. из Москвы в г. Ойрот-Тура эвакуировали лабораторию пантового оленеводства, которая пробыла здесь до января 1944 г.

В 1941 г. ушел на фронт директор Талицкого маралосовхоза Кузьма Алексеевич Романов. Он погиб на фронте 13.04.1945.

В октябре 1941 г. на фронт забрали зоотехника Кайтанакского маралосовхоза Евгения Николаевича Романова, который после войны (с 1946 по 1958 г.) был директором Талицкого маралосовхоза.

Мараловедами стали назначать женщин. В 1941 г. Ф. М. Поваренкова стала помощником бригадира по мараловодству. Отработала 10 лет и в 1954 г. была награждена поездкой на ВСХВ и получила там медаль.

Политбюро ЦК ВКП(б) 17.11.1941 восстановило на селе политотделы, в том числе в Бийском оленетресте и маралосовхозах края.

Мараловод Ипат Иванович Кудрявцев в Кайтанакском маралосовхозе получил в этом году 7,4 кг сырых пантов на одного рогача.

В Усинском маралосовхозе (Красноярский край) только за декабрь 1941 г. волки зарезали 57 маралов и 12 ранили.

1942 г.

С 01.02.1942 политсектор в Бийском оленетресте возглавил Иван Иванович Стародубцев. Начальником политотдела Шебалинского оленесовхоза стала учительница с Украины А. В. Акулова. С января начальником политотдела Усинского маралосовхоза стал учитель Иван Филиппович Беляк.

С 01.02.1942 Бийский оленетрест преобразовал школу мараловодов в школу механизаторов. Директором стала бывший агроном Шебалинского оленесовхоза П. В. Соколова. Бийский оленетрест 09.04.1942 выпустил приказ № 34 «Об улучшении подготовки трактористов».

Коллектив Нижне-Уймонского маралосовхоза в феврале отправил на фронт теплых вещей на 15 тыс. руб.

На 03.04.1942 в совхозах Бийского оленетреста трудились 15 женских тракторных бригад, 43 трактористки.

Из 11 мараловодов в Солонешенском маралосовхозе 7 человек были женщины. Старшим мараловодом работала Ефимия Еникеевна Пахомова. В 1942 г. этот маралосовхоз возглавил фронтовик Василий Ефимович Рясков, который руководил этим хозяйством до 1953 г.

В феврале — марте 1942 г. в Усинском маралосовхозе сменилось два директора. Летом директором стал И. В. Копиченко с Алтая.

В Талицком маралосовхозе в 1942 г. из 16 мараловодов 12 были женщины, из которых трое были моложе 20 лет. Один мужчина был инвалидом. Одного члена бригады в декабре забрали на фронт.

Комсомольцы Талицкого маралосовхоза с сентября 1941-го по февраль 1942 г. собрали для фронта 18 пар новых валенок, пару ботинок, бушлат, фуфайки и другие вещи. Для раненых Бийского госпиталя отравили 6 гусей, 12 кур, 4 кг сливочного масла.

В апреле этого года Шебалинский оленесовхоз с фондом зарплаты 27 тыс. руб. подписался на заем в 37 тыс. руб., помогая государству деньгами.

Комсомольцы оленетреста (83 человека) 23.03.1942 телеграфировали в Москву, что собрали 268 запчастей, 48 инструментов и 86 запчастей к сельхозмашинам.

На субботнике 06.06.1942 в Шебалинском оленесовхозе очистили от чащи и колодника 150 га пастбищ. В хозяйстве за 5 месяцев волки зарезали 32 оленя.

В июле этого года молодая трактористка из Нижне-Уймонского маралосовхоза Лепестинья Афанасьева выполняла норму выработки на 150–300 %, а Зинаида Ленская — на 200 %.

Бийский оленетрест приказом № 55 от 22.07.1942 обязал маралосовхозы увеличить поголовье волов в хозяйствах.

В августе этого года Ойротия приняла 3000 эвакуированных.

Осенью этого года пришла похоронка в семью известного в будущем мараловода из д. Карагай Фатей Петровича Попова, но он после ранения вернулся с фронта живым.

Ойротский облисполком решением № 410 от 05.11.1942 попросил Алтайский крайисполком переименовать Бийский оленетрест в Ойротский, но это не было сделано.

Приказом от 10.12.1942 Бийский оленетрест укрепляет материальную базу Шебалинской школы механизаторов и забирает у оленесовхоза трактор СХТЗ.

По итогам 1942 г. в оленетресте насчитывалось 9750 маралов (93,5 % от плана) и 1612 пятнистых оленей (89,7 % от плана), 1388 лошадей (96,3 %), 1069 голов КРС (107 %). Продуктивность марала-рогача составила 5,56 кг, самца пятнистого оленя — 1,12 кг. Удой на фуражную корову составил 1174 кг молока (89,7 % к плану).

В оленетресте обмолотили только 63 % убранный хлеб. Сена заготовили 80 % к плану. В поле осталось 30 % выращенного урожая. От 60 до 70 % всех работ выполнялось вручную.

1943 г.

В начале 1943 г. в печати появилось обращение коллектива Нижне-Уймонского маралосовхоза ко всем совхозам Ойротии, призывающее достойно подготовиться к полевым работам.

В приказе № 18 от 06.02.1943 Бийского оленетреста отмечается плохая зимовка скота в Талицком и Шебалинском совхозах: в Талицком совхозе в декабре 1942-го — январе 1943 г. пало 100 маралов, в Шебалинском — 55 пантовых оленей. Директор Шебалинского оленесовхоза П. В. Шмылев снят с работы.

В Абайском маралосовхозе в ходе зимовки пало 42 марала (5 % поголовья). К севу из четырех тракторов отремонтировано только два. Обеспеченность ГСМ — 66 %. В тракторной бригаде шесть человек — все женщины и девушки.

Бийский оленетрест приказом № 48 от 15.04.1943 обязал оленесовхозы отдать 5 % лучших лошадей в фонд «Лошадь Красной Армии».

В апреле политотдел Нижне-Уймонского маралосовхоза докладывал, что в хозяйстве собрано 2000 руб. в фонд обороны Красной Армии, теплых вещей — на 330 руб., на детей, пострадавших от оккупантов, — 450 руб., на строительство танковой колонны «Алтайский колхозник» — 8000 руб. и на изготовление самолетов «Алтайский истребитель» — 6350 руб.

ЦК ВКП(б) 31.05.1943 ликвидировал политотделы в народном хозяйстве. Начальник политсектора Бийского оленетреста И. И. Стародубцев 01.07.1943 был направлен в Красную Армию.

Бийский оленетрест в приказе № 64 от 01.06.1943 отметил очень плохую работу Шебалинской школы массовой квалификации и постановил 17.07.1943 перевести школу в с. Абай, но переезд не состоялся.

Талицкий маралосовхоз из 460 га озимых посевов обмолотил 121 га, из 2638 га яровых посевов обмолотил 557 га. Стадо маралов за год сократилось с 1402 до 884 голов. Государство не сумело принять все заготовленные 935 кг консервированных пантов. Директор совхоза С. И. Мизгерт 23.11.1943 был снят с работы.

В Нижне-Уймонском маралосовхозе в ноябре 400 маралов в поисках кормов сломали ограждение и ушли на волю. Мараловоду П. С. Клепикову объявили выговор. Падеж пантовых оленей в 1943 г. здесь составил 323 головы, в том числе 254 марала (32 % поголовья).

В Солонешенском маралосовхозе поголовье маралов в этом году сократилось с 839 до 503 животных.

По Бийскому оленетресту в 1943 г. поголовье пантовых оленей сократилось с 13 241 до 10 455 животных. Маралов стало меньше на 2 441 голову.

Алтайский крайисполком 04.11.1943 (решение № 1010) утвердил в рамках борьбы с браконьерством крупные штрафы за незаконный отстрел животных, в том числе и маралов.

1944 г.

Бийский оленетрест располагался в г. Ойрот-Тура по ул. Проточная, 2. На 04.03.1944 в Талицком маралосовхозе не было ни одного отремонтированного трактора.

Приказом № 32 от 05.04.1944 Бийский оленетрест отметил плохую работу большинства директоров по ремонту сеноуборочного инвентаря.

Приказом № 36 от 12.04.1944 оленетрест передал Карагайскую ферму Абайского молмясосовхоза в Абайский маралосовхоз, где наметили создание нового маральника с постановкой на зимовку в этом году первых 200 маралов. Строить маральник начали только в декабре 1949 г.

В Шебалинском оленесовхозе трактор ЧТЗ к 5 мая вспахал всего 18 га, второй трактор вообще не работал.

Трактористка Анна Фатеевна Железнова из Кайтанакского маралосовхоза на тракторе СТЗ за 15 дней обработала 92 га земли (153 % выполнения нормы), трактористка Васса Андреевна Боровикова на СТЗ НАТИ вместо плановых 5 га в смену обрабатывала 8–9 га (161 % от плана).

На 05.07.1944 в оленетресте было скошено всего 84 % площадей, заскирдовано 0,1 % сена и заготовлено силоса 47,4 % от плана.

Бийский оленетрест приказом № 96 от 27.09.1944 предупредил директора Абайского маралосовхоза А. И. Андриенкова о возможности уголовной ответственности за недостатки в организации уборки урожая.

В конце августа оленетрест за грубое обращение с людьми и развал в работе снял с должности управляющего фермой «Белая» А. Ф. Колмакова. На его место Талицкий маралосовхоз назначил инвалида войны П. К. Волкова.

В середине октября за недостатки в работе сняли с работы главного инженера Бийского оленетреста Зарницкого, и дело передали в следственные органы.

В конце 1944 г. зверохозяйства, и маралосовхозы в том числе, вновь передали в ведение НКВД СССР. Образовали трест Главзверовод во главе с В. А. Афанасьевым, который руководил им до этого.

1945 г.

Главное управление зерносовхозов Востока по итогам годового отчета признало работу Бийского оленетреста «крайне неудовлетворительной».

На 01.01.1945 в Бийском оленетресте содержалось 7807 пантовых оленей, в том числе:

- маралов взрослых — 5 936;
- маралов молодняка — 785;
- пятнистых оленей взрослых — 968;
- пятнистых оленей молодняка — 118.

На 100 самок в тресте получали 10 телят.

В Солонешенском маралосовхозе с 01.01.1944 по 01.01.1945 поголовье упало с 503 до 385 оленей, в Талицком маралосовхозе — с 884 до 644 оленей.

Нижне-Уймонский маралосовхоз в 1940 г. имел 838 маралов, а в 1945 г. — 540.

По итогам 1945 г. в Бийском оленетресте количество пантовых оленей сократилось до 6423 голов, но количество молодняка возросло с 771 до 1375 оленей. Из 19 тракторов в оленетресте не работало 6, из 13 комбайнов не работало 3. На девять совхозов было девять едва работающих автомашин.

С 11.10.1945 руководителем Бийского оленетреста вновь стал вернувшийся с войны Никифор Захарович Моисеев, ушедший на пенсию в середине октября 1953 г.

1946 г.

Алтайский крайисполком 15.02.1946 решением № 177 потребовал от Бийского оленетреста резко улучшить работу маралосовхозов и вернуться к довоенному уровню поголовья пантовых оленей.

В Кайтанакском оленесовхозе на 01.01.1946 кроме маралов было 66 пятнистых оленей. Старшим оленеводом стал вернувшийся с войны Ф. П. Кудрявцев, будущий Герой Социалистического Труда.

В начале года Бийский оленетрест обязал Талицкий маралосовхоз создать в с. Машенка новую маралоферму на 500 голов. До 01.01.1947 маралосовхоз должен был переместить на эту ферму 240 самок и 60 рогачей маралов.

1947 г.

В начале января 1947 г. Главзверовод находился в МВТ СССР (Министерство внешней торговли). В его структуре были ЦНИЛ Главзверовода, НИЛПО Главзверовода, 16 оленесовхозов в Дальзверотресте и Бийском оленетресте. Бийский оленетрест располагался вновь в г. Бийске по ул. Кольцовская, 96.

Директор Шебалинского оленесовхоза Н. В. Учакин 14.07.1947 передал руководство вернувшемуся с войны Павлу Антроповичу Еремееву, который возглавлял совхоз до самой смерти. Жители с. Диктиек установили ему памятник.

Приказом министра СССР А. Микояна № 348 от 25.12.1947 «О журнале “Каракулеводство и звероводство”» это издание было учреждено во главе с главным редактором, доктором сельскохозяйственных наук Григорием Иосифовичем Азимовым.

1948 г.

Журнал «Каракулеводство и звероводство» начали издавать с 01.01.1948. В составе редакции был известный специалист по пантовому оленеводству, кандидат сельскохозяйственных наук В. М. Юдин.

Приказом № 70 от 23.04.1948 по Бийскому оленетресту директор Талицкого маралосовхоза Е. Н. Романов по итогам ревизии получил выговор за плохое состояние учета, финансовые нарушения и случаи пьянства. Главный бухгалтер И. Ероконов получил строгий выговор, а ветврач Р. Бедарев — выговор.

В декабре этого года во Владивостоке вышла книга И. И. Миролубова и Л. П. Рященко «Пятнистый олень».

По итогам 1948 г. в социалистическом соревновании среди оленесовхозов победителем стал Абайский маралосовхоз, который получил переходящее Красное знамя Краевого союза работников совхозов Бийского оленетреста.

1949 г.

В этом году в Бийском оленетресте выход телят на 100 маток был 40,9 % у маралов и 64,4 % у пятнистых оленей. В оленетресте кроме пантовых оленей содержалось 260 лисиц и 25 соболей: в Кайтанаке — 130 лисиц, в Нижнем Уймоне — 130 лисиц, в Шебалино — 25 соболей.

В мараловодстве активная роль принадлежала женщинам. В Солонешенском маралосовхозе комсомолки А. П. Лисицина и М. А. Казаева за период зимовки не потеряли ни одного оленя. Кормач Талицкого маралосовхоза Паренкова от 100 самок получила и сохранила 75 телят.

Бийский оленетрест с 1 мая зарегистрирован как подразделение МВТ СССР, а в сентябре МВТ СССР передало оленесовхозы и НИЛПО в МС СССР (Министерство совхозов).

05.10.1949 исполнилось 40 лет Ф. П. Попову — родоначальнику династии Поповых в мараловодстве, ставшему в декабре 1950 г. бригадиром Карагайского маральника. В Абайском маралосовхозе 16.12.1949 начали строить Карагайский маральник.

1950 г.

В марте на совещании в Главзвероводе Минсовхозов СССР был рассмотрен годовой отчет Бийского оленетреста за 1949 г. Работу треста признали удовлетворительной. Трест обязали закончить строительство новых парков на Алтае: в Абайском совхозе на ферме «Карагай» и Нижне-Уймонском совхозе в местечке «Айбок» (там разместили затем пятнистых оленей).

Распоряжением Совета Министров СССР № 21170-р от 27.12.1950 и приказом Минсовхозов СССР № 898 от 28.12.1950 на Алтае был создан марало-

совхоз «Ново-Талицкий» с центральной усадьбой в с. Сентелек Чарышского района. В состав совхоза вошла маралоферма «Машенка» с 558 оленями.

1951 г.

На январь 1951 г. из девяти оленесовхозов треста семь были электрифицированы.

Директор Бийского оленетреста Н. З. Моисеев 27.02.1951 принял у начальника лагерного пункта № 7 ГУЛАГа М. М. Пырскова по акту имущество стоимостью 3 609 591 руб.

В течение всего года осуществлялась поставка пантов из оленесовхозов на эндокринные заводы СССР (в Киев, Харьков, Москву), а также на Бийский мясокомбинат, в НИЛПО и Дальторг.

В этом году создали оленесовхоз «Чуйский» (директор А. И. Близнюк, ст. бухгалтер А. В. Ситников). Завезли вместо плановых 500 оленей только 150, в 1952 г. ничего не построили. Оленесовхоз не состоялся.

1952 г.

Исполком краевого совета Алтайского края решением № 185 от 08.03.1952 попросил ВС РСФСР передать Верх-Катунский маралосовхоз в ведение Казахской ССР.

Летом 1952 г. скончался П. М. Еремеев, и директором Шебалинского оленесовхоза стал Валентин Семенович Галкин, который одновременно руководил и опорным пунктом НИЛПО.

Бийский мясокомбинат в этом году продолжил выпуск пантокрина из пантов Верх-Катунского маралосовхоза.

В. К. Новиков в этом году защитил патент «Способ получения пантогематогена». Пантогематоген он разработал не позднее 1949 г.

1953 г.

На 01.01.1953 в Бийском оленетресте содержалось 10 778 маралов (90,1 % к плану), 2540 пятнистых оленей (96,3 % к плану).

В Шебалинском оленесовхозе в этом году ветврач Л. В. Шадрина впервые освоила производство пантогематогена.

Ушел на пенсию директор Бийского оленетреста Н. З. Моисеев. Заменял его Д. Кочетков.

Приказом № 3 от 03.09.1953 МС СССР утвердил в своей структуре Главное управление звероводческих совхозов, в составе которого оказались Бийский и Дальневосточный тресты оленеводческих совхозов.

В 1953 г. от Бийского оленетреста панты получили: Союзхимэкспорт — 3531 кг, Новосибирский мясокомбинат — 812 кг, Минский

мясокомбинат — 392 кг, Киевский институт эндокринологии — 1287 кг, Бийский мясокомбинат — 1430 кг и др.

В этом году бригада С. Е. Чепрасова из Абайского маралосовхоза получила 7,1 кг сырых пантов на одного рогача.

По итогам 1953 г. Главзверовод признал работу Бийского оленетреста неудовлетворительной.

1954 г.

В мае Алтайский крайисполком прирезал под пастбища для маралов более 3 тыс. га земли Чуйскому маралосовхозу за счет областной Горно-Алтайской конторы «Заготскот» и еще 2,5 тыс. га земли Гослесфонда.

Весной этого года Шебалинский оленесовхоз впервые опробовал пастьбу пантовых оленей за пределами огороженных парков.

1956 г.

В феврале Алтайский крайисполком прирезал под пастбища для маралов Нижне-Уймонскому маралосовхозу более 3 тыс. га земли от колхоза «Красная Звезда» и 1,3 тыс. га от Усть-Канского лесхоза.

В июне этого года Бийский трест оленеводческих совхозов был переведен в Горно-Алтайскую автономную область и объединен с областным управлением сельского хозяйства.

Министерство совхозов СССР приказом № 112 от 05.07.1956 перенесло лабораторию пантового оленеводства из Москвы на Алтай (с. Шебадино) и Дальний Восток (в оленесовхоз «Майхе», а затем в оленесовхоз «Силинский»).

В сентябре Алтайский крайисполком прирезал Кайтанакскому оленесовхозу 7,3 тыс. га земли за счет колхоза «Память Чкалова» и Нижне-Уймонскому маралосовхозу 3,9 тыс. га земли за счет колхоза им. Ворошилова Усть-Канского аймака.

Бийский оленетрест приказом № 232 от 01.10.1956 (переходный период) обязал оленесовхозы внедрить запарковую пастьбу пантовых оленей.

1957 г.

Постановлением Горно-Алтайского обкома КПСС и облисполкома № 26 от 05.02.1957 оленесовхоз «Шебалинский» укрупнили, присоединив к нему несколько колхозов. В составе совхоза стало 12 деревень.

В течение года укрупнили все остальные маралосовхозы.

В мае Алтайский крайисполком отвел Солонешенскому маралосовхозу 380 га неиспользуемых земель промартели «20 лет Октября» Солонешенского района.

Маралосовхоз «Солонешенский» 17.12.1957 переименовали в «Тополинский», но по каким-то причинам это название не прижилось.

В декабре в газете «За социалистическое животноводство» опубликована статья В. Евдокимова «Больше внимания мараловодству» о состоянии дел в Солонешенском маралосовхозе.

1959 г.

В этом году директором Талицкого маралосовхоза вместо Е. Н. Романова стал Пимен Аверьянович Носков. Его отец Аверьян Носков в 1920 г. имел 13 маралов.

Алтайский крайисполком решением № 1023 от 01.12.1959 согласился на создание Чергинского маралосовхоза и Барагашского оленесовхоза.

1960 г.

В этом году на основе пяти колхозов и ремонтно-тракторной станции (РТС) был организован оленесовхоз «Барагашский» с 244 пятнистыми оленями.

Чергинский маралосовхоз был создан в конце этого года. В 1961 г. здесь было 454 марала (196 рогачей, 220 маток и 38 телят).

1961 г.

В этом году был создан Горно-Алтайский трест оленеводческих совхозов во главе с Александром Петровичем Сыркашевым. В состав треста кроме всех оленесовхозов вошли еще два овцесовхоза и три молмясовхоза.

1962 г.

В январе 1962 г. была опубликована работа В. К. Жарова «Пантоводство в Горном Алтае» со статистикой отрасли за 1958–1961 гг.

1963 г.

В июне в газете «Алтайская правда» опубликован большой очерк В. Максимова «Мараловоды» о ветеране Солонешенского маралосовхоза Якове Севастьяновиче Медведеве.

1964 г.

В июне на научно-методическом совещании при Алтайском НИИ сельского хозяйства обсуждались перспективы научной работы в пантовом оленеводстве края по докладу директора лаборатории пантового оленеводства В. С. Галкина.

1965 г.

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 8 (1965 г.) опубликована статья В. Размахнина «Пантовое оленеводство».

Создан маралосовхоз «Карымский».

Бригада мараловодов Ф. П. Кудрявцева из Талицкого совхоза вместо плановых 820 кг консервированных пантов получила 1370 кг.

1966 г.

В марте ученый совет Алтайского НИИ сельского хозяйства рассмотрел отчет лаборатории пантового оленеводства за 1965 г. и планы ее работы на 1966 г.

Бригадир Талицкого маралосовхоза Ф. П. Кудрявцеву 22.03.1966 присвоили звание Героя Социалистического Труда. Продуктивность пантов в бригаде в этом году составила 6–6,5 кг. Ф. П. Кудрявцев своим учителем считал Ф. П. Попова.

От Нижне-Уймонского маралосовхоза 22.04.1966 отделили и создали «Мультинский» совхоз с Мультинским маральником, но в оленетрест этот совхоз не входил.

В этом году бригада мараловода К. Г. Кизилова из Абайского маралосовхоза от 384 рогачей получила в среднем по 6,63 кг сырых пантов.

Бригада В. И. Апенышева из Нижне-Уймонского маралосовхоза получила по 5,67 кг сырых пантов с рогача и 1,82 кг с перворожков.

В этом году была зарегистрирована таблеточная форма «Пантокрина», но только с 1981 г. ее стал выпускать Хабаровский химфармзавод.

В декабре 1966 г. Совет Министров СССР принял постановление № 964 от 22.12.1966 «Об увеличении производства и закупок пантов марала и пятнистого оленя», в котором производство консервированных пантов планировалось довести до 25,1 тонны в год. При этом 16,2 тонны отправлялись на экспорт, а 9,9 тонны — на фармзаводы СССР.

1967 г.

Бюро Горно-Алтайского обкома КПСС (протокол № 21) 11.01.1967 просило Алтайский краевой комитет КПСС и крайисполком создать на базе четырех колхозов Шебалинского района маралосовхоз «Эдиганский», на базе шести колхозов этого же района — маралосовхоз «Элекмонарский», а на базе четырех колхозов Улаганского района — маралосовхоз «Улаганский».

В феврале органы власти Алтайского края присвоили звание «Сельскохозяйственная организация высокой культуры животноводства» Цент-

ральной ферме оленесовхоза «Шебалинский» (бригадир П. А. Шадрин) и мараловодческой бригаде Ф. П. Кудрявцева Талицкого маралосовхоза.

В июле Алтайский крайисполком определил статус Абайского маралосовхоза как племенного хозяйства.

В этом году в Горно-Алтайске была издана книга В. С. Галкина, П. В. Митюшова, М. П. Любимова «Практические советы по пантовому оленеводству в Горном Алтае».

1968 г.

В июне В. С. Галкин и П. В. Митюшов подготовили доклад «Экономический обзор мараловодства в совхозах Горно-Алтайской автономной области за период с 1953 до 1968 года».

В июне этого года бригадиром мараловодов на Карагайской ферме вместо ушедшего на пенсию Ф. П. Попова стал его старший сын Петр Фатеевич Попов, будущий Герой Социалистического Труда.

Директор Теньгинского овцесовхоза А. Г. Черданцев получил в области согласие на строительство маральника, но профильное федеральное министерство согласия не дало.

В этом году Ю. А. Смирнов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук по теме «Аклиматизация пятнистых оленей на Алтае» (Москва).

1969 г.

Под редакцией С. М. Павленко был выпущен очередной сборник «Пантокрин».

В этом году Т. П. Садовникова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук по теме «Пантовая муха и меры по борьбе с нею» (Москва).

1970 г.

В этом году во Владивостоке была издана книга Ю. И. Добрякова «Панты».

1972 г.

Совет Министров СССР в этом году упразднил Главное управление звероводства и зверосовхозов МСХ СССР. Постановлением Совета Министров РСФСР № 559 от 01.09.1972 был создан Зверопром РСФСР — Всероссийское производственно-научное объединение звероводческой промышленности Министерства совхозов РСФСР.

В честь 50-летия оленесовхоз «Шебалинский» 13.12.1972 наградили орденом «Знак почета».

1973 г.

Справочно: в 1973 г. в соседней с Алтаем Монголии было две маралофермы, в которых было законсервировано 430 кг пантов. Численность дикого марала в этой стране была равна примерно 15 000 голов. Монголия экспортировала ежегодно около 10 000 кг сброшенных дикими маралами рогов (антлеров. — *Н. Ф.*).

1974 г.

Горно-Алтайский облисполком решением № 55 от 06.02.1974 одобрил организацию в Шебалинском оленесовхозе опытной мараловодческой фермы.

04.12.1974 маралосовхоз «Абайский» возглавил Владимир Михайлович Мещеряков, который руководил хозяйством до 1980 г.

В этом году в Хабаровске была издана книга Г. Г. Востриковой и Л. А. Вострикова «Медицина народов Дерсу», в которой есть раздел «Животные лечат».

1975 г.

Бригадир мараловодов Карагайской фермы Абайского маралосовхоза П. Ф. Попов 10.02.1975 стал Героем Социалистического Труда за успехи в досрочном выполнении заданий IX пятилетки.

К Абайскому маралосовхозу присоединили Соузарскую маралоферму, и он стал крупнейшим маралосовхозом страны по объемам выпускаемой продукции.

В Талицком маралосовхозе в этом году получили по 7,15 кг сырых пантов на одного рогача и выполнили план на 112 %.

1976 г.

Постановлением Государственного комитета стандартов СМ СССР № 1993 от 20.08.1976 утвержден межгосударственный стандарт на панты марала и изюбря консервированные.

В декабре этого года оленесовхоз «Барагашский» разукрупнили на овцесовхоз «Барагашский» и оленесовхоз «Оленевод» (с. Ильинка) с фермами Ильинская и Мариинская.

Совместным решением Горно-Алтайского обкома КПСС и облисполкома № 409 от 13.12.1976 из оленесовхоза «Шебалинский» выделили овцесовхоз «Семинский», на основе которого уже в апреле 2006 г. В. М. Мещеряковым было создано одно из лучших мараловодческих хозяйств России «Марал-Толусома».

Приказом № 1310 от 29.12.1976 Министерство сельского хозяйства РСФСР создало ПО «Алтайзверопром».

1977 г.

Производственное управление сельского хозяйства 28.01.1977 издало приказ № 25-р об организации специализированного производственного объединения «Алтайзверопром» по производству продукции звероводства. Первым руководителем был назначен Антон Владимирович Долин. Марало- и зверосовхозы были переданы из управления сельского хозяйства в «Алтайзверопром» по акту 01.03.1977.

На базе оленесовхоза «Шебалинский» прошло краевое совещание по пантовому оленеводству, на котором обсуждались меры по интенсификации отрасли.

В декабре Совет Министров РСФСР постановлением № 625 утвердил Государственный план закупок пантов марала и пятнистого оленя на 1978 г. Алтайскому краю в размере 15,5 тонн пантов марала и 0,75 тонн пантов пятнистого оленя.

1978 г.

Директором Шебалинского оленесовхоза с 1959 по 1978 г. работал Василий Алексеевич Синцов. Его трудовая деятельность отмечена двумя орденами.

В ноябре Шебалинский районный комитет народного контроля рассмотрел работу ЦНИЛПО (г. Барнаул) в опорном пункте на территории оленесовхоза «Шебалинский» и выявил многочисленные недостатки, информацию о которых передал в областной комитет народного контроля и в АН СССР.

1979 г.

Приказом № 489 от 07.05.1979 «О мерах по дальнейшему развитию пантового оленеводства в Алтайском крае» МСХ РСФСР потребовало от Зверопрома РСФСР и Управления сельского хозяйства Алтайского края в 1980–1985 гг. ускорить развитие пантового оленеводства на Алтае.

В этом году «Алтайзверопром» сдал государству консервированных пантов: марала — 18 637 кг, пятнистого оленя — 1031 кг.

1980 г.

С 01.01.1980 Чергинский маралосовхоз был переименован в «Алтайское экспериментальное хозяйство» СО РАН во главе с Николаем Ивановичем Власенко.

Директором марало-хмелеводческого совхоза «Карымский» с сентября этого года и по февраль 1987 г. был В. М. Мещеряков.

В Карагайском маральнике бригада П. Ф. Попова получила 9,4 кг сырых пантов на одного рогача.

В этом году в г. Алма-Ате вышла книга А. К. Федосенко «Марал (экология, поведение, хозяйственное значение)».

1981 г.

Карагайская маралоферма совхоза «Абайский» (бригадир П. Ф. Попов) от 800 рогачей получила в среднем по 9,2 кг сырых пантов на одного рогача.

В этом году Хабаровский химфармзавод изготовил 10 780 упаковок пантокрин в таблетках; в 1982 г. — 11 580 упаковок; в 1983 г. — 50 000 упаковок.

1983 г.

Приказом № 69-р от 05.07.1983 Управления сельского хозяйства Алтайского края «Алтайзверопром» был переименован в «Производственное объединение “Алтайское” по звероводству».

С 11 по 12 октября 1983 г. в Барнауле проводилась научно-практическая конференция, посвященная 50-летию ЦНИЛПО.

В этом году вышла книга В. С. Галкина «Абайские мараловоды».

1984 г.

Абайский маралосовхоз в этом году получил с 1800 рогачей по 7,68 кг сырых пантов на одного животного.

ПО «Алтайское» в 1984 г. продало государству консервированных пантов: марала — 18 000 кг, пятнистого оленя — 1100 кг.

В этом году Алексей Андреевич Кравченко защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук по теме «Пути повышения продуктивности пантовых оленей при парковом содержании» (г. Уссурийск).

1985 г.

Из Абайского маралосовхоза выделили Карагайскую ферму, и на ее основе создали Карагайский маралосовхоз.

Весной этого года в оленесовхозе «Шебалинский» в течение трех месяцев вновь за парками выпасали 500 рогачей и 700 самок марала.

1986 г.

Начальником ПО «Алтайское» работал Н. К. Кузнецов.

В этом году 8 июля умер Ф.П. Кудрявцев — первый Герой Социалистического Труда, бывший бригадир мараловодов.

Во главе «Алтайского экспериментального хозяйства» СО АН СССР с 14.09.1986 стал Юрий Семенович Земеров, который руководил им с большим перерывом до 20.10.2020.

1987 г.

На начало года 11 оленесовхозов Горно-Алтайской автономной области содержали вместе 18 284 пантовых оленя и производили 15 355 кг консервированных пантов в год.

С 1987 г. мараловодством стал заниматься овцесовхоз «Семинский». Сюда завезли первых 110 маралов и 12 рогачей, а в 1988 г. — еще 56 перерожков.

В этом году вышли в свет методические рекомендации «Прогрессивная система пантового оленеводства на Алтае» под редакцией В. С. Галкина.

1988 г.

В марте этого года впервые в отрасли и области через процедуру выборов директором маралосовхоза «Карагайский» стал Григорий Александрович Черданцев, представитель третьего поколения директоров Черданцевых.

Оленесовхоз «Шебалинский» 19.11.1988 был награжден Почетной грамотой ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

В 1988 г. в СССР было произведено 34 800 кг консервированных пантов, из которых 15 000 кг ушло на экспорт.

1989 г.

В этом году пантовое оленеводство Новой Зеландии изучала официальная делегация Горного Алтая: генеральный директор АПК «Горный Алтай» В. И. Петров, бригадир маралосовхоза «Карагайский», Герой Социалистического Труда П. Ф. Попов и начальник отдела по внешне-экономическим связям АПК «Горный Алтай» В. М. Мещеряков.

Госагропрод РСФСР 23.11.1989 издал приказ № 217 «Об увеличении продукции пантового оленеводства и укреплении материально-технической базы оленесовхозов». В утвержденной программе на развитие отрасли в 1991–1995 гг. государство выделяло 5,6 млрд руб. с созданием до 1995 г. 14 новых оленесовхозов. Программа просуществовала два года.

В этом году в Уссурийске выпущена в виде книжки лекция А. С. Богачева «Пятнистый олень в современной фауне».

1990 г.

В этом году вышли методические рекомендации «Туберкулез маралов и меры борьбы с ним», подготовленные В. Г. Луницыным и С. И. Огнёвым.

В мае этого года в Барнауле состоялся Всесоюзный рабочий семинар «Перспективы развития пантового оленеводства, пути совершенствования технологии производства и использования его продукции».

Совет Министров РСФСР постановлением № 39 в декабре ликвидировал объединение «Зверопром».

1991 г.

В этом году маралосовхоз «Ново-Талицкий» Чарышского района возглавил Николай Петрович Борисов, который проработал директором этого хозяйства 30 лет. Он инициировал переход этого маралосовхоза в ведение Академии наук России.

Совет народных депутатов в Горно-Алтайской ССР 24.10.1991 принял постановление № 5/6 «Об объявлении маралов и оленей собственностью Горно-Алтайской ССР».

1992 г.

Распоряжением Правительства Республики Алтай (РА) № 48 от 12.03.1992 «Об утверждении положений о порядке лицензирования и налоговом регулировании производства, заготовки и реализации пантов марала и пятнистых оленей на территории ГА ССР» был резко усилен контроль за деятельностью отрасли как республиканской собственности.

В Республике Алтай 22.04.1992 была зарегистрирована Ассоциация оленеводческих хозяйств (АСОХРА) с исполнительным директором В. М. Мещеряковым. В собрании по ее созданию 17.03.1992 участвовали представители 56 маралохозяйств.

Приказом № 44 от 14.05.1992 НИИ пушного звероводства и кролиководства им. Афанасьева образовал ОПХ «Ново-Талицкое».

Распоряжением Правительства РА от 02.06.1992 «О регистрации Устава российско-корейского совместного предприятия “КорАл”» было создано первое совместное предприятие для реализации пантов.

Правительство РА приняло распоряжение № 159 от 08.06.1992 «О поставке пантов маралов и оленей в республиканский фонд, порядке лицензирования, производства, заготовки и реализации пантов».

Верховный Совет РА принял постановление № 2-4 от 17.07.1992 «О поставке пантов маралов и оленей в республиканский фонд, порядке лицензирования и налогового регулирования производства, заготовки и реализации пантов».

В этом году Правительство РА приняло следующие решения по отрасли:

– № 408-р от 11.08.1992 «О поставке пантов марала и пятнистого оленя в республиканский фонд, порядке лицензирования, заготовки и реализации пантов по исполнению постановления ВС РА от 17.07.1992»;

– № 416-р от 18.08.1992 «О разрешении на вывоз 20 голов маралов совхозу “Шебалинский” в Иркутскую область»;

- № 423-р от 21.08.1992 «О разрешении продажи и вывоза в совхоз “Пролетарский” Алтайского края 10 голов маралов»;
- № 433-р от 26.08.1992 «О реализации пантов 20 кг МК-101 из совхоза “Абайский”»;
- № 445-р от 01.09.1992 «О проверке реализации пантов марала и коммерческих структур по их реализации»;
- № 446-р от 01.09.1992 «О проверке сохранности и законности продажи пантов в совхозах “Карагайский” и “Абайский”, колхозе “Путь Ильича”»;
- № 584-р от 16.11.1992 «Об упорядочении поголовья маралов и оленей»;
- № 603-р от 02.12.1992 «О дотации совхозу “Карымский”».

В этом году было зарегистрировано ТОО «Курдом», которое взяло в аренду знаменитый Карагайский маральник. Директором этого арендного предприятия с 01.01.1993 стал Александр Петрович Попов, который возглавляет этот бизнес уже 30 лет.

1993 г.

В газете «Алтай» 23.03.1993 опубликована статья «Кому владеть маралами?», в которой критиковалось стремление властей Республики Алтай вернуть мараловодства в собственность республики.

В марте этого года оленесовхоз «Шебалинский» преобразовался в АО «Новый путь», 28 % этого общества осталось в республиканской собственности. Интрига за обладание этой долей привела хозяйство в дальнейшем к банкротству.

Правительство РА в 1993 г. приняло следующие постановления:

- № 145 от 22.06.1993 «О передаче земли в аренду предприятию “Киска Алтай Вапити Фарм”»;
- № 177 от 19.08.1993 «Об утверждении Положения о порядке лицензирования ведения пантового оленеводства, заготовки и реализации пантовой продукции в РА»;
- № 178 от 19.08.1993 «О квотировании и лицензировании продукции, вывозимой за пределы РА»;
- № 208 от 02.09.1993 «О поставке пантов маралов и оленей»;
- № 220 от 28.09.1993 «О проекте дополнений и изменений в Постановление ВС РА от 17.07.1993 “О поставке пантов маралов и оленей в республиканский фонд, порядке лицензирования и налогового регулирования производства, заготовки и реализации пантов”».

В этом году в Новосибирске вышла в свет книга А. М. Юдина «Панты и антелеры: рога как лекарственное средство».

1994 г.

Указ Президента РФ № 1007 от 23.05.1994 «Об отмене квотирования и лицензирования товаров и услуг на экспорт» отменил все усилия органов власти РА по контролю за экспортом пантов.

Правительство РА 28.06.1994 приняло постановление № 133 «Об упорядочении ведения пантового оленеводства, производства, заготовки и реализации пантовой продукции в Республике Алтай».

Маралосовхоз «Абайский» 28.09.1994 был приватизирован и стал ТОО «КСП “Абайское”» с республиканской долей собственности 18,5 %.

В этом году вышел учебник В. Н. Егеря и Н. Г. Деева «Пантовое оленеводство».

Василий Герасимович Луницын защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора ветеринарных наук по теме «Туберкулез пантовых оленей».

1995 г.

Правительство РА в этом году приняло следующие постановления:

– № 45 от 21.03.1995 «О создании племенных форм по овцеводству и оленеводству в хозяйствах Республики Алтай»;

– № 105 от 22.05.1995 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Госсовета — Эл Курултай “О порядке лицензирования и налоговом регулировании производства, заготовки и реализации пантов от 30.06.1994 г. № 4-16”»;

– № 109 от 02.06.1995 «О кредитовании государственного заказа на панты марала».

1996 г.

Правительство РА в этом году приняло следующие постановления:

– № 15 от 25.01.1996 «О предоставлении земельных участков для нужд отгонного животноводства и расширения мараловодческого парка сельскохозяйственным предприятиям Усть-Коксинского района из земель Усть-Канского лесхоза»;

– № 78 от 21.03.1996 «О кредитовании государственного заказа на панты марала»;

– № 80 от 21.03.1996 «Об организации ювелирного производства Фирмы “Курдюм”»;

– № 224 от 20.11.1996 «Об освобождении КСП “Абайское” от налога на пантовую продукцию в 1996 г.».

В газете «Звезда Алтая» 27.11.1996 опубликована статья «Кому принадлежат маралы и олени?», из которой следует, что попытки передела собственности мараловодческих хозяйств продолжались и в 1996 г.

Государственное собрание РА приняло постановление № 16-19 от 28.11.1996 «Об отнесении маралов и пятнистых оленей, имущественных комплексов по производству консервированных пантов маралов и пятнистых оленей к государственной собственности Республики Алтай».

ОПХ «Ново-Талицкое» в этом году создало новую маралоферму в пос. Аба Чарышского района.

1997 г.

Предприятию АСОХРА 02.04.1997 исполнилось пять лет. Сохранив название, оно стало частным предприятием, продающим панты на экспорт и обслуживающим на коммерческих условиях мараловодческие хозяйства.

В этом году на корейском рынке произошел крупный обвал стоимости пантов. Отдельные «спецэкспортеры» пантов не смогли вернуть деньги банкам и маралохозяйствам («Горно-Алтайвнешторг»). Ситуацию несколько выровнял обвал стоимости рубля к доллару.

Правительство РА в 1997 г. приняло следующие постановления:

– № 123 от 08.04.1997 «Об отнесении маралов и пятнистых оленей, имущественных комплексов по производству консервированных пантов маралов и пятнистых оленей к государственной собственности Республики Алтай»;

– № 188 от 29.05.1997 «О порядке лицензирования, ведения пантового оленеводства, вывоза пантов и размере лицензионного сбора за вывоз пантов марала и оленей Республики Алтай»;

– № 236 от 07.07.1997 «О целевом использовании средств, поступающих от лицензионного сбора за вывоз пантов маралов и оленей во внебюджетные фонды Правительства и районов Республики Алтай»;

– № 291 от 18.09.1997 «О присвоении Усть-Коксинскому ПУ № 2 Усть-Коксинского района имени Петра Фатеевича Попова»;

– № 347 от 18.11.1997 «О внесении изменений в Положение “О размере цены на лицензию на право вывоза пантов маралов и оленей”, утвержденное постановлением Госсовета — Эл Курултай Республики Алтай 09.07.1997 № 22-35»;

– № 348 от 18.11.1997 «Об изменении сроков оплаты лицензионного сбора за право вывоза пантов маралов и оленей в 1997 г.».

Сергей Ильич Огнёв защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата ветеринарных наук по теме «Специфическая профилактика туберкулеза маралов» (г. Новосибирск).

1998 г.

Правительство РА 13.02.1998 выпустило распоряжение № 140-р, в котором для «стимулирования развития мараловодческих хозяйств...»

организовало унитарное государственное предприятие по закупке, переработке и реализации продукции мараловодства. С 13.02.1998 генеральным директором этого предприятия был назначен Валерий Владимирович Репников. Предприятие не состоялось.

Постановлением Правительства РА № 51 от 18.04.2006 это распоряжение утратило силу.

Правительство РА приняло постановление № 267 от 09.09.1998 «О предоставлении в аренду участков лесного фонда под мараловодческий парк ТОО «КСП Абайскому»».

2000 г.

Правительство РА приняло постановление № 81 от 23.03.2000 «О создании племенной фермы в ОПХ «Теньгинское» Онгудайского района». В настоящее время этот маральник (бригадир Николай Маркович Головин) является одним из лучших в России.

В апреле 2000 г. Сергей Николаевич Бочаров защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Методические основы разработки стратегических решений (на примере хозяйств пантового оленеводства Республики Алтай)». В настоящее время доктор экономических наук, профессор С. Н. Бочаров является ректором Алтайского государственного университета.

Правительство РА приняло постановление № 189 от 30.06.2000 «О предоставлении в аренду участков лесного фонда под строительство мараловодческого парка ТОО Коллективное сельскохозяйственное предприятие «Абайское»». Перед этим в мае ТОО «КСП «Абайское»» преобразовалось в КСП «Абайское», в котором содержалось 5226 маралов, 619 лошадей, 5219 овец, 476 голов КРС (195 коров), 87 яков.

Правительство РА приняло постановление № 363 от 26.12.2000 «О предоставлении в аренду для ведения мараловодческого хозяйства сельскохозяйственному производственному кооперативу «Кырлык» участков лесного фонда Усть-Канского лесхоза».

В 2000 г. Минздрав Российской Федерации зарегистрировал две временные фармстатьи на субстанцию «Пантогематоген сухой» и готовую форму «Кропанол» (владелец фармстатей Н. А. Фролов) из крови пантового оленя. Предыдущая фармстатья на «Пантокрин» из пантов была разработана в 1932 г. С. М. Павленко.

2003 г.

В мае этого года вышла книга А. В. Александрова и С. И. Кудрявцева «Лечебно-профилактическое использование продуктов пантового оленеводства». В октябре Сергей Иванович Кудрявцев по данной теме

защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук.

В этом году Наталья Федоровна Иванкина защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук по теме «Химический состав и биологическая активность пантов, вторичного сырья пантового оленеводства и их использование в технологии получения кормовых добавок» (г. Благовещенск).

2004 г.

В этом году в Республике Алтай 120 мараловодческих хозяйств вместе содержали почти 55 тыс. пантовых оленей.

ООО «Пантопроект» впервые в 2004 г. приступило к вакуумной переработке мяса марала и выпуску оздоровительной продукции на его основе.

Н. А. Фролов в начале года опубликовал книгу «Пантогематоген: прошлое и настоящее».

В этом году вышла в свет книга В. Г. Луницына «Пантовое оленеводство России».

2005 г.

В сентябре 2005 г. Н. А. Фроловым была выпущена монография «Повышение эффективности развития пантового оленеводства Республики Алтай».

В этом году В. Г. Луницын и Н. А. Фролов выпустили научно-методические рекомендации «Экономическая эффективность пантового оленеводства и способы ее повышения».

2006 г.

На 01.01.2006 в Республике Алтай содержалось в парках 52 тыс. маралов и 4,32 тыс. пятнистых оленей. Было произведено 36 843 кг пантов. За 20 лет поголовье пантовых оленей увеличилось в 2,3 раза, объем консервированных пантов — в 2 раза.

В феврале этого года Николай Алексеевич Фролов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Повышение эффективности развития пантового оленеводства (на материалах хозяйств пантового оленеводства Республики Алтай)».

В апреле в результате банкротства маралохозяйства «Семинское» было создано ООО «Марал-Толусома», являющееся в настоящее время одним из лучших маралохозяйств России.

В газете «Комсомольская правда» от 31.10.2006 опубликована статья «Чтобы развиваться, нужно объединяться», в которой В. М. Мещеряков делился опытом работы АСОХРА.

В октябре 2006 г. по инициативе министра сельского хозяйства РА С. И. Огнёва был создан «Союз оленеводов Сибири» во главе с А. П. Поповым. В этом же месяце в «Комсомольской правде» вышла статья А. П. Попова «Оленеводы России объединяются».

Во время поездки в середине ноября по Республике Алтай министр сельского хозяйства России Алексей Гордеев высказал мнение о целесообразности принятия федерального закона о госмонополии на экспорт продукции из пантов оленей (ценного сырья для производства лекарственного средства «Пантокрин»), а также о необходимости разрешить экспорт пантовой продукции кооперативам, созданным непосредственно ее производителями. В таких условиях «мы сможем проводить правильную ценовую политику, не демпинговать, а продавать панты в ту же Южную Корею или Китай не за 250–300 долларов, как это происходит сейчас, а за 1500–2000 долларов», — сказал А. Гордеев (газета «Сельская жизнь», 14.12.2006) Какое непонимание реальности!

В этом году в Барнауле вышла книга В. Г. Луницына и Н. А. Фролова «Продукция пантового оленеводства (способы консервирования, переработка, использование)».

2007 г.

В г. Бийске создан биофармацевтический кластер. В рамках работы в этом кластере Н. А. Фролов предложил создать краевую программу по переработке пантового сырья.

На совещании в Республике Алтай 03.09.2007 первый заместитель главы республики С. М. Тевонян предложил создать биофармкластер, но дальше этого разговора дело не сдвинулось.

Н. А. Фролов и Л. А. Четошников опубликовали в начале года «Методические рекомендации по исчислению экономической эффективности пантового оленеводства».

Н. А. Фролов выпустил сборник методических материалов по применению «Пантогематогена сухого» в лечебной практике.

Н. А. Фролов и В. Г. Луницын выпустили книгу «Пантовые препараты (приоритет в сфере инноваций в пантовом оленеводстве)».

2008 г.

В этом году ООО «Пантопроект» выпустило пособие для врачей и фармацевтов «Пантолечение». Автор пособия — Б. И. Козлов, доктор медицинских наук, профессор АГМУ.

В этом же году ООО «Пантопроект» выпустило брошюру «Применение пантовых препаратов в косметологии», которая написана Т. В. Кулешовой, доктором медицинских наук, профессором АГМУ на материалах собственных клинических исследований.

2009 г.

В марте этого года Герой Социалистического Труда П. Ф. Попов закончил руководить мараловодческой бригадой, его бригадирский стаж составил 40 лет.

Средний выход телят маралов в этом году по Республике Алтай составил всего 35–40 на 100 маток.

Министерство сельского хозяйства РА 22.05.2009 провело республиканское совещание по проблемам пантового оленеводства в с. Соузга и с. Карым.

Администрация Алтайского края и СО РАСХН в августе этого года подписали соглашение о сотрудничестве, в том числе об организации в ОПХ «Ново-Талицкое» производства по переработке пантового сырья, проведении доклинических и клинических исследований субстанций из пантового сырья. Все договоренности остались на бумаге.

В этом году Н. А. Фролов и В. Г. Луницын выпустили методические рекомендации «Методические подходы оценки социально-экономического эффекта глубокой переработки сырья в пантовом оленеводстве».

ООО «Пантопроект» выпустило методическое пособие (авторы Б. И. Козлов и Н. А. Фролов) «Лечебно-профилактическое использование пантовых препаратов при соматоформной патологии».

В Бийске 16–17 октября 2009 г. состоялась научно-практическая конференция «Алтайский биофармацевтический кластер: развитие отечественного рынка пантовой продукции. Состояние, проблемы, задачи».

Алексей Сергеевич Огнёв защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата ветеринарных наук по теме «Иммуно-биохимические показатели крови маралов в норме и при патологии» (г. Барнаул).

2010 г.

Глава Республики Алтай А. В. Бердников 28.01.2010 обратился к Президенту РФ Д. А. Медведеву с предложением о создании федеральной программы по развитию пантового оленеводства. Президент РФ 05.02.2010 поручил министру сельского хозяйства РФ Е. Б. Скрынник подготовить предложения по данному вопросу. Заместитель министра сельского хозяйства А. И. Беляев 06.01.2010 предложил Республике Алтай внести в министерство свои предложения по программе, но после двух совещаний (06.05.2010 и 14.05.2010) в РА работа остановилась.

В мае этого года ООО «Пантопроект» получило разрешение ФС № 2010/196 от 31.05.2010 на применение медицинской технологии «Бальнеотерапия с применением композиции “О-панто” в профилактике астено-вегетативных нарушений».

В мае 2010 г. началось сотрудничество ООО «Пантопроект» с ФМБА и АФК «Система». В сентябре в составе делегации этих ор-

ганизаций Н. А. Фролов был принят Председателем Правительства РФ В. В. Путиным.

В Китае 28.06.2010 состоялся V Всемирный конгресс пантового оленеводства. От России в составе делегации участвовали С. И. Огнёв, М. Н. Дочилова и А. П. Попов.

В городе Белокурихе 23.10.2010 был проведен круглый стол «Перспективы использования продукции пантового оленеводства в санаторно-курортной практике».

Постановлением Губернатора Алтайского края от 19.11.2010 была утверждена целевая программа «Развитие комплексной переработки продукции пантового оленеводства в Алтайском крае (2010–2015 гг.)».

В марте в Минздраве РФ была утверждена медицинская технология «Бальнеолечение дорсопатий и остеоартроза с применением ванн на основе панто-магниевого экстракта».

В этом году Алексей Анатольевич Неприятель защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук по теме «Заготовка, консервирование и переработка продукции пантового оленеводства» (р. п. Краснообск, Новосибирская обл.).

Виктор Авангардович Челах защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук по теме «Продуктивные качества маралов-рогачей абайской алтае-саянской породы, способы переработки пантовой продукции» (г. Барнаул).

2011 г.

Министерство сельского хозяйства РА 17.06.2011 провело выездную коллегию с рассмотрением вопроса о состоянии пантового оленеводства в Усть-Коксинском районе. В рамках подготовки коллегии Н. А. Фролов выполнил анкетирование 22 мараловодческих хозяйств района.

В этом году стали активно появляться публичные предложения о продаже маральников.

В мае 2011 г. ВНИИПО выпустил «Сборник ветеринарно-санитарных правил по производству, заготовке и консервированию продукции пантового оленеводства».

В этом году вышла книга Н. А. Фролова «Дело А. А. Силантьева. Экономическое расследование развития мараловодства на Алтае в конце XIX века». В Барнауле выпущено пособие для студентов и преподавателей вузов «Атлас по анатомии марала».

В сентябре в г. Бийске состоялась научно-практическая конференция «Инновационные технологии производства продукции пантового оленеводства и использование ее в укреплении нации».

В марте этого года Сергей Ильич Огнёв защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук по теме

«Научно-практическое обоснование продуктивно-биологических характеристик маралов алтае-саянской породы» (г. Барнаул).

2012 г.

Газета «Звезда Алтая» от 26.04.2012 опубликовала материал о 20-лети АСОХРА.

На 81-м году жизни после тяжелой болезни скончался Герой Социалистического Труда, самый известный мараловод СССР П. Ф. Попов.

ООО «Пантопроект» выпустило научно-методическое пособие для врачей и фармацевтов «Лечебно-оздоровительное использование продуктов пантового оленеводства». Автор — доктор медицинских наук, профессор АГМУ Б. И. Козлов.

В этом году вышли в свет книги Н. А. Фролова «Алексей Степанович Попов: экономическое расследование судьбы крупнейшего мараловода дореволюционного Алтая», а также В. Г. Луницына и Н. П. Борисова «Пантовое оленеводство России».

2013 г.

ОПХ «Ново-Талицкое» преобразовали в ФГУП «Новоталицкое», но роль опытного хозяйства в отрасли ему оказалась не по силам: продуктивность маралов не превышала 5,0–5,1 кг сырых пантов на рогача и 53–54 теленка на 100 маток. Как и в 1920-е гг., частная форма собственности в пантовом оленеводстве через 100 лет оказалась эффективнее государственной.

В СПК «Абайское» количество работников в 2013 г. составило 270 человек (2008 г. — 311 человек) и пантовой продукции было получено 2949 кг (2008 г. — 4094 кг).

01.06.2013 в Республику Алтай приезжал министр сельского хозяйства РФ Николай Васильевич Федоров, которому показали Верх-Уймонский маральник и переработку пантового сырья в ООО «Пантопроект». Попытка С. И. Огнёва, министра сельского хозяйства РА, «пробить» ведомственную программу по развитию пантового оленеводства заглохла в недрах федерального министерства через три месяца.

В этом году в «Музее алтайского марала» (г. Бийск) вышла книжка для детей об олене «Король алтайских гор».

В сентябре в парк-отеле «Ая» (Алтайский край) состоялась научно-практическая конференция «Актуальные задачи развития отечественного рынка продуктов, услуг и технологий на основе сырья пантового оленеводства в Алтайском крае в интересах укрепления здоровья нации».

2014 г.

ООО «Пантопроект» издало научно-практическое пособие для врачей под названием «Пантолечение», написанное Б. И. Козловым и И. С. Поповой на материалах клинических исследований за 10 лет, выполненных по заказу ООО «Пантопроект».

В августе этого года делегация Алтайского края приняла участие в работе VI Всемирного конгресса пантового оленеводства в г. Усть-Каменогорске (Казахстан). Делегация представила обширную экспозицию продукции пантового оленеводства, выпускаемой предприятиями Алтайского края.

2015 г.

В газете «Аргументы и факты» (№ 26) опубликована статья «Марал: товар или достояние» о проблемах в отрасли. Результат обсуждался в рамках круглого стола на Фестивале алтайского марала в с. Алтайском Алтайского района.

В этом году вышла книжка Н. А. Фролова «ФГУП “Новоталицкое”: прошлое и настоящее».

В сентябре в Барнауле состоялся I междисциплинарный конгресс «Продукция на основе сырья пантового оленеводства. Актуальные проблемы и перспективы ее использования в медицине и спорте высших достижений».

В этом году Александра Юрьевна Тарасова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Стратегическое развитие мараловодства в региональном АПК: на материалах Алтайского края и Республики Алтай» (г. Барнаул).

2016 г.

В этом году в рамках подготовки к VII Всемирному конгрессу пантового оленеводства вышла в свет книга «Живое золото Алтая».

В. М. Мещерякову, видному организатору пантового оленеводства на Алтае, 05.09.2016 исполнилось 75 лет. Он до сих пор продолжает активную работу.

В этом году вышли две книги Н. А. Фролова: «История пантового оленеводства с. Шебалино в 1917–2015 гг.» и «Наследники абайских мараловодов».

2017 г.

На 01.01.2017 в Республике Алтай — основном регионе пантового оленеводства России — содержалось 54 733 марала и 332 пятнистых оленя. В Алтайском крае — 24 113 маралов и 2436 пятнистых оленей.

2018 г.

В июле вышли в свет две книги Н. А. Фролова: «Пантовое оленеводство Алтай после 1917 года» и «История и перспективы развития отечественного рынка пантовой продукции».

В августе в г. Белокурихе состоялся VII Всемирный конгресс пантового оленеводства. В рамках программы иностранные гости посетили «Музей алтайского марала» в г. Бийске, обновленный в ходе подготовки к этому конгрессу. По итогам конгресса был выпущен сборник материалов.

В этом году Ирина Сергеевна Попова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата фармацевтических наук по теме «Маркетинговые исследования по организации производства и продвижению на рынок лекарственных средств и биологически активных добавок на основе продуктов пантового оленеводства (в условиях Алтайского биофармацевтического кластера)» (г. Пермь).

2019 г.

В июне вышла в свет книга Н. А. Фролова «Уймонские мараловоды», посвященная 60-летию С. И. Огнёва, доктора сельскохозяйственных наук, известного организатора мараловодства на Алтае.

В июле издана книга Н. А. Фролова «История мараловодства Теньги».

В декабре ФГУП «Новоталицкое» преобразовали в отдел ФГНБУ «Федеральный Алтайский центр агробιοтехнологий». В рамках отдела предприятие будет обречено на угасание.

В этом году Наталья Петровна Земцова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата фармацевтических наук по теме «Разработка технологии и стандартизации препарата общетонизирующего действия на основе пантов измельченных» (г. Пермь).

В этом же году Любовь Васильевна Ершова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Развитие ресурсной базы пантового оленеводства в Республике Алтай» (г. Новосибирск).

3.3 ЗАПОЗДАЛЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИТОГАХ VII ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА ОЛЕНЕВОДОВ НА АЛТАЕ

Немного истории

На VI Всемирном конгрессе оленеводов в Казахстане (г. Усть-Каменогорск) оленеводы Новой Зеландии, Канады, Америки, Китая, Кореи, Германии и Польши выразили желание побывать на мараловодческих фермах Алтайского края и Республики Алтай. Делегация Алтайского края официально сделала предложение провести очередной VII Всемирный конгресс оленеводов в Алтайском крае Российской Федерации. Это произошло в начале сентября 2014 г.

В это время во главе Алтайского края и Республики Алтай стояли руководители, которые терпеть не могли друг друга, поэтому ни о какой совместной подготовке VII конгресса силами двух регионов не могло быть и речи. Это стало серьезной проблемой для организаторов предстоящего форума оленеводов.

Второй проблемой была (и остается) наша внутренняя слабая дисциплина в сочетании с самоуверенностью. «Подумаешь, конгресс, — говорил мне один из руководителей Минсельхоза Алтайского края, — мы и не такие мероприятия проводили».

Я это хорошо прочувствовал, когда еще в июле 2014 г. безуспешно инициировал совещание по подготовке официальной делегации от Республики Алтай на VI конгресс в Казахстан у министра сельского хозяйства Республики Алтай Ю. С. Земерова. Не смог исправить ситуацию тогда и первый заместитель председателя Правительства Республики Алтай С. М. Тевонян. Делегацию от Республики Алтай в Казахстан сформировать не удалось...

Где-то в 2016 г. на очередном совещании у Т. А. Зелениной, начальника Управления пищевой промышленности Администрации Алтайского края, я предложил нашу следующую научно-практическую конференцию по развитию отечественного рынка пантовой продукции совместить с VII Всемирным конгрессом оленеводов на Алтае, т. е. сделать конференцию частью конгресса.

Наконец, 3 июня 2017 г. Минсельхоз Алтайского края в рамках Фестиваля алтайского марала в с. Алтайском организовал первое совещание по подготовке к предстоящему конгрессу. Разговор на свежем воздухе в общем не получился. Все свелось к обсуждению проблем мараловодов Алтайского края.

Однако уже 8 июня 2017 г. Т. А. Зеленина провела очень конкретный разговор-совещание по участию предприятий — переработчиков пантового сырья в организации форума.

Подготовка конгресса заметно ускорилась после подписания губернатором Алтайского края А. Б. Карлиным распоряжения № 340-р

от 19.10.2017, в котором был утвержден оргкомитет из 32 человек по разработке этого мероприятия. В составе оргкомитета оказались два предпринимателя из Бийска: П. Н. Свиридов (ООО «Алтамар») и Н. А. Фролов (ООО «Пантопроект»).

На совещании 15.11.2017 в Минсельхозе Алтайского края члены оргкомитета активно обсуждали проект программы конгресса, вносили предложения по ее улучшению, взяли на себя выполнение конкретных поручений. Я, например, уже 20.11.2017 разговаривал с оленеводами Дальнего Востока об их участии в конгрессе. Договорились о делегации из пяти человек, которая, кстати, так и не приехала.

Мое участие в республиканском совещании 22.11.2017 по актуальным вопросам развития мараловодства в Республике Алтай организаторами не предполагалось, но затем поступило предложение выступить. Я подготовил доклад, в том числе и предложения по участию мараловодов Республики Алтай в конгрессе. Совещание проводил заместитель министра сельского хозяйства Республики Алтай А. К. Нурсултанов, практически не знающий мараловодство. Основным докладчиком по факту вновь оказался В. М. Мещеряков, директор ООО «ВЭПО АСОХРА», который единственный постоянно анализирует состояние отрасли уже много лет. В частности, он отметил традиционные недостатки в отрасли, которые обозначаются все заметнее, в том числе:

- 1) разобщенность и вредную конкуренцию между собой алтайских мараловодов;
- 2) низкий уровень качества (менее 30 %) алтайских пантов;
- 3) необходимость улучшения кормления маралов, в том числе за счет реконструкции пастбищ;
- 4) необходимость роста потребления пантовой продукции на внутреннем рынке.

В развитии темы выступили председатель СПК «Племенной завод “Теньгинский”» В. Г. Шадрин, директор СПК «Абайский» В. А. Челах и др.

Никаких конкретных решений по итогам совещания, как всегда, принято не было. Был утвержден список из 11 человек — членов оргкомитета по подготовке конгресса во главе с зампредом Правительства Республики Алтай А. П. Манзыровым. Включили в оргкомитет и меня.

Только 03.05.2018 глава Республики Алтай А. В. Бердников подписал письмо губернатору Алтайского края А. Б. Карлину с просьбой включить в мероприятия предстоящего конгресса «участие делегации Республики Алтай...».

Таким образом, разобщенность территорий Алтая и самих мараловодов не позволила организовать подготовку к конгрессу как к площадке, способствующей улучшению дел в отрасли пантового оленеводства. Получилась подготовка большого международного, но мероприятия, а не форума... Это же можно сказать и о содержательной стороне конгресса.

VII Всемирный конгресс оленеводов на Алтае

Журнал «Сельская Сибирь» написал в октябре 2018 г.: «Алтайский край — второй регион страны по численности поголовья маралов. Именно здесь впервые в России 20–25 августа прошел VII Всемирный конгресс оленеводов. Специалисты из 18 стран мира обсудили инновационные технологии в пантовом оленеводстве. На встречу в Белокуриху съехались более 300 человек из 18 стран и 23 субъектов Российской Федерации. Среди гостей были представители из Казахстана, Китая, Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Канады, Мексики, Швеции и других стран» [1].

Первый день VII Всемирного конгресса оленеводов был нетрадиционным — посвящен не официальным заседаниям, а знакомству иностранных гостей с маральниками ООО «Каимское» и ООО «Антарес» Алтайского района. На сайте конгресса была опубликована такая информация:

Во Всемирном конгрессе оленеводов в Алтайском крае одной из многочисленных была делегация Новой Зеландии. Грейхэм Кар, ее представитель, владелец оленеводческого предприятия Peel Forest, рассказал о своих целях участия в мероприятии: «Мы выращиваем благородных оленей, как и большинство ферм в Новой Зеландии, хотя у нас есть и маралы, но их поголовье незначительно. Я приехал в Алтайский край, чтобы посмотреть, что вы делаете с пантами, какие способы переработки используете. Большинство из членов нашей делегации — производители пантов, мы продаем замороженные панты, то есть сырье. Мы приехали, чтобы понять, что происходит в сфере мирового оленеводства, какие научные достижения существуют. Ведь люди у вас покупают панты, потому что они полезны, то есть существует возможность использования добавленной стоимости продукта. С этой точки зрения меня интересуют и конгресс, и доклады. Кстати, сюда мы приехали с симпозиума в Китае, где также обсуждались технологии исследования в области пантопереработки. То, что показали нам здесь, на маральнике “Каимское”, — очень интересно, поэтому я задавал много вопросов. То, что тут делают, — просто здорово! Они освоили полный цикл работы с пантами — от производства до переработки и обслуживания туристов. Они берут от пантов все, а мы пока минимум, но мы хотим научиться большему».

Не сомневаюсь, что иностранных делегатов впечатлило не только посещение маральников, но и знакомство с производством ООО «Вистерра» и игровой зоной «Сибирская монета». Маральники Республики Алтай, к сожалению, показаны не были, хотя там есть что посмотреть даже самым искушенным фермерам.

Размещение, питание и отдых участников форума в гостиницах санаториев г. Белокурихи изначально предполагало хороший уровень их обслуживания. Так и произошло.

Второй день участники начали с посещения выставочной экспозиции производителей продуктов из пантового сырья. У меня, например, от выставки осталось самое хорошее впечатление, хотя места для нее оказалось явно маловато. Ассортимент и оформление продукции в целом у алтайских производителей выглядели достойно.

Затем состоялось пленарное заседание «Инновационные технологии в пантовом оленеводстве». Организаторы обеспечили синхронный перевод выступлений на английский язык. Выступающих было много, но тему, на мой взгляд, достаточно хорошо раскрыть не удалось. Не получилось и обмена мнениями. Зато, как всегда, отлично прошел официальный ужин делегатов конгресса от имени и. о. губернатора Алтайского края В. П. Томенко.

От второго дня конгресса у меня осталось двойственное впечатление: удалась выставка пантовой продукции, выступления же были слишком официальными, традиционными и не особенно интересными. Удивил только директор Департамента животноводства и племенного дела Минсельхоза России Х. А. Амерханов, заявивший, что к 2025 г. поголовье маралов в стране планируется увеличить в 2 раза. Неизвестно, кто подсунул ему такую утопию... Я думаю, что к этому времени количество пантовых оленей, наоборот, заметно снизится, но об этом позже. Осадок от этого дня остался еще и от того, что некоторые мараловоды устроили перепалку, как будто они не на конгрессе, а на производственном совещании в своей конторе.

Странно также было слышать от заместителя директора по научной работе ФГБНУ «Федеральный Алтайский научный центр агробиотехнологий», доктора ветеринарных наук, профессора В. Г. Луницына в его выступлении следующие слова: «В условиях рынка отечественными переработчиками предложены: из пантов порошки различной степени помола, спиртовые и водные экстракты, из крови — сухой пантогематоген (высушенная кровь), с добавлением в которые всевозможных ингредиентов (макро- и микроэлементов, витаминов, глюкозы, трав, меда и т. п.) готовят в настоящее время свыше трехсот наименований БАДов, бальзамов, настоек, чаев, лечебно-косметических средств, рекомендованных при широком спектре недугов человека. Подобные способы переработки малоэффективны, а полученные субстанции низкого качества» [2, с. 43–44].

В. Г. Луницын забыл уточнить, что не только сухую форму пантогематогена, но и кровь самок марала, а также продукты здоровья из мяса марала вывели на рынок не ученые, а отечественные переработчики. При этом вся продукция выпускается в соответствии с требованиями государства.

Субстанция из крови марала, производимая компанией «Пантопроект», например, по всем показателям соответствует фармацевтическому стандарту качества, а пантовые ванны «О-панто» имеют медицинскую

технологии, разрешающую применение ванн в лечебной практике. Сегодня почти 100 санаториев страны используют их в лечении больных.

За заявлением профессора стоит не объективное мнение специалиста, а что-то личное.

Следует отметить, что ученые «Федерального Алтайского научного центра агробιοтехнологий» особого участия в подготовке конгресса не принимали, им было не до этого. Даже сборник статей не смогли подготовить...

Заметное впечатление в этот день оставило выступление директора ВЭПО «АСОХРА» В. М. Мещерякова, который говорил, как всегда, конкретно и откровенно: «К сожалению, далеко не все участники российского пантового рынка, в том числе и в Алтайском регионе, стремятся к выпуску конкурентоспособной продукции. Производственные показатели последних лет говорят об отрицательных тенденциях в оленеводстве. Это большой падеж животных, низкая продуктивность рогачей и маралух, неудовлетворительная селекционная работа, слабая зооветеринарная служба, громадный износ мараловодческих ограждений, невозможность увеличения парков для пастбы маралов за счет новых земельных угодий, низкая стоимость пантовой продукции, отсутствие внутреннего пантового рынка, отсутствие желания у мараловодческих хозяйств работать лучше. В большинстве хозяйств республики нарушается элементарная технология содержания и кормления маралов» [2].

В качестве возможности работать на уровне требований мирового рынка пантов он привел пример, когда возглавляемая им ВЭПО «АСОХРА» приобрела обанкротившееся хозяйство и в 2006 г. запустили собственное производство пантов в созданном ООО «Марал-Толусома». Активно выкупили у пайщиков землю и получили 240 га земли для производства сочных кормов, провели ревизию поголовья и закупили продуктивных маралов и перспективный молодняк, внедрили кормление животных по полноценным зоотехническим нормам и т. д.

Уже в 2015 г. предприятие получило статус племенного завода. К этому времени завершили работы по электронному чипированию всего поголовья маралов и систематизировали сведения о животных с 1999 г., что позволяет теперь вести как полный учет, так и аналитическую работу по состоянию стада в целом.

В 2016 г. ввели новый парк емкостью 140 га, а в 2018 г. еще один парк на 250 га. В основном решена проблема с кормами, но работы по улучшению их качества активно продолжаются.

В результате в 2018 г. получено 6598 кг пантов, а продуктивность рогача составила в среднем 8,3 кг при средней по Республике Алтай 5,1 кг. Продуктивность перворожек составила в 2018 г. 4,1 кг при средних показателях по Алтаю 1,9 кг.

Общее поголовье с 2014 по 2018 г. выросло на 20,3 %. Ежегодный выход телят на 100 маралух составляет 80–94 %. В результате рентабельность производства пантовой продукции, например, в 2017 г. составила 86 % [1].

Из выступления В. М. Мещерякова следовало, что потенциал у алтайских мараловодов огромный, но как его реализовать — это сложнейшая проблема.

На третий день конгресса состоялась Международная научно-практическая конференция «Актуальные задачи развития мирового рынка продукции пантового оленеводства в интересах укрепления здоровья человечества». На этой конференции с докладами выступили известные эксперты-ученые:

1. Смирнова Ирина Николаевна, доктор медицинских наук, сотрудник НИИ курортологии и физиотерапии, г. Томск (ФМБА), — «Перспективные направления использования продукции пантового оленеводства в клинической практике».

2. Шакула Александр Васильевич, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник «Национального медицинского исследовательского центра реабилитации и курортологии Минздрава России», — «Пантолечение в комплексной реабилитации пациентов с неинфекционными хроническими гепатитами».

3. Кудрявский Сергей Иванович, доктор медицинских наук, профессор, директор санатория «Центросоюз РФ», — «Перспективы и опыт применения пантовых препаратов в санаторно-курортном комплексе Алтайского края».

4. Жариков Александр Юрьевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе Алтайского государственного медицинского университета Минздрава России, — «Перспективы применения продуктов пантового оленеводства в реализации программы “Мужское здоровье”».

5. Шелепов Виктор Григорьевич, доктор сельскохозяйственных наук, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией функционального питания «Сибирского федерального научного центра агробιοтехнологий» РАН, — «Применение растительных полисахаридов в производстве новых препаратов из продукции мараловодства».

6. Лампатов Вячеслав Витальевич, доктор биологических наук, директор НИИ биологической медицины Алтайского государственного университета, — «Состав и стандартизация пантовой продукции как вектор фармакологической активности».

7. Фролов Николай Алексеевич, кандидат экономических наук, ООО «Пантопроект», — «Еще раз о необходимости и перспективности развития отечественного рынка продукции из пантового сырья».

8. Баташов Евгений Сергеевич, кандидат биологических наук, руководитель центра по развитию ЗАО «Алтайвитамины», — «Обновленная продукция пантового оленеводства серии “Марал” как перспективный бренд современного российского рынка».

Интересными были сообщения и других участников конференции. В рамках этого мероприятия ООО «Пантопроект» презентовал участникам две книги:

– «История и перспективы развития отечественного рынка пантовой продукции» (Н. А. Фролов, Бийск, 2018 г.);

– «Пантовое оленеводство Алтая после 1917 года» (Н. А. Фролов, Бийск, 2018 г.).

Администрация Алтайского края подарила участникам конгресса книгу «Живое золото Алтая» (Барнаул, 2016 г.).

В конце этого дня участники конгресса проголосовали за итоговую резолюцию, которую я процитирую полностью, так как она не попала в сборник материалов VII Всемирного конгресса оленеводов.

ИТОГОВАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ

VII Всемирного конгресса оленеводов

20–25 августа 2018 г.

г. Белокуриха

Принята участниками конгресса: ведущими отечественными и зарубежными учеными, специалистами в области пантового оленеводства, переработки сырья пантового оленеводства и здравоохранения стран — участников ЕвразЭС и Юго-Восточной Азии, представителями законодательной власти Российской Федерации (Государственной Думы Российской Федерации) и федеральных органов исполнительной власти (Министерства сельского хозяйства Российской Федерации), органов исполнительной власти Алтайского края и других регионов Российской Федерации.

Участниками конгресса стали представители 18 стран, 23 субъектов Российской Федерации, общее количество составило более 300 человек.

Основной целью конгресса стал обмен опытом и представление передовых разработок по вопросам разведения и содержания маралов, увеличения пантовой продуктивности, а также переработки продукции пантового оленеводства для получения высокоценных, экологически безопасных биологически активных препаратов.

Заслушав доклады и обсудив основные вопросы международного сотрудничества сельхозтоваропроизводителей, переработчиков сырья пантового оленеводства и научного сообщества на пленарном заседании «Инновационные технологии в пантовом оленеводстве» и Международ-

ной научно-практической конференции «Актуальные задачи развития мирового рынка продукции пантового оленеводства в интересах укрепления здоровья человечества», было отмечено, что:

- развитие пантового оленеводства, переработка и широкое использование продукции является одним из перспективных факторов сохранения здоровья человека;

- сотрудничество производителей пищевой продукции и фармпрепаратов, научных коллективов и сельхозтоваропроизводителей способствует эффективному ведению отрасли, увеличению производства качественной и конкурентоспособной продукции пантового оленеводства;

- активное развитие отечественного рынка пантовой продукции невозможно без согласованных действий сельхозтоваропроизводителей, переработчиков, ученых, врачей и провизоров, контролирующих учреждений и органов власти.

Участники конгресса определили общие направления в реализации практических задач по развитию отрасли пантового оленеводства и переработки сырья пантового оленеводства:

- сохранение существующих и разработка новых мер государственной поддержки пантового оленеводства и переработки сырья пантового оленеводства в Российской Федерации для обеспечения их успешного развития:

- а) рассмотреть возможность увеличения ставки субсидирования за одну голову марала до 14 тыс. рублей;

- б) вынести на обсуждение создание федеральной концепции развития пантового оленеводства. Для этого создать рабочую группу по разработке дорожной карты развития пантового оленеводства в заинтересованных регионах Российской Федерации. Предложения будут сведены Министерством сельского хозяйства России в единую концепцию, которая в рамках единой субсидии государственной программы найдет свое отражение в виде компенсации части затрат на 1 кг реализованных пантов;

- внедрение современных методов воспроизводства стада маралов, улучшение кормовой базы предприятий, занимающихся пантовым оленеводством, с целью повышения эффективности ведения отрасли;

- объединение предприятий, занимающихся пантовым оленеводством, в кооперативные объединения с целью создания современных перерабатывающих производственных мощностей, обеспечивающих выпуск конкурентоспособной продукции;

- внедрение современных биотехнологических методов в переработку сырья пантового оленеводства;

- информирование населения о результатах и перспективах применения продукции на основе сырья пантового оленеводства с целью оздоровления.

С целью максимально эффективного использования сырья пантового оленеводства в интересах укрепления здоровья нации необходимо:

- применение инновационных научных разработок, особенно в области восстановительной медицины и профилактических мероприятий;

- использование продуктов пантового оленеводства и его переработки, произведенных с учетом требований международного законодательства, в подготовке спортсменов всех уровней и работников профессий с тяжелыми условиями труда;

- необходимость научного сопровождения разработок современных препаратов для отдельных категорий граждан, в том числе способствующих активному долголетию, внедрению технологий пантолечения в санаторно-курортную практику единым федеральным органом. В этой связи обратиться к руководству Федерального медико-биологического агентства Министерства здравоохранения Российской Федерации с просьбой изучить возможности научного сопровождения исследований;

- проводить всемирные конгрессы оленеводов с периодичностью раз в два года;

- провести VIII Всемирный конгресс оленеводов в 2020 г. в Словакии;

- провести IX Всемирный конгресс оленеводов в 2022 г. в Республике Алтай Российской Федерации.

Совершенно очевидно, что резолюция в целом соответствует не VII Всемирному конгрессу оленеводов, а обычному краевому отраслевому совещанию.

В последний день конгресса участники посещали предприятия г. Бийска и познакомились с исторической частью города. В ООО «Пантопроект» иностранные гости внимательно изучили экспозицию «Музея алтайского марала», попробовали напитки и приобрели продукцию предприятия на основе пантового сырья. Скорее всего, у них осталось хорошее впечатление от знакомства с городами Бийском и Белокурихой и с Алтаем в целом.

Нет сомнений, что VII Всемирный конгресс оленеводов на Алтае состоялся. Мои знакомые, побывавшие на аналогичных конгрессах в Китае и Казахстане, утверждают, что там организация оказалась слабее. Удачно были выбраны место и время проведения. Санатории г. Белокурихи соответствуют самым взыскательным требованиям размещения и питания гостей. Организация перевода, выставка готовой продукции, презентация трех книг, посещение маралоферм, предприятий переработки и «Музея алтайского марала» — это все вместе оставило хорошее впечатление. Несколько слабее получилась содержательная часть конгресса. Заметно было, что алтайские мараловоды приехали не как организаторы конгресса, а как гости — на все готовое. Это несколько ослабило впечатление и эффект от проведения мероприятия.

Конгресс состоялся, а что дальше?

Перспективы дальнейшего развития пантового оленеводства и отечественного рынка пантовой продукции на Алтае

Этот текст я начал писать в сентябре 2021 г., а заканчиваю в марте-апреле 2022 г. После конгресса прошло три с половиной года. Третий год в мире и в России в том числе не прекращается эпидемия COVID. Деловая жизнь заметно изменилась.

До минимума сведены встречи, совещания, конференции. В условиях тотальной борьбы с пандемией на неопределенное время отложена реализация итоговой резолюции VII Всемирного конгресса оленеводов:

- не рассмотрена в Минсельхозе России возможность увеличения ставки субсидирования за одну голову марала до 14 тыс. рублей;
- не подготовлена к обсуждению на федеральном уровне концепция дальнейшего развития пантового оленеводства России;
- ФМБА не взяло на себя общее кураторство над переработкой и производством готовой продукции из пантового сырья;
- не проводился в Словении очередной VIII конгресс оленеводов, назначенный на 2020 г.

Почти не проводятся на Алтае мероприятия, поддерживающие интерес общества к продукции отечественных переработчиков пантового сырья.

Постепенно стирается информация о том, какое место занимает пантовое оленеводство России на мировом рынке, а ведь именно это обстоятельство и должно определять стратегию развития этой отрасли на Алтае.

В 2005 г. В. Г. Луницын, директор ВНИИПО, в статье «Мировой рынок пантовой продукции» анализировал состояние пантового оленеводства в основных странах — производителях и покупателях пантовой продукции (табл. 1). На первый взгляд, цифры устаревшие, однако это не совсем так. На современном устоявшемся пантовом рынке и сейчас эти данные в целом близки к реальности.

Таблица 1

Мировой рынок пантовой продукции [3, с. 5–7]

Показатели \ Страны	Новая Зеландия	Китай	Южная Корея	Австралия	Канада	Россия
1. Кол-во ферм	4500	н/д	9200	400	н/д	184
2. поголовье пантовых оленей (тыс. голов)	2300	700	204	200	100	84
3. Кол-во пантов в сыром виде (т)	450–530	200	111	28	н/д	123

Показатели \ Страны	Новая Зеландия	Китай	Южная Корея	Австралия	Канада	Россия
4. Кол-во заводов по консервации пантов	20	н/д	н/д	н/д	н/д	–
5. Основные страны — покупатели пантов (%):						
– Южная Корея	45		100	98		95
– Гонконг	30					
– Китай	17					
– Тайвань	4					
– США	4					

Из табл. 1 следует, что средняя оленеводческая ферма по поголовью в разных странах выглядит следующим образом:

- Новая Зеландия — 510;
- Китай — 30–40;
- Южная Корея — 20–30;
- Австралия — 500;
- Россия — 460 оленей.

По этому показателю наиболее близко стоят оленеводы Новой Зеландии и России. Эти две страны нам наиболее интересны, так как первая задает тон в развитии мирового пантового рынка в целом, а вторая — Россия — устойчиво придерживается старых традиций в развитии отрасли на принципах ремесленно-промышленного производства и содержания маралов в условиях, максимально приближенных к естественной среде обитания этих животных.

Крупнейший производитель пантовой продукции в мире (80 %) Новая Зеландия, например, отмечает, что 2020 г. для ее оленеводов стал очередным крупнейшим кризисом после 1998 г.:

- резко сократились продажи оленьины в целом и особенно в ресторанах;
- с марта 2020 г. заметно ухудшились возможности логистики продвижения пантовой продукции;
- в Новой Зеландии появились новые требования к фермерам-оленеводам по использованию пресной воды (для полива пастбищ. — *Н. Ф.*) и выделению парниковых газов, которые будут введены к 2025 г.;
- возникали проблемы у оленеводов из-за засухи, наводнений и туберкулеза животных.

Общее производство оленины, тем не менее, в стране выросло в 2020 г. на 8,2 % за счет поголовья и увеличения веса туши, однако объем экспорта сократился в тоннах на 2 % и в стоимостном выражении на 19 % (табл. 2).

Таблица 2

Объем экспорта новозеландской оленины в 2019–2020 гг.

Страны	Германия	США	Китай	Бельгия	Нидерланды	Великобритания	Швейцария
Объем (тыс. т)	около 2500	3000	1500	1000	1000	около 1000	500

Главным покупателем стала Германия с объемом 3291 т (28,5 %). Вторым рынком оказались США — 2534 т на 31,1 млн долларов США.

С Китаем возникли проблемы импорта оленины из-за неясного статуса мяса (мясо дичи — ?). При этом три новозеландские перерабатывающие компании продолжали активно осваивать китайский рынок оленины. Объем их экспорта в Китай составил 200 т в 2018–2019 гг. и более 1000 т в 2019–2020 гг.

Для Китая новозеландцы создали веб-сайт и вместе с шестью китайскими поварами разрабатывали новые рецепты продуктов из новозеландской оленины для китайских потребителей. Однако все это пока не позволило им сделать китайский рынок основным по сбыту оленины (табл. 3).

Таблица 3

Экспорт оленины из Новой Зеландии в 2019–2020 гг.

Страны	Германия	США	Китай	Бельгия	Нидерланды	Великобритания	Швейцария
Объем (млн долл. США)	около 40	35	около 20	около 15	15	около 8	около 7,5

Российскому мараловоду будет интересно знать, что производство новозеландских пантов составило следующие объемы:

- 2018–2019 гг. — 803 т;
- 2019–2020 гг. — 840 т.

В то же время цена одного килограмма новозеландского панта изменилась таким образом:

- 2018–2019 гг. — 132,5 долл. США;
- 2019–2020 гг. — 120,0 долл. США.

Таблица 4

Объем производства пантов в Новой Зеландии в 2008–2020 гг.

Годы	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018	2018/ 2019	2019/ 2020
Объем (млн долл. США)	около 20	40	40	около 40	около 40	около 50	около 60	около 70	около 60	около 90	около 100	100

Новозеландские продавцы пантов поставляют в Южную Корею 2/3 своих объемов и постоянно борются за укрепление своих ценовых позиций в этой стране. С 20.12.2015 между странами действует соглашение о свободной торговле.

Ввозная пошлина на замороженные панты в Южную Корею составляет 12 % (с ежегодным снижением на 1,3 % до нуля) для новозеландских экспортеров и 20 % для экспортеров других стран.

В условиях пандемии новозеландские фермеры активно участвуют в интернет-семинарах по обмену опытом. 28 передовых групп встречались в течение года с обменными визитами, проведена серия семинаров по проблемам паразитов у оленей и т. д.

Новая Зеландия в 2019–2020 гг. благодаря рекламе смогла внедрить на южнокорейский рынок еще 20 пантовых продуктов для здорового питания. Особенно настойчиво эта страна стремится проникать на рынок здорового питания Китая, объем которого измеряется 66 млрд новозеландских долларов, где пантовые продукты пока составляют 9–11 млрд новозеландских долларов. Правила ввоза пантовой продукции в Китай изменчивы, и новозеландцы стремятся организовать выращивание оленины непосредственно в Китае. А что же Россия?

В России после резкого падения курса рубля к доллару США в 2014 г. экономическая ситуация у мараловодов Алтай заметно улучшилась. Цены на панты относительно высокие и стабильные уже несколько лет (табл. 5).

Таблица 5

Данные независимых экспертов цены на панты алтайских маралов

Год	Показатель	Цена за кг готовых пантов (долл. США)	
		Эксперт № 1	Эксперт № 2
2018		340–380	250–310
2019		380–390	280–330
2020		340–350	280–330
2021		360–380	330–360

В любом случае уже несколько лет держится вполне высокая и устойчивая цена на консервированные панты, особенно с учетом высокой рублевой стоимости доллара.

Для сравнения приведу цены на панты по данным АСОХРА в 2005–2014 гг. (табл. 6).

Таблица 6

Средняя цена реализации пантов на экспорт в 2005–2014 гг.

Год	Цена за кг пантов (долл. США)	Год	Цена за кг пантов (долл. США)
2005	220	2010	226
2006	240	2011	280
2007	320	2012	277
2008	170	2013	307
2009	190	2014	375

Следует отметить, что заметно укрепившееся финансовое положение основной части мараловодческих хозяйств Алтай нового всплеска у предпринимателей к расширению и приобретению этого бизнеса пока не вызвало и даже наоборот.

Еще в 2015 г. В. М. Мещеряков в своем отчетном годовом докладе на собрании АСОХРА обращал внимание, что из 80 мараловодческих хозяйств Республики Алтай динамичное развитие наблюдается всего в пяти хозяйствах: СПК «Племзавод “Теньгинский”», ООО «Марал-Толусома», ООО «Сарат», ЗАО «Мораум», к/х Карякино. Спустя семь лет, по мнению В. М. Мещерякова, ничего не изменилось.

В чем же причины того, что пантовое оленеводство на Алтае уже несколько лет в целом не развивается дальше и даже снижает свою численность?

Правильно ответить на этот вопрос — задача очень сложная, ответственная и требует коллективной проработки и согласованной позиции всех заинтересованных участников, имеющих прямое и опосредованное отношение к пантовому оленеводству. Я же могу себе позволить высказать только личное мнение, которое формируется в результате многочисленных бесед с мараловодами и собственных наблюдений.

В основе анализа должно лежать понимание того, что пантовое оленеводство на Алтае исторически развивается по принципу максимального приближения парковых оленей к естественной среде их обитания. Несмотря на обширность предгорий Алтая, удобных мест для строительства маральников не так уж и много, и все они практически заняты.

Строительство маральника на 2,0–2,5 тыс. голов «с нуля» уже практически невозможно. Распределение природного ресурса под маральники в основном закончилось 20 лет назад. На маральник в 2,0–2,5 тыс. голов потребуется только пастбищ 3–4 тыс. га, а еще нужны и пахотные земли, так как почти полгода оленей необходимо кормить заранее приготовленными кормами.

Более того, в течение 10–15 лет после приватизации наиболее крупных маралохозяйств большинство из них лишились до 50 % пахотных земель и пастбищ вследствие выхода из хозяйств пайщиков. Один из самых успешных маральников, например, из 1200 га пашни смог сохранить за собой только 450 га земли и до 30 % кормов вынужден закупать в Алтайском крае. Процесс передела пахотных земель у маралохозяйств пока не закончился.

Еще в 1990 г. ученые В. С. Галкин и И. А. Паламарчук отмечали, что ботанический состав травостоев в парках резко ухудшается. Остаются слабо поедаемые, в том числе ядовитые, растения. Исчезают иван-чай, марьин корень и многие другие любимые маралами растения. На этих пастбищах олени проводят более полугода. Летом 2011 г. владелец одного из передовых маральников, чьим мнением я очень дорожу, говорил, что у них маралы «откармливаются» зимой, а летом «тощают» на изношенных летних пастбищах.

Развитие кормовой базы мараловодства Алтая за счет пригораживания новых территорий в целом ушло в прошлое, в том числе из-за цены такого способа расширения парковых территорий.

Попытки поиска новых решений ведутся. Кто-то оптимизирует закупку кормов, кто-то арендует пахотные земли у соседей. Несколько лет назад отдельные крупные маралохозяйства стали внедрять новую технологию производства сенажа в упаковке, но для ряда из них она оказалась «не по зубам», так как требует высокой технологической дисциплины и соответствующего уровня организации производства.

Таким образом, пока никаких прорывных решений в развитии кормовой базы пантового оленеводства не появилось, а ведь от условий пастбищного содержания животных, от обилия и качества кормов в целом в основном зависит воспроизводство стада, количество и качество пантовой продукции.

Несмотря на давно доказанное утверждение, что культурные пастбища увеличивают кормовую базу в 2–3 раза и, следовательно, требуют в 2 раза меньше крайне дорогой изгороди, практическая работа в отрасли в целом в этом направлении находится на низком уровне.

Основной актив пантового оленеводства — земля — находится в состоянии простого воспроизводства и не обеспечивает пока устойчивое развитие отрасли.

Следующим по значимости активом в пантовом оленеводстве является человеческий ресурс, начиная с владельцев маралохозяйств и заканчивая бригадирами и рядовыми мараловодами.

Все владельцы маралохозяйств на Алтае делятся на две условные группы: выросшие внутри хозяйства и пришедшие со стороны в надежде на высокие доходы от продажи пантов. Последние в большинстве своем со временем разочаровались в своем решении и стремятся выйти из этого бизнеса, но спрос на него очень маленький.

В первой же подгруппе объективно идет обновление, связанное со старением владельцев, которые в 1990-е гг. 40-летними создали свои хозяйства и теперь, когда им уже за 70 лет, хотели бы продать (передать по наследству) бизнес, а сделать это зачастую без крупных потерь в активах невозможно. Такие маралохозяйства существуют иногда более 10 лет без серьезных вложений в их качественное развитие.

По словам старейшего мараловеда Алтая В. М. Мещерякова, в отрасли всегда присутствовала заметная прослойка руководителей хозяйств, живущих по принципу «а мне хватает».

Известный знаток российского крестьянства А. Н. Энгельгардт еще в 1880-х гг. очень точно подметил, что только 10 % крестьянских хозяйств умеют жить «в загад», т. е. не только усердно работать, но и прогнозировать работу наперед и, что очень важно, любить свою работу, любить землю. Еще примерно 10 % крестьянских хозяйств ни при каких условиях хозяйничать не могут, землю не любят, но зачастую являются хорошими работниками, отличными охотниками или рыбаками. Остальные 80 % хозяйств стремятся работать как все, т. е. чужим умом [4, с. 282].

Рискну предположить, что такое положение дел с некоторой натяжкой характерно и для мараловодов-предпринимателей в настоящее время.

Я знаю лично почти всех мараловодов из этих 10 %, умеющих жить «в загад», часто беседую и советуясь с ними и слышу, что им не выгодно, когда в отрасли существуют много маральников с низкими показателями в производстве и, как результат, относительно плохим качеством пантов. Наличие таких хозяйств сбивает общую экспортную цену в отрасли на панты!

Вся проблема в том, что эта условная «десятка» маралохозяйств постоянно и скрыто не ладит между собой. Лидеры хозяйств скептически, если не хуже, относятся друг к другу и никакой общей политики развития отрасли выработать не способны. Например, многочисленные совещания руководителей маралохозяйств в Правительстве Республики Алтай по ценообразованию ни разу не принесли каких-либо результатов.

Общие подходы к развитию маралохозяйств эта «десятка» другим не демонстрирует и даже разбивает последние на своих и чужих.

Никакого положительного влияния на другие маралохозяйства в отрасли это не оказывает, скорее, наоборот.

Еще 15 лет назад можно было рассчитывать, что изменить ситуацию смогут органы управления Республики Алтай, которые всегда так или иначе стремились контролировать состояние дел в отрасли. Теперь никаких надежд на это нет. И дело не только в продолжающейся пандемии, против которой объективно направлены усилия государственной власти. В нынешних органах управления уже давно нет специалистов, понимающих роль и место пантового оленеводства на Алтае.

В Алтайском крае отрасль еще с 1990-х гг. была отдана «на откуп» ВНИИПО во главе с директором института В. Г. Луницыным. Последние десятилетия ВНИИПО активно стремился зарабатывать деньги. Сначала было потеряно опытное маралохозяйство в с. Солоновка. Затем институт продал своих маралов хозяйству в с. Сентелек. Наконец, три года назад институт стал обычным отделом в Федеральном Алтайском научном центре агробиотехнологий.

Формально этому центру пока принадлежат два хозяйства с маралами — в с. Черга и с. Сентелек, но уже сейчас очевидно, что центр не справится с их управлением. Если еще пять лет назад ВНИИПО и маралохозяйства Алтая имели хотя бы формальные отношения, то теперь исчезает сама основа, чтобы можно было изменить ситуацию к лучшему.

Таким образом, в ближайшие три-пять лет мараловодческим хозяйствам Алтая кроме как на самих себя надеяться не на кого. Всем придется сосредоточиться на решении своих внутренних вопросов. Может быть, в этом и состоит шанс дальнейшего существования и развития этой уникальной отрасли народного хозяйства Алтая. Посмотрим...

Библиографический список

1. Журнал «Сельская Сибирь». — 2018. — № 4.
2. VII Всемирный конгресс оленоводов : сборник материалов. — Барнаул, 2018.
3. Луницын В. Г. Мировой рынок пантовой продукции // Проблемы пантового оленеводства. — Барнаул, 2005.
4. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. — СПб., 1999.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мой интерес к пантовому оленеводству начал проявляться в конце 1991 г. совершенно случайно.

В 1992–1994 гг., как предприниматель, я начал сотрудничать с марало-совхозами: оказывал услуги в их инвестиционной деятельности и помогал в приватизации.

В 1995 г. мною был подготовлен подробный бизнес-план по созданию предприятия в г. Бийске по производству продукции из пантового сырья. Затем я два года активно участвовал в реализации этого бизнес-плана: знакомился с мараловодами Алтая, устанавливал условные контакты с учеными-медиками Томска и Новосибирска, искал выходы на возможных потребителей пантовой продукции.

С 1998 г. я стал самостоятельно и целенаправленно заниматься продвижением проекта глубокой переработки пантового сырья, который получил название «Пантопроект»: создавал производство в г. Бийске и с. Верхний Уймон (недалеко от маральника), формировал производственную команду, организовывал многочисленные клинические исследования пантовых субстанций, придумывал готовые препараты и продвигал их на отечественный рынок. При этом я ни разу не пользовался заемными деньгами и ни разу за 25 лет руководства проектом не срывал зарплату своим коллегам-сотрудникам.

Много времени приходилось заниматься сбором литературных и научных данных о народной медицине Китая, в которой пантовый олень тысячами считается целебным зверем, изучать материалы по исследованию свойств пантового сырья ученых советского периода, тесно общаться с учеными ВНИИПО, советоваться с учеными-медиками санаториев и т. д.

Сбор многочисленных материалов по пантовому рынку вообще завершился в начале 2006 г. защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Повышение эффективности развития пантового оленеводства (на материалах хозяйств пантового оленеводства Республики Алтай)». Все это приходилось делать без отрыва от производства в основном на энтузиазме и честолубии.

Исследовательская работа в области экономики и истории пантового оленеводства быстро стала моим образом жизни, которому я уделял все свое время без остатка.

Публикации материалов не составляли особого труда, так как установились многолетние дружеские отношения с издателем В. Б. Малаховым, а средства на финансирование книг я всегда зарабатывал сам.

Исследовательская работа требует огромной внутренней мотивации, так как осуществляется не ради заработка. В моем случае это является способом

самообразования, во-первых, и способом самореализации, во-вторых. Очень важно, что тебя поддерживает семья. Мне в этом смысле очень повезло!

Таким образом, по теме «Пантопроект» за 20 лет моей деятельности было написано 30 работ и десятки статей для журналов (см. приложение).

Казалось бы, немало, но я отчетливо понимаю, что реализована только очень скромная попытка заглянуть в историю развития одной из уникальных отраслей народного хозяйства нашей страны, познакомиться с удивительными по красоте отношения к профессии людьми, извлечь из небытия трагические судьбы незаслуженно забытых моих земляков с Алтая.

Не мне судить, что получилось в результате, но я старался, как мог, и делал свою работу «от чистого сердца и без коммерческого умысла».

**Список работ Н. А. Фролова по истории и экономике
пантового оленеводства,
опубликованных в рамках программы «Пантопроект»**

1. Фролов Н. А. Пантогематоген: прошлое и настоящее. — Бийск, 2004. — 41 с.
2. Фролов Н. А. Повышение эффективности развития пантового оленеводства Республики Алтай : монография. — Барнаул, 2005. — 145 с.
3. Луницын В. Г., Фролов Н. А. Продукция пантового оленеводства (способы консервации, переработка, использование) : монография. — Барнаул, 2006. — 270 с.
4. Луницын В. Г., Донченко А. С., Огнёв С. И., Фролов Н. А. Пантовое оленеводство и болезни оленей : учебное пособие. — Барнаул, 2007. — 415 с.
5. Фролов Н. А., Луницын В. Г. Пантовые препараты (приоритет в сфере инноваций в пантовом оленеводстве). — Барнаул, 2007. — 110 с.
6. Фролов Н. А. У истоков пантового оленеводства России: экономический очерк. — Барнаул, 2009. — 118 с.
7. Фролов Н. А. Дело Силантьева: экономическое расследование развития мараловодства на Алтае в конце XIX века. — Барнаул, 2011. — 43 с.
8. Фролов Н. А. Алексей Степанович Попов. Экономическое расследование судьбы крупнейшего мараловода дореволюционного Алтая. — Барнаул, 2012. — 59 с.
9. Фролов Н. А. Целебные силы марала : монография. — Барнаул, 2012. — 134 с.
10. Фролов Н. А. У истоков пантового оленеводства России. — Барнаул, 2014. — 327 с.
11. Из истории исследования и развития мараловодства на Алтае. XVIII — начало XX в. : сборник документов. — Барнаул, 2014. — 223 с. (Фролов Н. А. — автор идеи, спонсор и один из пяти составителей сборника).
12. Фролов Н. А. Социально-экономический портрет мараловодов дореволюционного Алтая. — Бийск, 2015. — 211 с.
13. Фролов Н. А. ФГУП «Новоталицкое»: прошлое и настоящее. — Бийск, 2015. — 43 с.
14. Живое золото Алтая. — Барнаул, 2016. — 288 с. (Фролов Н. А. — член коллектива составителей книги).
15. Фролов Н. А. Наследники абайских мараловодов. — Бийск, 2016. — 82 с.
16. Фролов Н. А. История пантового оленеводства с Шебалино в 1917–2015 гг. — Бийск, 2016. — 75 с.
17. Фролов Н. А. История и перспективы развития отечественного рынка пантовой продукции. — Бийск, 2018. — 94 с.

18. Фролов Н. А. Пантовое оленеводство Алтай после 1917 г. — Бийск, 2018. — 535 с.
19. Фролов Н. А. Уймонские мараловоды. — Бийск, 2019. — 58 с.
20. Фролов Н. А. История мараловодства Теньги. — Бийск, 2019. — 53 с.
21. Фролов Н. А. Дело Копыловых. — Бийск, 2020. — 66 с.
22. Из истории развития мараловодства на Алтае. XX век. : сборник документов. — Барнаул, 2022. (Фролов Н. А. — научный руководитель, спонсор издания, член коллектива составителей).
23. Фролов Н. А. Мараловодство Алтай вчера и сегодня. — Барнаул, 2022.
24. Фролов Н. А. (сост.) Сборник методических материалов по применению «Пантогематогена сухого» в лечебной практике. — Бийск, 2005. — 40 с.
25. Экономическая эффективность пантового оленеводства и способы ее повышения : научно-методические рекомендации / сост. Н. А. Фролов, В. Г. Луницын. — Барнаул, 2005. — 67 с.
26. Фролов Н. А. Повышение эффективности развития пантового оленеводства (на материалах хозяйств пантового оленеводства Республики Алтай) : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. — Барнаул, 2006.
27. Методические рекомендации по исчислению экономической эффективности пантового оленеводства / сост. Н. А. Фролов, Л. А. Четошникова. — Барнаул, 2007. — 44 с.
28. Методические подходы оценки социально-экономического эффекта глубокой переработки сырья в пантовом оленеводстве / сост. Н. А. Фролов, В. Г. Луницын. — Барнаул, 2009. — 35 с.
29. Гриднева Т. Д., Фролов Н. А., Шакула А. В. Медицинская технология «Бальнеотерапия с применением композиции “О-панто” в профилактике астеновегетативных нарушений». — Москва, 2010. — 13 с.
30. Козлов Б. И., Фролов Н. А. Лечебно-профилактическое использование пантовых препаратов при соматоформной патологии. — Барнаул, 2016. — 66 с.

Содержание

От автора.....	3
1. МАРАЛОВОДСТВО АЛТАЯ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.....	5
1.1 Уймонские мараловоды.....	6
1.2 История мараловодства Теньги	62
1.3 Бийский торговец пантами Павел Андреевич Копылов.....	111
1.4 Онгудайский предприниматель-мараловод Григорий Акинфович Варвинский	147
1.5 Улаганские мараловоды Юлуковы	157
2. ЭКСПЕДИЦИИ ПО МЕСТАМ ПАНТОВОГО ОЛЕНЕВОДСТВА.....	163
2.1 Семь дней в Приморье.....	164
2.2 Поездка в Южную Корею и мировой рынок пантов	185
2.3 Один день в Туве.....	199
2.4 Мои «экспедиции» к В. С. Галкину.....	209
3. АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О ПАНТОВОМ ОЛЕНЕВОДСТВЕ.....	215
3.1 Роль фактора власти в развитии пантового оленеводства на Алтае	216
3.2. Хроника событий развития пантового оленеводства и переработки пантового сырья на Алтае после 1917 г.....	233
3.3 Запоздалые размышления об итогах VII Всемирного конгресса на Алтае	272
Заключение	290
<i>Приложение. Список работ Н. А. Фролова по истории и экономике пантового оленеводства, опубликованных в рамках программы «Пантопроект»</i>	<i>292</i>

Николай Алексеевич Фролов

**Мараловодство Алтая:
вчера и сегодня**

Редактор
Е. М. Федяева

Подготовка оригинал-макета
А. А. Карпов

*В оформлении обложки использована гравюра А. М. Ананьина
«По Горному Алтаю. Срезка пантов». 1980 г.*

Подписано в печать 25.04.2022.
Формат 60X84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 18,56. Тираж 100 экз. Заказ № 131.

ООО «Ренд»,
656064, г. Барнаул, ул. Бабуркина, 12–108.